

Министерство образования и науки Российской Федерации
Московская государственная юридическая академия

О.В. Петров

РИТОРИКА

УЧЕБНИК

• ПРОСПЕКТ •

3.72.73
17-30

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МОСКОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

О.В. Петров

РИТОРИКА

УЧЕБНИК

Допущено УМО по юридическому образованию вузов Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция»

и/до

193061.

• ПРОСПЕКТ •

МОСКВА
2006

УДК 808.5(075.8)

ББК 83.7я73

ПЗ0

Рецензент:

кандидат философских наук, доцент **В. А. Кириллова.**

Петров О. В.

Риторика : учеб. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 424 с.

ISBN 5-482-00346-9

Эта книга – учебник, но для тех, кто хочет чего-то добиться в жизни, она – увлекательный самоучитель. С ее помощью, без лишних усилий, каждый может овладеть искусством говорить просто, ясно и убедительно.

Назначение книги – научить осознанно использовать риторические приемы в различных ситуациях. Здесь рассмотрены все традиционные разделы ораторского искусства и все аспекты подготовки к выступлению. Части курса риторики изложены в доступной форме и иллюстрированы примерами. Каждый параграф учебника завершает резюме. Тут же даны практические задания, позволяющие творчески усваивать материал.

Для студентов юридических учебных заведений, юристов-практиков, а также желающих научиться говорить просто и убедительно.

УДК 808.5(075.8)

ББК 83.7я73

Учебное издание

Петров Олег Витальевич

РИТОРИКА

Учебник

Подписано в печать 01.09.05. Формат 60×90^{1/16}.

Печать офсетная. Печ. л. 26,5. Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 3038.

ООО «ТК Велби»

107120, г. Москва, Хлебников пер., д. 7, стр. 2.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ISBN 5-482-00346-9

© О. В. Петров, 2006

© ООО «Издательство Проспект», 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время термин «риторика» не имеет однозначного толкования. Этимология слова не вызывает сомнений. В переводе с древнегреческого «риторика» [rhētorikē] означает **теория красноречия**. Наиболее последовательно концепцию теоретической философской риторики излагал Аристотель, считавший целью данной области знаний разработку *«возможных способов убеждения относительно каждого данного предмета»*.

Параллельно с теоретической риторикой существовало и другое направление, так называемая *школярская риторика*, выразителем идей которой считается Квинтилиан. Он утверждал, что убеждение — лишь одна, но не главная цель оратора. Из искусства «убедительной речи» риторика превращается у него в *искусство красноречия*.

Дальнейшие определения риторики не выходили за рамки определений, данных Аристотелем и Квинтилианом. Однако в XX веке в связи с переосмыслением проблем классической риторики и развитием неориторики наметилась тенденция — противопоставлять друг другу два главных определения данной отрасли знаний¹.

Задачу данной работы мы видим в том, чтобы помочь читателю овладеть навыками свободной самостоятельной речи, поэтому стремились не противопоставлять теоретические взгляды на риторику принципам практического овладения приемами красноречия. В качестве исходного определения риторики мы выбрали опреде-

¹ См., например: Общая риторика: Пер. с фр. Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др. М.: Прогресс. 1986.

ение, данное М.В. Ломоносовым. В «Кратком руководстве по красноречию» риторика понимается как *искусство убеждения*, однако при этом подчеркивается, что *красота речи является средством, способствующим увеличению убедительности*. Это определение соответствует античной традиции, не противоречит понятиям ориторики и даже в XX веке из него исходили такие авторитеты, как П. Сергеич (П.С. Пороховщиков) и А.Ф. Лосев.

Дав определение понятию «риторика», мы тем самым не только чертили круг вопросов, которые должны рассмотреть, но и сформулировали цели, к достижению которых стремимся. Начнем с цели. Искусство красноречия — часть культуры. К сожалению, забывтая в современном образовании.

Чтобы самостоятельно говорить и писать, надо не только учиться анализировать речь с точки зрения грамматики, выявлять ее логическую основу, следует учиться менять и эмоциональную окрашенность предложений.

По мнению создателей классической риторики, она учит говорить ясно, убедительно, приятно и пристойно. Ясность делает нашу речь понятной для слушателей; убедительность заставляет их соглашаться с нашим мнением, приятность привлекает их внимание к тому, что говорится, а пристойность придает нашим словам вес и силу. Иначе говоря, риторика учит самостоятельно и оригинально выражать свои мысли; учит делать выводы из того, с чем сталкивается человек в повседневной жизни; учит отстаивать свою точку зрения, разъяснять и обосновывать ее. Но обучение должно быть последовательным и начинаться с самого простого, с того, что уже известно каждому школьнику, постепенно поднимая его на более высокий уровень. Говоря о риторике, мы будем иметь в виду определенный «набор» приемов и правил, выработанных как древними, так и новейшими исследованиями.

Теперь о вопросах, которые рассматриваются в книге. Начинаем того, что раньше называлось введением в риторику, то есть с учения о периоде. Упражнения по составлению простых периодов. за-

тем сложных, произнесение мини-речей (хрий) — все это имеет для начинающего такое же значение, как отработка гамм для обучающегося музыке. Учение о периоде — это отправная точка и одновременно — основы, к повторению которых оратор обязан постоянно возвращаться. Введение в риторику или учение о периоде илагается в **первой главе**.

Чтобы мини-речь (хрия) стала более убедительной, она должна быть украшена. Принципы украшения излагаются во **второй главе**.

Несколько красивых и убедительных мини-речей не превращаются автоматически в судебную речь. Для этого необходима композиционная работа. Вопросы нахождения материала и композиционного построения судебной речи излагаются в **третьей главе** которую мы, используя термин античной риторики, назвали *избрением*.

Отбор собранного для речи материала, окончательная отработка плана, составление переходов от одной части речи к другой — задача, которая обязательно решается юристом. Решается она всегда с учетом конкретных обстоятельств судебного дела, но существуют и общие стратегические приемы, разработанные в риторике. Юрист должен их знать и уметь ими пользоваться. Данная часть работ над речью называется в риторике *расположением*. Вопросы, связанные с расположением, излагаются в **четвертой главе**.

В последней, **пятой главе** разбирается сам процесс произнесения речи и некоторые важнейшие моменты, на которые оратор должен обратить внимание: собственный внешний вид, жесты и артикуляция. Таким образом, все основные разделы классической риторики излагаются в той последовательности, как может придерживаться оратор, готовящий выступление. Подготовка речи выглядит как целое, но каждая из частей общего имеет собственную частную цель. Общая цель — выработать самостоятельный обоснованный взгляд на какой-то предмет, а затем изложить его связно и доходчиво. Серьезно поработав с книгой, читатель научится убеждать слушателей в значимости своей точки

В конце каждого параграфа и каждой главы дан список терминов и упражнения, выполнение которых будет способствовать лучшему овладению материалом.

Риторика тесно связана с логикой, при изложении материала используются символика, приемы и операции, объясняемые в учебниках логики. В качестве основного рекомендуем: Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: Учебник для юридических вузов.

Глава I. УЧЕНИЕ О ПЕРИОДЕ

§ 1. Простой период

Учение о периоде возникло в Древней Греции. В то время грамматика, риторика и стилистика существовали в рамках философии и как самостоятельные науки не выделялись. Большой вклад в учение о периоде внесли софисты, и прежде всего Горгий, объявивший риторик искусством убеждения. Поскольку софисты за плату обучали искусству убеждения, оно становится известным не только философам, но также политическим и судебным ораторам. Благодаря трудам софистов учение о периоде оказывается исходным пунктом, с которого начинается обучение умению убедительно говорить; определенны вклад в разработку учения о периоде внесли Сократ, Платон (см. диалог «Кратил»), Теодект и Аристотель. Последний завершил начато софистами, придав учению о периоде достаточную стройность. Он также дал определение периода, к которому специалисты обращаются и до сего времени.

Аристотель различал простой и сложный периоды, считая, что сложный период составляется из нескольких простых. «Простым называю период одночленный»¹, — писал он. Философ подчеркивал: «Я называю периодом фразу, которая сама по себе имеет начало и конец, и размеры которой легко обозреть»². Стагирит различал несколько видов периода: речевой, повествовательный, ораторский, логический и др. При этом под «началом» и «концом» периода имелось в виду еще и определенное сочетание ударных и безударных слогов. Так, речевой (разговорный) период мог начинаться с ямба или хорей³, но при этом обязательно должен был заканчиваться тем же размером, каким начинался. Что же касается ора

¹ Аристотель. Риторика. СПб. 1894. Кн. III. Гл. 9. С. 169.

² Там же.

³ Ямб — стихотворный размер, стопы которого состоят из двух слогов, с ударением на втором слоге, например: «Она́ / в семье́ / своёй / родно́й...»; хорей — стихотворный размер, стопы которого состоят из двух слогов, с ударением на первом слоге, например: «Бу́ря / мгло́ю / не́бо / крё́т...»

орского периода, то, по мнению Аристотеля, такой период должен начинаться с ударного слога, за которым должны следовать три безударных. Такая стопа, то есть сочетание ударных и безударных слогов, в теории стихосложения называется *пеаном*. Схематически пеан для начала периода записывается следующим образом: | — ∪ ∪ ∪ | — впереди ударный слог, а за ним три безударных. Заканчивать ораторский период Аристотель рекомендует другим видом пеана, в котором три безударных слога, а последний — ударный: ∪ ∪ ∪ — |. Аристотель не считал, что период должен быть похож на этическую строку, но полагал, что оратор обязан так составлять свои периоды, чтобы две первые и две последние стопы периода соответствовали определенным поэтическим размерам.

Философ понимал «период» как нечто округлое, завершённое, имеющее начало и конец, и благодаря этому ясное для слушателей. Округлость, то есть ритмическое соединение начала и конца периода, достигалось за счет первых и конечных стоп. Период начинался ударным слогом и ударным слогом заканчивался. За первым ударным слогом шли три безударных; следнему ударному слогу предшествовало также три безударных слога. Начало и конец периода произносились в одном и том же темпе, с одинаковой силой. Повышение или понижение интонации допускалось лишь в середине периода. Интонационная законченности (закругленности, по Аристотелю) периода должна была соответствовать его смысловая завершённость. Благодаря такому единству интонационного и смыслового воздействия античный оратор усиливал свое влияние на слушателей.

Сложные периоды состояются из простых; о сложных периодах речь пойдет в следующем параграфе. Сначала обратимся к простым. Простым периодом Аристотель считал период одночленный. Простые речи, иначе «колонны» или «колена речи», были очень важным понятием не только грамматики, но также риторики и стилистики. Вот что писал о колонне античный стилист Деметрий: «Поэтому тому, как поэтическую речь определяет размер — двустопный, шестистопный или иной, так и прозаическая речь определена ограничена так называемыми колонами (ta cola). Они-то как бы

дают отдых говорящему и прерывают сам поток речи, распределяя его на множество частей. В противном случае речь показалась бы слишком длинной и нескончаемой, а говорящему просто не хватило бы дыхания. Цель этих колонов — обозначить мысль, иногда всю целиком, иногда же колон охватывает не всю мысль целиком, но некую законченную ее часть¹.

Одним из лучших примеров хороших колонов античные риторы считали начало «Анабасиса» Ксенофонта: «...у Дария и Парисатиды были сыновья: старший — Артаксеркс, младший — Кир». В этом отрывке содержится вся мысль полностью. Отрывок состоит из двух частей, колонов. «У Дария и Парисатиды были сыновья» — первый колон; «старший — Артаксеркс, младший — Кир» — второй колон.

Античные риторы полагали, что колоны не должны быть слишком короткими, ибо, как считали они, тогда речь будет казаться «сухой», производя на слушателей незначительное впечатление. Иллюстрацией подобной ошибки для них служил афоризм Гиппократ: «Жизнь коротка, искусство длинно, удача мимолетна».

Короткий, или уменьшенный, колон назывался *коммой* (comma). Комма считалась уместной для передачи очень страстной или глубокой, но короткой мысли. Таковы, например, изречения: «Познай самого себя» или «Следуй за божеством».

Комма и колон не стали общераспространенными понятиями современной грамматики, но их можно рассматривать как ритмико-интонационные единицы, речевые отрезки, произносимые одним напором выдыхаемого воздуха. На такие отрезки оратор должен уметь делить свою речь, если хочет, чтобы слушатели понимали его без напряжения. Цельность колона (или коммы) создается их интонационным оформлением, при котором на одном из ударных слогов (центральном)

¹ Античные риторики. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1978. С. 237.

сосредоточивается интонационное ударение. В этом случае на границе колона (коммы) возникает впечатление паузы, создаваемое переменной тона или остановкой речи¹.

Понятие простого периода было сформулировано, как мы говорили, в то время, когда грамматика еще не оформилась как самостоятельная наука, однако в современной грамматике это понятие употребляется почти так, как его определил Аристотель. Вот что, например, пишет о периоде О.Г. Ревзина: «Это — цельное описание, цельное повествование (П. повествовательный), цельное логическое рассуждение (П. ораторский). П. не имеет элементов из предшествующего контекста, внутренних анафористических связей. Это небольшой связный текст, уместающийся в одном предложении»².

Как видим, логический период отождествляется с периодом ораторским. Поскольку мы будем говорить прежде всего о логическом периоде, то считаем нужным сделать по этому поводу несколько уточнений. Логический период — это рассуждение, имеющее форму логического умозаключения, поэтому он должен состоять из предложений, каждое из которых может считаться также и логическим суждением. Итак, неделимой далее астью в логическом периоде может быть **только простое логическое суждение**, поскольку именно из них составляется умозаключение.

Назначение логического периода в том, чтобы вывести некоторое суждение из других суждений, истинность которых не вызывает сомнений. Простое суждение и является тем простым периодом, о котором писал Аристотель. Как итоговое выведенное суждение (заключение), так и исходные суждения (посылки), из которых заключение выводится, — все это должно быть выражено

¹ Подробнее об интонации см. Гл. V.

² Русский язык. Энциклопедия. / Гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Советская Энциклопедия. 1979. Период. С. 202—203.

грамматически с помощью двусоставных утвердительных предложений¹.

Поскольку в словах русского языка в основном используется двухсложная или трехсложная стопа, а четырехсложная стопа встречается крайне редко, то учение Аристотеля об ударных слогах в начале и конце периода не получило развития в теоретических разработках отечественных грамматиков и стилистов. Эта особенность периода, которую настоятельно подчеркивал древнегреческий философ, была отброшена и просто не принималась в расчет. Вплоть до начала XX века под простым периодом российские грамматики имели в виду простое распространенное предложение. Столь же часто, возможно, под влиянием авторитета Аристотеля, который, как известно, был выдающимся логиком, простой период отождествлялся с простым суждением. Отождествление понятия «простой период» с понятием «простое суждение» казалось правомерным, поскольку оба понятия соответствуют определению Аристотеля: содержат законченную мысль, имеющую начало и конец. То обстоятельство, что законченная мысль, выражаемая простым суждением, грамматически может быть выражена как простым распространенным повествовательным предложением, так и нераспространенным предложением с двумя главными членами, подлежащим и сказуемым, — все это даже позволяло разработать целый комплекс упражнений. С помощью этих упражнений обучающиеся риторике овладевали навыками точнее выражать свои мысли, приучались самостоятельно находить для каждой мысли оттенки, более тонко передающие особенности ситуации. Таким образом, неточное понятие грамматики служило и приносило пользу педагогике. Польза от этих упражнений несомненна, поэтому мы их подробно рассмотрим и со-

¹ Мы предполагаем у наших читателей если не знание логики, то, по крайней мере, навыки, позволяющие быстро ознакомиться с некоторыми разделами данной науки. См. учебник В.И. Кириллова, А.А. Старченко. «Логика». Гл. IV, § 1. Суждение как форма мышления и § 2. Простые суждения.

ветуем нашим читателям придумывать и выполнять подобные упражнения самостоятельно.

Нераспространенное предложение с двумя главными членами российские риторы называли **логическим предложением**. Простое распространенное предложение — **простым периодом**. Первое, чему должен был научиться тот, кто решил заняться риторикой, — это уметь легко и свободно превращать логическое предложение в простое распространенное предложение ¹. Что же нужно для совершенства подобной операции? Ввести в состав предложения второстепенные члены: дополнения, определения, обстоятельства. Если же мы хотим из простого распространенного предложения получить **логическое предложение**, следует отбросить все второстепенные члены предложения, оставив только подлежащее и сказуемое.

Из исходного логического (нераспространенного) предложения можно образовать несколько простых периодов. Рассмотрим логическое предложение: *Ребенок болеет*. Подбираем определения к подлежащему: маленький, слабый, школьного возраста, лет десяти; затем — дополнения к глаголу-сказуемому: гриппом, оспой, ветрянкой и т.п.; различные обстоятельства: дома (места), две недели (времени), серьезно, опасно (образа действия) и т.п.

Можно еще усложнять сказуемое, заменять его именным составным или составным глагольным. Конечно, изменение типа сказуемого не делает нераспространенное предложение распространенным. В этом случае мы получаем лишь разные временные модификации, но они придают сказанному дополнительные смысловые оттенки.

Вместо глагольного сказуемого можно употребить именное. В результате исходное предложение запишется так: *Ребенок был болен*. Заменим сказуемое глагольным составным, и предложение примет вид: *Ребенок продолжает болеть*.

¹ Пока термины «простой период» и «простое распространенное предложение» будут рассматриваться как синонимы, на различия, существующие между этими понятиями, будет указано ниже

Из исходного логического предложения можно образовать несколько простых распространенных предложений, несомненно отличающихся друг от друга, например:

— Маленький слабый ребенок продолжает болеть вторую неделю.

— Слабый ребенок был опасно болен.

— Мальчик лет десяти продолжает опасно болеть вторую неделю.

Совсем не обязательно, чтобы в простом периоде были представлены все второстепенные члены предложения. Например, логического предложения *«Отец просыпается»* И.А. Бунин берет период, в котором одни обстоятельства: «В усадьбе на восходе солнца, с первым щебетанием птиц в саду, просыпается отец».

Однако желательно (русские риторы считали это обязательным условием), чтобы в распространенном предложении мысль высказывалась с максимальной полнотой. Такое требование, по их мнению, вытекало из определения периода, данного Аристотелем, полагающего, что в простом периоде мысль должна быть высказана полностью. Данное упражнение вырабатывает навык высказывать одну и ту же мысль и кратко, и развернуто. Рассмотрим предложение *«Идет век»*. Включим в его состав все возможные в данном случае второстепенные члены предложения. *«Вниз по бульвару к театру медведя идет пожилой, скромно одетый человек с портфелем»*.

Как мы говорили, очень часто понятие «простой период» отождествлялось в русской риторике с понятием «простое распространенное предложение». Однако такое отождествление не принималось с оговорками. В качестве признаков, отличающих простой период от простого распространенного предложения, указывалось на наличие в простом периоде: 1) сходных, но не идентичных понятий; русские риторы называли их «подобнозначными»; 2) прилагательных; 3) наречий; 4) обстоятельств противных имен¹.

¹ Логическое объяснение термина «имя» см.: Кириллов В.И., Старченко В.И. *Логика*. Гл. I, § 4.

Подобнооднозначные понятия, как можно догадаться по их названию, не являются синонимами, но выражают сходные понятия, имеющие некоторое различие в значении. Такими являются, например, «ленивый» и «нерадивый». Оба характеризуют человека, который недостаточно трудится, но если «ленивый» указывает на недостаточную деятельность, то «нерадивый» — на недостаток внимания.

Употребление подобнооднозначных понятий делает речь более точной и выразительной. Но если используемые в предложении понятия не имеют различия, то есть являются синонимами, то употребление их в большинстве случаев (как полагали российские риторы) следует считать бесполезным, поскольку добавленный синоним только повторяет еще раз то, что уже было сказано, и не уменьшает при этом объема определяемого понятия. Говоря языком логики, в этом случае признак не выполняет своей определяющей функции.

Итак, период в риторике считался не любым простым распространенным двусоставным предложением, но лишь таким, которое используется для объяснения или описания. Иными словами, простой период — это простое распространенное предложение, чаще используемое не в художественной, а в научной и деловой речи. Используется он лишь тогда, когда оратор хочет в чем-то убедить аудиторию, и поэтому обосновывает и разъясняет свою позицию. К этому следует добавить, что именно поэтому к периодической речи применимы логические критерии оценки. В последнем случае, добавляя новый признак некоему понятию, мы увеличиваем содержание и уменьшаем объем данного понятия. Использование же синонимов не добавляет ясности сказанному. Это плеоназм, излишнее многословие. Синоним не делает объяснение или описание более понятным, но лишь повторяет уже известное, и поэтому может считаться логической ошибкой в определении.

Рассмотрим одно из предложений А.С. Пушкина:

Роман классический, старинный,
Отменно длинный, длинный, длинный,
Нравоучительный и чинный,
Без романтических затей.

Это предложение использовано для описания романа, но оно не является периодом. Поэт употребляет подряд три одинаковых слова, что не увеличивает ни ясности, ни точности описания; повторение выполняет другую функцию — воздействует на чувства читателя. Точность и выразительность речи поэт увеличивает с помощью «подобнооднозначных понятий»: «классический», «старинный»; «нравоучительный» и «чинный».

Что касается **прилагательных, наречий и обстоятельств**, то принципы использования их при переходе от логического предложения к простому распространенному достаточно полно описаны в грамматике, и риторика не добавляет здесь ничего нового.

В распространенном предложении прилагательных, наречий и обстоятельств должно быть столько, сколько необходимо для того, чтобы высказываемая мысль была выражена с наибольшей полнотой; но если они затемняют или искажают мысль, их надо исключить из предложения.

Представляют интерес рекомендации об использовании **противных имен**.

В логике противные имена понимаются как понятия, находящиеся в отношении противоположности (контрарности). Одно из этих понятий содержит некоторые признаки, а другое — признаки, не совместимые с ними. Такими понятиями являются, например, «добродетель» и «порок», «похвала» и «бесчестье», «отличник» и «неуспевающий».

Не все простые периоды содержат **противные имена**, и не всякое простое распространенное предложение, содержащее **противные имена**, обязательно будет простым периодом. Но если простое распространенное предложение соответствует всем требованиям, предъявляемым к простому периоду: 1) является небольшим составным само-

стоятельным текстом, уместающимся в двусоставном простом пространенном предложении; 2) не слишком растянуто; 3) не содержит элементов предшествующего контекста и внутренних анафотических связей, то простой период произносится как сложный.

Противные имена можно добавлять как к подлежащему, так к сказуемому. Имена желательно подобрать таким образом, чтобы группа подлежащего и группа сказуемого содержали примерно одинаковое количество слогов и звучали, при произнесении, примерно одинаковое время. Если такое соотношение отсутствует, более короткая часть периода произносится медленнее, так, чтобы на ее произнесение уходило столько же времени, сколько уходит на более длинную часть. При этом первая часть предложения начинает произноситься спокойным ровным голосом, но потом интонация постепенно повышается, идя по восходящей. Высшая интонационная точка совпадает с высшей смысловой. После этого или меняется тон, или делается пауза. Вторая часть периода произносится нисходящей интонацией и заканчивается на той же ноте, на которой звучало начало периода. Период начинает звучать на одной ноте и на ней должен быть закончен. Такова особенность периодической речи: интонационная завершенность должна соответствовать совпадению с завершенностью смысловой. При движении к середине периода интонация повышается, после середины — понижается. Подобная закономерность обычно наблюдается при произнесении сложных периодов, но **противные имена** создают антитезу¹, простой период звучит, как сложный. Рассмотрим логическое предложение, сказуемое которого выражено не одним словом, а овосочетанием, или, как говорят филологи, «имеет необходимый смыслу зависимый компонент»: *Воздержание сохраняет здоровье*². Подберем подобнооднозначные понятия вначале к подлежащему, а затем к сказуемому:

- а) Воздержание и умеренность сохраняют здоровье.
- б) Воздержание поддерживает и сохраняет здоровье.

¹ Об антитезе см. ниже. Гл. II. § 2, 6.

² «Воздержание» — группа подлежащего; «сохраняет здоровье» — группа сказуемого.

Добавим **противные имена** и обратим внимание на звучан-
распространенного предложения:

а) Воздержание, **а** не излишество **а** сохраняет здоровье.

б) Воздержание не расстраивает здоровье, **а** сохраняет его **а**.

Как видим, использование в речи **подобнооднозначных по-
гий и противных имен** делает речь живее и позволяет привле-
нимание слушателей к тому, что говорится. Поэтому, даже ес-
зы не собираетесь воспользоваться периодом для объяснения и
описания чего-либо, надо стараться находить **подобнооднозн-
ные понятия и противные имена** и вставлять их в наиболее ва-
жные места речи для привлечения к ним внимания слушателей.

Все, что было сказано о простом периоде, не мешает рассма-
ливать его как достаточно строгое понятие современной грам-
ники, но есть два обстоятельства, делающие понятие «прост-
период» трудно уловимым. Первое из них — идущее от логики о-
кдествление простого периода с простым распространенным д-
оставным предложением или с простым суждением. Дело в том, ч-
простое суждение не всегда выражается простым распространенн-
предложением; оно может быть выражено некоторыми типа-
ложноподчиненного предложения¹. Например, если субъектом п-
того суждения является сложное понятие, нуждающееся в опре-
лении, то простым периодом будет считаться сложноподчиненн-
предложение с придаточным определительным предложением.

«Широкая сакля, крыша которой опиралась на два закопченн-
столба, была полна народу». (М.Ю. Лермонтов.)

Определительное придаточное предложение может быть за-
нено причастным оборотом:

*Широкая сакля, опирающаяся крышей на два закопченн-
столба, была полна народу.*

¹ Автор не рассматривает вопрос во всей его полноте, а ограничивается ли-
некоторыми примерами, подтверждающими справедливость утверждения о т-
то простое суждение может быть выражено некоторыми типами сложнопод-
ченного предложения.

Оба предложения соответствуют логической форме простого единичного суждения: Этот S есть P.

Когда придаточное дополнительное предложение относится глаголу главного предложения, то образуется простое суждение, выраженное сложноподчиненным предложением:

Аристотель полагал, что начало наших нервов находится в сердце. Или:

Он хочет, чтобы ты уехал.

Оба предложения также выражаются логической формой простого единичного суждения: Этот S есть P.

Сказуемое главного предложения может быть уточнено местоименно-соотносительным предложением. Эта грамматическая форма сложного предложения также выражается в логике простым суждением:

«Стадо таково, что трудно перечесать». (И.А. Крылов.)

(Этот S есть P)

Выделяющее суждение (в логике его считают простым) также часто выражается сложноподчиненным предложением:

«Кто ни проедет, всякий похвалит». (А.С. Пушкин.)

(Все S, и только S, есть P).

Как уже было сказано, Аристотель, определяя «простой период», отождествлял его с простым распространенным предложением с простым суждением. Но если «простой период» может выражаться сложной грамматической конструкцией, то определение надо считать неточным. Определение простого периода, данное Аристотелем, прожило долгую жизнь, но сформулировано оно было в те времена, когда грамматика и логика не сформировались еще как самостоятельные научные дисциплины, а существовали «в рамках» всеобъемлющей философии.

Последнее обстоятельство (неразделенность грамматики и логики) проявляется в определении простого периода еще и следующим образом. Речь начинается со слов. Слово, как известно, — это единство звука и значения. Но период должен быть еще и суждением, то есть должен устанавливать связь либо отношения между по-

иятиями. Отождествление простого распространенного двусоставного предложения с простым суждением приводит к тому, что слово или группа слов, в основе которых лежат чувственные образы или представления (поскольку они относятся к сфере языка), должны еще мыслиться как понятия, или совокупность существенных признаков предмета мысли (потому что слова эти отождествляются с понятиями). Все сказанное относится прежде всего к таким составляющим простого периода, как «подобнооднозначные понятия» и «противные имена», которые не являются понятиями в строгом смысле этого слова. В единичных же суждениях слова могут считаться понятиями с большой натяжкой.

Подчеркнем два момента:

1. Отождествление простого распространенного утвердительного предложения с простым периодом и с простым суждением в известном смысле — натяжка, но такая натяжка позволяет развивать и совершенствовать разговорные и мыслительные навыки тех, кто хочет овладеть искусством речи.

2. Хотя определение периода является нечетким, специалисты не расходятся во мнениях по поводу того, есть ли периоды в том или ином тексте или их нет. Поясним сказанное примером:

«...Анна Федоровна захолопоталась.

— А, батюшки мои! голубчик он мой!.. Данило! скорей бе скажи, барыня к себе просит, — заговорила она, вскакивая и с прыжками шагами направляясь в девичью. — Лизанька! Устюшка! приготовить надо твою комнату, Лиза. Ты перейди к дяде; а вы, братец... братец! вы в гостиной уж ночуйте. Одну ночь ничего». (Толстой Л.Н. «Два гусара».)

В этом отрывке нет ни одного простого периода. Дело в том, что Л.Н. Толстой не стремится здесь с помощью рационального описания в полном распространенном двусоставном предложении передать состояние героини. Простой период должен обладать логической завершенностью и передавать выраженную мысль с максимальной полнотой. Монолог же Анны Федоровны

не является связным развернутым изложением мыслей, и дан обстоятельство позволяет сделать вывод: речь в цитируемомрывке не является периодической. Другим примером неперической речи может служить так называемая «лаконическая речь». Эта форма изложения предполагает пропуск описания какой-то части событий, что использовал А.С. Пушкин в следующих строках:

Стрела выходит из колчана —
Взвилась — и падает казак
С окровавленного кургана.

Обычно в речи судебного оратора периоды перемежаются неперiodическими высказываниями. При этом неперiodическая речь может оказаться не менее сильным средством воздействия на слушателей, чем периодическая. Если надо **воздействовать на чувства слушателей**, то неперiodическая речь будет эффективнее. В том случае, когда оратор хочет в чем-то убедить аудиторию, то целесообразнее использовать периодическую речь.

Итак, дать строгое однозначное определение простого периода не удастся, но обнаруживать его по определенным признакам в тексте можно. Поскольку строгого определения нет, российские филологи стали говорить о простом периоде лишь постольку, поскольку его можно выделить как составную часть сложного периода. В большинстве случаев простой период выражается простым распространенным двусоставным предложением, используемым для описания или объяснения, которое может включать в себя причастные или деепричастные обороты, а также выражаться сложноподчиненными предложениями определенного типа.

РЕЗЮМЕ

Понятие «простой период» было сформулировано во времена, когда грамматика, логика и риторика не сформировались как самостоятельные научные дисциплины. Это понятие является нечетким. Однако, несмотря на его несовершенство, оно обладает достаточной ценностью и является базовым понятием классической риторики. Без него невозможно осмыслить те приемы анализа и самостоятельного составления речи, которые были в риторике разработаны.

Простой период отождествляется то с простым распространенным повествовательным предложением, то с простым суждением. Отождествление простого периода с простым распространенным предложением правомерно, потому что последнее содержит законченную мысль, имеющую начало и конец, то есть соответствующее определению простого периода, данному Аристотелем.

Простое суждение также можно отождествлять с простым периодом, что зачастую и делается на практике. В большинстве случаев простое суждение грамматически выражается простым распространенным повествовательным предложением. Это правило существуют исключения: во-первых, простое суждение может выражаться нераспространенным предложением с двумя главными членами — подлежащим и сказуемым; во-вторых, простое суждение может выражаться сложными предложениями, содержащими главное и придаточные. Эти способы надо иметь в виду и считать их средствами выражения простого периода.

ТЕРМИНЫ

Логическое предложение

Простой период по Аристотелю

Простой период у русских грамматиков

«Подобнооднозначные понятия»

«Противные имена»

Непериодическая речь

Паконическая речь

ЗАДАНИЯ

1. Напишите несколько логических предложений.
2. Превратите каждое логическое предложение в простое распространённое двусоставное предложение.
3. Изменяйте по падежам и числам имя существительное, являющееся подлежащим простого распространённого предложения. Подредактируйте текст предложения в зависимости от падежа и числа склоняемого существительного.
4. Изменяйте сказуемое простого распространённого предложения по временам и наклонениям.
5. Найдите несколько «подобнооднозначных понятий».
6. Распространите логическое предложение, дополнив его «подобнооднозначными понятиями»: а) подберите «подобнооднозначные понятия» к подлежащему; б) подберите «подобнооднозначные понятия» к сказуемому.
7. Распространите логическое предложение, дополнив его «противными именами»; найдите «противные имена» сначала для подлежащего, а затем для сказуемого.
8. Приведите примеры, когда простой период выражен сложно-подчинённым предложением.

§ 2. Сложный период

Прежде чем говорить о проблемах сложного периода, сделаем несколько замечаний. Из первого параграфа ясно, что понятие «простой период» для русского языка определено неточно. Причиной тому было несколько обстоятельств. Во-первых, понятие «период» было сформулировано на начальном этапе становления филологии как науки, и поэтому оно не могло быть строгим. Сначала оно было сформулировано лишь для древнегреческого и латинского языков. В то время эти языки являются «мёртвыми», и поэтому проверить, насколько точно данное понятие соответствует нормам этих языков, представляется затруднительным.

Во-вторых, перенос — без каких-либо изменений — понятия античной риторики на почву русского языка невозможен, поскольку это другой язык, имеющий иные правила. Есть и третья причина. В период формирования национального русского языка (XVII — первая половина XIX века) образованные люди России не хотели слепо подражать античным образцам. И здесь они следовали главному методологическому правилу античной риторики, которое гласит: **любому образцу нужно подражать только приблизительно, в соответствии с собственными представлениями о нужном и должном.** В связи с этим мы вынуждены признать, что античный образец (и понятие «период» в том числе) на русской почве всегда искажался, но это не мешало ему оставаться образцом, который образованные русские люди старательно изучали. Ведь риторика — не наука, а искусство, где со времен софистов признается единственный критерий оценки выступления оратора: произвело ли выступление необходимое впечатление на слушателей; добился ли оратор от слушателей того, чего хотел, или нет? Если результат положительный — выступление признается хорошим. Если оратор ничего не достиг своей речью — выступление считается неудачным.

Итак, как мы говорили, простой период российские ученые отождествляли с простым распространенным предложением. Неясности возникала, правда, когда речь заходила о величине этого предложения. Тем не менее считалось, что простой период должен содержать столько же слогов, сколько их в строке гексаметра, то есть — 24. Первая попытка использовать четырехдольный античный гекзаметр в русском стихе принадлежала Мелетию Смотрицкому, который в своей «Грамматике» (1619) установил для славяно-русского языка долгие и краткие слоги. Однако более соответствующей духу русского языка оказалась трехдольная имитация античного гексаметра, принадлежавшая В. Тредиаковскому. Эту имитацию использовали потом многие поэты — А. Пушкин, М. Лермонтов, А. Фет, А. Майков, Л. Мей В. Брюсов, А. Блок и др., — но она не соответствовала античному образцу и, кроме того, содержала не 24, а 18 слогов. Таким образом, по-

пытка дать непосредственную количественную оценку величины простого периода и сделать установленную норму незыблемым эталоном в русском языке оказалась неудачной.

Невозможность определить простой период непосредственно привела к тому, что простой период стал определяться как часть сложного периода. Чтобы понять смысл такого подхода, надо вновь обратиться к принципам античного периода. Начало и конец классического сложного периода произносятся одинаковым тоном, с одинаковой интонацией. Независимо от числа содержащихся в нем простых периодов, сложный период распадается на две интонационные части. Первая называется **повышение** (по-греч. *prótaзис*). Произносится она всегда с постепенно нарастающим повышением голоса. После нее делается пауза. Вторая часть сложного периода называется **понижение** (по-греч. *apódозис*). Произносится она всегда с понижением голоса, которое заканчивается той же нотой, с которой началось произнесение первой части сложного периода. Такое звучание создает как бы круг: период начинается и заканчивается одинаково спокойно и на тех же нотах. **Повышение** и **понижение**, в свою очередь, могут распадаться на части — простые периоды; в таком случае одна часть — простой период — отделяется от другой паузой меньшей длительности, чем паузы между **повышением** и **понижением**.

Со стороны содержания сложный период, так же как и простой, характеризуется единством темы и законченностью выражения мысли.

Первые сложные периоды на русской языковой основе начал создавать Н.М. Карамзин. Его периоды имели единство темы, внутреннюю последовательность, завершенность, они округлены и оразмерны. Рассмотрим один из них.

«Величественною красотою, повелительным видом, смыслом
ыстрым и глубоким, сладкоречием обольстительным превосходя
сех вельмож ♪ (как говорит летописец), Борис не имел только...
збродетели ♫; // хотел, умел благотворить ♪, но единственно из

любови ко славе и власти ♣; // видел в добродетели не цель ♠, / предство к достижению цели ♣: // если бы родился на престоле ♠, то заслужил бы имя одного из лучших венценосцев в мире ♣; // не рожденный подданным, с необузданною страстью к господству ♠ не мог одолеть искушений там, где зло казалось для нее выгодок ♠, // — и проклятие веков заглушает в истории ♠/ добрую славу Борисову ♣». // ¹.

Данный сложный период распадается на шесть «простых»; каждый «простой» является частью, имеющей интонационное **повышение** и **понижение**, но общего **повышения** и **понижения** интонации, которое считается особенностью всего сложного периода, здесь нет. Отсутствие интонационного **повышения** и **понижения** — не ошибка; период состоит из равноправных частей и потому называется соединительным².

Интонационному делению всего периода на две самостоятельные части (**повышение** и **понижение**) мешает не только то, что каждый из составляющих периодов сам имеет такие части, но также и то, что простых периодов, входящих в сложный, слишком много; их — шесть.

Сложный период может состоять из двух, трех, четырех и т.д. простых периодов, но античные ораторы, и прежде всего Цицерон, полагали, что лучше всего, когда сложный период содержит четыре простых периода. При этом три первых образуют **повышение**, а последний, вместе с паузой, составляет нисходящую часть сложно-

¹ ♠ — точка наибольшего интонационного подъема; / — пауза, отделяющая **повышение** от начала **понижения** интонации внутри простого периода; ♣ — точка наибольшего **понижения** интонации; // — пауза между простыми периодами. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 10. Гл. I. // Москва. 1989. № 9. С. 97—98.

² О соединительном периоде мы будем говорить в этом же параграфе, но ниже, см. п. (в).

го периода (**понижение**). Такие периоды оратору легко произнести; они удобны и для слушателей, потому что позволяют им без затруднений следить за мыслью говорящего.

Отступление от требований античного образца не делает период, составленный Н.М.Карамзиным, неудачным. Этот период предназначен не для произнесения перед публикой; он будет прочитываться, и читатель сможет не просто пробежать глазами по строкам периода, а перечитать его и раз и другой, подумать над ним и снова перечитать. Итак, периоды, предназначенные для чтения и размышлений, могут содержать не четыре, а большее число простых периодов.

Рассмотрим простые периоды, входящие в сложный. Первый из них представляет собой совсем не простое распространенное предложение, а сложную грамматическую конструкцию, первая часть которой (**повышение**) — деепричастный оборот («...превосходя всех вельмож...»), усиленный дополнениями, выраженными словосочетаниями: «величественная красота»; «повелительный вид», «смысл быстрый и глубокий», «сладкоречие обольстительное». Дополнения являются «**подобнооднозначными понятиями**», передающими «внешние черты» (или «видимость») облика Бориса Годунова. Внутренняя черта, незаметная для окружающих, — отсутствие добродетели. Внешнее противопоставляется внутреннему с помощью «**противных имен**», что создает смысловую антитезу между **повышением** и **понижением**. **Понижение** выражается простым двусоставным распространенным предложением: «Борис не имел только... добродетели». Единство темы и антитеза придают всей грамматической конструкции внутреннюю последовательность и завершенность. Округленность первого периода проявляется в том, что начинается он и заканчивается на одних и тех же нотах. Что касается соразмерности, то многоточие в **понижении** позволяет сделать такую паузу, какая окажется необходимой, чтобы на произнесение **повышения** и **понижения** было затрачено одинаковое время.

Второй период выражен грамматически личным предложением с одним главным членом — сказуемым; подлежащее (Борис)щено и понимается из контекста. **Повышение** и **понижение** во втором периоде подчеркивает противопоставление между делом во благо другим людям и преследуемой при этом своей целью. Итак, во втором периоде продолжается развитие начатое противопоставлением видимости и сущности; во втором периоде сопоставляются корыстность и бескорыстие. Такой параллелизм позволяет связать первый период со вторым, а затем всеми последующими.

Третий период также выражен простым распространенным предложением с одним главным членом — сказуемым. («цель» и «средство для достижения цели» являются **противоположностями**), создающими смысловое противопоставление между **повышением** и **понижением** внутри простого периода.

Четвертый период выражается сложноподчиненным предложением с придаточным условным. Подлежащее в этом предложении также опущено, поскольку и здесь речь идет о Борисе Годунове. Условное предложение — «если бы родился на престоле» — выражает **повышение**; главное предложение — «...то заслужил бы одного из лучших венценосцев в мире» — **понижением**.

Пятый период также не является простым распространенным предложением, здесь снова использовано сложноподчиненное предложение. Подлежащее пропущено и здесь. Главное предложение является **понижением**: «...но рожденный подданным, с необузданной страстью подставу...». Придаточное следствие — **понижением**: «...не мог одолеть искушений там, где зло казалось для нее выгодною...».

Лишь шестой период выражен простым распространенным составным предложением.

В единое целое все периоды соединяют **противоположные имена**, подчеркивают общее для всех простых периодов единство тематико-логическую последовательность ее раскрытия. В изложение каждый из периодов вносит индивидуальный значимый вклад; если исключить любой из них, то обнаружится невосполнимая

...или один из простых периодов свидетельствует о внутренней завершенности изложения.

Посчитаем количество слогов в периодах, чтобы сравнить и число с количеством слогов в античном периоде-образце. Первый простой период настолько велик, что ни о каком сравнении и может быть и речи; однако число слогов во втором периоде близко к норме классического образца — 22. В третьем периоде — 19 слогов, в четвертом — 29. Пятый период состоит из 40 слогов, и лишь последний, шестой, содержит ровно 24 слога.

Проанализируем еще один сложный период, написанный поэтом. Писать русские стихи в форме периода решались только поэты, обладавшие большим и зрелым мастерством. Рассмотрим стихотворение М.Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива».

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда, росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студень ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога...

Сложный период содержит 16 строк. На первый взгляд кажется, о стихи, написанные в форме периода, полностью соответствуют авилам, сформулированным античными мастерами: первые три

...подчинительным союзом «когда» и являются придаточными предложениями времени, стоящими перед главным предложением, которое (тоже в соответствии с правилами античности) начинается союзным словом «тогда».

Казалось бы, перед нами образцовый сложный период, как рекомендовал составлять Цицерон: 3+1. Три первых простых периода должны создавать здесь **повышение**, а последний — **понижение**. Но античный образец временного периода кажется поэту слишком простым, поэтому он отказывается прежде всего от его интонационной модели. Стихотворение сохраняет интонационную структуру периода лишь как тенденцию, наполняясь богатыми и разнообразными обертонами.

Кроме того, М.Ю. Лермонтов вводит в каждое четверостишие элемент повтора, называемый в риторике параллелизмом¹. Во всех четверостишиях у него не один, а два простых периода, каждый из которых по количеству слогов очень близок к античному образцу. Так оба простых периода первого четверостишия содержат по 24 слога. В втором четверостишии первый период имеет 23, а второй — 21 слог. Третье четверостишие: первый период — 25 слогов, второй — 21 слог.

¹ Разновидностью параллелизма можно считать повтор синтаксических конструкций, однотипный порядок слов, одинаковое расположение сходных членов предложения, однотипность сказуемых. Рассмотрим первое четверостишие. Первый период начинается с первой строки, параллельной с третьей. Обе строки начинаются простыми глагольными сказуемыми, выраженными переходными глаголами изъявительного наклонения, настоящего времени, третьего лица, единственного числа. Количество слогов у глаголов разное. Глагол «волнуется» имеет четыре слога, «прячется» — три. Но поэт, для того чтобы удлинить звучание более короткого глагола, поставил перед ним союз «и». Действие глаголов переходит на предметы, выраженные двусловным сочетанием прилагательного и существительного, имеющих одинаковое количество слогов — 7. Сказуемые периодов согласуются с подлежащими, выраженными указанными словосочетаниями («желтеющая нива...»), («малиновая слива») в единственном числе. Каждое из существительных («нива», «слива») имеет эпитет, то есть определение, прибавленное к названию предмета.

В четвертом, заключительном: 25 и 21. Параллелизм не дублирует высказанную мысль, а усиливает ее воздействие на слушателя или читателя стихов. Последнее же четверостишие, являющееся главным предложением грамматической конструкции, составлено столь искусно, что может быть соединено с любым из первых трех четверостиший, которые являются его придаточными; смысл при этом сохраняется.

Период в стихах, написанных М.Ю. Лермонтовым, очень красив, усилен параллельным периодом, оригинален по интонационному звучанию, тем не менее для нас — это обычный сложный период, называемый *ораторским*.

Говоря о сложном периоде, будем различать *ораторский период* и *период логический*. Сложный период, не содержащий логического умозаключения, будем называть *ораторским*. Период, содержащий логическое умозаключение, — *логическим*. Логические периоды могут быть оценены либо как истинные, либо как ложные, при этом можно говорить как о степени обоснованности такого периода, так и о логических ошибках, допущенных при его составлении. К периодам ораторским логические требования и оценки неприменимы.

Период М.Ю. Лермонтова не может считаться логическим в силу двух обстоятельств. Во-первых, он не является умозаключением. Во-вторых, период содержит термины, которые с позиций науки нельзя трактовать четко и определенно: в последних строчках, например, речь идет о видении Бога... По поводу этого периода незачем волноваться. Это прекрасный период, который всегда будет в золотом фонде литературы.

Другое дело, когда подобный период используется в судебной речи. Услышав такой период в судебной речи, мы должны решить: можно ли говорить о его истинности или ложности; может быть, надо говорить о его обоснованности либо считать та-ким построением, которое не является умозаключением и которым оратор просто стремится воздействовать на чувства слушателей? Прочтем знаменитое начало речи Ше д'Эст Анжа по делу ла Ронсьера:

«Когда нам говорят о великом преступлении, вроде того, кото-

рое разбирается здесь; когда нам кажется, что оно было направл против целой семьи, заранее обдуманно с какой-то дьявольской : бой, когда жертва его — слабая девушка, подвергавшаяся небл лым оскорблениям, насилиям, жестокостям, каждый из нас, воз щенный, становится на сторону обиженных»¹.

Здесь также используется временной период, его классичес модель: 3+1. Этот период также не является умозаключением и п му не может оцениваться как истинный либо ложный. Использо его, оратор стремился «подкупить» слушателей своей объективнос и, воздействуя на чувство справедливости, имеющееся у каждог нас, — привлечь их на свою сторону.

Обратимся вновь к сложному периоду Н.М. Карамзина, рассу ренному в начале параграфа. Некоторые его части, которые были званы «простыми периодами», выражались сложными предложения Но данный период является умозаключением, поэтому мы считаем логическим, а не ораторским периодом. Иначе говоря, исходным по жением при рассмотрении периода является мысль о необходимо различать их в зависимости от того, могут ли они быть выражены с мощью умозаключения или нет. **Ораторскими периодами** считаяо конструкции, соответствующие теоретическим представлениям о риоде. **Логическими периодами** нужно называть грамматические к струкции, с помощью которых выражается умозаключение.

Логический период — это призыв либо к опровержению, либ признанию истинности сказанного. Ораторский период — : средство воздействия на чувства аудитории. Воздействие на чув ва (если это делает ваш противник) нельзя оставлять без ответа, здесь требуются действия совсем иного рода. О них мы будем ворить в другой части работы.

¹ Сергеев П. Искусство речи на суде. М.: Юрид. лит. 1988. С. 63.

Сейчас рассмотрим уже разбиравшийся нами период Н.М. Карамзина, но теперь уже с логической точки зрения. Для этого выпишем необходимые переменные и обозначим их.

S_1 — Борис Годунов;

R_1 — добрые качества, необходимые вельможе в большем количестве, чем всем остальным людям;

R_2 — отсутствие добродетели;

R_3 — умение благотворить лишь ради славы и власти;

R_4 — способность видеть в добродетели лишь средство к достижению цели;

R_5 — необузданно стремиться к господству, будучи подданным;

R_6 — совершать зло ради личной выгоды;

P — проклятие веков заглушает добрую славу.

Схема умозаключения записывается следующим образом:

S_1 имеет признак R_1 , приводящий к P

S_2 имеет признак R_2 , приводящий к P

.....

S_1 имеет признак R_6 , приводящий к P

Признаки $R_1 — R_6$, которыми обладает S_1 , приводят к P

По-видимому, S_1 придет к P .

Данное умозаключение неполной индукции является лишь вероятностным. Скажем, историк-макиавеллист мог бы не согласиться с оценкой Б. Годунова, сделанной Н.М. Карамзиным в данном периоде. Но сейчас обращаем внимание читателя на другой интересный момент. В тексте периода утверждение Историка о проклятии веков, обеспеченном Борису Годунову, звучит как не вызывающее никаких сомнений, то есть как необходимое.

Логическая форма умозаключения свидетельствует о том, что мозаключение, содержащееся в периоде, является лишь вероятным. В этом проявляется различие между ораторским и логическим периодами. Период, очень убедительный по своей словесной форме, может оказаться умозаключением, содержащим не безусловное доказанное, но лишь вероятное утверждение. Если оратор сможет

показать суду, что периоды, звучавшие в устах его противника как безусловные, на самом деле являются вероятностными умозаключениями, то такого оратора можно поздравлять с победой.

Логический анализ — дополнительное оружие не только в борьбе за справедливое судебное решение, он делает наше понимание любой речи полнее и богаче. Рассмотрим период, в котором нет расхождения между логической и словесной формой выражения. В качестве примера возьмем отрывок из речи М.Т. Цицерона «В защиту поэта Авла Лициния Архия».

В данном случае будет рассматриваться период условный. Речь уже шла о том, что, с точки зрения Цицерона, наиболее подходящая модель периода: 3+1. Модель такого периода: Если ..., если ..., если ..., (то)... Грамматически такой условный период — это конструкция сложноподчиненного предложения, в которой главному предложению предшествуют три придаточных условных предложения.

Главное, однако, при составлении периода — мысль, которую вы собираетесь высказать. Мысль первична. Форма выражения должна соответствовать содержанию, а не быть чем-то самодовлеющим. Все это прекрасно понимал Цицерон, для которого форма выражения мысли никогда не была важнее самой мысли. Рассмотрим период:

«Если я почувствую, что вы охотно предоставляете мне эту возможность, (р), то я, конечно, достигну того, что вы признаете присутствующего здесь Авла Лициния не только не подлежащим исключению из числа граждан (q_1) — коль скоро он является гражданином (p_1), — но решите, что, если бы даже он им не был ($\neg p_1$), его следовало бы принять в их число» ($\neg q_1$)¹.

Схема периода (3+1) выдержана, но так, чтобы излагаемая мысль была передана с необходимой ясностью и полнотой: Если ..., то ..., коль ..., если ..., (то). Период является большей условной посылкой

¹ Обозначения переменных сделаны в соответствии с общими правилами логики. Знак $\neg$, стоящий во второй части периода, обозначает отрицание этих утверждений.

умозаключения. Меньшая посылка (р) не произносится повторно поскольку Оратор делает вид, что уже получил молчаливое разрешение судей на то, чтобы свободнее говорить о просветительской деятельности и литературе. Итак, две посылки есть, а заключение опущено.

Оратор, который хочет, чтобы его внимательно слушали, должен говорить силлогизмами. Это слишком утомляет слушателей. Речь станет динамичнее и будет легче восприниматься, если оратор использует энтимемы, то есть силлогизмы, с пропущенными посылками или заключением. Такой совет ораторам давал еще Аристотель. Цицерон умело этим советом пользуется. Заключение понятно: Оратор взял на себя обязательство доказать одновременно и (1) что Авл Лициний не подлежит исключению из числа граждан если действительно является гражданином: $(p_1 \rightarrow q_1)$; и (2) если бы Лициний не был гражданином, то его следовало бы принять в их число: $(\neg p_1 \rightarrow \neg q_1)$.

Все умозаключение имеет следующий вид:

$$\frac{p \rightarrow [(p_1 \rightarrow q_1) \wedge (\neg p_1 \rightarrow \neg q_1)], p}{(p_1 \rightarrow q_1) \wedge (\neg p_1 \rightarrow \neg q_1)}$$

Итак, сложный период, с точки зрения грамматики, представляет собой сложное предложение, сложносочиненное или сложноподчиненное. О наличии периода говорит смысловое единство предложений, которое чаще всего выражается союзами или союзными словами, связывающими части периода в единое целое. Сложные периоды, которые мы называли ораторскими, используются для того, чтобы придать сказанному убедительный и обоснованный вид, но эти периоды не всегда являются умозаключениями, то есть логическими периодами. Периоды необходимо анализировать как с грамматической, так и с логической точки зрения. Логический анализ позволяет выяснить, являются ли они умозаключениями, а если являются, то следует ли умозаключение из посылок по правилам логики или не следует. Он также позволяет установить — будет ли полученный

Все рассматриваемые периоды объединены в четыре группы. В первую входят периоды, используемые для передачи особенностей причинной обусловленности явлений. Во вторую — периоды, используемые при сравнении обсуждаемых явлений, событий или процессов. В третью — периоды, используемые в тех случаях, когда между явлениями, событиями или процессами существуют родовидовые отношения. В четвертую — периоды, используемые для передачи временной последовательности.

(а) Периоды, используемые для передачи особенностей причинной обусловленности явлений

Таковыми периодами являются собственно *причинный период*, *условный* и *уступительный* периоды. Все они в качестве предпосылки содержат мысль о том, что какое-то событие, о котором идет речь, произошло не само по себе, а вызвано или обусловлено другим, произошедшим ранее. Употребляя *причинный период*, оратор считает, что *причина известна и точно установлена*. Используя *условный период*, оратор исходит из того, что *причина может быть установлена лишь предположительно*, но налицо есть несомненная связь между обсуждаемыми явлениями. Прибегая к *уступительному периоду*, оратор *не отрицает причинную связь между рассматриваемыми явлениями, но указывает на обстоятельства, которые могли бы помешать произойти некоему действию* (следствию, обусловленному причиной), *но не помешали*.

Суждения, входящие в эти периоды, с грамматической точки зрения, неотличимы от суждений, используемых в обычных сложноподчиненных предложениях с придаточными причины, условными или уступительными. С точки зрения логики (когда речь идет о логических периодах), их можно отличать, поскольку суждения, входящие в логический период, содержат в себе дополнительную информацию, выражаемую операторами модальности. Иначе говоря, суждения, входящие в логические периоды, связанные с понятием причинной обусловленности явлений указывают на необ-

гими явлениями. Кроме того, эти суждения могут иметь и деонтическую модальность, выражаемую в логике с помощью операторов: обязательно, разрешено, запрещено.

Итак, причинный логический период содержит в себе предположение, что связь между главным и придаточным предложениями является необходимой и закономерной. В грамматическом плане мы имеем дело со сложным предложением, в котором одна часть является главным предложением, другая — придаточным предложением. Придаточное указывает на причину того, о чем говорится в главном предложении и отвечает на вопросы **почему? отчего? и др.** Присоединяются придаточные к главному предложению с помощью союзов: **потому что, оттого что, так как, ибо.** Подчеркнем еще раз: принципиальной разницы (грамматической) между ораторским периодом и обычным сложноподчиненным предложением с придаточным причины нет. Период представляет собой несколько более сложную конструкцию — и только. Приведем примеры сложноподчиненных предложений с придаточным причины:

«Так как Каштанка взвизгнула и попала ему под ноги, то он не обратил на нее внимания». (А.П.Чехов.)

Наташа заревела, как ребенок, только оттого, что Соня плакала. (Л.Н.Толстой.)

Рассмотрим ораторский период:

Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышат их домашни дроги, —
Поступком оскорбясь таким,
Все дружбы прекратили с ним.

(А.С.Пушкин.)

Так, разницы, с грамматической точки зрения, между сложноподчиненным предложением, придаточным причины и причинным ораторским периодом нет. Есть разница между ораторским периодом и

логическим. Связана она с тем, что последний выражает умозаключение. Приведем пример логического причинного периода:

«Ленивый человек не будет иметь успеха в своих начинаниях, потому что все предпринимаемое нами требует труда и усилий».

В данном примере главное предложение является заключением. Придаточное — посылкой, из которой заключение выводится; но умозаключение не дано полностью: одна из посылок пропущена, и ее надо восстановить¹.

В примере пропущена меньшая посылка, но заключение и большая посылка нам известны. Меньшая посылка должна содержать меньший (S) и средний (M) термины. Меньший термин нам известен из заключения, а средний — из большей посылки. Большая посылка является выделяющим суждением, и хотя меньшая посылка является отрицательной, мы можем восстановить силлогизм по первой фигуре. В силлогистическом форме логический период будет выглядеть следующим образом:

Только труд и усилия (M⁺) приносят успех (P⁺)

Ленивый человек (S⁺) не будет прилагать усилий и трудиться (M⁻)

Ленивый человек (S⁺) не будет иметь успеха (P⁺)

Вывод следует с необходимостью, поскольку все правила силлогизма соблюдены.

Разновидностью причинного периода является период **предположительно-причинный**. Он используется тогда, когда причина или не установлена, или утверждение о причинной зависимости между обсуждаемыми явлениями может вызывать сомнение либо возражения. Обычно его называют **условным**. С грамматической точки зрения, это сложноподчиненное предложение — или несколько предложений, — содержащее главное и придаточное условия. Как известно, придаточные условные указывают, при каком условии возможно то, о чем говорится в главном

¹ Чтобы представить логический период в строгой форме логического умозаключения, его необходимо привести в соответствующий вид.

точные условные присоединяются к главному союзами **если**, **когда**, **раз** и др. С точки зрения логики, условный период содержит утверждения, связь между которыми может быть выражена в форме условного умозаключения. Это умозаключение бывает истинным, если являются истинными составляющие его предложения (посылки), и если связь между ними имеет закономерный характер.

Приведем примеры, иллюстрирующие разницу между предложением и периодом.

«Когда бы вверх могла поднять ты рыло, тебе бы видно было, что эти желуди на мне растут». (И.А. Крылов.)

«Быть бы нашим странникам под родною крышею, если б знать могли они, что творилось с Гришею». (Н.А. Некрасов.) — Это примеры предложений.

Пример периода:

«Обмен жилыми помещениями может быть признан судом недействительным, (*q*) если он произведен с нарушением требований, предусмотренных Жилищным кодексом (*p*). В случае признания обмена недействительным, (*q*) стороны подлежат переселению в ранее занимаемые помещения» (*r*)¹.

Разница между обычным сложным предложением с придаточным причины и условным логическим периодом в том, что в последнем случае мы имеем дело с умозаключением. Обе посылки периода — условные суждения, причем следствие первой посылки является основанием второй (*q*), из которого, в свою очередь, вытекает некоторое следствие (*r*). Общая часть двух посылок (*q*) позволяет связать основание первой (*p*) и следствие второй (*r*). Поэтому заочение также выражается в форме условного суждения. Общая схема умозаключения будет такой:

¹ Жилищный кодекс РФ с изменениями и дополнениями на 1 окт. 1996 г. Ст. 74. М.: Проспект, 1996. С. 33—34. Переменные в тексте проставлены нами. — О.П.

В словесном выражении заключение читается следующим образом: если обмен жилыми помещениями произведен с нарушением требований, предусмотренных Жилищным кодексом, то стороны подлежат переселению в ранее занимаемые помещения.

Итак, логический условный период имеет форму **чисто условного умозаключения**, то есть такого умозаключения, посылок заключения которого являются условными суждениями. Одно заключение в периоде пропущено, но восстановить его не представляет труда.

Рассмотрим ораторский условный период:

«Если когда-нибудь, — сказал он, — сердце ваше знало чувства любви, если вы помните ее восторги, если вы хоть раз улыбнулись при плаче новорожденного сына, если что-нибудь человечески билось когда-нибудь в груди вашей, то умоляю вас чувствами сестры, любовницы, матери, — всем, что ни есть святого в жизни, не откажите мне в моей просьбе». (А.С. Пушкин.)

Ораторский период не содержит умозаключения, но периодическая форма придает речи большую убедительность, чем если бы же самое было высказано так называемой отрывистой речью. В периоде использована модель: Если..., если..., если..., если..., (то)..., есть 4+1. Основания и следствие периода не отражают какой-то объективной зависимости. Между основаниями и следствием есть связь, воспринимаемая как закономерная только говорящим, но она может не показаться такой слушающему или читающему. Тем не менее периодическая форма речи, формально предполагающая причинно-следственную зависимость между основаниями и следствием, придает просьбе и следовательный и законченный вид, увеличивая тем самым ее убедительность. Убеждающую силу сказанному добавляет и интонация в повышении (восходящей части) излагаются условия осуществления того, о чем говорится в понижении (нисходящей).

Период, называемый **уступительным**, также связан с выявляющей причинной обусловленностью явлений. Грамматически — это предложение два или более, одно из которых является главным, а другое — придаточным уступительным. Придаточное уступительное указывает на причину, которая могла бы помешать тому, о чем говорится в главном, но не помешала, и обычно отвечает на вопрос **несмотря на что**. Придаточные уступительные присоединяются к главным посредством союзов **хотя (хоть); пускай; пусть; несмотря на то, что**. Если придаточное уступительное стоит перед главным, то между предложениями могут быть противительные союзы **но, однако, а, да**.

Приведем примеры сложноподчиненных предложений с придаточными уступительными:

«Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь». (Н.В. Гоголь.)

«Как ни крепился Чичиков духом, однако похудел и даже позеленел во время таких невзгод». (Н.В. Гоголь.)

Уступительный период:

«Никто из жителей поселка Великодворье и близлежащих деревень не мог знать о том, что в ночь на 4 апреля того года кому-то из них угрожала опасность, кто-то мог стать жертвой разбойного нападения, хотя такая опасность и существовала». (Царев В.И. Обвинительная речь по делу братьев Кондраковых.)

Сравнив сложные предложения с придаточными уступительными и уступительный период, мы заметим следующее: 1) с точки зрения грамматики, период является сложноподчиненным предложением с придаточным уступительным, то есть, говоря иначе, период неотличим от других предложений подобного типа; 2) неотличимы они и с логической стороны, прежде всего потому, что период не является умозаключением. Придаточное уступительное просто подчеркивает то, о чем сообщается в главном предложении. Придаточное, не являясь посылкой, тем не менее усиливает и как бы заставляет еще раз повторить мысль главного предложения. Итак, период просто оказывает более сильное эмоциональное воздействие на слушателя, чем если бы то же самое было высказано только в одном главном предложении, но

при этом период не является логическим умозаключением. Поэтому у ораторов появляется стремление усилить уступительный период другим. Усиление одного периода другим создает так называемой **составной период**. В последнем случае речь приобретает дополнительную — как эмоциональную, так и логическую — убедительность. Рассмотрим пример **составного периода**, где объединены условный и уступительный периоды:

«А по моему мнению, господа судьи, если кто вам причинит большие несчастья, — такие, выше которых ничего не может быть, хотя бы это зло было совершено против его воли, то это еще не причина, чтобы вам не наказывать его». (Лисий. Речь против Агората. 52.)

Представим этот отрывок из судебной речи в явной логической форме.

Посылки:

Большая: Если один человек по собственной воле (p_1) причинит другому такие несчастья, выше которых ничего не может быть (p_2), то суд должен наказать такого человека (q).

Меньшая: Этот человек причинил другому такие несчастья, выше которых ничего не может быть (p_2), но он причинил их против своей воли ($\neg p_1$).

$$\frac{((p_1 \wedge p_2) \rightarrow q) (\neg p_1 \wedge p_2)}{\text{вер. } q}$$

Вывод делается по правильному модусу условно-категорического силлогизма, но такие посылки не дадут безусловного умозаключения. Вывод может быть только вероятностным.

Когда речь идет об убеждении слушателей, то целесообразнее сформулировать вероятное умозаключение, чем не произнести никакого. Придав форму дедуктивного умозаключения рассуждениям о событиях, связь между которыми нельзя считать очевидной, оратор тем самым воздействует и на чувства слушателей. Умозаключение лишь вероятно, но слушатели, чтобы оценить сказанное, должны будут все обдумать. Обдумывать же они должны начать

чение. Обдумывая, они невольно запомнят тот отрывок из речи, над которым размышляли, и будут ждать опровергающих рассуждений от противоположной стороны.

Плохо, когда оппонент оставит такое умозаключение без возражений или сможет привести в ответ лишь вероятностное рассуждение. Но так или иначе, сформулировав умозаключение, оратор проявил активность и заставил противоположную сторону с собой считаться: оппонент вынуждается говорить не о том и не так, как он хочет, а так, как его к этому вынуждают. Более активный оратор, в таком случае, захватывает не только инициативу, но и завоевывает симпатии слушателей.

(б) Периоды, используемые для сравнения обсуждаемых явлений, событий или процессов

Вторую группу периодов составляют периоды, в основе образования которых лежит операция сравнения. Через сравнение объект речи выделяется и появляется возможность отличить его от других предметов или явлений. Эта операция не является логическим определением в строгом смысле слова, поскольку в периодах этой группы говорится лишь о том, на что предмет похож или чем он отличается от других, но не указывается, чем он является сам по себе. Таким образом, выделение предмета речи осуществляется не на строго логической основе. Однако высказывания, образующие период, являются ими лишь постольку, поскольку выполняют свою логическую функцию — выделить предмет речи. Именно эта функция позволяет объединить высказывания в единое целое, потому что только благодаря ей все составляющие периода обретают смысловое единство. Эти периоды могут содержать соответствующие союзы, но могут и не содержать их, поэтому только смысловое единство предложений и выполняемая ими общая функция позволяют говорить о том, что все эти высказывания составляют единое целое, то есть период. Поскольку с помощью этих периодов нельзя строго определить предмет речи, постольку они выполняют функ-

цию украшения речи, а также привлекают внимание слушателей к тому, о чем говорит оратор.

Первым в данной группе периодов рассмотрим период **сравнительный**. Образуется он следующим образом: к главному предложению, — которое несет основную информацию, или, как говорили российские риторы, является целью речи, — присоединяется придаточное сравнительное. В этом периоде одна его часть поясняет другую путем сравнения.

Сравнивание производится тогда, когда для объяснения особенностей предмета речи ему приписываются свойства, сходные с чертами другого предмета. Сравнительный период может состояться иногда со ссылкой на конкретный пример или случай, а также событие, лицо, происшествие. Можно также составить сравнительный период, процитировав высказывание, сделанное известным человеком.

Как известно, в сложных предложениях этого типа то, о чем говорится в главном предложении, поясняется при помощи сравнения, заключающегося в придаточном. Придаточные предложения, входящие в состав сложных предложений этого типа, называются **сравнительными**. Указанное отношение между главным и придаточным предложениями выражается сравнительными союзами **как, будто, словно, как будто, точно** и некоторыми другими.

Выясним, отличаются ли принципиальным образом сложные предложения с придаточными сравнительными от сравнительного периода.

Предложения:

«(Борис) Служите мне, как вы ему служили». (А.С. Пушкин.)

«...Я оробел и ждал графа с каким-то трепетом, как проситель из провинции ждет выхода министра». (А.С. Пушкин.)

«Он (Герасим) вырос немой и могучий, как дерево растет на плодородной почве». (И.С. Тургенев.)

Периоды:

«Я очень люблю скромную жизнь тех уединенных владельцев отдаленных деревень, которых в Малороссии обыкновенно на-

зывают старосветскими, которые, как дряхлые живописные домики, хороши своею пестротой и совершенною противоположностью с новым гладеньким строением, которого стен не промыл еще дождь, крыши не покрыла зеленая плесень и лишенное щекатурки крыльцо не выказывает своих красных кирпичей». (Н.В. Гоголь.)

«Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается, распластанный среди воздуха на одном месте, и бьет оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца-перепела, — так Тарасов сын Остап налетел вдруг на хорунжего и сразу накинуд ему на шею веревку». (Н.В. Гоголь.)

Рассмотрев примеры, отметим следующее: с точки зрения грамматики, сложное предложение с придаточным сравнительным и сравнительный период неотличимы.

Можно ли считать сравнительный период умозаключением? Это проблема, которую мы предлагаем понимать следующим образом. При сравнении предметов, событий или явлений часто сопоставляются вещи, весьма далекие друг от друга или, как говорят в логике, «относящиеся к разным предметным областям». В связи с этим можно говорить лишь об умозаключениях по аналогии, поскольку только здесь сопоставляются отдельные предметы, явления или процессы, относящиеся к разным предметным областям.

В логике принято различать **буквальную** и **фигуральную** аналогию. Умозаключения буквальной аналогии могут быть оценены с точки зрения их доказанности, а также истинности или ложности. Умозаключения фигуральной аналогии служат лишь для придания большей выразительности тому, что хочет сообщить оратор. Их можно даже рассматривать как развернутые сравнения¹.

Выразим содержание периодов с помощью логических схем для умозаключений по аналогии:

1-й период:

¹ Подробнее об этом см. Гл. IV, § 2, г. Схемы умозаключений по аналогии.

$A_1, \dots, n$ — уединенные владельцы отдаленных деревень, называемые старосветскими;

$B_1, \dots, m$ — дряхлые живописные домики;

P — хороши своею пестротой;

Q — противоположны новым гладким строениям;

R — промыл дождь;

S — покрыла зеленая плесень;

T — крыльцо лишено шекатурки;

U — крыльцо выказывает красные кирпичи;

$\sim$ знак равнозначности, эквивалентности.

Здесь подойдет схема умозаключения по аналогии свойств, хотя сравнение является фигуральным и не может оцениваться ни с точки зрения доказанности, ни с точки зрения истинности или ложности. Писатель использовал период лишь для придания описанию большей выразительности. Схема умозаключения имеет следующий вид:

$A_1, \dots, n$ имеет признаки P, Q, R, S, T, U

$B_1, \dots, m$ имеет признаки P, Q, R, S, T, U

По-видимому, $A_1, \dots, n \sim B_1, \dots, m$

Второй период можно выразить с помощью схемы умозаключений по аналогии отношений:

x — ястреб;

R_1 — бьет;

y — самец-перепел;

m — Остап, сын Тараса;

R_2 — неожиданно налетел на...;

n — хорунжий;

P — долго ищет;

Q — останавливается, выбирая момент для нападения;

S — неожиданно и метко бьет;

$\sim$ знак равнозначности, эквивалентности

1) xR_1y 2) R_1 присущи P, Q, S

mR_2n R_2 присущи P, Q, S

По-видимому, $R_1 \sim R_2$

В умозаклечениях буквальной аналогии на основании выявленного сходства (признаков либо отношений) делается вывод о наличии других сходных признаков или отношений. В умозаклечениях фигуральной аналогии рассуждение строится по другой схеме. Здесь на основе сходства некоторых признаков или отношений у сравниваемых объектов, явлений или процессов делается вывод о тождестве либо эквивалентности данных объектов, явлений или процессов. Умозаклечения фигуральной аналогии не являются умозаклечениями в логическом смысле. Использование в сравнительном периоде умозаклечения фигуральной аналогии придает сказанному большую выразительную силу, чем обычная констатация факта, высказанная в утвердительном предложении. Сравните, например, предложение: «Остап набросил веревку на шею хорунжего» с периодом Н.В. Гоголя. Разница очевидна.

Мы считаем, что поскольку периоды, используемые для сравнения, чаще всего являются умозаклечениями фигуральной аналогии и используются для придания сказанному большей выразительности, постольку их следует считать ораторскими, а не логическими периодами.

Вторым периодом данной группы является период **противоположительный**. Он образуется тогда, когда к главному предложению присоединяется придаточное (причастный или деепричастный оборот), которые имеют смысл, противоположный смыслу главного предложения. Это наблюдается в тех случаях, когда придаточное (и обороты) содержит понятия, противоречащие или противоположные основным членам (или одному из них) главного предложения. При этом образуется сложное предложение, в котором содержание главного предложения рассматривается с точки зрения сопоставления его с тем, о чем говорится в придаточном. Придаточные предложения, а также причастные и деепричастные обороты, входящие в состав сложных предложений этой группы, называются **сопоставительными**. Для выражения названного отношения употребляется ряд сложных по составу

союзов, а именно: **тогда как, в то время как, между (меж) тем как, по мере того, как, чем — тем, насколько — настолько,** также простой союз **поскольку**. Рассмотрим предложение «...Она сознала в себе силы и решилась бороться с мужем, без слез и жалоб, требовать, тогда как до сих пор она только плакала, худела и умоляла мужа». (Н.Г. Помяловский.) Здесь имеет место противопоставление: **плакала, худела и умоляла муж — сознала в себе силы и решила бороться**. Сопоставлении противоположных слов в предложении используется лишь для того, чтобы возникло противопоставление.

В периоде также имеет место противопоставление, сделанное на основе сопоставления:

«Но насилие, какому подверглись те люди, — их несчастье, разврат, которым запятнана жизнь Антониев, — их позор». (Цицерон. Четырнадцатая филиппика против Марка Антония. 9.)

«Зато он, продавший все тело вплоть до горла, откуда исходит голос, негодует и поносит нас за мздоимство, словно он Аристид за распределение взносов между эллинами прозванный Справедливым». (Эсхин. О предательском посольстве. 23.)

Сравнивая предложение и период, отметим, что период дает оратор больше возможностей для выражения мысли, чем предложение.

Однако, когда речь идет о **противоположительном** периоде нечего думать даже о возможности придать мысли хотя бы видимость логического умозаключения. В тексте периода всегда подчеркивается, что у сравниваемых предметов имеются признаки, позволяющие говорить об эквивалентности данных предметов¹.

И последнее. Обычно в сложном **противоположительном** периоде понижение выражает нечто противоположное сказанному повышению, например:

«Неподвижно, с отверзтым ртом, стоял Чартков перед картинкой

¹ В логике «предметом» считается все то, что можно мыслить.

и, наконец... он пришел в себя; хотел принять равнодушный обыкновенный вид, хотел сказать обыкновенное, пошлое суждение зачерствелых художников, вроде следующего: «Да, конечно, правда нельзя отнять таланта от художника; есть кое-что; видно, что хотел он выразить что-то; однако же, что касается до главного...» и вслед за этим прибавить, разумеется, такие похвалы, от которых бы не поздоровилось никакому художнику; хотел это сделать, но речь умерла на устах его, слезы и рыдания нестройно вырвались в ответ, и он, как безумный, выбежал из залы». (Н.В. Гоголь.)

Третьим периодом в этой группе является **позволительный**. Иногда его рассматривают даже как разновидность **противоположительного**. В нем противопоставление утверждению, содержащемуся в главном предложении, осуществляется с помощью придаточного уступительного, соединенного с главным предложением союзами **хотя (хоть)**, **несмотря на то что**, **невзирая на то что**, **тускай**, **пусть**, **даром что**.

Пример такого периода:

«Связавшись с Андреевым, прижив от него ребенка и переманив его к себе на правах мужа, Зинаида Николаевна сообразила, что она приобрела семейное положение и, однако же, нисколько не утратила всей свободы». (Андреевский С.А. Речь по делу Андреева.)

В качестве четвертого периода в этой группе мы рассматриваем период **определятельный**. В нем не дается определения в логическом смысле, но то, о чем идет речь (лицо, предмет, явление, процесс и п.), называется и описывается в одной из частей периода; характеристика или оценка того, о чем идет речь, дается в другой части.

«При таких обстоятельствах заявлять превосходство своего офицерского звания над человеком, который связан по рукам и ногам военной дисциплиной, звать его по этому частному делу в артиру Даниловой было действием совершенно неправильным». (Пасович В.Д. Дело Дементьева.)

Схема: 2+1. Модель определятельного периода, рекомендуемая школьникам (3+1), имеет следующий вид: **кто ..., кто ..., кто ..., (тот)**.

**(в) Периоды, используемые в том случае, когда между
обсуждаемыми явлениями, событиями или процессами
существуют родовидовые отношения**

Следующие два периода: **соединительный** и **разделительный** — рассматриваем как составляющие третью группу. Оба периода в качестве предпосылки содержат логическую идею признания существования родовидовых отношений между предметами мысли их свойствами и отношениями.

Период, называемый **соединительным**, используется для того чтобы описать некое целостное и сложное явление, которое понимается как общее (родовое) по отношению к другим, составляющим его явлениям. Предполагается, что это можно сделать, разбив целое на более простые составляющие части (виды). Части называются и описываются для того, чтобы дать более четкое представление о сложном целом.

Грамматически для связи частей могут быть использованы разные союзы и союзные слова; части могут соединяться и бессоюзно. Единство периода вытекает из общего смысла сказанного.

В начале данного параграфа мы приводили пример соединительного периода Н.М. Карамзина и отмечали, что такой период может быть представлен в форме вероятностного умозаключения, однако такое бывает не всегда. Рассмотрим соединительный период Н.В. Гоголя:

«Нужно, чтобы он речами своими разодрал на части мое сердце, чтобы горькая моя участь была еще горше, чтобы еще жалче было мне моей молодой жизни, чтобы еще страшнее казалась мне смерть моя и чтобы еще больше, умирая, попрекала я тебя, свирепая судьба моя, и тебя — прости мое прегрешение, — святая божья мать!»

Период этот ораторский, он не предполагает последовательного описания явлений, о которых идет речь. Средством связи, соединяющим «простые периоды» в единое целое, здесь является логический союз «и».

Логический союз, при условии, что период используется в судебной речи, — выполняет очень важную роль, отличающую его от соответствующего грамматического союза. Логический союз «и» позволяет оценить каждую простую часть периода и весь период в целом с точки зрения истинности либо ложности. Период является истинным, если истинны все его части, соединенные логическим союзом «и»; ложным, если хотя бы одна из его составляющих (любой простой период) будет ложной. Ложность либо истинность самих составляющих определяется на уровне содержательного анализа текстовых единиц.

Истинными либо ложными могут быть только логические периоды. Рассмотрим пример логического соединительного периода:

(129) «Но в одно и то же время давали поручительства за денежные суммы, заключали договоры о провинциях, продавали титулы царей, по всему городу расписывали всех рабов по кварталам, заключали мир с недругами, писали необычные приказы для молодежи, готовили яд для несчастного Квинта Сея, составляли план убийства Гнея Помпея, защитника и охранителя нашей державы, — с тем, чтобы сенат не имел никакого значения, чтобы всегда горевали честные люди, чтобы государство, захваченное вследствие предательства консулов, было во власти трибуна». (Цицерон М.Т. Речь о своем доме.) Схема: 3+1.

Этот период будет считаться истинным, если будет установлено, что **каждый** из названных фактов является истинным. Если же хотя бы один из них не будет признан истинным, то период в целом надо считать ложным.

При составлении **разделительного** периода первоначальное целое (род) также предполагается выразить через виды, но эти виды выступают как альтернативы. Каждая из альтернатив по отношению к другой является или противоположным, или противоречащим суждением.

Разделительный период также может быть оценен логически, с точки зрения истинности или ложности, поскольку его составляю-

щие, несмотря на грамматическое разнообразие соединяющих их союзов, соединены такой связью, которая соответствует логическому союзу «либо — либо». Это означает, что сложный период будет истинным лишь в том случае, когда истинна только одна (любая) из входящих в него альтернатив, и ложным во всех остальных случаях. Реальная истинность входящих в период альтернатив (простых периодов) устанавливается в результате содержательного анализа конкретного текста.

Каждое из предложений (простых периодов), входящее в разделительный период, исключает возможность того, о чем сообщается в других предложениях, например:

«— Григорий Михайлович, — начал он наконец, — или я совершенно ошибся в вас, или вы в состоянии выслушать правду, о которой бы она ни шла и под какой бы невзрачной оболочкой она ни явилась». (И.С. Тургенев.)

Рассмотрим разделительные периоды подробнее:

«Итак, спросим, что было бы лучше: чтобы перед свободой римского народа склонились мечи злодеев или чтобы наша свобода склонилась перед твоим мечом?» (Цицерон М.Т. Вторая филиппика: против Марка Антония. 20.)

«Таков общий исход всех действий человеческих, совершаемых под влиянием страсти; на середине страсть никогда не останавливается; она или замирает, погасает, подавляется или, развиваясь чем далее, тем быстрее, доходит до крайних пределов». (Кони А.Ф. Речь по делу об утоплении крестьянки Емельяновой.)

Когда мы сравним предложение с разделительным союзом и разделительные периоды, то должны будем сказать, что в этих предложениях и в периодической речи используются одни и те же грамматические конструкции. Однако, если разделительный период используется в судебной речи, оратор должен стремиться к максимальной ясности и четкости в выражении мысли, поэтому надо точно назвать родовое понятие. В первом периоде тем не менее родовое понятие найти нелегко: оратор допустил небрежность. По видимому, родовым понятием является «польза государства рим

лян». Во втором периоде родовое понятие названо: «поведение людей, когда ими начинают овладевать страсти». Это понятие делится на две части по следующему основанию: «способность человека подавить страсть». В результате деления получается два противоречащих понятия («люди, способные подавить страсть», и «люди, не способные подавить страсть»), в сумме составляющие объем исходного, родового. Отметив, что деление произведено правильно, дадим логическую оценку периода с точки зрения его истинности либо ложности. Поскольку в каждом конкретном случае человек может либо справиться со своими страстями, либо не справиться с ними, то истинной всегда будет только одна из альтернатив. Следовательно, период составлен правильно, он является истинным.

Итак, при анализе разделительного периода в деловой речи следует: (1) найти общее родовое понятие; если его трудно сформулировать однозначно, значит, период не имеет должной четкости и поэтому не может рассматриваться как обладающий логической доказательностью; в этом случае период оказывает только эмоциональное воздействие на слушателей, поэтому является ораторским; (2) выяснить, насколько правильно родовое понятие поделено на составляющие (виды); если деление произведено неточно, период также должен считаться ораторским; (3) период, в котором соблюдены пп. (1) и (2), можно оценивать с точки зрения логической истинности либо ложности.

(г) Периоды, используемые для передачи временной последовательности

В качестве первого периода в этой группе будет рассмотрен **временной**. Мы уже приводили примеры этого периода, когда разбирали стихотворение М.Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...» и начало речи Ше д'Эст Анж по делу ла Ронсьера. Классическая модель такого периода: 3+1. Начинается период обычно тремя придаточными предложениями времени, с подчинительного союза «когда». Эти три придаточных создают **повыше-**

ние. Последняя часть сложного периода — главное предложение — начинается с союзного слова «тогда».

В приведенном ниже периоде слово «тогда» отсутствует.

«Сознания бывают различных видов, и из числа этих различных видов мы знаем только один, к которому можно отнести совершенно спокойно и с полным доверием¹. Это такое сознание, когда следы преступления тщательно скрыты, когда личность совершившего преступление не оставила после себя никаких указаний, когда виновный сам, по собственному побуждению, вследствие угрызений совести является к суду, заявляет о том, что сделал, и требует, просит себе наказания, чтоб помириться с самим собою». (Кони А.Ф. Речь по делу об убийстве иеромонаха Иллариона.)

Временной период используется для сообщения о событиях, явлениях или процессах, одни из которых произошли раньше, чем другие. Однако эмпирически наблюдаемая и обсуждаемая в речи последовательность не предполагает какой-либо закономерной связи между называемыми явлениями: после этого не значит вследствие этого.

Если закономерной связи принципиально нельзя установить, то временной период не является умозаключением и используется в судебной речи лишь как **ораторский период**, то есть лишь для изложения последовательности совершения каких-то событий, либо для воздействия на чувства слушателей, либо для того и другого одновременно.

К последней группе периодов, кроме временного, мы относим еще два: **последовательный** и **постепенный**. Последовательный период включает в себя сложное предложение, используемое в русском языке для передачи временных отношений. При этом то, с чем говорится в главном предложении, совпадает по времени с тем

¹ Это предложение не входит в период. Мы приводим его только потому, что хотим сохранить смысл отрывка, вырываемого из речи.

чем говорится в придаточном. Таким образом речи придается эмоциональная напряженность.

Совпадение во времени длительных действий или состояний, о которых говорится в главном и придаточном предложениях, выражается, во-первых, в том, что сказуемое главного и придаточного имеют в своем составе совпадающие во временном значении спрягаемые глагольные формы несовершенного вида, а во-вторых, — наличием в придаточном предложении одного из следующих союзов: **когда, пока, как.**

Наиболее распространенным для выражения временных отношений различного вида, и в частности для выражения полного совпадения во времени, является союз **когда**. Союзу **когда** может соответствовать в главном предложении наречие **тогда** или частицы **как, то.**

(Варлаам) «Однако, отец Мисаил, когда я пью, так трезвых не люблю». (А.С. Пушкин.)

Одновременность действий в главном и придаточном предложениях может также выражаться при помощи оборотов: **каждый раз, в тех случаях, в те дни** и т.п. Эти обороты используются при сказуемом главного предложения.

«Каждый раз, когда я приходил, Олеся встречала меня с своим привычным сдержанным достоинством». (А.И. Куприн.)

Последовательный период отличается от описанного сложного предложения тем, что допускает включение в него и придаточного предложения цели. Как известно, придаточными предложениями цели называются такие, которые указывают на цель того, о чем сообщается в главном и отвечают на вопросы **зачем? с какой целью?**

Придаточные цели присоединяются к главному союзом **чтобы** и др.

«...когда человек беспричинно ненавидит другого, несправедлив к нему, то он силится найти в нем хоть какую-нибудь, хотя вымышленную, вину, чтоб оправдаться в посторонних глазах, чтобы даже в глазах самого ненавидимого быть как бы в своем праве». (Кони А.Ф. Речь по делу об утоплении крестьянки Емельновой.)

Постепенный период является конструкцией, позволяющей описать сложное явление или изложить некое сложное событие во временной последовательности, поделив его (явление или событие) на более простые части. Эти части описываются одна за другой. Соединяются части описания с помощью таких вводных слов, как: **во-первых, во-вторых, ..., сначала, потом, затем, наконец** и т.п. Вводные слова в **постепенном** периоде играют очень важную конструктивную роль, поскольку служат для выделения, ограничения, уточнения, пояснения тех или иных частей периода, для их противопоставления, сопоставления, для соединения отдельных частей периода или для выражения итога, заключения.

С логической точки зрения, этот период бывает похож на соединительный или разделительный, но, рассматривая его в последней группе периодов, мы исходили не из логической, а из грамматической его структуры. Признание приоритета логической связи предполагает отвлечение от конкретного содержания высказывания, так как логика, являясь абстрактной наукой, стремится всегда выявить такую связь между высказываниями, которая не зависит от их конкретного содержания. А здесь содержание выходит на первый план, ибо оно определяет содержание частей периода и то, какие в данном случае будут использованы вводные слова. **Постепенный** период предполагает описание частей события или явления как следующих одно за другим в определенной последовательности, при этом части могут соединяться не только между собой, но и с главной мыслью всего периода, высказанной как итог или заключение. Иногда главная мысль не высказывается, а лишь подразумевается; оратор как бы «наводит» на нее слушателей.

Все сказанное о соединении частей периода справедливо и для случаев, когда части противопоставляются друг другу.

(109) «Начав говорить, он первым делом наклеветал на сотоварищей-послов, что, мол, не все мы пришли ради одного и того же и держимся единого мнения, затем подробно перечислил услуги, оказанные им Филиппу: во-первых, рассказал, как поддерживал предложение Филократа, когда тот, написав, что Филиппу можно

прислать послов для переговоров о мире, был привлечен к ответу за нарушение закона, во-вторых, прочитал написанное им самим предложение заключить договор с вестником и послами Филиппа, в-третьих, вспомнил, что народ совещался о мире в назначенные им дни. (110). К сказанному он добавил также выдумку, будто заставил замолчать противников мира, и не словами, а сроками. Затем он напомнил еще одно предложение — о том, чтобы народ обсудил также военный союз; а после и о том, чтобы послам Филиппа были отведены в театре на Дионисиях передние места, — (111) и еще он добавил, что заботился о них, клал им подушки, охранял их и не спал ночами из-за завистников, желавших надругаться над его рвением. А потом стал говорить и совсем смехотворные вещи, так что его сотоварищи закрыли от стыда лица: как он угощал Филипповых послов, как при отъезде нанял им парные упряжки мулов и сам провожал их верхом на коне, и не прячась в темноте, как некоторые, а явно показывая всем свою заботу». (Эсхин. О предательском посольстве.)

В данном примере три связанных по смыслу постепенных периода. Один следует за другим, дополняя предыдущие. Во всех периодах, однако, речь идет об одном и том же: о поведении Демосфена, который был одним из членов посольства, отправленного афинянами к македонскому царю Филиппу. Поведение Демосфена описывается во всех трех периодах. Оно является тем целым, которое делится на части. Вводные слова соединяют части целого, они и придают периоду единство, они же связывают в одно целое все три периода. Перед нами маленькая речь, составленная из периодов одного вида. Вывод не делается, но каждая часть периода и каждый из периодов должны убеждать слушателей в том, что Демосфен действовал самоуправно, под влиянием смешных амбиций, не считаясь с мнением своих товарищей по посольству и с указаниями афинян.

Каждый из периодов и все периоды вместе можно рассматривать как объединенные логическим союзом «и». В этом проявляется близость постепенного и соединительного периодов. Но вид

постепенного периода определяет грамматическая структура: единство и целостность сказанному придают вводные слова.

Последовательный и постепенный являются периодами ораторскими, а юристы, стремящиеся говорить доходчиво и убедительно, часто к ним обращаются.

Хотя понятие «период», как мог убедиться читатель, не является строгим современным научным понятием, оно позволяет совершенствовать навыки самостоятельного выражения собственных мыслей. Эта роль периода ярко проявляется при составлении хри — маленькой речи на заданную тему.

РЕЗЮМЕ

Сложный период с точки зрения грамматики — сложноподчиненное предложение или совокупность таких предложений. С наличием в тексте периода говорит смысловое единство этих предложений, чаще всего соединенных соответствующими союзами.

Начало и конец классического сложного периода произносятся одинаковым тоном, с одинаковой интонацией. Независимо от числа содержащихся в нем простых периодов, сложный период распадается на две интонационные части. Первая из них называется **повышением**. Произносится она всегда с постепенно нарастающим повышением голоса. После нее делается пауза. Вторая часть сложного периода называется **понижением**. Произносится она всегда понижением голоса, которое заканчивается той же нотой, с какой начиналось произнесение первой части сложного периода. Тако звучание создает как бы круг: период начинается и заканчивается одинаково спокойно и на тех же нотах. **Повышение и понижение** в свою очередь, могут распадаться на части — простые периоды; в таком случае одна часть — простой период — отделяется от другой паузой меньшей длительности, чем паузы между **повышением** и **понижением**.

Со стороны содержания сложный период, так же как и простой

характеризуется единством темы и законченностью выражения мысли.

Говоря о сложном периоде, различаем **период ораторский** и **период логический**. Сложный период, не содержащий логического умозаключения, называем **ораторским**. Период, содержащий логическое умозаключение, — **логическим**. Логические периоды могут быть оценены как истинные либо ложные, при этом можно говорить как о степени обоснованности такого периода, так и о логических ошибках, допущенных при его составлении. К периодам **ораторским** логические требования и оценки неприменимы.

Были рассмотрены четыре группы периодов: (а) для передачи причинной обусловленности явлений; (б) описывающие сравниваемые явления; (в) используемые для выражения родовидовых отношений; (г) для передачи временной последовательности.

К периодам первой группы относятся: **причинный, условный и уступительный**. Все периоды этой группы в качестве предпосылки содержат мысль о причинной обусловленности явлений.

Употребляя **причинный период**, оратор исходит из того, что причина известна и точно установлена. Ораторский причинный период представляет собой сложноподчиненное предложение с несколькими придаточными причины.

Логический причинный период — это **умозаключение**. Суждения, входящие в него, указывают на необходимую, а также возможную или невозможную связь между явлениями, о которых идет речь. Кроме того, суждения логического периода могут иметь деонтическую модальность, выражаемую в логике с помощью операторов: обязательно, разрешено, запрещено.

Используя **условный период**, оратор исходит из того, что причина может быть установлена лишь предположительно, но между обсуждаемыми явлениями есть несомненная связь. Ораторский условный период с точки зрения грамматики — сложноподчиненное предложение с несколькими придаточными условия.

Логический условный период — чисто условное умозаключение.

Прибегая к уступительному периоду, оратор не отрицает причинную связь между рассматриваемыми явлениями, но указывает на обстоятельства, которые могли бы помешать произойти некому действию (следствию, обусловленному причиной), но не мешали.

Ораторский уступительный период — сложноподчиненное предложение с придаточным уступительным. Такая конструкция является умозаключением.

Вторая группа периодов — периоды, описывающие сравнимые явления. Сюда относятся периоды: **сравнительный, противоположительный, позвольительный, определительный.**

В основе образования всех этих периодов лежит операция сравнения. Через сравнение объект речи выделяется, и появляется возможность отличить его от других предметов или явлений. Эта операция не является логической в строгом смысле слова, поэтому периоды этой группы являются **ораторскими**, а не логическими.

В **сравнительном** периоде одна его часть поясняет другую путем сравнения. Образуется он, когда к главному предложению присоединяется придаточное сравнительное. Сравнение производится тогда, когда для объяснения особенностей предмета речи ему приписываются свойства, взятые от сходных черт другого предмета.

Вторым периодом этой группы является период **противоположительный**. Он образуется тогда, когда к главному предложению присоединяется придаточное (причастный или деепричастный оборот), которое имеет смысл, противоположный смыслу главного предложения. Такое происходит в том случае, когда придаточное (обороты) содержит понятия, противоречащие или противоположные основным членам (или одному из них) главного предложения. В этом образуется сложноподчиненное предложение, в котором держание главного предложения рассматривается с точки зрения поставления его с тем, о чем говорится в придаточном. Обычно в **противоположительном** периоде **понижение** выражает нечто противоположное сказанному в **повышении**.

Позволительный период иногда рассматривают как разновидность **противоположительного**. В нем противопоставление утверждению, содержащемуся в главном предложении, осуществляется с помощью придаточного уступительного, соединенного с главным предложением союзами **хотя, пусть, пускай**.

Четвертым (и последним) в этой группе рассматривается период **определятельный**. В нем не дается определения в логическом смысле, но то, о чем идет речь (лицо, предмет, явление, процесс и т.п.), называется и описывается в одной из частей периода; характеристика или оценка того, о чем идет речь, дается в другой части периода.

Периоды **соединительный** и **разделительный** составляют группу периодов, используемых для выражения родовидовых отношений.

Период, называемый **соединительным**, употребляется для того, чтобы описать некое целостное сложное явление, которое понимается как общее (родовое) по отношению к другим, составляющим его, явлениям. Это достигается путем деления целого на части (виды). Части называются и описываются для того, чтобы дать более четкое представление о сложном целом.

Единство периода вытекает из общего смысла сказанного. **Соединительный** период может содержать умозаключение, то есть быть логическим, а может и не содержать умозаключения, в таком случае он будет ораторским.

В **разделительном** периоде первоначальное целое (род) также предполагается выразить через виды, но эти виды выступают как альтернативы. Каждая из альтернатив по отношению к другой является или противоположным, или противоречащим суждением.

Столкнувшись с **разделительным** периодом в деловой речи, следует: (1) найти общее родовое понятие; если его трудно сформулировать однозначно, значит, период не имеет должной четкости и поэтому не может рассматриваться как обладающий логической доказательностью; в этом случае период оказывает только эмоцио-

нальное воздействие на слушателей, поэтому является ораторским; (2) выяснить, насколько правильно родовое понятие поделено на составляющие (виды); если деление произведено неточно, период также должен считаться ораторским; (3) период, в котором соблюдены пп. (1) и (2), можно оценивать с точки зрения логической истинности либо ложности.

Четвертая группа — периоды передачи временной последовательности: **временной, последовательный, постепенный.**

Временной период используется для сообщения о событиях, явлениях или процессах, одни из которых произошли раньше, чем другие. Однако наблюдаемая и обсуждаемая в речи последовательность не предполагает какой-либо закономерной связи между явлениями; поэтому временной период не является умозаключением и используется в судебной речи как **ораторский период.**

Классическая модель периода: 3+1. Начинается период тремя придаточными предложениями времени, с подчинительного союза «когда». Эти три придаточных создают **повышение.** Последняя часть сложного периода — главное предложение — произносится с понижающейся интонацией и начинается союзным словом «**тогда**».

Последовательный период образуется на основе сложноподчиненного предложения с придаточным времени. Допускается включение в конструкцию придаточных цели. Последовательный период передает **совпадение** во времени длительных действий, или состояний, о которых говорится в главном и придаточных предложениях. Совпадение во времени может выражаться, во-первых, в том, что сказуемые главного и придаточного имеют в своем составе совпадающие во временном значении спрягаемые глагольные формы несовершенного вида, во-вторых, — наличием в придаточном предложении одного из следующих союзов: **когда, пока, как;** в-третьих, — наличием в главном и придаточном оборотов: **каждый раз, в тех случаях, в те дни** и т.д.

Постепенный период является конструкцией, позволяющей описать сложное явление или изложить некое сложное событие во

временной последовательности, поделив его (явление или событие) на более простые части. Эти части описываются одна за другой. Соединяются части описания с помощью таких вводных слов, как: **во-первых, во-вторых, ..., сначала, потом, затем, наконец** и т.п. Этот период не связывается с какой-то определенной грамматической конструкцией. Конструктивную роль в **постепенном** периоде играют вводные слова, поскольку именно они служат для выделения, ограничения, уточнения, пояснения тех или иных частей периода, для их противопоставления, сопоставления, для соединения отдельных частей периода или для выражения итога, заключения. В **постепенном** периоде содержание описываемого выходит на первый план, поскольку оно определяет количество и содержание частей периода, а также и то, какие в данном случае будут использованы вводные слова. Данный период предполагает описание частей события или явления как следующих одно за другим в определенной последовательности, при этом части могут соединяться не только между собой, но и с главной мыслью всего периода, высказанной как итог или заключение. Иногда главная мысль не высказывается, а лишь подразумевается.

ТЕРМИНЫ

Сложный период.

Периоды, выражающие причинную обусловленность явлений: причинный, условный; уступительный.

Периоды для сравнения: сравнительный, противоположительный, позволительный, определительный.

Периоды, выражающие родовидовые отношения: соединительный, разделительный.

Периоды временной последовательности: временной, последовательный, постепенный.

ЗАДАНИЯ

1. Назовите отличительные особенности периодов, используе-

мых для описания причинной обусловленности явлений (причинный, условный, уступительный).

2. Укажите отличительные особенности периодов, используемых для описания сравниваемых явлений (сравнительный, противоположительный, позвольительный, определительный).

3. Перечислите отличительные особенности периодов, используемых для описания родовидовых отношений (соединительный, разделительный).

4. Назовите отличительные особенности периодов, используемых для передачи временной последовательности (временной, последовательный, постепенный).

5. Напишите какое-нибудь простое распространенное двусоставное предложение и, приняв его за основу в качестве главного, составьте период. В качестве наводящего используем такой прием. Возьмем, например, предложения: «Она любила Р *»; «Р краснел до настоящих слез». Допустим, нам надо построить и этих предложений ораторские причинные периоды. В связи с первым предложением рассмотрим период из «Евгения Онегина» Пушкина.

Она любила Ричардсона,
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтоб Грандисона
Она Ловласу предпочла;
Но в старину княжна Алина,
Ее московская кузина,
Твердила часто ей об них.

Второе предложение обнаруживаем в тексте А.И. Куприна:

«Ромашов же краснел до настоящих слез от своего бессилия и от растерянности, и от боли за оскорбленную Шуручку, и оттого, что ему сквозь оглушительные звуки кадрили не удавалось вставить ни одного слова, а главное — потому, что на них уже начинали обращать внимание».

Образцы для подражания есть. Теперь попробуйте самостоятельно составить причинные периоды, используя в качестве

главных те же самые предложения: «Она любила Р*»; «Р* краснел до настоящих слез».

6. Составьте самостоятельно причинный, условный и уступительный периоды.

7. Усиьте уступительный период, образовав период составной.

8. Из произвольного логического предложения образуйте простой период, а из последнего составьте причинный, условный и уступительный периоды.

9. Из логического предложения образуйте простой период, а затем — периоды, описывающие сравниваемые явления: сравнительный, противоположительный, позволительный, определительный.

10. Из произвольных простых периодов составьте соединительный и разделительный периоды. Оцените их с точки зрения истинности или ложности.

11. Из произвольных высказываний составьте временной, последовательный и постепенный периоды.

§ 3. Хрия

Слово **хрия** в переводе с древнегреческого обозначает **риторическая речь**. Эта речь писалась по определенным правилам, в соответствии с которыми должна была раскрываться любая тема. Собственно говоря, **хрия** — это мини-речь, содержащая несколько периодов, которые, по мнению античных учителей красноречия, позволяли полностью доказать или объяснить тему. Тема задавалась в форме простого периода. Таким образом, речь оратора, или даже более значительное произведение, вплоть до книги, состояло из частей, называемых хриями.

Поскольку хрия была малой частью любого произведения, то античные педагоги придавали ей очень большое значение, и излагать свои мысли в форме хрии молодые ораторы учились годами. Сейчас это лишь упражнение для начинающего оратора, отнюдь не бесполезное, ибо с помощью хрии можно обосновать одну и ту же мысль по меньшей мере тремя способами. То есть составление хрий позволяет

начинающему развивать навыки самостоятельного изложения, учит смотреть на один и тот же предмет с разных точек зрения, а кроме того, приучает обоснованно излагать и отстаивать свою позицию.

Принято делить хрии на два вида: **простые** и **искусственные**. Простая состоит из семи частей: 1) предложение; 2) причина; 3) противное; 4) подобие; 5) пример; 6) свидетельство; 7) заключение.

Если хрия использовалась в каком-либо произведении, то в соответствии с жанром (речь, письмо, поздравление и т.д.) порядок составляющих ее частей мог быть изменен, а некоторые из них даже пропущены. Такая хрия называется **искусственной**.

Обычно с помощью простой хрии обосновывалось утверждение общего характера. Предположим, надо обосновать следующее положение: «Прежде чем начинать какое-либо дело, следует подумать». Это высказывание будет отправной точкой при построении хрии. Оно станет первой ее частью, называемой в риторике **предложением**. Затем надо найти вторую часть хрии — **причину**, то есть утверждение, объясняющее первую часть. Оно может иметь форму причинного периода или выполнять функцию придаточного причины по отношению к заданному утверждению (**предложением**). Причин, вообще говоря, может быть названо столько, сколько, по мнению оратора, требует **предложение**.

Причина: Потому что предусмотрительность сбережет время и силы: не будешь трудиться напрасно, не станешь попусту перенапрягаться.

Третья часть (**противное**) должна содержать мысль, противоположную или несовместимую с **предложением** или с **причиной**. Эта часть является возражением, но не настолько сильным, чтобы подорвать или совершенно опровергнуть две первые части хрии. В этом случае нужно использовать **уступительный** или **позволительный** периоды. Однако совсем не обязательно употреблять строго только эти периоды.

Противное: Правда, не все человек способен продумать сразу, и не всякое дело можно обдумать до конца, однако лучше, когда отдаешь себе отчет в том, что тебе неясно, до того, как приступить к делу.

Четвертая часть — **подобие**. Здесь предполагается сравнение и отождествление рассматриваемых предметов. Эти операции производятся, конечно, с учетом специфики обсуждаемой темы. В данной части хрии используется обычно **сравнительный** период, но с элементами **противоположительного**: используются противоположные по смыслу слова (противные имена) или утверждения.

Подобие: Нерассуждающий, как ребенок, поддается первому порыву, тогда как рассудительный, подобно опытному путешественнику, планирует не только движение, но и остановки.

Пятая часть — **пример**. Примеров можно приводить столько, сколько говорящий сочтет нужным. Используется для этой части любой период, какой покажется подходящим. Чаще всего наиболее подходящими оказываются **соединительный** или **сравнительный** периоды. Можно использовать и простой период.

Пример: Все великие открытия в науке, изменявшие жизнь людей и их представления о природе, были сделаны после глубокого и всестороннего обдумывания проблемы.

Шестая часть — **свидетельство**. Все сказанное относительно периодов, используемых в пятой части, справедливо и для шестой. Что касается содержательной стороны, то в свидетельстве делается ссылка на какой-нибудь авторитетный источник, подтверждающий мысль, высказанную в предложении. В качестве источника обычно используются высказывания известных людей, выдержки из произведений, пользующихся всеобщим уважением. В юридической литературе это могут быть и ссылки на законодательные акты.

Свидетельство: Известный французский ученый и философ Блез Паскаль говорил: «Предусмотреть, значит управлять». А Гораций в одной из своих прекрасных од сказал, что великое дело, без рассуждения предпринятое, само собою разрушается.

Седьмая, последняя часть — **заключение**. Здесь используются те же периоды, что в пятой и шестой частях. В **заключении** или другими словами повторяется мысль, высказанная в **предложении**, или из **предложения** выводятся следствия.

Заключение: Здравый смысл русского народа никогда не сомневался в данном утверждении. Не случайно пословицы: «Ум —

вперед дела», «Семь раз отмерь, один — отрежь» и многие другие, подобные им, — мы узнаем в детстве. Именно тогда каждый человек впервые знакомится с этим важным житейским правилом: ничего не предпринимай, если не обдумал дела заранее.

Построение простой хрии — всего лишь попытка воспроизвести на рубеже XXI века то, чему раньше долго учились будущие ораторы. Однако, оценивая хрию с позиции сегодняшнего времени, отбрасываем следующее. Хрия не является доказательством в строгом смысле этого слова, но, используя ее, можно изложить любой материал так, что он обретет убеждающую силу. Форма хрии сама по себе есть последовательность составляющих ее частей, не может служить доказательством сказанного оратором. Убедительность и доказательность зависят от способностей и умения говорящего, от того, насколько глубоко он разобрался в данном вопросе, но порядок расположения частей демонстрирует стремление к полноте и объективности в изложении темы. Так, **причина** и **предложение** должны быть связаны между собой определенной зависимостью. То, что в хрии именуется **причиной**, то в логике называют **основанием** которого выводится **предложение** (логическое следствие). При составлении хрии **причину** надо найти. Насколько убедительно будет сделано — зависит от мастерства оратора.

Противное, подобие, пример, свидетельство — части, с помощью которых оратор хочет продемонстрировать, что: 1) **предложением** и **причиной** действительно существует законная связь и **причина** объясняет **предложение**; 2) тема рассматривается с полнотой, достаточной для убеждения слушателей. Хрия не содержит логического доказательства в точном смысле слова, использует для обоснования предложения форму аргумента прямого дедуктивного доказательства, которая является кратчайшим путем для убеждения и обоснования чего-либо.

С помощью логической символики простая хрия может быть писана следующим образом:

$$\frac{(a_1 \wedge a_2 \wedge a_3 \wedge a_4 \wedge a_5) \rightarrow T, (a_1 \wedge a_2 \wedge a_3 \wedge a_4 \wedge a_5)}{T}$$

где a_1 — причина, a_2 — противное, a_3 — подобие, a_4 — пример, a_5 — свидетельство, Т — предложение. Заключение или совпадает с предложением по смыслу, хотя может быть высказано другими словами, или является частным случаем, выводимым из предложения.

Во времена античности простая хрия использовалась очень часто как для написания больших, так и малых произведений. Весь текст «Всеобщей истории» Полибия, например, можно поделить на отрывки, которыми будут простые хрии. Посмотрим, как писал мастер, стиль которого считается классическим в мировой литературе. «Первая книга всеобщей истории Полибия» начинается так:

- 1 «Если бы прежние историки позабыли воздать похвалу самой истории, то, разумеется, нам обязательно было бы обратиться ко всем с увещанием изучать и усваивать себе этого рода сочинения, ибо познание прошлого скорее вся-
- 2 ких иных знаний может послужить на пользу людям. Однако не только тот или другой историк и не мимоходом, но, можно сказать, все начинают и кончают уверением, что уроки, почерпаемые из истории, наивернее ведут к просвещению и подготавливают к занятию общественными делами, что повесть об испытаниях других людей есть вразумительнейшая или единственная наставница, обучающая нас мужественно переносить превратности судьбы. Поэтому нет нужды никому, меньше всего нам, повторять то, что уже сказано прекрасно многими другими. Ибо необычайность событий, о которых мы намерены говорить, сама по себе способна привлечь каждого, стар ли он, или молод, к внимательному чтению нашего повествования. И в самом деле, где найти человека столь легкомысленного или нерадивого, который не пожелал бы уразуметь, каким образом и при каких общественных учреждениях почти весь известный мир подпал единой власти римлян в течение

неполных пятидесяти трех лет? Никогда раньше не было ничего подобного. Потом, неужели кто-либо может быть увлечен другим зрелищем или другими предметами знания настолько, чтобы из-за них пренебречь предлагаемыми здесь сведениями?

Сколь необычен и важен предмет нашего сочинения яснее всего можно видеть, если сопоставить и сравнить римским владычеством знаменитейшие державы прежнего времени, о которых наиболее писали историки. Некоторые державы достойны подобного сопоставления и сравнения. Так, некогда велики были владения и могущество персов; но всякий раз, когда персы дерзали переступить пределы Азии, они подвергали опасности не только свое владычество, но и самое существование. Лакедемон долгое время боролся за главенство над эллинами; но в достижении его удерживали неоспоримо власть за собой едва в течение двенадцати лет. Владычество македонян в Европе обнимало пространство от побережья Адриатики до реки Истра, что составляет весьма небольшую часть этой страны; впоследствии, сокрушив мощь персов, они приобрели и власть над Азией. Как, по-видимому, ничто не лежало в их власти, и как ни была она обширна, все же македоняне не коснулись большей части известного тогда мира. Ибо они и не помышляли никогда о покорении Сицилии, Сардинии и Ливии, а о наиболее воинственных народах западной Европы, собственно говоря, не имели понятия. Между тем римляне покорили своей власти почти весь известный мир, а не какие-либо части его, и подли свою могущество на такую высоту, какая немислива была для предков и не будет превзойдена потомками. Это станет яснее из самого повествования, которое вместе с тем покажет, сколь велика и многообразна польза для людей любознательных, извлекаемая из правдивой истории событий».

Вчитываясь в отрывок из «Предисловия», читатель обратит внимание и на цифры, столбиком проставленные на полях, слева от текста. Это пронумерованные части простой хрии.

Отрывок содержит две связанные между собой хрии. Связаны они не только общим заключением, помеченным цифрами 7 и 8, но и тем, что вторая хрия развивает и конкретизирует предложение первой. Читатель ознакомился с текстом в окончательном варианте, а сейчас ему предстоит разобраться в схеме простой хрии.

Предложение первой хрии можно выразить и с помощью простого периода, но Историк хочет, чтобы начало его труда сразу привлекло внимание читателя, поэтому он формулирует предложение как условный период, с элементами причинного. Конечно, это отступление от принятых норм, но такое решение себя оправдывает, поскольку, с одной стороны, позволяет выразить полнее содержание первой фразы, а с другой — дает возможность избежать однообразия, изменив манеру и ритм изложения. Простой период в начале каждой хрии слишком сильно связывает автора и наедает читателю.

Вольности с периодами позволяли использовать простую хрию в самых различных видах прозаических сочинений.

Мысль (1) предложения выражается так: *если бы прежние историки не воздали хвалы самой истории, то мы должны были бы браться с увещанием усваивать этого рода сочинения, ибо познание прошлого прежде всего идет на пользу людям*. Тезис, подлежащий обоснованию, можно выразить и с помощью простого уждения: *Познание прошлого — самое нужное людям знание*.

2. **Причина.** Причинный период написан по схеме: 3+1. *Все историки в один голос говорят, что знание истории полезно, потому* (эта конструкция входит в причинный период как его самостоятельная часть и потому выполняет роль первого периода. Период является ссылкой на мнение многих авторитетных людей. Как говорят логики, ссылка на авторитет — слабейший из аргументов, убеждающая сила у него есть, и немалая.)

Мнение знатоков включает в себя три утверждения, которые становятся аргументами, из которых следует тезис:

- а) уроки, почерпнутые из истории, просвещают;
- б) уроки, почерпнутые из истории, подготавливают к занятию общественными делами;
- в) повесть об испытаниях других людей — единственная установка, научающая нас мужественно переносить превратности судьбы.

3. **Противное.** Нам не нужно здесь повторять того, что прекрасно сказано другими. (Конструкция с придаточным и полнительным, выполняющая роль простого периода. Ранее, § 1, мы говорили о том, что такие случаи возможны. Автор хочет возражать самому себе, но он отдает дань установленным правилам.)

4. **Подобие.** Необычайность событий сама способна привлечь к чтению данного произведения. (Простой период. Из этого аргумента тезис не следует, но хрия не предполагает строгости обоснования, она должна лишь убеждать.)

5. **Пример.** Только очень легкомысленный и нерадивый человек не пожелал бы узнать, как и при каких общественных учреждениях в течение 53 лет почти весь мир подпал под власть римлян. (Период выполняет роль аргумента для обоснования тезиса; условный период.)

6. **Свидетельство.** Ничего подобного не было раньше. (Простой период дополняется **противоположительным**, высказанным в форме риторического вопроса.) Неужели кто-то может быть так ослеплен другими предметами настолько, чтобы из-за них пренебречь предлагаемыми сведениями?

Противоположительный период, с логической точки зрения, даже будучи перетолкован как утвердительное предложение, держит в себе ошибку, именуемую «**аргумент к личности**» и состоящую в том, что при обсуждении действий какого-то лица заметно переходят к обсуждению личных качеств этого человека.

рамках этой хрии не удалось, поэтому Историк продолжает ту же работу во второй. Несамостоятельность второй хрии проявляется также и в том, что ее **предложение** является следствием и частным случаем тезиса, обосновывавшегося в первой хрии: *Познание прошлого — самое нужное людям знание.*

1. **Предложение.** *Если сравнить период времени возникновения римского владычества с другими историческими событиями, то всякий поймет, насколько изложение данных событий важнее всяких других.* (Условный период позволяет, сохраняя связь с предыдущим, тем не менее выделить предмет обоснования второй хрии. Здесь речь пойдет уже не об истории вообще, а о событиях, описываемых в истории Полибия.)

2. **Причина.** *Сравнивать период римского захвата с периодами подобных действий других народов можно, потому что другие народы достойны такого сравнения.* (**Причинный** период дополняется **противоположительным** с элементами **временного**.) Так, велики были когда-то владения и могущество персов; но всякий раз, когда они переходили границы Азии, опасности подвергалось не только их владычество там, но даже их существование.

Дальнейшее обоснование **предложения** ведется с помощью исторических примеров. Все части второй хрии, от 2 до 6, — ссылки на действия народов, пытавшихся подчинить себе известный Историку мир древних цивилизаций. Полибий сравнивает действия этих народов с делами римлян.

3. **Противное.** *Лакедемоняне долгое время боролись за главенство над эллинами; они добились своего, но удерживали власть только в течение 12 лет.* (**Противоположительный** период.)

4. **Подобие.** *Македоняне завоевали в Европе очень небольшую территорию.* (**Простой** период.)

5. **Пример.** *Впоследствии македоняне победили персов и получили власть над Азией, но завоевания их не коснулись большей части известного тогда мира.* (**Противоположительный** период.)

6. **Свидетельство.** Македоняне никогда не помышляли о покорении Сицилии, Сардинии и Ливии, а о наиболее воинственных народах Западной Европы не имели понятия. (Противоположительный с элементами разделительного.)

7. **Заключение.** Римляне подчинили себе весь известный мир и подняли свое господство на небывалую высоту. (Соединительный период.)

Заключительная часть завершает обоснование предложения второй хрии. Вторая часть заключения, помеченная цифрой «8», относится уже к обоим хриям.

8. **Заключение.** Само повествование покажет, сколь велика польза, извлекаемая любознательными людьми из данного сочинения. (Сложное предложение, выполняющее роль простого периода.)

Как видим, Полибий не обосновал тезиса, сформулированного в предложении первой хрии¹, но это и не входило в его задачу, поскольку главная его цель — заинтересовать и привлечь читателя к чтению своей Истории.

Наиболее распространенным видом искусственной хрии является хрия, преобразованная в простой категорический силлогизм. Такая хрия отличается от простой числом и расположением составляющих ее частей.

Искусственная хрия имеет две разновидности: (А) при ее построении пропускается большая посылка силлогизма (Б.п.); (Б) пропускается меньшая посылка (М.п.).

В том случае, когда пропускается Б.п., изложение называется «через предыдущее и последующее». Если пропускается М.п., изложе-

¹ Изучение прошлого не может научить жизни в настоящем, поскольку жизни учат только реальная жизнь и практическая деятельность. Но одной деятельности недостаточно, нужны размышления. Как и сколько надо размышлять, чтобы чему-то научиться? Тут нет рецептов, все индивидуально. Логическое же доказательство предполагает обоснование каких-то общих закономерностей и не годится для специфических индивидуальных случаев.

общего утверждения, мы приходим к частному заключению.

Хрия (А) с пропущенной большей посылкой обычно имеет пять частей: 1) приступ или введение; 2) причина; 3) связь; 4) следствие; 5) заключение².

Преобразуем в простой категорический силлогизм первую хрию из предисловия к «Первой книге всеобщей истории Полибия». Преобразованная **причина** становится большей посылкой (Б.п.) силлогизма. **Предложение** — это утверждение, которое должно быть обосновано или доказано, поэтому оно превращается в заключение силлогизма. Меньшая посылка (М.п.) восстанавливается. Совсем не обязательно передавать дословно все написанное в этих частях хрии, важно передать смысл каждой из частей. Передать смысл части надо в простом распространенном двусоставном предложении. Тут составителю силлогизма предоставляется большая свобода, чем в логике. Главная забота при составлении такого силлогизма — стараться с возможной полнотой передать основную идею хрии.

Заключение силлогизма, как уже говорилось, можно выразить с помощью простого предложения: «Познание прошлого (S) — самое нужное людям знание» (P). Заключение дало нам два крайних термина силлогизма. Заключение является общеутвердительным суждением, поэтому, учитывая общие правила силлогизма и правила фигур, мы будем строить наш силлогизм как умозаключение, сделанное по первой фигуре³.

Причину можно представить в виде простого двусоставного

¹ См.: Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. Изд. 5-е. М.: Юристъ. 1998. Гл. VI. § 3. Простой категорический силлогизм.

² Автором такого способа изложения Диоген Лаэртский считал Платона.

³ Данное заключение нельзя получить по второй фигуре: в этом случае было бы отрицательное заключение. Нельзя получить его и по третьей фигуре. Заключение третьей фигуры всегда является частным суждением. Умозаключение, сделанное по четвертой фигуре, также не может быть общеутвердительным суждением. Итак, умозаключение должно быть сделано только по первой фигуре.

ное людям знание (Р)». В большей посылке должны быть средние термин (М) и предикат (Р); большая посылка умозаключения, построенного по первой фигуре, должна быть общим суждением. Предикат нам известен из предложения, которое было преобразовано в заключение. Предикат силлогизма должен быть и предикатом большей посылки. Субъектом большей посылки является средний термин силлогизма (М).

Остается найти меньшую посылку (М.п.). Известно, что субъект меньшей посылки — это субъект заключения (S), а предикат — средний термин силлогизма (М).

Силлогизм составлен. Запишем его:

Б.п.: Уроки, почерпнутые из истории, (М⁺) — самое нужное для людей знание (Р').

М.п.: Познание прошлого (S⁺) — это уроки, почерпнутые из истории (М)

Заключение: Познание прошлого (S⁺) — самое нужное для людей знание (Р').

Все общие правила силлогизма и правила первой фигуры в этом умозаключении выполняются, поэтому вывод будет следовать, как говорят логики, с необходимостью, то есть во всех случаях.

Составить подобный силлогизм нетрудно. Надо лишь найти утверждение, которое необходимо обосновать, и выразить его в форме простого суждения. Это утверждение станет заключением силлогизма. Затем надо сформулировать общее суждение, из которого заключение будет выводиться. Общее суждение станет большей посылкой. В заключении и в большей посылке есть все термины силлогизма, поэтому не представляет труда восстановить меньшую посылку.

То, что было изложено в первой простой хрии Полибия, мы можем передать с помощью искусственной хрии. Изложение станет короче, некоторые содержательные оттенки исчезнут, но суть сохранится. Начнем с пятичленной хрии, то есть с той, при которой

строении которой пропускается большая посылка силлогизма. Мы уже говорили, метод изложения в этом случае называется «**рез предыдущее и последующее**». Первая часть пятичленной х называется **приступ**.

Для **приступа** читатель должен учиться находить мысли, которые на первый взгляд не имеют отношения к обсуждаемому предмету, но, в действительности, с ним связаны. Оттолкнувшись от одной мысли, начинают обсуждать предложенную тему. Читатель должен иметь в виду, что мысль, высказанная в качестве **приступа** должна иметь причину, и в качестве этой **причины** необходимо использовать меньшую посылку силлогизма.

1. **Приступ**. Все наши обдуманые и успешные действия имеют источник: знание и твердость духа. И то и другое никто из людей не может создать собственными силами. Корни знания и твердости лежат в прошлом.

2. **Причина** (М.п.). Познание прошлого — это уроки, почерпнутые из истории.

Меньшая посылка может быть воспроизведена не столь дословно. Можно использовать эквивалентные выражения; допустимо выразить содержание посылки с помощью нескольких предложений.

В третьей части хрии, называемой **связь**, предыдущее (М.п. силлогизма) соединяется с последующим (со следствием). Соединение не предполагает строгой логической или словесной схемы для выражения мыслей. Задача решается творчески, но при этом надо сохранить общий смысл и суть единства предыдущего с последующим.

3. **Связь**. Изучая историю, мы не только укрепляем и развиваем наши знания об общих принципах жизни людей, их достижениях и ошибках, но и учимся стойко переносить неудачи. Познание прошлого — это путь в достойное будущее.

Третья часть хрии позволяет естественно сделать умозаключение, которое высказывается в четвертой части. Умозаключение на-

зывается следствием и может быть идентифицировано с предложением простой хрии.

4. **Следствие.** Познание прошлого — самое нужное людям знание.

Последняя, пятая часть хрии подводит итог всему сказанному в предыдущих частях, поскольку является следствием, выведенным из всего того, что содержалось в предыдущих четырех частях. Обычно заключение выражается в форме пожелания, совета, обещания и т.п.

5. **Заключение.** Если вы хотите лучше понимать настоящее и предвидеть будущее, если стремитесь научиться стойко переносить невзгоды и житейские трудности, то обратитесь к изучению истории. Чем больше времени вы отдадите этому занятию, тем больше почерпнете полезных сведений¹.

Искусственная хрия, в которой пропускается меньшая посылка силлогизма и рассуждение ведется «через положение и приложение», имеет всего две части. Первая часть, как правило, является развернутым изложением большей посылки. Обычно она строится так, чтобы к ней можно было присоединить вторую часть, являющуюся заключением силлогизма или предложением простой хрии. Поэтому первая часть хрии (**положение**) может включать в себя такие части простой хрии, как **пример** или **свидетельство**, или **противное**, из которых выводится **заключение**. Таким образом, первая хрия Полибия, если представить ее в виде искусственной хрии с пропущенной меньшей посылкой, может быть записана так:

Положение. Еще Сократ говорил, что знания делают человека более могущественным и более счастливым, а всякое заблуждение имеет своим источником невежество. Вспоминая об этом, говорят,

¹ **Заключение** очень часто высказывается с помощью суждений деонтической модальности. Деонтическая модальность — это имеющаяся в суждении дополнительная информация, содержащая побуждение людей к каким-то конкретным действиям. Выражается это побуждение в форме совета, пожелания, команды, приказа, правила поведения, нормы права и т.п.

что люди, не знающие истории, вынуждены повторять ранее совершенные ошибки. (Необязательно, чтобы большая посылка силлогизма дословно повторялась в положении. Важно передать смысл.)

Приложение. История изучает прошлую жизнь людей, их деятельность, принципы организации общественных учреждений; из истории люди узнают, с какими превратностями судьбы сталкивались предыдущие поколения и как они решали свои проблемы. Поэтому знание истории приносит людям ощутимую пользу.

В свое время авторы двух известных учебников риторики приводили один и тот же пример, иллюстрирующий принципы, исходя из которых, надо составлять пятичленную искусственную хрию¹. Мы также воспользуемся этим примером. В основу хрии положен силлогизм, построенный по первой фигуре:

Всякий, обманывающий других, (М) достоин презрения (Р).

Лжец (S) обманывает других (М) (предыдущее).

Лжец (S) достоин презрения (Р) (последующее).

1. **Приступ.** Еще в древности люди стремились учить своих детей говорить только правду. Этому правила особенно придерживались народы, прославившие себя в истории. Так потупали, например, древние персы, которые прежде всего учили своих детей говорить только правду.

2. **Причина.** (М.п.) Так поступали люди потому, что лживый человек злоупотребляет доверием прежде всего тех, с кем он близко соприкасается.

3. **Связь.** Нет ничего недостойнее, постыднее и подлее, чем злоупотребление доверием своих близких и друзей. (Предыдущее связывается с последующим.)

4. **Следствие.** (Предложение, или последующее.) Поэтому справедливо, когда лжец наказывается лишением всеобщего дове-

¹ Никольский А. Основания российской словесности. Изд. 5-е. Ч. II. СПб. 1823; Логилевский А. Российская риторика. Харьков, 1824.

рия и презрением, ведь уважение и доверие приобретаются только честностью и правдивостью.

5. Заключение. Чтобы не испытывать на себе столь неприятных последствий лжи, следует с юных лет приучаться быть правдивым.

Превратим пятичленную хрию в двучленную. Для этого в логизме пропускается меньшая посылка (М.п.), а большая посылка (**положение**) излагается так, чтобы к ней можно было соединить вторую часть (**следствие** пятичленной хрии становится **приложением** двучленной).

1. Положение. Человек, обманывающий других, всегда стремится оправдать свои действия и в собственных глазах, и в глазах присутствовавших при обмане, и перед лицом тех, кто лишь случайно мог слышать или знать о его проступках. Такое стремление обманщика скрыть свои действия не только от других, но даже самого себя, говорит о том, что обман не является делом, достойным уважения. Если обман других еще можно объяснить желанием добиться каких-то выгод, то самообман никогда не бывает выгодным, поэтому обманщик заслуживает только презрения.

2. Приложение. Лжец обычно начинает с обмана тех, кто находится рядом с ним. Как правило, это самые близкие ему люди. Обман того, кто тебя любит и о тебе заботится, достоин двойного презрения. Уважение и доверие завоевывается только честностью и правдивостью. Если человек не хочет испытать на себе горькую справедливость этих слов, он должен в молодые годы научиться всегда говорить правду и оставаться правдивым до конца своих дней.

Как видим, хрия оставляет много возможностей для творческого изложения темы. Чтобы лучше почувствовать, как эти возможности могут быть реализованы, перейдем к рассмотрению хрий, написанных мастерами, имена которых до сих пор с почтительным уважением произносят образованные люди во всем мире.

Знаменитые судебные речи древнегреческого логографа Ли были написаны пятичленной хрией. В качестве примера рассмотрим

начало его известной речи, которая в русском переводе называется «Защитительная речь по делу об убийстве Эратосфена».

Силлогизм, лежащий в основе первой пятичленной хрии, следующий:

Б.п.: Все особо тяжкие преступления (М) не заслуживают снисхождения (Р).

М.п.: Прелюбодеяние (S) — особо тяжкое преступление (М).

Заключение: Прелюбодеяние (S) не заслуживает снисхождения (Р).

К подобным силлогизмам может быть сведена речь (или часть речи) и современных юристов. Но тривиальность силлогизма в тексте не видна: он спрятан так, что только последовательность расположения частей пятичленной искусственной хрии может навести на мысль о его существовании. Такое искусство письма — показатель выдающегося мастерства.

Приступ. (1) «Мне было бы дорого, господа, если бы вы на суде в настоящем деле поступили со мной так же, как поступили бы, если бы вас самих постигло подобное несчастье: я глубоко убежден, что если бы вы смотрели на дело, касающееся другого, теми же глазами, как на свое собственное, то среди вас не нашлось бы ни одного человека, которого не возмущало бы это происшествие; но все вы считали бы установленные законами наказания для таких преступников слишком малыми».

Причина. (2) «И, думается мне, такое воззрение принято не только у вас, но и во всей Греции: это единственное преступление, за которое и в демократических, и в олигархических государствах законом предоставлен самым ничтожным в государстве людям один и тот же способ мести по отношению к самым влиятельным, так что и самый незнатный, и самый знатный гражданин может получить одно и то же удовлетворение: вот до какой степени тяжким считают все люди такое поругание чести». (М.п. может быть сформулирована, только исходя из общего смысла сказанного. «Строительные леса» незаметно убраны — это также свидетельство мастерства.)

Связь. (3). «Таким образом, что касается меры наказания, все вы держитесь, я полагаю, одинакового со мною воззрения, и никто не смотрит на дело так легко, чтобы думать, что виновные в подобных деяниях должны получить прощение или что они заслуживают лишь малого наказания». (В отличие от учебного примера А. Никольского и А. Могилевского, **связь** соединяет не **причину** и **следствие**, а две первые части хрии с двумя следующими.)

Следствие. (4). «А мне доказать следует, я думаю, лишь то, что Эратосфен был в преступной связи с моей женой и через это не только ее совратил, но и детей моих опозорил, и мне самому нанес оскорбление, проникнув в мой дом; что вражды между мной и им не было никакой, кроме как по этому поводу, и что сделал я это не из-за денег, чтобы из бедного стать богатым, и вообще не из корыстных целей, а только ради законом дозволенного мщения». (**Следствие** выводится из всех трех частей хрии, а не из **связи**, как рекомендовали А. Никольский и А. Могилевский. Вывести **следствие** из трех частей хрии труднее, но почетнее, так как изложение при этом становится более убедительным.)

Заключение. (5) «Поэтому я изложу вам все обстоятельства моего дела с самого начала, ничего не пропуская, все расскажу по правде: единственное спасение себя я вижу в том, если сумею рассказать вам все, как было». (**Заключение** выводится из **следствия**.)

Описание хрий было бы неполным, если бы ничего не было сказано о хриях Платона. Принципы построения платоновской хрии — вопрос, ждущий своего исследователя. Не ставя перед собой такой задачи, покажем читателю, как строится такая хрия и как ей можно пользоваться. В качестве примера рассмотрим отрывок из «Апологии Сократа»¹.

¹ «Апология Сократа» — произведение Платона, в котором пересказывается речь Сократа, произнесенная на суде в собственную защиту.

«Из-за этой самой проверки, афиняне, с одной стороны, многие меня возненавидели так, что сильнее и глубже нельзя ненавидеть, отчего и возникло множество наветов, а с другой стороны, начали мне давать прозвище мудреца, потому что присутствовавшие каждый раз думали, будто если я доказываю, что кто-то в чем-то не мудр, то сам я в этом весьма мудр.

А в сущности, афиняне, мудрым-то оказывается бог, и своим изречением он желает сказать, что человеческая мудрость стоит немногого или вовсе даже ничего, и, кажется, при этом он не имеет в виду именно Сократа, а пользуется моим именем ради примера, все равно как если бы он сказал: «Из вас, люди, всего мудрее тот, кто подобно Сократу знает, что ничего поистине не стоит его мудрость».

Я и посейчас брожу повсюду — все выискиваю и допытываюсь по слову бога, нельзя ли мне признать мудрым кого-нибудь из граждан или чужеземцев; и всякий раз, как это мне не удастся, я, чтобы подтвердить изречение бога, всем показываю, что этот человек не мудр. Вот чем я занимался, поэтому не было у меня досуга заняться каким-нибудь достойным упоминания делом, общественным или домашним; так и дошел я до крайней бедности из-за служения богу.

Кроме того, следующие за мною по собственному почину молодые люди, те, у кого вдоволь досуга, сыновья самых богатых граждан, рады бывают послушать, как я испытываю людей, и часто подражают мне сами, принимаясь испытывать других, и, я полагаю, они в избытке находят людей, которые думают, будто они что-то знают, а на деле знают мало или вовсе ничего. От этого те, кого они испытывают, сердятся не на самих себя, а на меня и говорят, что есть какой-то Сократ, негоднейший человек, который портит молодежь. А когда их спросят, что же он делает и чему он учит, то они не знают, что сказать, и, чтобы скрыть свое затруднение, говорят о том, что вообще при-

нято говорить обо всех, кто философствует: и что, мы
«(ищут) в небесах и под землею», и что «богов не призна-
ют», и «ложь выдают за правду». А правду им не очень-
хочется сказать, я думаю, потому, что тогда обнаружилс-
е бы, что они только прикидываются, будто что-то знают
на деле ничего не знают. А так как они, по-моему, чест-

любивы, сильны, многочисленны и говорят обо мне уп-
но и убедительно, то давно уже прожужжали вам уши к
ветой на меня».

Цитируемый отрывок написан в форме искусственной хри-
пропущенной большей посылкой, то есть «**через предыдущее
последующее**». Хрия имеет пять частей, что можно видеть из
тируемого текста, хотя на этот раз ее части обозначаются не ц-
рами, а буквами латинского алфавита.

В этой хрии Платон отступил от принципов, которые мы на-
вали «общими принципами написания». В части «b» (**причине**)
лагается не меньшая посылка силлогизма, а тезис, который бу-
обосновываться во всех остальных частях. Если подредактиро-
и выразить его как категорическое суждение, он будет выгляд-
так: *«Человеческая мудрость ничего не стоит»*.

Обосновывается тезис не дедуктивно, а с помощью индук-
Индуктивные умозаключения, имеющие общую цель — обосно-
данное утверждение, свяжут все части хрии в одно логическо-
смысловое целое¹. Справедливость общего утверждения проверя-
на опыте, то есть должна быть подтверждена примерами. Поско-
на суде речь идет о Сократе и его врагах, то справедливость изр-
ния бога (дельфийского оракула), должна быть проверена именн-
них. Сократ признан богом мудрейшим из людей, потому что

¹ Сейчас мы имеем возможность проверить справедливость мнения Дио-
Лаэртского, называвшего метод написания хрий Платона «индукцией по сле-
вию». См.: *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых ф-
софов*. М.: Мысль. 1979. С. 165—166.

или вовсе даже ничего». Так вот, мудрейший из людей не нашел для себя никакого дела и дошел до крайней бедности.

Последняя мысль высказана в части «с», то есть в **связи**. Таким образом, **причина** соединяется со **связью**, и упоминание о неудачах мудрейшего из людей свидетельствует о том, что он не мудр. Неудачи — следствие отсутствия мудрости. Однако он живет не сам по себе и не для себя, а служит богу. Последнее обстоятельство оправдывает его, по крайней мере, в собственных глазах.

Теперь другие люди. Сократ подвергает испытанию только тех, которые слышат мудрыми. О других вроде бы и говорить незачем. Испытание слышащих мудрыми людей также соединяет тезис **причины** и часть «с» (**связь**). В третьей части хрии говорится о том, что Сократ испытывает других людей; его примеру следуют богатые молодые люди, у которых много досуга. Результат испытания всегда одинаков: проверяемый человек оказывается немудрым и незнающим.

Для передачи способа соединения частей хрии используем логическую символику. Испытывалось много людей. Мы не знаем их исла, но в данном случае, это и не нужно. Представим их с помощью такого ряда: $S_1, S_2, \dots, S_n$, где $S_1, S_2, \dots$ и т.д. — имена испытываемых; цифры от 1 до n указывают их число. Через P обозначим признак «**ничего не знать**» через K - *класс людей*. Формой перехода суждению большего уровня общности будет умозаключение неолной индукции:

Посылки: S_1 имеет признак P
 S_2 имеет признак P
.....
 S_n имеет признак P
 $S_1, S_2, \dots, S_n$ принадлежат классу K

Заключение: По-видимому, все элементы класса K имеют признак P .

Начинаем размышлять. Эмпирическая проверка, проводимая кратом, может опровергнуть высказывание бога, которое обосновывается в двадцать третьей хрии, лишь в одном случае: найдет-

ся действительно мудрый человек. Но если каждый из испытуемых всего-навсего лишь немудр и незнающ, то деятельность Сократа и его последователей никогда не позволит сделать общего категорического утверждения: «Вся человеческая мудрость стоит немного или вовсе ничего». Подобное утверждение, сделанное любым человеком, всегда будет лишь вероятностным и может рассматриваться только как следствие, выведенное из общего суждения.

Посмотрим теперь, как соединяются между собой части «с» и «ф», то есть **связь и следствие**. Они соединяются с помощью второго индуктивного умозаключения. Оно является умозаключением полной индукции и выводится из первого как следствие.

После проверки люди, которые считали себя знающими, а, как выяснилось, были незнающими, обижались. Но обижались они не на самих себя, а на Сократа. Их невежество вызывало обиду; обида вытекала из него, как следствие из причины.

Умозаключение полной индукции из части «ф» можно выразить так:

Посылки: S_1 имеет признак Q
 S_2 имеет признак Q
.....
 S_n имеет признак Q
 $S_1, S_2, \dots, S_n$ составляют класс K_1

Заключение: Все элементы класса K_1 имеют признак Q
 K_1 - люди, которых испытывали Сократ и богатая молодежь Афин;
 Q - сердиться на Сократа.

Заключение двадцать третьей хрии, помеченное буквой «е», также является индуктивно выводимым следствием из предыдущей, четвертой части.

Посылки: S_1 имеет признак R
 S_2 имеет признак R
.....
 S_n имеет признак R
 $S_1, S_2, \dots, S_n$ составляют класс K_1

Заключение: Все элементы класса K_1 имеют признак R

R — клеветать на Сократа

Как видим, все части двадцать третьей хрии тесно связаны между собой. Начинается она с упоминания о проверках, которые часто проводил Сократ, а заканчивается разъяснением, почему возникла у сограждан ненависть к нему. Проверки послужили тому причиной; ненависть к Сократу — следствие этих проверок.

Все следствия хрии обосновываются с помощью индуктивных умозаключений, что подтверждает слова Диогена Лаэртского.

Тезис, звучавший в **причине** хрии как слова бога, подтверждается двумя линиями обоснования, создающими противоречивое смысловое единство текста двадцать третьей хрии. Первая линия — поведение Сократа. Он знает, что его мудрость стоит немного, и поэтому ведет себя умнее других, хотя никакого дела у него нет и пошел он до крайней бедности. Сократ служит богу, и это возвышает его. Вторая линия противопоставляется первой. Люди, считающие себя мудрыми и знающими, на поверку оказываются невеждами, и ведут они себя так, как положено тем, чьи знания стоят немногого. После проверки они обижаются не на себя, а на Сократа, показавшего всем их незначительность. Обидевшись, начинают клеветать на него. Поступая так, они лишь подтверждают слова пракула, сказанные о людях и о Сократе.

Рассмотрим еще один отрывок из «Апологии Сократа»:

«Вот почему накинулись на меня и Мелет, и Анит, и Ликон: Мелет негодует на меня из-за поэтов, Анит — из-за ремесленников, а Ликон — из-за ораторов. Так что я удивился бы, как говорил вначале, если бы оказался в силах опровергнуть перед вами в такое короткое время эту разросшуюся клевету.

Вот вам, афиняне, правда, как она есть, и говорю я вам ее без утайки, не умалчивая ни о важном, ни о пустяках. Хотя я почти уверен, что тем самым я вызываю ненависть, но как раз это и служит доказательством, что я говорю правду, и что в этом-то и состоит клевета на меня, и именно таковы ее причины. И когда бы вы ни стали расследовать мое дело, теперь или потом, всегда вы найдете, что это так».

Этот отрывок является подведением итогов того, о чем говорилось в предыдущем, выраженном в пятичленной **искусственной хрии**, где изложение велось «**через предыдущее и последующее**». В последнем отрывке всего только две части, и изложение ведется «**через положение и приложение**». Но прежде чем перейти к частям хрии, выявим содержащийся в ней силлогизм.

Б.п.: Все, кто ложно обвиняет сейчас Сократа, (M^+) повторяет клевету (P^-).

М.п.: Обвинение, возводимое на Сократа, (S^+) является ложным (M^-).

Заключение: Обвинение, возводимое на Сократа, (S^+) — повторение клеветы (P^-).

Первая часть хрии 24 (**положение**) является изложением большей посылки, которая содержит три свидетельства или ссылки обвинителей. Вторая часть, называемая **приложением**, излагает заключение силлогизма. Хрии 23 и 24 связаны между собой и смыслу, и логически: настоящее обвинение — лишь следствие с винения старого и старой клеветы.

Подведем итоги. Рассматривая, как строится **искусственная хри** мы вначале сформулировали общие правила ее построения и показали, как материал, изложенный в **простой хрии**, можно изложить хрии **искусственной**. Затем мы перешли к разбору **искусственных хрий** Лисия и Платона. При этом обращали внимание читателей на то, что «общие» правила не являются слишком строгими и автор может от них отступать. «Нарушения», допускавшиеся Платоном, можно считать образцами, которым полезно подражать. Такими «нарушениями», например, являются: использование метода «индукции следствию», изложение заключения простого категорического силлогизма когда в **следствии**, а когда и в **заключении** пятичленной хрии.

Текст произведения может излагаться с помощью лишь одного вида хрии. Так писали Полибий и Лисий. Платон чередовал хрии: иногда изложение начинала пятичленная хрия, а за ней следовала двучленная. Иногда порядок бывал обратным.

Говоря о хриях, следует подчеркнуть: хрия может быть использована в самых разнообразных видах текстов, а не только там, где требуется объяснение, доказательство или опровержение. Ею можно пользоваться при описании, для передачи разговорной речи или диалога. Примеры подобного использования **искусственной** хрии можно также найти у Платона. Рассмотрим начало из «Вступления» к диалогу «Федон»:

57 *«Эхекрат:* Скажи, Федон, ты сам был подле Сократа в тот день, когда он выпил яд в тюрьме, или только слышал обо всем от кого-нибудь еще?

Федон: Нет, сам, Эхекрат.

Эхекрат: Что же он говорил перед смертью? И как встретил кончину? Очень бы мне хотелось узнать. Ведь за последнее время никто из флиунтцев подолгу в Афинах не бывает, а из тамошних наших друзей, кто бы ни приезжал, ни один ничего достоверного сообщить не может, кроме того только, что Сократ выпил яду и умер. Вот и все их рассказы».

Диалог начинается двучастной хрией. Читаем простые и такие естественные слова двух друзей Сократа. Может ли быть здесь какой-то силлогизм?! Силлогизм все-таки есть.

Б.п.: Друзей Сократа (M^+) интересуют подробности его смерти (P).

М.п.: Эхекрат (S^+) — друг Сократа (M^-).

Закключение: Эхекрата (S^+) интересуют подробности смерти Сократа (P).

Излагаются **большая посылка (положение)** и **закключение силлогизма (приложение)**. Приложение выводится из большей посылки силлогизма. Меньшая посылка опускается, но она очевидна из контекста, поэтому смысл сказанного ясен и понятен.

Предугадываем вопрос, который может задать читатель: «А нельзя ли при построении **искусственной** хрии использовать

только составляющие ее части и не строить никаких силлогизмов?»

Полагаем, что сам по себе порядок расположения частей, составляющих хрию, может обеспечить связность и содержательную последовательность изложения. Более того, считаем, что последовательность соединения частей может гарантировать и хорошие, с литературной точки зрения, переходы от одной мысли к другой. Но средством, позволяющим подтвердить последовательность изложения, доказательства или опровержения может быть силлогизм либо индуктивное умозаключение, — словом, все то, что определяет логическую структуру текста.

Таким образом, жестких канонов, связывающих инициативу автора, в хрии не существует, и ее можно использовать при написании текстов самого различного содержания. Обязательство у автора только одно: выразить свою мысль, соблюдая при этом определенную последовательность изложения.

Очевидно, что схема хрии и отрывки из произведений, написанные в соответствии со схемой, отличаются друг от друга. Схема хрии, или порядок расположения ее частей, — это как бы форма, в которую «укладывается» текст. Для того чтобы текст приобрел индивидуализированный художественный вид, его надо украсить. То, как это можно сделать, — тема следующей главы.

РЕЗЮМЕ

Хрия — это маленькая речь на заданную тему. Хрии принято делить на **простые и искусственные**.

Простая хрия состоит из семи частей: 1) предложение; 2) причина; 3) противное; 4) подобие; 5) пример; 6) свидетельство; 7) заключение. Если порядок частей, составляющих хрию, изменен, то она называется **искусственной**. Наиболее распространенным видом **искусственной** хрии является хрия, преобразованная в простой категорический силлогизм. Такая хрия имеет две разновидности: а)

шая посылка силлогизма.

Хрия (а) с пропущенной большей посылкой обычно имеет пять частей: 1) приступ, или введение; 2) причина; 3) связь; 4) следствие; 5) заключение.

Хрия (б) с пропущенной меньшей посылкой состоит из двух частей. Первая, называемая **положением**, обычно содержит общее рассуждение, в котором пересказывается большая посылка силлогизма. К этому рассуждению присоединяется вторая часть (**приложение**), являющаяся заключением силлогизма.

ТЕРМИНЫ

Хрия

Простая хрия

Искусственная хрия

Изложение «через предыдущее и последующее»

Изложение «через положение и приложение»

ЗАДАНИЯ

1. Напишите небольшую речь в форме **простой хрии**. Пишите о том, что для вас привычно, хорошо знакомо и о чем вы имеете четкое представление. Для начала не нужны сложные темы. В качестве предложения можно взять следующие утверждения:

а. Я хочу учиться в институте на дневном (вечернем, заочном) отделении.

б. Я люблю отдыхать на даче (в турпоходе, совершать поездки за границу).

в. Люблю футбол, хоккей, теннис, фигурное катание, шахматы и т.п.

г. Предпочитаю готовиться к семинарам (зачетам, экзаменам) дома, в библиотеке, у друзей.

д. Этот человек виновен (не виновен) в совершении вменяемого преступления.

2. Представьте написанную вами простую хрию в форме категорического силлогизма.

3. Используйте категорический силлогизм для преобразования простой хрии в искусственную. Вначале изложите выбранную тему в форме хрии с пропущенной большей посылкой, затем в форме хрии с пропущенной меньшей посылкой.

Глава II. УКРАШЕНИЕ РЕЧИ

Как отмечал еще Квинтилиан, цель выступления оратора может быть выражена с помощью трех глаголов: **поучать, возбуждать и услаждать**. В данной главе речь пойдет о том, с помощью каких средств ораторы достигают третьей цели. Украшенная речь должна вызывать у слушателей чувство удовольствия, но здесь нет прямой зависимости: чем больше украшений, тем больше удовольствия. Красиво лишь то, что вытекает из сути обсуждаемой темы. Ненужные украшения портят речь.

Речь оратора украшают *тропы и фигуры*. Слово **троп** в переводе с древнегреческого значит **превращение**, при котором слова приобретают другое, не свойственное им значение, но так, что речь при этом не только не теряет ясности, но даже увеличивает ее.

Под «**фигурой**» понимается оборот речи, имеющий целью усилить выразительность высказанной мысли. Среди фигур принято различать *фигуры мысли* и *фигуры для выражения мыслей*; последние называют также *фигурами последовательностей*.

Употребление **фигуры мысли** ведет не только к изменению способа выражения, но и к изменению самой мысли. Поэтому они и получили такое название.

Фигуры для выражения мыслей, в отличие от первых, выполняют чисто декоративную функцию, придавая речи изысканность, и только через это увеличивают силу эмоционального воздействия на слушателей.

ТЕРМИНЫ

Троп

Фигура

Фигуры мысли

Фигуры для выражения мысли или фигуры речевой последовательности.

§ 1. Тропы

Красота речи содействует успеху оратора потому, что привлекает внимание к сказанному. Квинтилиан отмечал, что те, кто охотнее слушает, лучше понимают и легче верят. Ораторы всегда стремятся быть понятыми слушателями. Украшенная образная речь — это то, что понимают все, вне зависимости от уровня образованности. Разная речь у народов всех стран возникает на самых ранних стадиях развития. Вряд ли надо доказывать, что пословицы и поговорки — без исключения — содержат риторические фигуры. Успешная речь запоминается лучше именно потому, что является более выразительной. Риторический троп дает возможность усилить не только содержание, но и внешнее выражение сказанного с помощью голоса, мимики, жеста.

Все тропы, по классификации Ю.М. Скребнева¹, делятся на количественные и качественные. В первую группу могут быть отнесены все случаи, когда различие между традиционным именем объекта и фактически употребленным словом должно рассматриваться как количественное: оратор преувеличивает или уменьшает называемый объект. Тропы количества подразделяются на две противоположные разновидности: **гиперболу** (преувеличение) и **мейозис** (преуменьшение).

Тропы качества предполагают переименование трех видов:

1) переименование объекта речи, базирующееся на реальной объективной связи, существующей между называемым объектом и объектом, название которого имеется в виду: **метонимия**;

2) переименование, в основе которого лежит сходство, сходность тех или иных признаков двух объектов, при отсутствии какой-либо реальной связи между самими объектами — **метафора**;

3) переименование по контрасту, подразумевающее прямую противоположность двух объектов — **ирония**.

Гипербола — это преувеличение каких-либо свойств или качеств описываемого предмета. Здесь возможны утверждения,

¹ См.: Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. Горький. 1975.

ственной литературе, но и в обычном житейском разговоре. Гиперболические выражения обыденного языка порой воспринимаются даже как словесные штампы: «легок как ветер», «бел как снег», «тысячу раз вам говорил» и т.п. В гиперболе различают два вида: один употребляется при описании, другой - для выражения чувств и переживаний. Второй считается предпочтительнее первого, поскольку чувства и страсти, волнующие человека (любовь, страх, удивление, ненависть, гнев, печаль и т.д.), предполагают увеличение предмета, а когда вызывают у слушателей соответствующие реакции, то гиперболические выражения кажутся более естественными.

Гиперболами для описания надо пользоваться умеренно, ибо, как отмечали еще античные риторы, в тропе не будет изящества, если он противоречит здравому смыслу. Гипербола преувеличивает какие-то свойства объекта, но делается это не с целью ввести в заблуждение того, кому она адресована. Гипербола часто используется для того, чтобы вызвать смех; если аудитория смеется потому, что этого хотел оратор, то гиперболу называют забавною замысловатостью, если же смех возникает тогда, когда оратор не хотел этого, гиперболу сочтут глупостью.

Широко известны описательные гиперболы Н.В. Гоголя: «шаровары шириною с Черное море»; «Редкая птица долетит до середины Днепра».

В современной судебной речи к гиперболам прибегают редко прежде всего потому, что это сложно, однако античные мастера, речи которых до сих пор считаются непревзойденными образцами красноречия, широко использовали данный троп:

«Повторяю, проснись и выдохни винные пары. Или чтобы тебя разбудить, надо приставить к твоему телу факелы, если ты засыпашь при разборе столь важного дела?» (Цицерон М.Т. Вторая филиппика против Марка Антония. 30.)

Использовали гиперболу и русские мастера судебного красноречия:

«Вычеркните статью из Свода (законов. — О.П.), вырвите обычай

пока — братья, везущие больную сестру на излечение, мать, жelaющая счастья дочери и препятствующая безумному браку, — не злодеи, и подсудимым место не здесь, а там, среди добрых сограждан, в стороне от сплетников...» (Плевако Ф.Н. Дело А.И., Н.И. и М.Д. Новохацких. Речь в защиту подсудимых.) «Чтобы предположить этот мотив, нужно думать, что человеческая природа так гадка, что люди не делают преступлений только потому, что руки их и каждый палец закованы цепями закона, и цепи эти, в лице урядников и полицейских, охраняют Русскую империю моралью своей во веки веков». (Плевако Ф.Н. Речь в защиту Лебедева и других обвиняемых.) Здесь гипербола соединяется с метафорой и иронией.

Последнее замечание. Оратору никогда не следует начинать речь с гиперболы. Слушателя к ней надо подготовить.

Мейозис представляет собой логическую и психологическую противоположность гиперболы. Сущность мейозиса состоит в намеренном преуменьшении свойств объекта речи («мужичок с ноготок»). Однако психологическая структура мейозиса более сложна и утонченна. Говорящий доверяет способности слушателей понять намеренно скромную сдержанность оценок и учесть несоответствие между тем, что говорится о предмете и что этот предмет представляет собой в действительности. Например, когда о предстоящих больших затратах кто-нибудь скажет, что «дело влетит в копейку», то здесь использован мейозис.

Иногда мейозис путают с гиперболой. Поэтому подчеркнем: мейозисом является преуменьшение нормального или большего чем нормальное. Назвать хорошее или отличное терпимым, значит употребить мейозис.

Если же объект действительно невелик, незначителен, неудовлетворителен и его языковая характеристика усиливает и подчеркивает эту незначительность — в подобных случаях перед нами гипербола. Например, когда говорящий хочет сказать, что расстояние невелико, и использует выражение «рукой подать», он употребляет гиперболу.

В судебной речи мейозис может оказаться очень эффективным средством воздействия на слушателей. Вот как, например, его использовал А.Ф. Кони, для того чтобы вызвать у присяжных недоверие к показаниям убийцы, зарезавшего отца Иллариона, иеромонаха Александро-Невской Лавры. Подсудимый утверждал, что совершил убийство, не имея заранее обдуманного намерения.

«По его словам, он взял отца Иллариона, человека здорового и высокого роста, за ворот. Тот его оттолкнул. Тогда подсудимый взял «ножичек», как он выразился весьма нежно, и стал его колоть!» (Кони А.Ф. Речь по делу об убийстве иеромонаха Иллариона.)

Мейозис может быть выражен любыми языковыми средствами. Исключение составляет специфическая разновидность мейозиса — литота, имеющая строго определенную логико-грамматическую форму. В основе литоты лежит логическая операция двойного отрицания: небесполезный, небезопасный, не без повода. В соответствии с логическим толкованием, двойное отрицание равняется утверждению (полезный, опасный и т.д.), однако очевидно, что выражения-литоты имеют более слабое значение по сравнению с утверждениями. К литоте относят и случаи, когда отрицание добавляется к слову, имеющему нежелательные, с точки зрения говорящего, признаки (плохой — неплохой), а также при замене какого-либо выражения на противоположное, к которому добавляют отрицание, например вместо «согласен» говорят «не возражаю».

Приведем пример литоты, взятый из речи Ф.Н. Плевако:

«Ребенок сохранил и другую черту материнскую — нелюбовь к блеску и роскоши». (Речь гражданского истца в защиту интересов опеки А.В. Мазуриной.) Здесь слово «отвращение» заменяется противоположным с отрицанием «не».

Метонимия в переводе с древнегреческого означает переименование. Суть этого тропа заключается в следующем. Если какие-либо предметы связаны между собой некоторым образом, то имя каждого из них может быть использовано вместо имени другого. Так, могут переименовываться явления и процессы, связанные причинной зависимостью, содержащее вместо содержимого. Чи-

тать *Лермонтова*, говорится вместо чтения произведений, написанных Лермонтовым. Выпить *чашку*, вместо напитка в чашке. Подобным образом название страны может быть использовано вместо названия жителей этой страны, или герб страны вместо ее названия: двуглавый орел вместо России.

Итак, для метонимии характерно использование:

предыдущего вместо последующего, и наоборот;
действия вместо причины, и наоборот;
создателя вместо созданного, и наоборот;
знака вместо значения, и наоборот;
содержимого вместо содержащего, и наоборот;
свойства вместо вещи, и наоборот;
места вместо вещи, и наоборот;
владельца вместо собственности, и наоборот;
времени вместо вещи, и наоборот.

Суть этих переименований в том, что метонимия как бы сдвигает наше внимание на предметах, более для нас привычных.

Для того чтобы наглядно представить, как происходит переименование в метонимии, можно использовать схему, предложенную В.А. Светловым¹. Рассмотрим, например, как производится переименование при замене имени владельца собственности собственностью которой он владеет. Для этого строим пропорцию, в правой части которой указываем вид переименования, используемый в метонимии: числитель — владелец, в знаменателе — собственность, которой обладает. Если в левую часть пропорции (числитель) подставить кое-то конкретное имя, а в знаменатель — собственность этого лица, то все члены пропорции будут иметь следующий вид:

Мария Новохацкая	=	владелец
имение в 3000 десятин земли		собственность

Подставив в числитель левой части пропорции имя Марии

¹ См.: Светлов В.А. Практическая логика. СПб. 1995. Гл. IX, С. 418—442.

вохацкой, а в знаменатель - ее имение в 3000 десятин земли, получим схему метонимии, использованную Ф.Н.Плевако в речи, произнесенной в защиту братьев Новохацких.

«Когда Марию Новохацкую увезли в Москву лечить, кто-то писал на имя жены Вейгнера, что Новохацкую увезли в сумасшедший дом. При этом в письме писалось прямо: «спасите ее 3000 десятин, ее имение из рук братьев». (Плевако Ф.Н. Речь в защиту А.И., Н.И. и М.Д. Новохацких.)

Использование метонимии, в которой производится переименование владельца и его собственности, оправдано и самими обстоятельствами дела: за Марией Новохацкой охотились недобросовестные женихи, для которых девушка ассоциировалась только с ее имением.

Рассмотрим еще пример метонимии. В речи против Верреса М.Т. Цицерон говорил так:

(3) «Если вы вынесете ему строгий и беспристрастный приговор, то авторитет, которым вы должны обладать, будет упрочен; но если его огромные богатства возьмут верх над добросовестностью судей, я все-таки достигну одного: все увидят, что в государстве не оказалось суда...» (Цицерон М.Т. Речь против Гая Верреса в суде, первая сессия. 5 августа 70 г.)

Гай Веррес — владелец огромных богатств, пытавшийся воздействовать на судей. Цицерон, используя метонимию, говорит о том, что воздействуют на судей огромные богатства, а имя Верреса даже не произносит. В этом отрывке используется и другой вид метонимии: свойства «предмета» используются вместо «предмета»¹: Цицерон говорит не о судьях, а об их *добросовестности и честности*.

Разновидностью метонимии является **металепсис**. Сущность

¹ Под «предметом» имеется в виду все, что можно мыслить. В данном случае точнее было бы говорить не о свойствах, а об отношениях, но принципиальной разницы (с точки зрения логики) между этими понятиями нет. «Отношение» отличается от «свойства» лишь тем, что его надо мысленно отнести ни к одному, а к двум, трем и т.д. предметам.

той операции переименования легче понять, если сравнить ее с логической операцией деления понятия. Понятие, в соответствии с правилами логики, делят всегда так, чтобы объемы понятий, получившиеся в результате деления, в сумме составили объем исходного понятия, кроме того, при делении всегда надо переходить к ближайшему видовому понятию, не пропуская ни одного. В метонимическом исходное понятие не делится, в соответствии с правилами логики, но **членится** на части. Если, например, исходным понятием будет «год», то частями года являются «весна», «лето», «осень», «зима». Осенью обычно убирают урожай. Кто-то, учитывая последнее обстоятельство, может, отождествив «осень» с «жатвой», учитывая, что жатва бывает раз в году, вместо слов «десять лет» употребить слова «десять жатв». Такое сложное переименование называется **металепсисом**.

Другим и более известным видом переименования является **синекдоха** (в переводе с древнегреческого — подразумеваемость). Ее принято считать разновидностью метонимии. Граница между метонимией и синекдохой весьма условна. Принято считать, что метонимии объект сравнивают преимущественно по качеству, а в синекдохе — **по количеству**. Такое возможно, когда сопоставляемые понятия настолько однородны в качественном отношении, что различия между ними воспринимаются в основном как количественные (одно — часть другого). Для синекдохи характерно использование:

- рода вместо вида, и наоборот;
- целого вместо части, и наоборот;
- единственного числа вместо множественного, и наоборот;
- абстрактного вместо конкретного, и наоборот;
- собственного имени вместо нарицательного, и наоборот.

Для иллюстрации переименования объектов используем ту же пропорцию, что и для метонимии. Выше говорилось о переименовании, в котором владелец заменяется его собственностью. В синекдохе подобное переименование предполагает однородность объектов и должно выглядеть как отношение части и целого:

«А пуще всего, Павлуша, береги копейку». (Н.В. Гоголь.)

$$\frac{\text{копейка}}{\text{деньги}} = \frac{\text{часть}}{\text{целое}}$$

В суде часто звучит фраза: «Защита требует оправдания подсудимого». Если при этом имеется в виду просто «защитник», то в данном предложении также используется синекдоха: целое заменяет собой часть.

Данный троп можно обнаружить, например, в следующем рассуждении Ф.Н. Плевако:

«Этот скачок обвинения не оправдывается судебным следствием, хотя понятно, зачем он сделан. Дело в том, что обвинитель не может по своему произволу карать деяния людей и подвергать их наказанию» (Плевако Ф.Н. Речь в защиту А.И., Н.И и М.Д. Новохацких.)

Здесь целое заменяет собой часть.

Используя синекдоху, оратор, в последнем случае, формулирует более сильное утверждение о недопустимости для *любого* обвинителя подвергать наказанию людей по своему произволу. Такое утверждение, конечно, сильнее, чем простое указание на недопустимость действий конкретного представителя обвинения.

Метафора в переводе с древнегреческого означает **перенос**. Это основной троп, с помощью которого одно выражение заменяется другим. Замена производится на основании сходства между вещами. Метафоры очень часто употребляются в самых различных сферах языка. Их используют при описании технических приспособлений: **колечко, зубчик, дужка, палец, крышка** и т.п. В бытовой речи стереотипные метафоры превращаются в шаблонные выражения: **кипеть от негодования, прожигать жизнь, золотые руки** и т.д. Метафоры творческого характера используются или для наименования незнакомых нам вещей, процессов, явлений (при этом используются имена хорошо известных и знакомых предметов), или являясь продуктом целенаправленного художественного творчества. В последнем случае употребление метафоры может выходить за рамки односложной замены (например, **говор волн, вместо шума или плеска**) и создается целое полотно словесной живописи:

Расступись, о старец-море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.

Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.

Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял,
И валунов, им на славу,
Стадо целое пригнал.

(М.Ю. Лермонтов.)

Во всех случаях метафора употребляется для того, чтобы, во-первых, придать большую наглядность сказанному, во-вторых, для воздействия на чувства слушателей.

В судебной речи метафора имеет право на существование только как средство для достижения успеха, а не как источник эстетического наслаждения. Доказывая необходимость употребления метафор, известный русский юрист П.С. Пороховщиков писал, что речь, составленная из одних рассуждений, не может удержаться в голове людей непривычных; она исчезает из памяти присяжных, как только они прошли в совещательную комнату. Если же в ней есть эффектные картины, этого случиться не может. Развивая мысль, он добавляет: «Следует не только описывать факты, но изображать их подробности так живо и образно, чтобы слушателям казалось, что они почти видят их; вот отчего и поэт и художник имеют так много общего; поэзия отличается от красноречия только большей смелостью и увлечением; проза имеет свои картины, хотя более сдержанные; без них обойтись нельзя; простой рассказ не может ни привлечь внимание слушателей, ни растрогать их; и поэтому поэзия, то есть живое изображение действительности, есть душа красноречия»¹.

¹ Сергеев П. Искусство речи на суде. М.: Юрид. лит. 1988. С. 49.

Античные риторы различали четыре вида метафоры. Такое различение сохранилось и в русской поэзии и прозе:

1) Одно одушевленное существо заменяется другим одушевленным. Так, например, Тит Ливий говорит, что Катон непрестанно *иаял* на Сципиона.

2) Вместо одной неодушевленной вещи употребляется другая, также неодушевленная:

В нем сердце замерло, дрожит,
Из хладных рук узду роняет,
Тихонько обнажает *меч*,
Готовясь витязя без боя
С размаха надвое рассечь...
К нему подъехал. Конь героя,
Врага почуя, закипел,
Заржал и топнул. Знак напрасный!
Руслан не внимлет; сон ужасный,
Как груз, над ним отяготел!..

Изменник, ведьмой ободренный,
Герою в грудь рукой презренной
Вонзает трижды *хладну сталь*...

(А.С. Пушкин.)

3) Вместо вещей одушевленных употребляют неодушевленные:

Он счастлив, если ей накинёт
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ее руки, или раздвинет
Пред нею пестрый полк *лирей*,
Или платок подымет ей.

(А.С. Пушкин.)

4) Для характеристики вещей неодушевленных употребляют ражения, присущие одушевленным существам:

Расступись о, *старец-море*,
Дай приют моей волне...

(М.Ю. Лермонтов.)

Последний вид метафоры считается наиболее предпочтительным, поскольку, оживляя неодушевленное, поэт и оратор придают речи динамичность и образность. Однако сказанное о метафорах не означает, что их следует употреблять как можно чаще. Метафора, во-первых, должна быть уместной, во-вторых, надо иметь в виду, что большое число метафор делает речь не ясной, а, наоборот, затруднительной для понимания, превращая сказанное в загадку. Кроме того, следует помнить: в судебной речи нельзя использовать такие же смелые метафоры, как в поэзии. Цицерон, как известно, был не только оратором, но также философом и поэтом; его речи считаются образцом красноречия и до сего времени. Он часто использовал метафоры в судебных речах, но в красоте и образности они слабее того, что используют поэты:

«Скажи, что делал твой обнаженный меч, Туберон, в сражении под Фарсалом? Чью грудь *стремилось пронзить его острие?*» (Цицерон. В защиту Квинта Лигария. (9))

Судебному оратору следует избегать и шаблонных метафор. Иронизируя по этому поводу, П.С. Пороховщиков отмечал, что если в деле имеются вещественные доказательства, можно заранее сказать, что обвинитель или защитник назовут их бессловесными уликами или немymi свидетелями.

Одно из главных правил употребления метафоры: надо помнить, что любой троп — лишь внешняя форма мысли, а форма всегда должна соответствовать содержанию.

Надо очень заботиться о том, чтобы сходство между предметами, на основании которого создается метафора, было ясным и четким, а не казалось отдаленным и трудным для восприятия. Нарушение этого правила приводит к образованию вычурных метафор, которые не проясняют, а затемняют мысль.

Нельзя, например, соединять две разнородные метафоры для описания одного предмета. Примером подобной несообразности может служить фраза: «Вооружиться против моря несчастий». Сказанное невозможно представить и, услышав подобное, человек просто теряется. Или следующее выражение: «Несчастный юноша! В какую пучину ты ввергнут, тогда как ты достоин лучшего пламени». Нельзя начинать метафору водой и заканчивать пожаром.

Еще Квинтилиан обратил внимание на невозможность подобных сочетаний; он советовал ораторам избегать смешанных метафор и заканчивать речь тем видом метафоры, каким она начиналась. Для того чтобы избавиться от подобных ошибок, российские риторы советовали говорящему стараться представить в воображении описываемую с помощью метафор картину, как будто бы он художник и переносит сказанное на холст. Противоречащие друг другу тропы при этом исключаются.

Обычно рекомендуют не слишком растягивать метафоры. Если оратор слишком долго останавливается на сходстве между предметами, которое служит основанием для образования метафоры, и излагает его тщательно и подробно, тогда метафора превращается в аллгорию. **Аллегория** — это выражение общей отвлеченной идеи через конкретный образ. Классическим примером аллгории является стихотворение М.Ю. Лермонтова «На севере диком...»

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна.
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.
И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

Аллегорическая картина здесь строго выдержана: одиночество и смертная тоска — вот что объединяет две, казалось бы, столь несходные картины. Именно сопоставление этих двух легко воспринимаемых и представляемых картин позволяет читателю осознать достаточно сложную и абстрактную идею, выраженную автором через конкретное описание двух деревьев.

И метафора и аллегория невозможны без сравнения объектов, о которых идет речь. В тех случаях, когда можно заменить один объект другим, используется метафора, в случаях, когда использование метафоры кажется слишком рискованным, прибегают к

равнению. **Сравнение** — это сопоставление двух явлений для пояснения одного при помощи другого. Сравнительный оборот обычно создается при помощи сравнительных союзов **как, точно словно, подобно** или же творительным падежом. Например: «Под ним Казбек, **как грань алмаза**, снегами вечными сиял» (М.Ю. Лермонтов); «Лед неокрепший на речке студеной **словно как тающий сахар** лежит». (Н.А. Некрасов);

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла
И словно облаком суровым
Грядущий день заволокла.

(А. Блок.)

Наряду с простыми сравнениями, в которых два явления сравниваются по какому-то общему для них признаку, используют **сравнения развернутые**, в которых сопоставляются многие сходные черты: «...Чичиков все еще стоял неподвижно на одном и том же месте, как человек, который весело вышел на улицу с тем, чтоб прогуляться, с глазами, расположенными глядеть на все, и вдруг неподвижно остановился, вспомнив, что он позабыл что-то, и уж тогда глупее ничего не может быть такого человека: миг беззаботное выражение слетает с лица его; он силится припомнить, что позабыл он не платок ли, но платок в кармане, не деньги, но деньги тоже в кармане; все кажется при нем, а между тем какой-то неведомый дух шепчет ему в уши, что он позабыл что-то». (Н.В. Гоголь.)

Сравнения в судебной речи обычно не имеют той красоты, которой обладают сравнения художественные; их сила в мысли, в умении проникнуть в существо рассматриваемого дела. Это главный критерий, о котором прежде всего должен помнить судебный оратор, использующий сравнение в речи и желающий произвести впечатление на слушателей:

«Замечательная энергия, завидная сила воли этой и бессилие безволие той — дали место драме, *реальностью ужасов и страшный* превосходящей сотни созданий фантазии сердцеведов (обор с творит. падежом; выделено нами. — О.П.), по которым мы изу

ем внутренний мир человека». (Плевако Ф.Н. Речь гражданского истца в защиту интересов опеки А.В. Мазуриной.)

В риторике разработаны также общие рекомендации по поводу того, когда и как надо употреблять сравнения. Приведем важнейшие из них:

1. Все, что используется для объяснения чего-либо, должно быть более ясным, понятным и привычным для аудитории, чем объясняемый предмет.

2. Не следует сравнивать предметы, имеющие очевидное сходство между собой или относящиеся, как говорят логики, к близким предметным областям. Например, нельзя говорить, что эта щука как акула, поскольку оба понятия лежат в одной предметной области и включаются в понятие «рыбы»; такое сравнение будет слишком простым и непритязательным.

Сравниваемые предметы на первый взгляд должны казаться совершенно различными.

3. Нельзя использовать сравнения, являющиеся литературными или разговорными шаблонами. Таковы, скажем, сравнения героя со львом, человека в горести — с цветком, склонившимся к земле, целомудрия — со снегом и т.п. Сравнения должны быть оригинальны, иначе они скучны.

4. Следует помнить и о том, что использование сравнений возможно для человека не во всяком душевном состоянии. Когда человек, например, возмущен или волнуется под влиянием сильной страсти, ему не до сравнений. Сравнения возникают в том случае, если оратор спокойно исследует предмет, о котором говорит, либо легка взволнован.

Переходим к рассмотрению последнего тропа — **иронии**. Понятие «ирония» в литературоведении является довольно расплывчатым, и назвать его существенные признаки трудно. Дело в том, что ироничным может быть не только какое-то одно высказывание, но целое художественное произведение. В качестве примера можно назвать «Преданного друга» О. Уайльда или рассказы М. Зощенко. то касается тропа, имеющего такое же название, то в переводе с

ревнегреческого ирония означает *притворство*. Это отрицание, маскируемое в форму согласия или одобрения, основанное на инверсии, когда истинным смыслом высказывания оказывается не прямо выраженный, а противоположный ему, подразумеваемый. В этом тропе говорящий стремится наиболее отчетливо показать противоположность между тем, что думает, и тем, что говорит. Если метафоре переименование предметов производится на основе сходных черт, то в иронии — на основе противоположности переименовываемых объектов. Иными словами, вместо необходимого тропа используется его антоним. Обычно ирония используется в высказываниях, имеющих оценочный характер. Например: «Откуда ты, умная, бредешь ты, голова?» — обращение лисицы к ослу в басне Крылова.

Ирония в судебной речи вполне допустима. Ею пользовались еще античные, так и русские ораторы. Например, в уже упоминавшейся нами речи Ф.Н. Плевако, произнесенной в защиту интересов А.В. Мазуриной, известный адвокат говорил так:

«...Началась священная связь воспитательницы и питомицы: эта воспитательница, та училась. И вот, когда курс учения кончился и данный Богом талант Мазуриной дошел до того предела, который соответствовал взглядам руководительницы, она, гордая своим успехом, потребовала плату, выплатив которую, ученица осталась нищей...».

Словосочетание «священная связь» употреблено явно в ироническом смысле. По материалам дела было известно, что воспитательница довела свою воспитанницу до безумия, а затем обобрала. Слово «связь» само по себе нейтрально и антонимом по отношению к выражениям «довести до безумия» и «обобрать» не является. Оратор усиливает его гиперболой «священная связь» — иронический антоним создан. В таком же ироническом смысле Ф.Н. Плевако говорит и о *таланте* Мазуриной, доведенном до своего предела. Слово «талант» предполагает высший уровень интеллектуальных достижений, а реальным фактом было установленное судом слабоумие Мазуриной. Причем слабоумие возникло как результат преступных действий подсудимой. Итак, мы видим: использу-

мые оратором слова являются антонимами переименованных. Противоположность между тем, что думает оратор, и тем, что говорит, очевидна.

В заключение отметим, что с помощью иронии судебный оратор вынуждает слушателей самостоятельно оценивать действия подсудимой, но делают они это как бы под его диктовку.

РЕЗЮМЕ

Тропы — это разные способы переименования предмета речи.

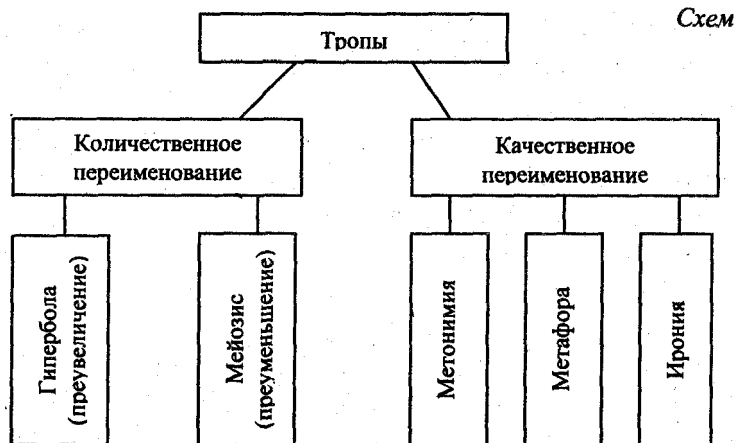
Различают количественное и качественное переименование. В первую группу включаются все те случаи, когда различие между традиционным и фактическим наименованием предмета может считаться преувеличением или преуменьшением. Троп, основанный на преувеличении, называется **гиперболой**, на преуменьшении — **мейозисом**. Разновидностью мейозиса является **литота**. В основе образования литоты лежит логическая операция двойного отрицания. К литоте относят и случаи добавления отрицания к слову, имеющему нежелательные, с точки зрения говорящего, признаки, а также при замене какого-либо выражения на противоположное, к которому добавляется отрицание.

Тропы качества предполагают переименование трех видов:

1) Переименование предмета речи, базирующееся на реальной объективной связи, существующей между называемым предметом и тем предметом, название которого используется: **метонимия**. Разновидностью последней является **синекдоха**. Различие между ними лишь в том, что метонимия сравнивает предметы преимущественно по качеству, а синекдоха — по количеству.

2) Переименование, в основе которого лежит сходство признаков у предметов, при отсутствии реальной связи между ними называется **метафорой**.

3) Переименование по контрасту, подразумевающее прямую противоположность двух предметов — **ирония**.

ТЕРМИНЫ

Гипербола
Мейозис
Литота
Метонимия
Металепсис

Синекдоха
Метафора
Аллегория
Сравнение
Ирония

ЗАДАНИЯ

1. Найдите каждый из тропов в произведениях любимых вами классиков художественной литературы.
2. Ищите тропы в речах знаменитых судебных ораторов.
3. Прорабатывая материал предыдущей главы, вы написали христу. Украсьте ее, используя для этого тропы количественного и качественного переименования предметов речи. Затем вычеркните из текста все тропы, которые затемняют смысл христу, оставив только те, которые, по вашему мнению, делают ее выразительнее и яснее.

§ 2. Фигуры мысли

Кроме тропов, в риторике, для украшения речи, пользуются еще и фигурами. Рассмотрим те из них, которые принято называть **фигурами мысли**. Ораторы прибегают к ним для того, чтобы придать изданному живость, динамичность и наглядность, или же для того, чтобы, избегая однообразия и монотонности речи, перейти от одной мысли к другой. В зависимости от выполняемой функции, фигуры мысли можно разделить на три группы: 1) фигуры убеждения; 2) фигуры украшения; 3) фигуры эмоционального воздействия на слушателей, называемые также фигурами страстей.

Все фигуры, в отличие от тропов, не предполагают замену одних слов другими. До рассмотрения конкретных видов фигур мысли уточним: фигура мысли — это *оборот речи*, отличающийся от обычного (такого, которым для передачи данного чувства либо традиционно пользуется большинство носителей языка) и волеющий через усиление выразительности полнее передать мысль и чувства, испытываемые оратором.

а. Фигуры убеждения

Почти все фигуры этой группы содержат в себе то, что Одинцов¹ называл вопросно-ответным ходом. Важнейшей частью этого хода является задаваемый оратором вопрос. В простейшем виде вопросно-ответный ход не предполагает ответа, а представляет собой **риторический вопрос**. Такой вопрос, как известно, является вопросом в полном смысле слова — это **утверждение, отрицание в форме вопроса или восклицания**. Например: «ди-ка, догони его! Разве так можно поступать?»
адается риторический вопрос не для того, чтобы получить ответ, а убеждения тех, к кому оратор обращается. Этой фигурой часто

¹Одинцов В.В. Стилистика текста. М.: Наука. 1980. С. 129.

пользовались античные ораторы: «Так возможны ли сомнения в том, что добычу предложили Хрисогону именно те люди, которые и получили от него часть этой добычи?» (Цицерон М.Т. В защиту Секста Росция. 107.) Цицерон не сомневается в том, что говорит, но сказать просто, что Хрисогону добычу предложили именно те люди, которые получили от него часть этой добычи, — значит не передать значительную часть гнева и возмущения, переполняющих оратора. Сравните одну и ту же мысль, выраженную сначала в форме риторического вопроса, а затем в нейтральной форме обычного утвердительного предложения. Риторический вопрос убедительнее для слушателей. Поэтому его и называют фигурой убеждения.

Вопросно-ответный ход предполагает использование не только риторических, но и обычных вопросов. При этом оратор может не ограничиться одним вопросом, а задать их несколько, один за другим. Так говорил М.Т. Цицерон в уже цитировавшемся нами отрывке из речи «В защиту Квинта Лигария»:

«Скажи, что делал твой обнаженный меч, Туберон, в сражении под Фарсалом? Чью грудь стремилось пронзить его острие? С какими намерениями брался ты за оружие? На что были направлены твой ум, глаза, руки, твоё рвение? Чего жаждал, чего желал?»

Конечно, вопросы производят более сильное впечатление, чем фраза: «Ты сам, Туберон, воевал против Цезаря, и мы знаем об этом».

Кроме того, вопросы делают речь более живой и разнообразной. Мысль, высказанная в форме утверждения или отрицания, может быть не замечена или пропущена слушателями, а та же мысль, высказанная в форме вопроса, а тем более как серия вопросов, следующих один за другим, не может остаться незамеченной. Поэтому вопрос должен использоваться оратором лишь в тех случаях, когда он хочет выделить нечто, имеющее принципиальное значение для рассматриваемого дела. Цицерон, защищавший Лигария, стремился в своей речи подчеркнуть, что Туберон, обвинявший Лигария в государственной измене, виновен в том же самом, поскольку тоже воевал против Цезаря. И это столь важное для защиты положение

благодаря многократному повторению названной фигуры убеждения становится незабываемым.

Оратор может задавать вопрос и сам на него отвечать. Эту риторическую фигуру мысли использовал, например, Ф.Н. Плевака в речи, произнесенной в защиту интересов опеки А.В. Мазуриной:

«Что же она (Булах. — *О.П.*) взяла и что дала?

Было у Мазуриной прекрасное состояние, обеспечивавшее спокойную жизнь, — его взяла Булах, взяла до последней крохи. У Мазуриной были молодые силы и умишко — их не взяла Булах, потому что в уме не нуждалась, — у нее и своего довольно, как гордо заявила она в своем литературном труде, вчера здесь прочитанном, — а молодые силы не передаются от лица к лицу. Но эти силы и ум мешали Булаху — и она растоптала, уничтожила их; а когда довела ее до потери разума, этого образа божества, когда довела ее до состояния мумии, мы чаще напоподобие человека, разбила, растоптала живую душу, — она признала курс учения законченным, а себя — правомерной законной наследницей того, что не нужно было ее воспитаннице...»

Другой разновидностью вопросно-ответного хода может быть следующий: **оратор спрашивает и, не дожидаясь ответа, формулирует опровержение или возражение.** Вот простейшая форма такой фигуры мысли:

«У тебя не было дома? Нет, у тебя был дом. У тебя было много денег? Но ты в них постоянно нуждался».

А вот более сложный пример этой фигуры:

«Кому же нужно было бежать из Москвы? Г-же Булах или Мазуриной?

Я утверждаю, что это нужно было Булаху.

Вот мои аргументы.

Из всех уголков России избирается Ржев, город, с которым у Мазуриной не было никакой связи. У Булах — наоборот: там ее свойственники, ее сын; туда посылала она советные письма, приглашая помочь побегу. Для Мазуриной, полной любви и желания посещать святыни веры, Москва могла быть сменена Питером, Киевом, но не Ржевом. Ни исторической святыней, ни широтой жизни общественной Ржев не выдается среди городов России.

Бежала ли туда Мазурина, ища свободы, удобств жизни?

Нет! Ни та обстановка, в которой нашли ее в 1881 году, ни та, в которой она жила в шестидесятых, — не лучше, а хуже позднейшей московской обстановки.

А свобода? Да когда же в Москве стесняли так девушку, как стесняли ее во Ржеве! Возьмите всю совокупность свидетельских показаний — и останется в итоге, что видеться с Мазуриной было нелегко, писать ей — значило терять даром время.

Увезти туда Мазурину, уговорить ее там поселиться — был прямой расчет для Булах: этим расчетом связь с Москвой разрывалась, уничтожалась возможность потерять место по домашним соображениям мазуринской родни». (Плевако Ф.Н. Речь гражданского истца в защиту интересов опеки А.В. Мазуриной.)

Другой разновидностью вопросно-ответного хода является фигура, называемая **предварение** или **предупреждение**. Суть ее в следующем. Оратор, зная, что его слова могут вызвать возражения, сам эти возражения формулирует и произносит, а затем на них отвечает. Эту фигуру можно использовать во всех частях судебной речи, но чаще всего она бывает полезной в начале.

«Защитнику, прежде всего, необходимо постараться приобрести доверие к себе. Доверие приобретается основательностью речи; но бывают речи основательные, которым, однако, нет веры: это бывает тогда, когда явится подозрение, что человек говорит не то, что хочет его сердце, — сердце в разладе с умом.

Подобное подозрение могло явиться у вас, господа присяжные против меня, защитника, потому что Гольдсмит в начале заседания заявил, что я собирался быть поверенным его как гражданского истца.

Но я очень счастлив, что не искал, где глубже, где лучше, где больше дают: это видно из того, что я, слава Богу, защищаю по назначению от суда и, следовательно, никакого личного интереса кроме душевного, сердечного расположения, в переходе из одного лагеря в другой не имел. Поэтому я полагаю, что вы отнесетесь к мне с доверием настолько, насколько этого будет заслуживать внутренняя правда моих слов.

В настоящем деле, что ни шаг, то трудности. На скамье потерпевшего сидит наш товарищ, присяжный поверенный, призвание которого — защищать подсудимых, защищать истину и говорить на суде только правду.

После этого не положить ли уже оружие?! Если присяжный поверенный Гольдсмит говорит, что с ним поступили так-то, то не правда ли все, что он говорит, от первого и до последнего слова, не делаю ли я большой ошибки против сословия, к которому принадлежу, что решаюсь доказывать возможность неправды в словах потерпевшего лица?

Господа, я не думаю, что делаю ошибку: только гнилым корпорациям, гнилым сословиям свойственна такая идея, чтобы непременно отстаивать поступки своих членов, не подвергать их критике, не подвергать суду.

Всякое же сословие, которое вмещает в себя членов, достойных доброго имени, не боится предстать перед судом, не боится слова правды...

Итак, нимало не стесняясь тем, что предо мной в качестве потерпевшего лица стоит товарищ по сословию, я скажу: я вам не дам более веры, чем каждому человеку, явившемуся на суд поддерживать свои жалобы; если вы не подтвердите их, я сочту себя не только вправе, но и обязанным не верить вам, потому что во имя высоких человеческих интересов нельзя доверять тому, чего не докажет жалобщик». (Плевако Ф.Н. Речь в защиту обвиняемого Оскара Бострема.)

Предварение начинается словами: «Защитнику, прежде всего, необходимо...» и т.д. Заканчивается: «Поэтому я полагаю, что вы отнесетесь ко мне с доверием настолько, насколько этого будет заслуживать внутренняя правда моих слов».

Гольдсмит сказал только, что Плевако собирался быть его поверенным. Федор Никифорович, предупреждая мысли, которые могли бы возникнуть у присяжных после такого заявления, сам, за противника, формулирует неприятный для себя вопрос и задает его присяжным: поверите ли вы словам адвоката, о котором сказали, что он собирался выступать в процессе на одной стороне, а затем вы видите

его защищающим интересы другой? (Вопрос этот не выражен грамматической формой вопросительного предложения, но он легко угадывается.) Затем дается объяснение: я защищаю по назначению суда, поэтому упрекнуть меня в каком-то личном интересе нельзя. Завершает фигуру просьба оратора — обращать внимание лишь на то, будет ли он говорить правду или нет.

Все остальное в приводимом нами отрывке из речи Ф.Н. Плевако составляет другую фигуру мысли, называемую **сообщением**. Суть этой фигуры в том, что оратор как бы советуется или рассуждает вместе с судьями и присяжными по поводу затруднений, встретившихся в обсуждаемом деле. В первой части этой фигуры оратор говорит об общей для всех трудности, которую следует обсудить. Суду надо считаться с тем фактом, что Гольдсмит является юристом. Отсюда возникает вопрос: должен ли суд рассматривать дело, исходя из понятий корпоративной солидарности? Поставив этот вопрос перед членами суда и присяжными, оратор четко определяет и свою позицию. Он говорит: я буду верить лишь тому, что будет доказано, то есть буду вести себя и действовать так, как делал всегда, потому что считаю и своим долгом и долгом суда — установление истины.

Две последние фигуры мысли — **предварение и сообщение** — предоставляют достаточную свободу оратору. По сути своей, они предполагают вопросно-ответный ход, но, как мы видели на примере выдержки из речи Ф.Н. Плевако, оратор не обязательно должен по-ученически задать вопрос, а затем четко сформулировать ответ на него. Вопрос и ответ должны быть сформулированы в речи, но как это будет сделано, решает оратор.

Следующая фигура мысли называется **сомнение**. Используя эту фигуру, оратор стремится не только сделать свою речь разнообразной в языковом плане, но и удержать внимание слушателей, а также вызвать у них сочувствие и доверие к своим словам. В данной фигуре оратор демонстрирует притворное недоумение и растерянность, будто не знает, с чего начать и чем кончить, что говорить, о чем умолчать. Этой фигурой любил пользоваться Цицерон.

(4) «Что касается меня, то я не знаю, к чему мне прибегнуть: отрицать ли мне позорный факт подкупа суда; отрицать ли мне, что о нем открыто говорили на народных сходках, спорили в судах, упоминали в сенате? Могу ли я вырвать из сознания людей столь твердое, столь глубоко укоренившееся, столь давнее предубеждение? Нет, не мое дарование, но лишь ваше содействие, судьи, может помочь этому ни в чем не виновному человеку при нападении такой пагубной молвы, подобной некоему разрушительно-вернее, всеобщему пожару». (Цицерон. В защиту Авла Клуен-Габита.)

Иногда оратор может сделать вид, что обходит молчанием или только слегка касается каких-то обстоятельств, хотя на самом деле знает все, что хотел сказать. Такой прием называется **фигурой хождения**. Она предоставляет оратору большую свободу с точечного зрения формы словесного ее выражения. Хотя известна эта фигура давно, она до сих пор пользуется большой популярностью. Бегают к ней и современные ораторы, но делают это не всегда уютно.

Представим себе такую картину. Оратор поднялся на трибуну и, желая привлечь внимание к тому, что он скажет, начинает так: «Очень коротко, всего два слова», — а говорит затем целый час. Сказав нечто подобное, оратор добился своего: привлек к себе внимание слушателей. Но если потом он говорит долго и нудно, то он не использует в речи никаких других фигур и тропов, слушатели тоскливо ждут, когда же наконец кончатся эти затянувшиеся два слова».

Прохождение — сильная фигура, но оратор не должен с нее начинать, потому что все им сказанное будет постоянно сопоставляться с первой фразой, которую он произнес, взойдя на трибуну. Чем дольше оратор будет говорить, тем сильнее будет негативная реакция.

Здесь хотелось бы подчеркнуть еще один важный момент: ни одна из риторических фигур не предполагает обмана аудитории, а тем более злостного. Использование фигуры **прохождения** долж-

но украшать речь, делая ее более разнообразной в смысловом отношении, но при этом никогда не должно возникать подозрения неискренности или самовлюбленной забывчивости оратора, говорящего неизвестно что, ради тщеславного желания покрасоваться на трибуне.

Чтобы показать возможности этой фигуры, в качестве примеров приведем отрывки из речей мастеров античного красноречия, искренность и искусство которых никогда не ставились под сомнение:

(34) «Я вправе просить вас, господа афиняне, чтобы вы до самого конца прений помнили: если бы Эсхин в своей речи не отступил от сути обвинения, то и я бы ни слова не сказал не по делу; однако же он говорил, постоянно уклоняясь в брань и клевету, а потому мне надобно хотя бы кратко ответить на все его наветы. (Подчеркнуто нами. — О.П.)

(35) Каковы же были эти его речи, от которых вышла всем погибель? А вот каковы. Он твердил, что хотя Филипп и прошел уже внутрь страны через Фермопилы, но тревожиться-де не надо, ибо все-де будет по-вашему, только бы вы сидели тихо, а уже дня через три-четыре вы узнаете, что Филипп — истинный друг тем самым людям, на которых идет войной, а прежним-де своим друзьям он напротив, вскорости будет враг. И еще он говорил — да притом превеликою выпренностию! — что не словами-де крепнет дружба, а общою пользою, а польза-де хоть Филиппу, хоть фокидянам, хоть вам сейчас в одном — избавиться от жестокого фиванского утеснения». (Демосфен. За Ктесифонта о венке.)

Второй пример:

(11) «Даже если обойти молчанием грязные и позорные проступки его молодости (подчеркнуто нами. — О.П.), то к чему мне свелась его квестура, первая почетная должность, как не к тому, что он украл у Гнея Карбона, чьим квестором он был, казенные деньги, ограбил и предал своего консула, бросил войско, покинул провинцию, оскорбил святость отношений, налагаемых жребием? (Цицерон. Против Гая Верреса (первая сессия.)

Какие же выводы можно сделать из приведенных примеров? Уже говорилось, что не стоит начинать речь с этой фигуры. Но если оратор все-таки делает это, то ему вначале следует объяснить, почему он так поступает. Тогда он не вызовет негативных чувств у слушателей. Второй момент. Под знаком этой фигуры произносится очень небольшая часть речи. Третий. Использовать эту фигуру (как и любую другую) нужно там и тогда, когда она действительно необходима оратору. Содержание и форма речи будут производить целостное впечатление на слушателей лишь в том случае, когда одно соответствует другому. Надо употреблять фигуру, соответствующую мысли, и так, чтобы с ее помощью усилить мысль и полнее передать то, что чувствует оратор.

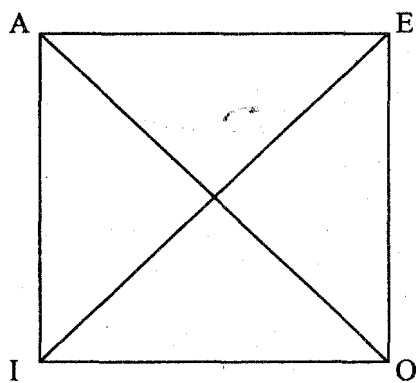
Рассмотрим следующую фигуру мысли, которая по-латыни называется *concessio*, что переводится на русский как **уступка, позволение, согласие**. Суть этой фигуры в следующем: оратор допускает мысль, высказанную противником, но выводит из нее положение, опровергающее мысль, с которой оратор притворно соглашался. Эта фигура содержит в себе элементы логического опровержения. Чтобы сделать рассуждение по этой фигуре более наглядным, остановимся сначала на его логической схеме.

Противник высказывает некое утверждение. Обозначим его буквой *T* и будем считать исходным тезисом, условно принятым оратором, но собирающимся его опровергнуть. Приняв *T*, оратор выводит из него следствие, опровергающее тезис, то есть совершает операцию, записать которую логически можно с помощью следующих символов: $T \rightarrow \neg C$. Следствие, опровергающее тезис, должно быть суждением или противоположным, или противоречащим тезису. Если тезисом является единичное суждение, то опровергающим его суждением будет отрицание тезиса, $\neg T$ (где $\neg$ — знак логического отрицания). Итак, если тезисом противника будет единичное суждение, например: «Этот человек виновен в совершенном преступлении» — то опровергающим тезис утверждением надо считать следующее единичное суждение: «Неверно, что этот человек виновен в совершении данного преступления».

Однако, когда оратор пользуется фигурой *concessio* (уступка) на тезис пропонента (так называют человека, выдвинувшего тезис) он должен ответить не отрицанием тезиса, а **следствием, против речащим тезису**. В качестве следствия, вытекающего из тезиса пропонента, рассмотрим следующее: «Если этот человек совершил данное преступление (Т), то он должен был находиться на месте преступления в момент его совершения» (С). Следствием, противоречащим тезису, является положение: «Суду не известны факты, подтверждающие, что подсудимый находился на месте преступления в момент его совершения». (¬С) Таким образом, оратор, выступая фигурой *concessio* на тезис пропонента, выскажется так: «Обвинитель утверждает, что данное преступление совершил подсудимый, но ведь суду неизвестны факты, подтверждающие, что подсудимый находился на месте преступления в момент его совершения».

В случае, когда тезисом пропонента является общее или частное суждение, оппонент (человек, возражающий против тезиса), находясь в позиции антитезиса, опираясь на правила логического квадрата. Логический квадрат - схема, выражающая отношения между простыми суждениями, имеющими одинаковые субъект (S) и предикат (P).

Предположим, тезисом пропонента будет утверждение:

«Все приносилось в жертву роскоши». (Т) Это суждение является общеутвердительным (A) и имеет логическую форму «Все S есть P». Суждением, опровергающим тезис, будет или противоречащее суждение (O) и противоположное (E). Суждением (O) имеет логическую форму «Некоторые S не есть P», и сказанное словами будет звучать так: «Нечто не приносилось

жертву роскоши». Суждения (A) и (O) не могут быть вместе истинными или вместе ложными; если (A) истинно, то (O) — ложно, и наоборот.

оборот. Суждение (Е) является противоположным по отношению к суждению (А). Логической формой выражения суждения (Е) будет «Ни одно S не есть Р», в словесном выражении это будет утверждение: «Ничто не приносилось в жертву роскоши». В соответствии с правилами логического квадрата суждения (А) и (Е) могут быть вместе ложными, но не могут быть вместе истинными, а если одно из них истинно, то другое обязательно должно быть ложным.

Услышав тезис противника, оратор должен быстро решить, какое суждение целесообразнее выбрать в качестве противоречащего тому тезису, то есть антитезиса. Решение зависит от того, чего в данном случае добивается оратор. Если оратор хочет показать, что тезис — в нашем случае суждение типа (А) — чего-то не учитывает, он выберет в качестве антитезиса суждение типа О. В том случае, когда он хочет полностью опровергнуть тезис пропонента, он ставит свой выбор на суждении типа (Е) и обязан доказать истинность данного суждения. Если суждение типа (Е) — истинно, то суждение типа (А) обязательно будет ложным.

В данном случае нами был сформулирован тезис для рассмотрения фигуры *concessio* на примере, который русский юрист [С. Пороховщиков считал наилучшим для иллюстрации данной фигуры мысли. Пример является отрывком из речи известного французского адвоката Ше д'Эст Анжа, произнесенной на заседании французской палаты депутатов в 1864 году по поводу внесенного оппозицией проекта о подчинении парижского городского бюджета законодательному корпусу. Подавая этот проект, оппозиция, таким образом, возражала против колоссальных затрат на украшение города. Один из депутатов упрекал префекта Парижа в истощении денег на ненужную роскошь. Ше д'Эст Анж отвечал оппозиции как вице-президент муниципальной комиссии.

«Вы говорите: все приносилось в жертву роскоши; (Т) нет, все приносилось в жертву необходимости». (┐Т)

Оратор выбрал и сформулировал антитезис. Суждения: «Все приносилось в жертву роскоши» (Т) и «Все приносилось в жертву необходимости» (┐Т) можно рассматривать как суждения, имею-

щие противоречащие предикаты: P и не- P . Логические схемы суждений тогда запишутся следующим образом: Все S есть P (T) и Все S есть не- P ($\neg T$). Поскольку P и не- P являются противоречащими понятиями, то и суждения с такими предикатами (P и не- P исчерпывают объем родового понятия) можно рассматривать как тезис (T) и его отрицание ($\neg T$).

Теперь необходимо показать истинность того, что утверждается.

«С разумной смелостью, без рабского страха перед прямой линией, забывая о ней, когда было нужно, мы расширили площади вокруг парижских памятников, возвели новые, реставрировали старые, провели новые улицы; повсюду, во всех концах облегчили колоссальное движение городского населения; вместо клоак, в которых приходилось ютиться жителям, вместо этих отвратительных улиц, имена коих уже забыты вами, улицы Мортеллеры, Тиксерандри и других, им подобных, мы дали им воздуха, света и...»

Рассуждения могут быть представлены с помощью такой логической схемы:

- a_1 : построены новые улицы вместо старых клоак;
- a_2 : облегчено движение городского населения;
- a_3 : дали жителям воздух и свет;
- a_4 : часть жителей получила работу.

$$(a_1 \wedge a_2 \wedge a_3 \wedge a_4) \rightarrow T.$$

Конечно, построить новые улицы, дать жителям отвратительных в прошлом районов воздух и свет, предоставить части населения города работу — все это необходимые меры управления, а не поощрение роскоши. Антитезис доказан, тезис опровергнут, но тут оратор как бы вновь поднимает скомпрометированный тезис проponenta: начинается *concessio*:

«...правда, дали роскошь; да, этим нищим дали роскошь; они задыхались от недостатка воздуха; им предоставили площади, им устроили сады...»

Указав, что заботы городского управления о бедном населении не остались без результатов, оратор выводит следствие, отрицаю-

щее еще раз уже опровергнутый тезис пропонента. Следствие высказывается в форме, где обычные вопросы подкрепляет риторический вопрос, являющийся, как мы говорили, утверждением.

«Что же возмущает вас? Что им дали слишком много труда и слишком много заработка, слишком много воздуха, света, солнца, слишком долгую жизнь? Это возмущает вас?» (1С)¹.

В этом примере отчетливо видна и еще одна функция, которую могут выполнять фигуры мысли: они не только разнообразят речь, но и являются прекрасным средством, позволяющим эмоционально подкрепить и подчеркнуть логические доводы оратора.

На этом мы заканчиваем рассмотрение фигур убеждения и переходим к фигурам мысли, называемым в российской риторике фигурами украшения.

РЕЗЮМЕ

Все фигуры, в отличие от тропов, не предполагают замены одних слов другими. Фигуры — это обороты речи, отличающиеся от обычного стандартного выражения тем, что позволяют говорящему полнее передать те мысли и чувства, которые он испытывает.

Фигуры мысли используются для того, чтобы придать сказанному живость, динамичность, или для того, чтобы, избегая однообразия и монотонности в речи, перейти от одной мысли к другой.

В зависимости от выполняемой ими функции, фигуры мысли можно разделить на три группы: 1) фигуры убеждения; 2) фигуры украшения; 3) фигуры эмоционального воздействия на слушателей.

В этой части параграфа рассматривалось девять фигур убеждения. Все они в той или иной мере предполагают вопросно-ответный ход, то есть вопрос и ответ на него.

В простейшем виде вопросно-ответный ход представляет собой риторический вопрос (**первая фигура убеждения**). Риторический

¹ Отрывок из речи Ше д'Эст Анжа цитируется по книге: *Сергей П. Искусство речи на суде*. М.: Юрид. лит. 1988. С. 58—59.

вопрос — это утверждение или отрицание, высказанное в форме вопроса или восклицания.

Вторая фигура убеждения — вопрос или несколько вопросов, задаваемых один за другим оратором.

Третья фигура: оратор задает вопрос и сам на него отвечает.

Четвертая фигура: оратор спрашивает и, не дожидаясь ответа, формулирует опровержение или возражение мнению своего противника.

Пятая фигура называется **предварение** или **предупреждение**: оратор, зная, что его слова могут вызвать возражения, сам эти возражения формулирует, а потом на них отвечает.

Шестая фигура — **сообщение**. Говорящий как бы советуется и рассуждает вместе со своими слушателями.

Сомнение — **седьмая фигура убеждения**. Оратор демонстрирует притворное недоумение, будто не знает, с чего начать и чем закончить рассмотрение какого-либо вопроса, не понимает, о чем говорить, а о чем умолчать.

В **восьмой фигуре**, называемой **прохождением**, оратор делает вид, что обходит молчанием или слегка касается каких-то обстоятельств, хотя на самом деле говорит все, что хотел сказать.

Последняя, **девятая фигура** называется *concessio*. Здесь оратор допускает утверждение, высказанное противником, но затем выводит из этого утверждения возражение, опровергающее мысль, с которой оратор притворно соглашался.

ТЕРМИНЫ

Риторический вопрос

Вопросно-ответный ход и его разновидности

Предварение

Сообщение

Сомнение

Прохождение

Concessio

щее еще раз уже опровергнутый тезис пропонента. Следствие высказывается в форме, где обычные вопросы подкрепляет риторический вопрос, являющийся, как мы говорили, утверждением.

«Что же возмущает вас? Что им дали слишком много труда и слишком много заработка, слишком много воздуха, света, солнца, слишком долгую жизнь? Это возмущает вас?» (1С)¹.

В этом примере отчетливо видна и еще одна функция, которую могут выполнять фигуры мысли: они не только разнообразят речь, но и являются прекрасным средством, позволяющим эмоционально подкрепить и подчеркнуть логические доводы оратора.

На этом мы заканчиваем рассмотрение фигур убеждения и переходим к фигурам мысли, называемым в российской риторике фигурами украшения.

РЕЗЮМЕ

Все фигуры, в отличие от тропов, не предполагают замены одних слов другими. Фигуры — это обороты речи, отличающиеся от обычного стандартного выражения тем, что позволяют говорящему полнее передать те мысли и чувства, которые он испытывает.

Фигуры мысли используются для того, чтобы придать сказанному живость, динамичность, или для того, чтобы, избегая однообразия и монотонности в речи, перейти от одной мысли к другой.

В зависимости от выполняемой ими функции, фигуры мысли можно разделить на три группы: 1) фигуры убеждения; 2) фигуры украшения; 3) фигуры эмоционального воздействия на слушателей.

В этой части параграфа рассматривалось девять фигур убеждения. Все они в той или иной мере предполагают вопросно-ответный ход, то есть вопрос и ответ на него.

В простейшем виде вопросно-ответный ход представляет собой риторический вопрос (первая фигура убеждения). Риторический

¹ Отрывок из речи Ше д'Эст Анжа цитируется по книге: *Сергей П. Искусство речи на суде*. М.: Юрид. лит. 1988. С. 58—59.

вопрос — это утверждение или отрицание, высказанное в форме вопроса или восклицания.

Вторая фигура убеждения — вопрос или несколько вопросов, задаваемых один за другим оратором.

Третья фигура: оратор задает вопрос и сам на него отвечает.

Четвертая фигура: оратор спрашивает и, не дожидаясь ответа, формулирует опровержение или возражение мнению своего противника.

Пятая фигура называется **предварение** или **предупреждение**: оратор, зная, что его слова могут вызвать возражения, сам эти возражения формулирует, а потом на них отвечает.

Шестая фигура — **сообщение**. Говорящий как бы советуется и рассуждает вместе со своими слушателями.

Сомнение — **седьмая фигура убеждения**. Оратор демонстрирует притворное недоумение, будто не знает, с чего начать и чем закончить рассмотрение какого-либо вопроса, не понимает, о чем говорить, а о чем умолчать.

В **восьмой фигуре**, называемой **прохождением**, оратор делает вид, что обходит молчанием или слегка касается каких-то обстоятельств, хотя на самом деле говорит все, что хотел сказать.

Последняя, **девятая фигура** называется *concessio*. Здесь оратор допускает утверждение, высказанное противником, но затем выводит из этого утверждения возражение, опровергающее мысль, с которой оратор притворно соглашался.

ТЕРМИНЫ

Риторический вопрос

Вопросно-ответный ход и его разновидности

Предварение

Сообщение

Сомнение

Прохождение

Concessio

ЗАДАНИЯ

Изменяйте каждую часть написанной вами хрии девять раз так, чтобы вначале выразить ее в форме риторического вопроса, потом в форме обычного вопроса или серии вопросов и т.д., пока не дойдете до последней фигуры убеждения, *concessio*.

В десятый раз запишите хрию так, чтобы фигуры убеждения присутствовали в ней лишь в необходимом количестве. Исходите при этом из того, что чрезмерный пафос, когда речь идет об обычных вещах, не нужен; поэтому все лишнее должно быть исключено, однако пафос¹, передающий вашу убежденность или чувства, можно сохранить.

6. Фигуры украшения

Из фигур украшения будут рассмотрены четыре наиболее важные для судебной речи: «характеристика», или *ипотипозис*, «*sermocinatio*», «картина» и «параллель».

Представители российской классической риторики считали «характеристику» только вспомогательной фигурой и потому настаивали прежде всего на ее краткости, подчеркивая при этом, что развернутая «характеристика» утяжеляет речь оратора и замедляет изложение им основных идей. Однако для судебной практики данное требование не всегда справедливо. Если объяснение дела связано с личностью подсудимого, оратор должен все внимание сосредоточить на «характеристике». Такова, например, речь Андреевского по делу Тарновского², которая вся является характеристикой подсудимого и где даже о самом совершении преступления говорится лишь вскользь.

В судебной речи по уголовному делу всегда содержится характеристика действующих лиц и объяснение их поступков, поэтому

¹ Под «пафосом» мы, вслед за В.Г. Белинским, имеем в виду идейно-эмоциональную настроенность человека или написанного им произведения.

² Подробнее см.: Андреевский С.А. Драмы жизни. 1916. С. 267—276.

для судебной речи «характеристика» вряд ли может считаться фигурой, назначение которой - только украшение речи. Рассматривая «характеристику» как первую фигуру среди фигур украшения, мы лишь следуем традиции, сложившейся в российской классической риторике, исходившей при классификации фигур из литературоведческих представлений о стилях речи. Судебное красноречие России, как известно, начинается складываться после реформы 1864 года, но теоретическое осмысление особенностей российского судебного красноречия возникает лишь на рубеже XIX — XX веков. Новой классификации риторических фигур, учитывающих специфику судебной речи, тогда еще не было создано. Нет ее и сейчас. По-видимому, такая работа — дело будущего.

«Характеристика» в судебной речи имеет своей задачей объяснить преступление в соответствии с личными свойствами и душевными побуждениями преступника. **Обвинитель** утверждает, что названные им побуждения привели подсудимого, согласно его характеру, к совершению преступления. **Защитник** доказывает, что этого не было или потому, что не было этих побуждений, или потому, что подсудимый по своему характеру не мог совершить преступления, хотя бы и имел такие побуждения, или что он совершил его под давлением случайных обстоятельств. В любой «характеристике» должен найти отражение ответ на следующий вопрос: было ли преступление естественным выражением характера других личных свойств подсудимого или оно противоречит его природе, что он действовал вопреки своим основным личным качествам?

Обычно обвинитель изображает преступника хуже, чем он есть на самом деле, защитник действует в противоположном направлении. Но для того, чтобы «характеристика» была убедительной перед судом, оратору не следует подгонять ее к узко понимаемым целям обвинения либо защиты: она должна сама «родиться» из данного дела. Настоящая живая «характеристика» должна быть обоснована и подтверждена фактами, только тогда она оказывается убедительной.

ной. Как писал П.С. Пороховщиков: «Обстоятельства дела сами собой рисуют каждого из участников судебной драмы, этот образ складывается из его поступков, речей, писаний и отзывов о нем других людей. Надо только помнить, что мелочи часто бывают характернее, чем крупные черты»¹.

Как же составляется «характеристика»? Принцип указан в предыдущем абзаце; что же касается формы написания, то подойдет любая, если при этом «характеристика» будет правдоподобной и выразительной.

Вот образцы «характеристик», написанных мастером:

«...Для того чтобы определить, по какому направлению должна была идти страсть, овладевшая Емельяновым, достаточно взглянуть в характер действующих лиц... мы можем проследить его прошедшую жизнь по тем показаниям и сведениям, которые здесь даны и получены.

Лет 16 он приезжает в Петербург и становится банщиком при номерных, так называемых «семейных» банях. Известно, какого рода эта обязанность; здесь, на суде, он сам и две девушки из дома терпимости объяснили, в чем состоит одна из главных функций этой обязанности. Ею-то, между прочим, Егор занимается с 16 лет. У него происходит перед глазами постоянный, систематический разврат. Он видит постоянное беззастенчивее проявление грубой чувственности. Рядом с этим является добывание денег не действительною, настоящею работою, а «наводкою». Средства к жизни добываются не тяжелым и честным трудом, а тем, что он угождает посетителям, которые, довольные проведенным временем с привлекательною женщиною, быть может, иногда и не считая хорошенько, дают ему деньги на водку. Вот какова его должность с точки зрения труда! Посмотрим на нее с точки зрения долга и совести. Может ли она развить в человеке самообладание, создать преграды, внутренние и нравственные, порывам страсти? Нет, его постоянно

¹ *Сергеич П. Искусство речи на суде.* С. 103.

окружают картины самого беззастенчивого проявления половой страсти, а влияние жизни без серьезного труда, среди далеко не нравственной обстановки для человека, не укрепившегося в другой, лучшей сфере, конечно, не является особо задерживающим в ту минуту, когда им овладевает чувственное желание обладания... Взглянем на личный характер подсудимого, как он нам был описан. Это характер твердый, решительный, смелый. С товарищами живет Егор не в ладу, нет дня, чтобы не ссорился, человек «озорной», неспокойный, никому спускать не любит. Студента, который, подойдя к бане, стал нарушать чистоту, он поколотил больно — и поколотил притом не своего брата-мужика, а студента, «барина», — стало быть, человек, не очень останавливающийся в своих порывах. В домашнем быту это человек не особенно нежный, не позволяющий матери плакать, когда его ведут под арест, обращающийся со своею любовницею «как палач»... Это человек, привыкший властвовать и повелевать теми, кто ему покоряется, чуждающийся товарищей, самолюбивый, непьющий, точный и аккуратный. Итак, это характер сосредоточенный, сильный и твердый, но развившийся в дурной обстановке, которая ему никаких сдерживающих нравственных начал дать не могла».

Это «характеристика» человека, обвиняемого в убийстве жены. Затем даются «характеристики» жены и любовницы.

«Посмотрим теперь на его жену. О ней также характеристичные показания: эта женщина невысокого роста, толстая, белокурая, флегматичная, молчаливая и терпеливая: «Всекие тиранства от моей жены, капризной женщины, переносила, никогда слова не сказала», — говорит о ней свидетель Одинцов. «Слова от нее трудно добиться», — прибавил он. Итак, это вот такая личность: тихая, покорная, вялая и скучная, главное — скучная».

«...Аграфена Сурина. Вы ее видели и слышали: вы можете относиться к ней не с симпатией, но вы не откажете ей в одном; она бойка и даже здесь за словом в карман не лезет, не может удержать улыбки, споря с подсудимым, она, очевидно, очень живого, весело-

го характера, энергичная, своего не уступит даром; у нее черные глаза, румяные щеки, черные волосы».

«Характеристики» передают особенности каждого из действующих лиц в статике. Написать их важно, но они — половина дела. Оратор не может на этом остановиться. Он должен смотреть дальше, увидеть и передать, что будет, когда эти столь разные люди, действуя под влиянием присущих каждому из них особенностей, создадут ситуацию, которая ведет одного из них к преступлению, а другого — к смерти. Это вторая, и очень важная, часть «характеристики».

«Вот такие-то три лица сводятся судьбою вместе. Конечно, и природа, и обстановка указывают, что Егор должен скорее сойтись с Аграфеною; сильный всегда влечется к сильному, энергическая натура сторонится от всего вялого и слишком тихого. Егор женился, однако, на Лукерье. Чем она понравилась ему? Вероятно, свежестью, чистотою, невинностью. В этих ее свойствах нельзя сомневаться. Егор сам не отрицает, что она вышла за него, сохранив девическую чистоту. Для него эти ее свойства, эта ее неприкосновенность должны были представлять большой соблазн, сильную приманку, потому что он жил последние годы в такой сфере, где девической чистоты вовсе не полагается; для него обладание молодою, невинною женою должно было быть привлекательным. Оно имело прелесть новизны, оно так резко и так хорошо противоречило общему складу окружающей жизни. Не забудем, что это не простой крестьянин, грубоватый, но прямодушный, — это крестьянин, который с 16 лет в Петербурге, в номерных банях, одним словом, «хлебнул» Петербурга. И вот он вступает в брак с Лукерьей, которая, вероятно, иначе ему не могла принадлежать; но первые порывы страсти прошли, он охлаждается, а затем начинается обычная жизнь, жена его приходит к ночи, тихая, покорная, молчаливая... Разве это ему нужно с его живым характером, с его страстною натурою, испытавшею житье с Аграфеною? И ему, особенно при его обстановке, приходилось выдвигать виды, и ему, может быть, желательна некоторая завлекательность в жене, молодой задор, юр-

кость, бойкость. Ему, по характеру его, нужна жена живая, веселая, а Лукерья — совершенная противоположность этому. Охлаждение понятно, естественно. А тут Аграфена снует, бегаёт по коридору, поминутно суется на глаза, подсмеивается и не прочь его снова завлечь. Она зовет, манит, туманит, раздражает, и когда он снова ею увлечен, когда она снова позволяет обнять себя, поцеловать; в решительную минуту, когда он хочет обладать ею, она говорит: «Нет, Егор, я вашего закона нарушать не хочу», — то есть каждую минуту напоминает о сделанной им ошибке, корит его тем, что он женился, не думая, что делает, не рассчитав последствий, сгруппировав... Он знает при этом, что она от него ни в чем более не зависит, что она может выйти замуж и пропасть для него навсегда. Понятно, что ему остается или махнуть на нее рукою и вернуться к скучной и молчаливой жене, или отдаться Аграфене. Но как отдаться? Вместе, одновременно с женою? Это невозможно. Во-первых, это в материальном отношении дорого будет стоить, потому что ведь придется и материальным образом иногда выразить любовь к Суриной; во-вторых, жена его стесняет; он человек самлюбивый, гордый, привыкший действовать самостоятельно, свободно, а тут надо ходить тайком по номерам, лгать, скрываться от жены или слушать брань ее с Аграфеною и с собою — и так навеки! Конечно, из этого надо найти исход. И если страсть сильна, а голос совести слаб, то исход может быть самый решительный. И вот является первая мысль о том, что от жены надо избавиться»¹.

Как видно из примеров, «характеристика», которую дает оратор в судебной речи тем или иным лицам, не требует проникновения в психологические глубины. Достаточно, исходя из материалов дела и показаний свидетелей, указать на важнейшие, наиболее яркие черты личности. Ошибки в «характеристике» возникают, как правило, от предвзятости или потому, что материалы дела были изучены поверхностно.

¹ Кони А. Ф. Речь по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем.

Sermocinatio переводится с латыни как **цитирование**. Суть этой фигуры в следующем: вместо того чтобы передавать чужое чувство, слова или мысль в описательных выражениях, оратор пересказывает их так, будто они были выражены непосредственно тем лицом, о котором идет речь. Эта фигура незаменима при объяснении мотивов действия, как дополнение «характеристики», как выражение нравственной оценки поступков того или другого человека. В деле крестьянина Егора Емельянова обвинитель, объясняя поведение подсудимого, взявшего на место преступления свою любовницу, трактовал этот поступок как желание закрепить ее за собой навсегда. Для иллюстрации высказанного предположения оратор использует **sermocinatio**: *«Тогда всегда будет возможность сказать: мотри, Аграфена! Я скажу все, мне будет скверно, да и тебе, тей, не сладко придется. Вместе погибать пойдем, ведь из-за тебя се Лукерья душу загубил...»*¹.

Та же фигура используется для иллюстрации другого предположения, высказанного оратором: «Затем могли быть и практические изображения: зайдя за ней, он мог потом, в случае обнаружения каких-нибудь следов убийства, сказать: *я сидел в участке, а в участок ел с Грушей, что же — разве при ней я совершил убийство? Спросите ее!* Она будет молчать, конечно, и тем дело кончится»².

В обоих случаях **sermocinatio** дополняет «характеристику» подсудимого и делает наглядным утверждение обвинителя о том, что убийство совершил Егор Емельянов. Если обвинение уже доказано, слушателям начинает казаться, что они слышат самого подсудимого, и мысль о том, что преступление совершено именно им, становится не абстрактным предположением, а наглядным, чувственно воспринимаемым фактом.

«**Картина**» — прием, с помощью которого все сказанное оратором представляется как бы происходящим на глазах у слушателей. Основной признак, позволяющий судить о том, насколько

¹ Кони А. Ф. Речь по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем.

² Там же.

удачно использована эта фигура, — наглядность в передаче событий. Могут слушатели сказать, что видят, как на экране, то, о чем говорит оратор, — «картина» удалась, не видят — фигура не получилась.

Этот прием часто используют записные говоруны, пересказывая анекдот или наиболее памятные эпизоды недавней вечеринки. Он не требует особой подготовки или выдающихся способностей. Им может воспользоваться каждый, надо только, чтобы говорящий четко представлял себе происходящее и чувствовал в тот момент то, что описывает, так, будто все происходит у него на глазах.

Конечно, у начинающего эта фигура будет получаться хуже, чем у того, кто постоянно ею пользуется. Но от судебного оратора не требуется обязательно создавать «картины», обладающие качествами высокохудожественных произведений. Главное, чтобы они были правдоподобны. В судебной речи «картина» может быть дополнением к «характеристике», используется она также и для изложения версии совершения преступления или как иллюстрация поведения действующих лиц судебной драмы.

Ранее отмечалось, что «картина» судебного оратора не обязательно должна быть высокохудожественной, тем не менее сравним «картины» писателя и оратора.

«В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат». (Булгаков М.А. Мастер и Маргарита.)

Эта широкоизвестная и высокохудожественная «картина» создана средствами, которыми располагает любой судебный оратор: фактические данные, связанные с местом и временем, когда происходило то или иное событие, имеющее отношение к разбираемому делу. То, что судебный оратор может создавать не менее впечатляющие «картины», используя те же средства, подтвердим следующим примером:

(XXXIII, 86) «И вот выходит Клеомен на центурипинской квадри-
реме из гавани. За ним следует корабль Сегесты, корабли Тиндариды,
Гербиты, Гераклия, Аполлонию, Галунтия — с виду превосходный
флот, но слабый и беспомощный из-за отсутствия гребцов и бойцов,
уволенных в отпуск. Этот добросовестный претор, будучи облечен
империем, видел свой флот, только пока тот проходил мимо места его
позорнейшей пирушки; сам он, которого не видели уже много дней,
тогда на короткое время все-таки показался своим матросам. Обутый
в сандалии — претор римского народа! — стоял он на берегу, одетый
в пурпурный плащ и тунику до пят и поддерживаемый какой-то ба-
бенкой». (Цицерон. Против Гая Верреса. «О казнях».)

Картина и *sermocinatio* выполняют сходные функции; кроме то-
го, одна фигура может дополнить и усилить другую, поэтому ора-
торы часто соединяют их.

«И вот, утром 23-го августа, она решилась разрубить узел. В это
время муж после двенадцати бессонных ночей, все еще на что-то
надеявшийся, уже собрался куда-то выйти по делу и, как автомат,
надел пальто. Зинаида Николаевна в туфлях на босу ногу поспеши-
ла задержать его, чтобы сразу добиться своего.

...На безвинного и любящего мужа она накинулась с яростной
бранью... Она уже вообразила себя знатной дамой, с властью Тре-
пова в руках... Подбежавшая на шум дочь услышала последнюю
фразу матери: «Я сделаю так, что тебя вышлют из Петербурга!..»

Эта женщина, спасенная Андреевым от ссылки, поднятая им из
грязи, взлелеянная, хранимая им как сокровище в течение 16 лет,
— эта женщина хочет «скрутить его в бараний рог», истребить его
без следа, раздавить его своей ногой!

Тогда Андреев быстрым движением сбросил с себя пальто, со
словами: «Долго ли ты будешь оскорблять нас?» - схватил жену за
руку, потащил в кабинет — и оттуда, у самых дверей, раздался ее
отчаянный крик...» (Андреевский С.А. Речь по делу Андреева.)

«**Параллель**» — последняя из рассматриваемых нами фигур ук-
ращения — предполагает **сравнивание** двух людей, их внешности,
характеров, особенностей поведения и т.п. **Параллель** дает воз-

возможность слушателям ясно ощутить то сходство или противоположность, которое выявляется и отчетливо показывается благодаря использованию названной фигуры.

Проиллюстрируем эту фигуру тремя примерами. Первый является выдержкой из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, где сопоставляется жизнь и деятельность двух величайших ораторов античности: Демосфена и Цицерона. Этот пример, с нашей точки зрения, во всей полноте демонстрирует как особенности, так и возможности этой фигуры. Единственный его недостаток — он взят не из судебной речи. Второй пример — из обвинительной речи Цицерона против Гая Верреса. Отрывки из знаменитой речи величайшего оратора показывают, как параллель может быть использована именно в судебной речи. Однако Цицерон говорил и писал очень давно, и с тех пор многое изменилось. Поэтому в качестве третьего примера приведен отрывок из речи Ф.Н. Плевако.

(1) «Насколько нам удалось выяснить, это все, что заслуживает памяти в жизни Демосфена и Цицерона. Ораторские их достоинства я сопоставлять не буду, но считал бы неправильным оставить без упоминания, что Демосфен все без изъятия, чем наградили его природа и упорный труд, отдавал ораторскому искусству, убедительностью и силой превосходя своих соперников в судах и собраниях, пышностью и внешним великолепием — самых блестящих красноречивцев, а точностью и мастерством — софистов. Цицерон, не обыкновенно образованный, разносторонний и неутомимо совершенствовавшийся оратор, вместе с тем оставил немало собственных философских сочинений в духе учения академиков, и даже судебных его речах ясно ощущается желание выставить напоказ свою ученость.

Виден в речах и характер каждого из них. Красноречие Демосфена, чуждое каких бы то ни было прикрас и забав, — это сама сила, сама внушительность, и отдавало оно не свечной, как язвил Платон, но свидетельствовало о безупречной трезвости, о глубоких радужных и о суровом, желчном нраве, который был известен всеобщим. Напротив, Цицерона страсть к остроумию сплошь и рядом дов

дила до шутовства. Желая насмешить слушателей, он и в суде говорил о предметах, требующих полной серьезности, тоном недопустимого легкомыслия. Так, в речи за Целия он заявил, что нет ничего удивительного, если его подзащитный в этот век, склонный к пышности и роскошеству, не отказывает себе в наслаждениях, ибо не пользоваться доступным и дозволенным — безумие, особенно когда самые знаменитые философы именно в наслаждении усматривают высшее благо. Рассказывают еще, что в свое консульство он защищал Мурену, которого привлек к суду Катон, и, метя в Катона, — долго высмеивал стоическую школу за нелепость так называемых «странных суждений». Кругом оглушительно хохотали, наконец не выдержали и судьи, а Катон слегка улыбнулся и заметил сидевшим подле: «Какой шутник у нас консул, господа римляне». Повидимому, и вообще, по натуре своей, Цицерон был склонен к веселью и шуткам — лицо его всегда было ясно, на губах играла улыбка. А с лица Демосфена не сходила печать раздумий и напряженной работы, и потому враги, как сообщает он сам, называли его брюзгой и упрямцем». (Плутарх. Демосфен и Цицерон. Сопоставление.)

В основе «параллели» часто лежит **антитеза**; сравнение ведет к противопоставлению того, что сравнивается: характера, поведения, вещей, процессов, событий и т.п. Такой прием сопоставления противоположностей усиливает впечатление: обе части антитезы взаимно оттеняют и дополняют друг друга, что увеличивает выразительность сказанного.

Антитеза в «параллели» отчетливо видна в речи Цицерона «Против Гая Верреса», когда он сравнивает деятельность доблестного гражданина прошлого века с действиями подсудимого, разграбившего провинцию, о благосостоянии которой он должен был заботиться.

(LII) «...Среди вас, пожалуй, нет никого, кто бы не слышал и не читал в летописях рассказа о том, как Сиракузы были взяты Марком Марцеллом. Сравните же нынешнее состояние мира с тогдашней войной; приезд этого претора сравните с победой того императора, запятнанную когорту Верреса — с непобедимым войском

Марцелла, произвол одного — с воздержанностью другого. Вы скажете, что тот, кто завоевал Сиракузы, был их основателем, а тот, кто получил их благополучными, вел себя, как завоеватель».

(121) «...Сравните Верреса с Марцеллом — не для того, чтобы сопоставить их как человека с человеком (этим великому мужу было бы посмертно нанесено оскорбление), но чтобы сравнить мир с войной, законы с насилием, правосудие на форуме с господством оружия, приезд наместника и его свиты с вступлением победоносного войска».

(LV, I22) «На Острове есть храм Минервы, о котором я уже говорил. Марцелл его не тронул, его богатства и украшения оставил в целости; Веррес же так обобрал и разграбил его, как его мог опустошить не враг, который даже во время войны уважает святыню и обычаи, а морские разбойники-варвары. В храме были по стенам развешаны картины, изображавшие бой конницы царя Агафокла. Картины эти считались верхом совершенства и главной достопримечательностью Сиракуз. Марк Марцелл, хотя его победа и сняла религиозный запрет со всех этих предметов, все-таки, из благочестия, не тронул этих картин. Веррес же, получив их священными и неприкосновенными в связи с длительным миром и верностью жителей Сиракуз, все те картины забрал себе, а стены, украшения которых сохранялись в течение стольких веков и избежали опасности во время стольких войн, оставил голыми и обезображенными. (123) Марцелл, давший обет — в случае, если он возьмет Сиракузы, построить в Риме два храма, не пожелал украсить будущие храмы захваченными им предметами. Веррес, давший обеты не Чести и Доблести, как это сделал Марцелл, а Венере и Купидону, попытался ограбить храм Минервы. Марцелл не хотел одаривать богов добычей, взятой у богов; Веррес перенес украшения девственницы Минервы в дом распутницы. Кроме того, он унес из храма двадцать семь превосходных картин, изображавших сицилийских царей и тиранов и не только радовавших глаз мастерством живописцев, но и будивших воспоминания о людях, чьи черты они передавали. Решайте сами, насколько этот тиран был для жителей Сиракуз от-

вратительнее любого из прежних: те все же украсили храмы бессмертных богов, этот похитил даже памятники и украшения, поставленные ими».

В данном примере фигура «параллели» употребляется несколько раз.

Главная линия — сравнение Верреса и Марцелла, но, как бы между прочим, в процессе сравнения, будто оговариваясь, оратор проводит параллель между грабителем-чиновником и теми, с кем он и хотел его сравнить: с сицилийскими тиранами и морскими разбойниками, которых ненавидели граждане Рима. Фигура драпирует основную мысль, так как оратор не хочет вызвать неудовольствия защитников Верреса, а последний пользовался поддержкой очень высокопоставленных должностных лиц. Оратор маскирует мысль, но говорит то, что думает: Веррес хуже разбойников и тиранов.

Здесь есть и еще один момент, который следует отметить. «Параллель», как и все фигуры украшения, служит для дополнения и разъяснения «характеристики».

«Параллель», использованная русским оратором, проще, но она напрямую связана с сущностью дела и является дополнением характеристики.

«Обвинение в краже колеблется меж двух лиц: между Карицким и Дмитриевой.

Из тех двух лиц, между которыми колеблется обвинение, одно было за 300 верст от места кражи в момент совершения ее, другое присутствовало на этом месте, в обоих вероятных пунктах, т.е. и в деревне, и в Липецке; у одного никто не видал краденной копейки в руках, другое разъезжает и разменивает краденые билеты; у одного не видно ни малейших признаков перемены денежного положения, у другого и рассказы о выигрышах, и завешание, и сверхсметные расходы — на тарантас, на мебель, на отделку чужого дома».

«Не могу не заметить вам, гг. присяжные, что прошедшее Дмитриевой не настолько чисто, чтобы можно было во всем безусловно зерить ей и считать ее невинною, напрасно погибающею жертвой,

какою с одинаковым усердием хотят ее представить вам и обвинение и защита. Вспомните, что в связи с именем Дмитриевой Галгов говорил о краже серег у жены его, свидетель Радугин о краже ча у Карицкого...

Но в связи с именем моего клиента нет таких темных фактов все время судебного следствия вы не слыхали ни одного слова, одного намека, который бросал бы тень на это честное имя» (Гвако Ф.Н. Речь в защиту Кострубо-Карицкого.)

Мы привели два примера «параллели» из речи Ф.Н. Плев, чтобы подчеркнуть: в речи современного судебного оратора фигура не является просто украшением, а используется лишь тогда когда это обусловлено особенностями рассматриваемого дела, сказанное нами о «параллели» относится и к другим фигурам рашения. Если фигура не помогает разъяснить и отчетливо вы зить существенные и необходимые для дела детали, оратор не жен ее использовать. Все лишнее, затемняющее основную кон туальную мысль оратора при трактовке им преступления, долг исключаться из речи.

РЕЗЮМЕ

Из фигур украшения были рассмотрены четыре, наиболее ные для судебной речи: «характеристика», *sermocinatio*, «к на» и «параллель».

Все эти фигуры в речи современного судебного оратора ляются просто украшением, а используются тогда, когда этог буют особенности рассматриваемого дела.

1. «Характеристика» в судебной речи имеет своей задач объяснить преступление личными свойствами и душевными ждениями преступника. В любой «характеристике» должен , жаться в явной или неявной форме ответ на следующий в: было ли преступление естественным выражением личных с подсудимого или оно противоречит его природе? «Характер ка» должна быть обоснована и подтверждена фактами, толь гда она будет убедительной. Для этого надо, исходя из мате

вратительнее любого из прежних: те все же украсили храмы бессмертных богов, этот похитил даже памятники и украшения, поставленные ими».

В данном примере фигура «параллели» употребляется несколько раз.

Главная линия — сравнение Верреса и Марцелла, но, как бы между прочим, в процессе сравнения, будто оговариваясь, оратор проводит параллель между грабителем-чиновником и теми, с кем он и хотел его сравнить: с сицилийскими тиранами и морскими разбойниками, которых ненавидели граждане Рима. Фигура драпирует основную мысль, так как оратор не хочет вызвать неудовольствия защитников Верреса, а последний пользовался поддержкой очень высокопоставленных должностных лиц. Оратор маскирует мысль, но говорит то, что думает: Веррес хуже разбойников и тиранов.

Здесь есть и еще один момент, который следует отметить. «Параллель», как и все фигуры украшения, служит для дополнения и разъяснения «характеристики».

«Параллель», использованная русским оратором, проще, но она напрямую связана с сущностью дела и является дополнением характеристики.

«Обвинение в краже колеблется меж двух лиц: между Карицким и Дмитриевой.

Из тех двух лиц, между которыми колеблется обвинение, одно было за 300 верст от места кражи в момент совершения ее, другое присутствовало на этом месте, в обоих вероятных пунктах, т.е. и в деревне, и в Липецке; у одного никто не видал краденой копейки в руках, другое разъезжает и разменивает краденые билеты; у одного не видно ни малейших признаков перемены денежного положения, другого и рассказы о выигрышах, и завещание, и сверхсметные расходы — на тарантас, на мебель, на отделку чужого дома».

«Не могу не заметить вам, гг. присяжные, что прошедшее Дмитриевой не настолько чисто, чтобы можно было во всем безусловно ерить ей и считать ее невинною, напрасно погибающею жертвой,

какою с одинаковым усердием хотят ее представить вам и обвинение и защита. Вспомните, что в связи с именем Дмитриевой Галич говорил о краже серег у жены его, свидетель Радугин о краже часов у Карицкого...

Но в связи с именем моего клиента нет таких темных фактов: во все время судебного следствия вы не слышали ни одного слова, ни одного намека, который бросал бы тень на это честное имя» (Плевако Ф.Н. Речь в защиту Кострубо-Карицкого.)

Мы привели два примера «параллели» из речи Ф.Н. Плевако, чтобы подчеркнуть: в речи современного судебного оратора эта фигура не является просто украшением, а используется лишь тогда, когда это обусловлено особенностями рассматриваемого дела. Все сказанное нами о «параллели» относится и к другим фигурам украшения. Если фигура не помогает разъяснить и отчетливо выразить существенные и необходимые для дела детали, оратор не должен ее использовать. Все лишнее, затемняющее основную концептуальную мысль оратора при трактовке им преступления, должно исключаться из речи.

РЕЗЮМЕ

Из фигур украшения были рассмотрены четыре, наиболее важные для судебной речи: «характеристика», *sermocinatio*, «картина» и «параллель».

Все эти фигуры в речи современного судебного оратора не являются просто украшением, а используются тогда, когда этого требуют особенности рассматриваемого дела.

1. «Характеристика» в судебной речи имеет своей задачей — объяснить преступление личными свойствами и душевными побуждениями преступника. В любой «характеристике» должен содержаться в явной или неявной форме ответ на следующий вопрос: было ли преступление естественным выражением личных свойств подсудимого или оно противоречит его природе? «Характеристика» должна быть обоснована и подтверждена фактами, только тогда она будет убедительной. Для этого надо, исходя из материалов

дела и показаний свидетелей, указать на важнейшие, наиболее яркие черты личности.

2. **Sermocinatio.** Суть этой фигуры в следующем: вместо того чтобы передавать чужое чувство, слова или мысль в описательных выражениях, оратор пересказывает их так, будто они были выражены непосредственно тем лицом, о котором идет речь. Оратор как бы цитирует, то есть дословно, в прямой речи, передает слова этого лица.

3. **«Картина»** — прием, с помощью которого все сказанное оратором представляется как бы происходящим на глазах у слушателей. Основной признак, позволяющий судить о том, насколько удачно использована эта фигура, — наглядность в передаче событий. Могут слушатели сказать, что видят, как на экране, то, о чем говорит оратор, — картина удалась, не видят — фигура не получилась.

4. **«Параллель»** предполагает сравнение двух людей, их внешности, характеров, особенностей поведения и т.п. Она дает возможность слушателям ясно ощутить то сходство или противоположность, которые выявляются и отчетливо показываются благодаря использованию данной фигуры.

ТЕРМИНЫ

Характеристика

Sermocinatio

Картина

Параллель

ЗАДАНИЯ

1. Прочитайте еще раз «характеристики», которые дал А.Ф. Коптеву Егору Емельянову, его жене Лукерье и любовнице Агафье, затем напишите свои собственные характеристики всех этих людей. [ополните их другими фигурами украшения: *sermocinatio*, «картинкой» и «параллелью».

2. Напишите «характеристики» Лукерьи и Агафьи так, как будто они являются вашими подзащитными.

3. В школе вы изучали поэму А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и, конечно, помните, что Онегин убил на дуэли своего друга Ленского.

а. Напишите «характеристику» Онегина, стремясь доказать, что совершенное им преступление было естественным выражением особенностей его личности. Помните, что «характеристика» должна быть обоснована и подтверждена фактами из произведения.

б. Возьмите на себя роль защитника и составьте другую «характеристику», доказывая, что Онегин совершил преступление под давлением случайных обстоятельств.

в. Дополните обе характеристики фигурами *sermocinatio* и «картинь».

г. Составьте «параллель», сравнив внешность, черты характера Онегина и Ленского, а также поведение обоих молодых людей до и во время дуэли.

в. Фигуры эмоционального воздействия на слушателей

Эти фигуры используются для того, чтобы, воздействуя на чувства и страсти¹ слушателя, привлечь его на свою сторону. Они, в большинстве своем, являются имитацией чувств и переживаний оратора: он ищет для них соответствующее место в речи и затем произносит.

То, что выражается, является лишь подражанием действительным чувствам: гневу, радости, страху, удивлению, скорби, желаниям и т.п. Поэтому все сказанное без подготовки, под влиянием действительных переживаний, когда слова возникают и произносятся

¹ Под «страстями» (термином пользовался еще Аристотель) в риторике понимают человеческие чувства, сила которых побуждает человека действовать вопреки разумно обоснованному решению. Подробнее об этом см. сноску 1 на стр. 258 (Гл. III, § 3, п. 4).

спонтанно, без обдумывания и определения их места в речи, нельзя считать фигурами.

Рассмотрим следующие фигуры: (1) обращение; (2) восклицание; (3) умолчание; (4) усиление или наращение; (5) желание; (6) олицетворение; (7) приемы, убеждающие слушателя в том, что оратор говорит без подготовки.

(1) **Обращение.** В грамматике обращение — это слова, называющее того, к кому обращаются. Риторическая же фигура состоит в том, что оратор прерывает свою речь, чтобы обратиться к живым или мертвым, присутствующим или отсутствующим или даже к неодушевленным предметам.

Эта фигура, изобретенная античными ораторами, часто сочеталась у них с фигурой олицетворения (об олицетворении см. ниже). Использовалась она в том случае, когда говорящий стремился показать слушателям, что его настолько переполняют чувства (радости, печали, негодования и т.п.), и он так увлечен излагаемой темой, что перестал обращать внимание на все его окружающее, кроме того, о чем говорит.

Таких обращений очень много в речах Цицерона, но в настоящее время многие обращения (к законам, богам и т.п.) кажутся неестественными, так как не вызывают ответной реакции слушателей. Однако в его речах есть и такие обращения, от которых не отказался бы и современный судебный оратор: обращения к обвинителю, к судьям и т.д. Они разнообразны, делают речь полемичной и, самое главное, напрямую связаны с рассматриваемым делом. Приведем пример из речи Цицерона в защиту Квинта Лигария:

(2) «Итак, Туберон, перед тобой подсудимый, который сознается, а это самое желательное для обвинителя, — но сознается в одном: он был на той же стороне, на какой был и ты, на которой был муж, достойный всяческих похвал, — твой отец. Поэтому прие́тся и вам самим сознаться в своем преступлении, прежде чем гавить что-либо в вину Лигарию».

(6) «Итак, во враждебном отношении к тебе, Цезарь, ты Квинта Лигария пока еще уличить не можешь. Прошу тебя об-

ратить внимание на честность, с какой я его защищаю; я предаю себя самого».

К сожалению, всего этого нет в речах современного судебного оратора. Обращение обычно используется лишь дважды: в начале и в конце речи. И звучит оно удивительно однообразно, начинаясь словами:

«Граждане судьи!..» или «Уважаемый суд!..» В речах Ф.Н. Плевако обнаружим совсем другие обращения. Возьмем, в качестве примеров, несколько обращений из речи в защиту Кострубо-Каришкого:

«Так, господа!.. Страстности было много в этом деле. Но где страсти, увлечения, — там истина скрыта».

«...Теперь продолжайте идти по пути этих предположений и будьте уверены: ни одно обстоятельство дела не станет для вас препятствием». «...Вспомните, наконец, как меняла Дмитриева свои показания, — на это указывали вам все подсудимые».

Из приведенных примеров можно сделать ряд выводов.

Первый. Умение разнообразить речь, избегая монотонности, — почти умение говорить. В этом неоценимую помощь может оказать фигура обращения. Она придает речи живость и эмоциональный накал. Второй вывод. Оратор должен обратить внимание на то, каким образом он переходит от мысли к мысли, и если он при этом решает использовать названную фигуру, надо проследить и за тем чтобы обращения не были однообразны. Совсем не обязательно каждый раз называть того, к кому обращаешься.

(2) **Восклицание** — фигура, которая составляется из одного или нескольких восклицательных предложений. В этой фигуре оратор также демонстрирует переполняющие его чувства: сострадание, удивление, негодование, печаль, страх и т.п. Пользуясь данной фигурой, оратор прерывает речь и, повышая голос, высказывает то, что как будто рвется у него из сердца. Таково знаменитое горькое восклицание Цицерона, которое он произносит в первой речи против Катилины: «О времена! О нравы!»

Поскольку восклицание свидетельствует об очень сильных чув-

ствах оратора, эту фигуру целесообразно употреблять только в крайних случаях. Если оно употребляется часто, то речь начинает казаться неестественной. Частые восклицания свидетельствуют или о старческой расстроганности, или о детской несдержанности, не имеющих достаточного основания для выражаемых чувств. Слишком частые восклицания способны зародить у слушателей подозрение и в том, что оратор не справляется с темой, а восклицаниями заполняет пустые места в речи. Однако ключевые моменты в речи оратора должны быть подчеркнуты и мыслью, и эмоционально. Тогда слушатель их не пропустит. Например:

«Да, я говорил это! Непристойные, жестокие слова!»

Это восклицание адвокат использует, когда объясняет, почему взялся вести дело, за которое, по-видимому, не должен браться ни один уважающий себя человек¹.

«О всех преступлениях Карицкого мы слышали только от Дмитриевой: она обвиняла его во всем, сваливала на него все, — и это называют ее сознанием, и на этом основываются все выводы и надежды обвинения!»².

Оратор нашел брешь в обороне противника и сейчас на расширение ее направит все свои силы. Восклицание здесь — это призыв к атаке.

Переход от мысли к мысли или от одного пункта плана речи к другому не является фигурой. Однако **восклицание** (как и другие **фигуры эмоционального воздействия на слушателей**) может быть использовано в качестве средства, заполняющего промежуток между разными мыслями или частями произносимой речи.

(3) **Умолчание.** Фигура, когда оратор, не закончив мысль, переходит к другой, но из уже сказанного слушатели легко могут догадаться о том, что намеренно умалчивается. Иногда оратор, преры-

¹ Защитительная речь Ше д'Эст Анжа по делу ла Ронсьера; цитируется по кн.: Сергеев П. Искусство речи на суде. С. 64.

² Плевако Ф.Н. Речь в защиту Кострубо-Карицкого. Избранные речи. М.: Юрид. лит. 1993. С. 88.

вая мысль, только намекает на какие-то действия и обещает сказать о них подробно в другом месте.

Эта фигура используется для имитации гнева или очень сильного душевного волнения, а также для того, чтобы слушатели сами представили сцены или события, которые оратор не в силах адекватно передать, не погрешив при этом против истины. Рассмотрим примеры:

(21) «...Заодно с Филократом были — почему, об этом я умолчу — Евбул и Ктесифонт, а я тут был совершенно ни при чем» (Демосфен. За Ктесифонта о венке.)

(XII, 33) «По его проискам во время похорон Гая Мария был ранен Квинт Сцевола, благороднейший и наиболее выдающийся муж среди наших граждан; о его заслугах здесь не место много говорить; впрочем, о них нельзя сказать больше, чем помнит сам римский народ...» (Цицерон. В защиту Секста Росция.)

Эту фигуру очень эффектно использовали русские дореволюционные юристы:

«Теперь я должен вступить в темный лес тех обвинительных предположений, которые опираются, главным образом, на оговор Дмитриевой, имеющий вид чистосердечного сознания.

Много ли в нем чистосердечия — это мы увидим...» (Плевко Ф.Н. Речь в защиту Кострубо-Карицкого.)

Интересно использование названной фигуры в речи С.А. Андреевского по делу Андреева. Биржевой маклер Андрей убил жену, и защищать его, не говоря об убийстве, конечно, нельзя. У защитника была своя версия объяснения преступления, и как он должен себя вести, если к сцене убийства будет постоянно обращаться обвинение? Описывать ее, возражая обвинителю? Спорить с ним по поводу деталей совершения преступления? Говоря о деталях убийства, адвокат сосредоточит на этом и внимание присяжных и, таким образом, только навредит своему клиенту. Оратор находит решение: он говорит об убийстве, но используя фигуру умолчания. Основное внимание в речи уделяется тому, как жили супруги, что они собой представляли, к чему стре

мились и почему разладилась их семейная жизнь. А о самом убийстве говорится так:

«...схватил жену за руку, потащил в кабинет — и оттуда, у самых дверей раздался ее отчаянный крик...

В несколько секунд все было кончено.

Андреев выбежал в переднюю, бросил финский нож и объяв себя преступником».

(4) Фигура *gradatio* переводится на русский язык как **усиление, наращение, постепенное возвышение**. Состоит она в следующем. Оратор повторяет одну и ту же мысль несколько раз, но используя при этом другие слова. Каждое следующее повторение придает первоначальной мысли большую силу по сравнению с предыдущим.

Прекрасным поэтическим образцом этой фигуры являются строки А.С. Пушкина из стихотворения «В Сибирь»:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа...

Успешно используется эта красивейшая фигура и в ораторской речи. Вот знаменитое усиление Цицерона в первой речи против Катилины:

(I, 1) «Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? Как долго еще ты, в своем бешенстве, будешь здеваться над нами? До каких пределов ты будешь кичиться своей дерзостью, не знающей узды?»

Другим примером этой фигуры может служить усиление Шелтона Анжа в речи по делу ла Ронсьера. Здесь наращение в силе сказанного заметно не только после очередного союза «когда», но продолжается в последней фразе: каждое следующее существительное (оскорбление, насилие, жестокость) является более сильным не только точки зрения значения, но и с точки зрения вреда, причиняемого личности. Каждое из следующих действий является более тяжким преступлением с юридической точки зрения.

«Когда нам говорят о великом преступлении, вроде того, кото-

рое разбирается здесь; когда нам кажется, что оно было направлено против целой семьи, заранее обдуманно с какой-то дьявольской злобой, когда жертва его — слабая девушка, подвергшаяся небывалым оскорблениям, насилиям, жестокостям...»

Усиление или наращение становится особенно рельефным благодаря антитезе. Противопоставляется предмет, на который направлено действие (слабая девушка), и самые действия, выражаемые тремя стоящими подряд существительными: оскорбление, насилие, жестокость.

(5) **Желание.** Эта фигура состоит в том, что оратор высказывает намерение что-то сказать или сделать. Обычно такое желание связывается с борьбой за справедливость, установление истины, предотвращение ошибки и т.п. Используя эту фигуру, оратор показывает слушателям свое истинное лицо, и в зависимости от того, что он собой представляет, оказывается интересным для слушателей или — нет. С помощью этой фигуры оратор высказывает аудитории и свои цели, поэтому ему, в большинстве случаев, не следует начинать речь с этой фигуры. Слушатели вначале должны быть подготовлены к тому, чтобы согласиться с оратором. Оттого желание оратора должно всегда быть обращено на такую цель, о которой слушатели уже получили определенное представление из того о чем оратор говорил ранее. Кроме того, желания оратора должны импонировать интересам слушателей и вызывать у них уважение.

Оратор несколько не ограничен словесной формой выражения данной фигуры. Желание может быть выражено словом, предложением или даже абзацем. Фигура может быть использована в качестве вступления для изложения частного вопроса или как стратегическая цель всей речи. Этой фигурой можно начать изложение вопроса, но можно использовать ее в качестве завершающей мысли при подведении итогов.

«Я не хочу обвинять ее, но я должен обличить ее ложь». (Плевако Ф.Н. Речь в защиту Кострубо-Карицкого.)

Таковыми словами выражается желание оратора; они начинают большой раздел его речи.

«Я пришел с более смиренной целью: добиваться с вашей помощью того, чтобы в годы будущей печали и отчаяния несчастной жертвы закон обязал эту женщину из того, что она еще не прожила или не сумела схоронить от власти, — дать хотя бы ничтожные средства для борьбы с нищетой и голодом жертве своего бессердечия». (Плевако Ф.Н. Речь гражданского истца в защиту интересов опеки А.В. Мазуриной.)

Здесь желание оратора совпадает с целью всей его речи. Оно обращено к благородной цели: защитить обиженного, обобранного человека, не способного защитить себя самостоятельно, так как потерпевшая является слабоумной.

«Но, сохраняя за собой свободу мнения, я не хочу отказаться от права всякого человека — определять прямую и кратчайшую линию, идущую к данной точке, своим глазом и своим разумением». (Плевако Ф.Н. Речь гражданского истца в защиту интересов опеки А.В. Мазуриной.)

В данном случае фигура желания подводит итог сказанному, завершая тот раздел, где сформулирована цель речи.

Желание оратора быть самостоятельным, все проверить и решить самому может импонировать слушателям, если он проявит оригинальность, смелость и ум в исследовании обсуждаемого вопроса. Такой оратор должен быть уверен в себе, тактичен и ненавязчив.

Заканчивая рассмотрение этой фигуры, отметим: оригинальный, уверенный в себе и хладнокровный человек не должен избегать этой фигуры.

(6) **Олицетворение** — приписывание свойств живого человека неодушевленным, воображаемым предметам или даже абстрактным понятиям. Употребляется в тех случаях, когда оратор считает нужным для живости изображения обратиться к лицам отсутствующим, воображаемым или даже умершим. Оратор может обратиться и к неодушевленным предметам или даже отвлеченным понятиям. В таком случае он как бы оживляет их. Эта фигура близка к *sermocinatio* и часто они употребляются рядом, дополняя и усиливая друг друга.

«Если бы твои родители боялись и ненавидели тебя и если бы тебе никак не удавалось смягчить их, ты, мне думается, скрылся бы куда-нибудь с их глаз. Но теперь отчизна, наша общая мать, тебя ненавидит, боится и уверена, что ты уже давно не помышляешь ни о чем другом, кроме отцеубийства. (Олицетворение.) И ты не склонись перед ее решением, не подчинишься ее приговору, не испугаешься ее могущества? (Вопросно-ответный ход с наращением, который дополняет и усиливает олицетворение. Но этого оратору кажется недостаточно, и он увеличивает пафос с помощью *sermocinatio*.) (18). Она так обращается к тебе, Катилина, и своим молчанием словно говорит: «Не было в течение ряда лет ни одного преступления, которого не совершил ты; не было гнусности, учиненной без твоего участия; ты один безнаказанно и беспрепятственно убивал многих граждан, притеснял и разорял наших союзников; ты оказался в силах не только пренебрегать законами и правосудием, но также уничтожать их и попираť. Прежние твои преступления я все же терпела, как могла; но теперь то, что я вся охвачена страхом из-за тебя одного, что при малейшем лязге оружия я испытываю страх перед Катилиной, что каждый замысел, направленный против меня, кажется мне порожденным твоей преступностью, — все это нестерпимо. Поэтому удались и избавь меня от этого страха; если он справедлив, — чтобы мне не погибнуть; если он ложен, — чтобы мне, наконец, перестать бояться». (*Sermocinatio*.) (Цицерон. Первая речь против Катилины.)

Это пример из речи политической, следующий — из судебной:

«...а защита невинного человека вновь обретает голос, которого была лишена...» (Цицерон. В защиту Авла Клуенция Габита. 183.)

Эта фигура встречается в речах судебных ораторов XIX и XX вв.

«К сожалению, Зайцев не психолог; он не знал, что, купив после таких мыслей топор, он попадал в кабалу к этой глупой вещи, что топор с этой минуты станет живым, будет безмолвным подстрекателем, будет сам проситься под руку». (Андреевский С.А. Речь по делу Зайцева. Драмы жизни. 1905. С. 51.)

(7) Приемы, по которым слушатель заключает, что оратор говорит без подготовки. Форма доверительного и безыскусного общения всегда высоко ценилась людьми. Такие обороты, увеличивая рейтинг говорящего, повышают и значимость всего им сказанного. Эти приемы сокращают дистанцию между оратором и слушателями, способствуют установлению контакта между ними. Оратора внимательнее слушают, скорее поддаются его влиянию и легче верят его словам. Эти обороты могут выполнять и другую важную функцию: служить переходом от одной части выступления к следующей.

Один из названных приемов состоит в том, что оратор специально оговаривается, а потом произносит: «Это сорвалось у меня с языка». Эта фигура может быть чуть изменена и усилена. В таком случае оратор, когда он считает нужным, может высказать какую-то мысль не совсем определенно, а потом сформулировать ее более четко, усилив сказанное. Так делает Ф.Н. Плевако в речи, произнесенной в защиту интересов опеки А.В. Мазуриной. Допуская оговорку, гражданский истец хочет подчеркнуть неразборчивую в средствах алчность подсудимой Булах: «Сотни тысяч, и не сотни тысяч, а один рубль, — для нее выше и священнее прав загубленной личности». Такая оговорка привлекает внимание слушателей, подчеркивает сказанное и дольше сохраняется в памяти.

Иногда оратор может сказать: «Что же потом? Не пропустил ли я чего?» Иногда может сделать вид, что припомнил нечто в процессе речи. Например: «Этот факт напомнил мне другой, который пропустило обвинение».

Другим приемом считается притворное незнание чего-либо, сопровождаемое обращением к аудитории: «Но кто написал «Евгений Онегин»? Кто? Вы правду говорите? Говорят, его написал А.С. Пушкин». (Понятно, что притворное незнание оратором чего-либо должно быть непосредственно связано с обсуждаемой темой.)

Прекрасно использовал этот прием Ф.Н. Плевако во время рассмотрения судебного дела полуграмотной женщины, владевшей

небольшой лавочкой и закрывшей торговлю на 20 минут позже у тановленного времени¹. Заседание суда по ее делу было назначено на 10 часов. Суд вышел с опозданием на 10 минут. Не было только защитника. Председатель суда распорядился разыскать Плевака. Минут через десять последний не торопясь вошел в зал, спокойно сел на место защиты и открыл портфель. Председатель суда сделал ему замечание за опоздание. Тогда Плевако вытащил часы, посмотрел на них и заявил, что на его часах только пять минут одиннадцатого. Председатель указал ему на настенные часы, показывавшие 20 минут одиннадцатого. Плевако заинтересовался:

— А сколько на ваших часах, Ваше превосходительство?

Председатель ответил, что на его часах 15 минут одиннадцатого. Плевако обратился к прокурору с тем же вопросом. Часы прокурора показывали 25 минут одиннадцатого.

Судебное следствие закончилось быстро. Свидетели подтвердили, что подсудимая закрыла лавочку с опозданием на 20 минут. Прокурор просил признать подсудимую виновной.

Слово предоставили Плевако. Он говорил так:

— Подсудимая действительно опоздала на 20 минут. Но она женщина старая, малограмотная, в часах плохо разбирается. Члены суда люди грамотные, но как у них обстоит дело с часами? Когда на настенных часах 20 минут, у господина председателя — 15 минут, а на часах господина прокурора — 25 минут. Мои часы отставали на 20 минут, и поэтому я опоздал. А я всегда считал свои часы очень точными, ведь они у меня золотые, мозеровские. Так можно ли требовать, чтобы малограмотная торговка имела лучшие часы, чем члены суда?

Присяжные оправдали подсудимую.

Используя любую фигуру эмоционального воздействия, оратор должен иметь в виду: слушатели могут заразиться его чувствами только в том случае, если он сам переживает то, о чем говорит. Е

¹ См.: Утевский Б.С. Воспоминание юриста. М. 1989. С. 159—161.

ли оратор ничего не чувствует, то никакое эмоциональное воздействие невозможно. И, конечно, никого не сможет тронуть оратор, который чувствует одно, а говорит другое. Настоящая искренность возникает лишь в том случае, когда ум и сердце в ладу друг с другом.

РЕЗЮМЕ

Фигуры эмоционального воздействия на чувства и страсти слушателя используются для того, чтобы привлечь аудиторию на свою сторону.

Было рассмотрено шесть таких фигур и три приема, создающих у слушателей впечатление естественности, безыскусности и непринужденности общения с оратором.

(1) **Обращение.** В грамматике обращение — это слова¹, называющие того, к кому обращаются. Риторическая же фигура — не грамматическое обращение. Состоит она в том, что оратор прерывает свою речь, чтобы обратиться к живым или мертвым, присутствующим или отсутствующим или даже к неодушевленным предметам.

(2) **Восклицание** — фигура, которая составляется из одного или нескольких восклицательных предложений. В этой фигуре оратор также демонстрирует переполняющие его чувства: сострадание, удивление, негодование, печаль, страх и т.п. Пользуясь восклицанием, оратор прерывает речь и, повышая голос, высказывает то, что как будто рвется у него из сердца.

(3) **Умолчание.** Фигура состоит в том, что оратор, не закончив мысль, переходит к другой, но из уже сказанного слушатели легко могут догадаться о том, что намеренно умалчивается. Иногда оратор, прерывая мысль, только намекает на какие-то действия или факты и обещает сказать о них подробно в другой части своего выступления.

¹ Имя существительное, одиночное или с определением, в именительном (звательном) падеже.

(4) **Усиление или наращение:** оратор повторяет одну и ту же мысль несколько раз, но использует при этом другие слова. Каждое следующее повторение придает первоначальной мысли бóльшую силу по сравнению с предыдущей.

(5) **Желание.** В этой фигуре оратор высказывает желание что-то сказать или сделать. Обычно такое желание связывается с борьбой за справедливость, установление истины, предотвращение ошибки и т.п.

(6) **Олицетворение** — приписывание свойств живого человека неодушевленным, воображаемым предметам или даже абстрактным понятиям. Употребляется в тех случаях, когда оратор считает нужным для живости изображения обратиться к лицам отсутствующим, воображаемым или даже умершим. Оратор может обратиться к неодушевленным предметам или даже отвлеченным понятиям; в таком случае, приписывая им черты живого человека, он как бы оживляет их.

(7) **Приемы, по которым слушатель может заключить, что оратор говорит без подготовки:**

- а) оговорка и исправление;
- б) поиски якобы «потерянной» мысли;
- в) притворное незнание чего-либо.

ТЕРМИНЫ

Фигуры эмоционального воздействия

Обращение

Восклицание

Умолчание

Усиление или наращение

Желание

Олицетворение

Приемы, по которым слушатель может заключить, что оратор говорит без подготовки:

- оговорка и исправление
- поиски якобы «потерянной» мысли
- притворное незнание чего-либо.

ЗАДАНИЯ

1. В соответствии с текстом написанной вами хрии составьте фигуры эмоционального воздействия на слушателей.

2. Вставляйте последовательно в хрию каждую из фигур эмоционального воздействия на слушателей. Когда будете определять их место в тексте, задавайте себе мысленно вопрос: где она будет эффектнее всего?

3. Решите, сможете ли вы прервать произносимую вами хрию, используя один из приемов, по которому слушатель сможет заключить, что вы говорите без подготовки. Если вы решите, что в вашей хрии такие приемы неуместны, то обязательно потрудитесь над тем, чтобы объяснить, почему этого нельзя делать. Приведите примеры, подтверждающие нецелесообразность подобных действий. Если вы решите, что какой-то прием можно использовать, то объясните, почему именно этот, а не другой. Найдите для него место в хрии.

§ 3. Фигуры последовательностей

Выразительность высказывания может быть усилена лишь самим фактом встречаемости и соотнесенности друг с другом некоторых частей предложения. Каждая из этих частей, сама по себе, не добавляет выразительности сказанному; усиливается выразительность благодаря взаимосвязям, возникающим между всеми этими частями. Одним из примеров такого явления в речи является повторение одного и того же начального согласного в двух или нескольких, следующих одно за другим, предложениях: «Вечер. Взморье. Вздохи ветра. Величавый возглас волн». (К. Бальмонт.)

Включить в речь такие элементы, каждый из которых, будучи эмоционально нейтральным, при соотнесении с другим подобным элементом, усиливает выразительность сказанного — значит создать речевую фигуру. Эти фигуры называются фигурами последовательностей или фигурами речевой последовательности. Рас-

смотрим те из них, которые чаще других используются в судебной речи: (1) бессоюзие; (2) многосоюзие; (3) единоначатие; (4) диноокончание; (5) симплоку; (6) параллелизм; (7) полиптотон; (8) хиазм; (9) использование синонимов-заменителей; (10) инверсию; (11) антитезу.

(1) **Бессоюзие** и (2) **многосоюзие**. Наиболее простыми и очень употребительными фигурами являются опущение союзов (называемое асиндетон, или бессоюзие) и излишнее, с точки зрения смысла высказывания, повторение союзов (полисиндетон).

Отсутствие союза обычно затрудняет однозначное истолкование смысловых отношений между частями предложения или между предложениями, но оно же делает речь более динамичной, стремительной.

Так, неясно, имеется ли в виду причинно-следственное или временное соотношение в предложении *Вы позвали, я пришел*. Большую динамичность речи при отсутствии союзов демонстрирует следующий пример: *«Лошади тронулись, колокольчик загремел, сибитка полетела»*. (А.С. Пушкин.)

Повторение союзов придает речи приподнятость, выделяя и усиливая сказанное. Повторяющийся элемент привлекает к себе внимание того, кому адресовала речь:

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ^и и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...

(А.С. Пушкин.)

Рассмотрим примеры использования бессоюзия и многосоюзи в судебной речи:

«Замечательная энергия, завидная сила воли этой и бессилие безволие той — дали место драме, реальностью ужасов и страданий превосходящей сотни созданий фантазии сердцеведов... (Плевако Ф.Н. Речь гражданского истца в защиту интересов опекаемой А.В. Мазуриной.)

Оратор дает характеристику двум различным людям. Пропорция союзом использован для описания энергичной волевой женщины, что еще более подчеркивает эти черты ее характера; многосоюзие сменяющее темп речи, оттеняет противоположные черты: сложность и безволие. Итак, фигуры речевой последовательности выполняют еще одну важную функцию звуковой организации текста — о воле оратора речь может менять ритм.

Другой группой фигур речевой последовательности, позволяющей оратору менять ритм речи и привлекать внимание к тому, что он хочет выделить, являются (3) **анафора**; (4) **эпифора** и (5) **симплогма**. Все они содержат повтор, благодаря которому и задерживается внимание слушателя на сказанном.

Первой, и наиболее простой из этих фигур считается анафора или **единоначатие**, — это повторение отдельных слов или оборотов в начале частей, из которых состоит текст. Когда повторяются слова, такая анафора называется лексической, например:

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день...

(А.С. Пушкин.)

Повторяться слова или выражения могут и в конце смежных отрывков текста. Такая фигура называется **эпифорой** (единоокончанием):

«Мне бы хотелось знать, отчего я *титularный советник*? Почему именно *титularный советник*?» (Н.В. Гоголь.)

Иногда обе эти фигуры соединяются. Такое соединение называется **симплогма**:

Сколько лет тобой страдал я,
Сколько лет тебя искал я!»

(А.С. Пушкин.)

Конечно, эти фигуры используются чаще всего в поэтической речи, но их можно обнаружить и в речи ораторской:

5) «...Ты будешь казнен только тогда, когда уже не найдется ни

одного столь бесчестного, столь низко павшего, столь подобного тебе человека, который не признал бы, что это совершенно законно» (Цицерон. Первая речь против Луция Сергия Катилины.)

Следующий пример — соединение анафоры и эпифоры:

(59) ... — Кто потребовал их допроса? — **Аппий**. — Кто их представил? — **Аппий**. — Откуда они? — От **Аппия**. (Цицерон. В защиту Тита Анния Милона.)

(6) Если говорящий или пишущий стремится сохранить единый ритм какого-нибудь отрезка им может быть использована фигура, называемая **параллелизмом**. Параллелизм — это одинаковое синтаксическое построение соседних предложений или частей речи: «Путь шел по целине; люди падали с обрывов». (И.Г. Эренбург.)

Параллелизм, в сущности, является одной из разновидностей ювтора. Но повторяются не слова, а грамматические формы предложения.

В данном примере у двух предложений одинаковая грамматическая структура: подлежащее, выраженное существительным, за ним следует глагольное сказуемое; третий член предложения — обстоятельство места, представленное в обоих случаях предложно-падежной формой.

Параллелизм используется в судебной речи, когда надо остановить внимание слушателей на каком-то важном для оратора обстоятельстве дела. Вот как использовал эту фигуру Ф.Н. Плевако в речи по делу рабочих Коншинской фабрики: «*Толпа — здание, люди — кирпичи*». Это сложное предложение состоит из двух простых и содержит две метафоры, которые оратор использует для того, чтобы привлечь еще большее внимание к сказанному. Подлежащее в обоих предложениях выражено существительными, сказуемое — составное именное с нулевой связкой.

(7) В том случае, когда оратор ставит перед собой цель — привлечь внимание слушателей к какому-то ключевому слову в речи, он может использовать **полиптотон**. Суть этой фигуры в следующем. *Нужное слово повторяется несколько раз, но не подряд, а на*

некотором текстовом расстоянии. При этом повторяющееся слово каждый раз занимает (как говорят филологи) разные синтаксические позиции, или, говоря иначе, каждый раз занимает в предложении разные места и является другим членом предложения. Иногда повторяющееся слово меняет лишь число или падеж. В обычной речи эта фигура может выглядеть так: *Вот тебе книга, читай книгу, дружи с книгой.*

А вот пример полиптотона из судебной речи: «Это отец твой? Отцом называешь его? Отца такого ты сын?» (М.Ф. Квинтилиан.)

Полиптотон придает сказанному больше выразительности и используется также как средство для возбуждения чувств слушателей. Однако случайное, непреднамеренное повторение одного и того же слова, свидетельствующее о неумении заменить его синонимом или изменить конструкцию предложения, должно расцениваться как речевой дефект.

(8) Для того чтобы задержать внимание слушателей на сказанном, используется фигура, называемая **перекрещиванием**, или **хизмом**. В основе ее также лежит повторение, но повторяющиеся слова (или словосочетания) меняются местами: второе ставится на место первого, а первое — на место второго. При использовании той фигуры обычно учитывается многозначность слов, используемых в перекрестном повторе:

«Король танцев и танец королей». (Ги де Мопассан.)

«Живу не для того, чтобы есть, а ем для того, чтобы жить». (Цицерон.)

Пример из речи Оратора в защиту Авла Клуенция Габита:

(II, 5) «...Пусть, наконец, сохранится в неприкосновенности тот авет, который наши предки дали правому суду: при отсутствии редубеждения, в суде вину надо карать, а при отсутствии вины — редубеждение отметить».

Чтобы читатель лучше представил себе, как пользоваться этой фигурой, используем логическую символику.

S используется для обозначения первого слова (или группы

слов) исходной части хиазма, а для второго слова (или словосочетания) той же части используется буква Р. Начальную часть фигуры пишем в числителе дроби, а под чертой — то, что получилось после перекрещивания. Первый пример запишется так:

Король (S) танцев (P).

Танец (P) королей (S)

Второй пример:

Живу не для того (S), чтобы есть (P)

Ем для того (P), чтобы жить (S)

Третий пример несколько сложнее. В числителе говорится о наличии вины, а в знаменателе — о ее отсутствии.

Это можно выразить с помощью символов Р и не-Р.

При отсутствии предубеждения (S), в суде вину надо карать (P)

При отсутствии вины (не-Р) предубеждение надо отметить (S)

(9) Обратимся к приему, который является противоположностью всех фигур речевой последовательности, описанных ранее, но служит той же цели, что и перечисленные фигуры. Этот прием позволяет избежать монотонности в речи, возникающей из-за непреднамеренного повтора одного и того же слова. Говоря иначе, с помощью этого приема оратор может менять ритм речи. Называется он — **использование синонимов-заменителей**. Поскольку он не выделяется как особая фигура, то не имеет в классической риторике и специфического названия, хотя ораторы и стилисты всегда уделяли ему внимание.

Сам термин «использование синонимов-заменителей» относят к тем случаям, когда наименование предмета (свойства, явления, процесса), употребленное в речи, заменяется далее, при повторном упоминании об этом предмете, другим, адекватным ему словом или выражением. Такая замена производится лишь для того, чтобы, назвав предмет по-иному, избежать повторного употребления прежнего наименования. Например:

Ребенок плакал. Малышу хотелось спать, но никто не обращал внимания на бедное дитя.

Пушкин возвратился в Петербург. Поэта ждали. Имя кумир российской публики было у всех на устах.

Как уже отмечалось, цель употребления варьирующих обозначений — стремление избежать монотонности, возникающей из-з непреднамеренного повтора одного и того же слова. Такой повтор считается ошибкой, свидетельствующей, к тому же, о бедности словарного запаса оратора.

(10) **Инверсия** — это расположение членов предложения в особом порядке, нарушающем обычный, так называемый прямой порядок, с целью усилить выразительность речи.

В русском языке порядок слов (точнее, порядок членов предложения) считается относительно свободным. Это, однако, не означает, что не существует вообще правил, в той или иной степени регулирующих местоположение членов предложения, и что перестановка их не влечет за собой никаких изменений. Порядок слов играет двойную роль: *синтаксическую* и *стилистическую*.

Сопоставим предложения: 1) Я встретил учителя брата. — Я встретил брата учителя; 2) Брат вернулся больной. — Больной брат вернулся.

Изменение значения этих предложений связано с изменением синтаксической роли переставляемого члена предложения: в первой паре в результате перестановки дополнение *учителя* стало несогласованным определением, а несогласованное определение *брата* стало дополнением; во второй паре слово *больной*, образующее именную часть составного сказуемого, стало играть роль определения. Такая перестановка членов предложения, имеющая целью изменить отношения между его членами только ради изменения синтаксических отношений, называется **синтаксической**.

Наряду с синтаксическим порядок слов имеет значение **стилистическое** (так называемая **инверсия**): с перестановкой слов создаются добавочные смысловые оттенки, меняется выразительная функция того или иного члена предложения. Сопоставим предложения: 1) Эти *фильмы* мне не нравились. — *Не нравились* мне эти фильмы; 2) Я буду *откровенен* с вами. — С *вами* я буду откровен-

нен. Мы обнаруживаем смысловое выделение, а также усиление выразительности переставляемых членов предложения **при сохранении их синтаксической функции**: в первой паре это относится к сказуемому *не нравились*, во второй — к дополнению *с вами*.

Изменения смысловой нагрузки, стилистической выразительности переставляемых слов вызваны тем, что, несмотря на относительную свободу порядка слов в русском предложении, у каждого члена предложения есть свое место, определяемое структурой и типом предложения, способом синтаксического выражения данного члена предложения, местом среди других, которые непосредственно с ним связаны, а также стилем речи и ролью контекста. На этом основании различаются **прямой** (обычный) порядок слов и **обратный**, являющийся отступлением от обычного и выполняющий, как правило, функцию инверсии.

Инверсивный характер члена предложения определяется местом члена в предложении. Наибольшую смысловую нагрузку несет член предложения, который выносится в начало или, наоборот, отодвигается в конец предложения: «Сметливость его и тонкость чутья меня *юразили*. (А.С. Пушкин); «*Чуден Днепр при тихой погоде...*» (Н.В. Гоголь); «*Тяжкое время переживал он...*» (С.А. Андреевский).

Однако не всякий обратный порядок слов является инверсией: о ней можно говорить лишь в том случае, когда ее использование решает стилистические задачи — повысить эмоциональную выразительность сказанного. При этом выделенные инверсией члены предложения получают дополнительную смысловую и эмоциональную нагрузку.

(11) **Антитеза** — это оборот, в котором для усиления выразительности речи резко противопоставляются друг другу контрастные (или принимаемые по тем или иным признакам за таковые) имена. Иными словами, в этой фигуре одному и тому же объекту даются взаимоисключающие характеристики: «Я царь, — я раб, — червь, — я бог!» (Г.Р. Державин). Часто антитеза строится на антонимах:

Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел — оставь же нас.

(А.С. Пушкин.)

«То, что с ним случилось, беда, которая над ним стряслась, — понятны всем нам; он был богат — его ограбили; он был честен — его обесчестили; он любил и был любим — его разлучили с женой и на склоне лет заставили искать ласки случайной знакомой какой-то Фени; он был мужем — его ложе осквернили; он был оплотом — у него силой отнимали детей и в глазах их порочили его... (Плевако Ф.Н. Речь в защиту князя Грузинского.)

Выразительная сила этой фигуры — в контрасте противопоставляемых частей, каждая из которых дополняет и оттеняет другую.

Антитеза — одна из форм закрепления итогов познавательной деятельности и потому всегда эффектна. С ее помощью может быть выражено любое житейское противоречие, которые окружают каждого человека. Антитезы — вокруг нас, поэтому находить их легко

РЕЗЮМЕ

Фигуры речевой последовательности — это элементы речи, которые усиливают выразительность высказывания не сами по себе (поскольку являются эмоционально нейтральными), а благодаря встречаемости с другими, подобными им элементами. Включить в речь такие элементы, каждый из которых, будучи эмоционально нейтральным, при встречаемости с другими подобными элементами усиливает выразительность сказанного, — значит создать речевую фигуру.

Рассматривались следующие фигуры речевой последовательности:

(1) бессоюзие; (2) многосоюзие; (3) единоначатие; (4) единоокончание; (5) симплока; (6) параллелизм; (7) полиптотон; (8) хлест; (9) использование синонимов-заменителей; (10) инверсия; (11) антитеза.

(1) **Бессоюзие** — отсутствие союзов. Пропуск союзов обычно затрудняет толкование типа отношений между частями предло-

жения или между предложениями, но оно же делает речь более динамичной.

(2) **Многосоюзи**е — излишнее, с точки зрения смысла высказывания, повторение союзов, замедляющее темп речи. Повторяющийся элемент, выделяя и усиливая сказанное, привлекает к себе внимание того, кому адресована речь.

(3) **Единоначатие** (анафора) — повторение отдельных слов или оборотов в начале частей, из которых состоит текст.

(4) **Единоокончание** (эпифора) — повторение отдельных слов или оборотов в конце частей, из которых состоит текст.

(5) Соединение единоначатия и единоокончания в одном высказывании называется **симплой**кой.

(6) Повторение синтаксической структуры у двух или более смежных предложений называется **параллелизмом**.

(7) Ключевое слово повторяется несколько раз, но не подряд (как говорят филологи, «неконтактно»), а на некотором текстовом расстоянии. При повторе слово либо меняет число или падеж, либо становится другим членом предложения. Такая фигура называется **полиптотон**.

(8) **Перекрещивание**, или **хиазм**. В основе этой фигуры также лежит повторение, но повторяющиеся слова (или словосочетания) меняются местами: второе ставится на место первого, а первое — на место второго. При использовании этой фигуры обычно учитывается **многозначность** слов, используемых в перекрестном повторе.

(9) **Синонимы-заменители** используются для того, чтобы с помощью варьирующих обозначений избежать монотонности речи, возникающей из-за непреднамеренного повторения одного и того же слова.

(10) **Инверсия** — расположение членов (компонентов) предложения в особом порядке, изменяющем так называемый прямой порядок слов, с целью, при сохранении синтаксической функции представляемых членов, усилить их выразительность.

(11) **Антитеза** — оборот, в котором для усиления выразительности речи противопоставляются друг другу контрастные (или п

тем или иным признакам принимаемые за таковые) имена. В этой фигуре одному и тому же объекту даются взаимоисключающие характеристики.

ТЕРМИНЫ

Фигуры речевой последовательности

Бессоюзие

Многосоюзие

Единоначатие

Единоокончание

Симплока

Параллелизм

Полиптотон

Перекрещивание (хиазм)

Инверсия

Антитеза

ЗАДАНИЯ

1. Включите в текст вашей хрии фигуры речевой последовательности. Определите, в каком месте речи каждая из них будет звучать эффектнее всего.

После этого исключите из хрии лишние фигуры и произнесите текст. Попросите кого-нибудь из друзей оценить проделанную вами работу.

Глава III. ИЗОБРЕТЕНИЕ

В данной и следующих главах речь пойдет не о введении в риторику, а о риторике. Термин «риторика» в переводе с древнегреческого означает «теория красноречия». Она возникла в V в. до н.э. в Древней Греции. Концепцию риторики как совокупности методов речевого воздействия на аудиторию разрабатывали и излагали Исократ, Гермагор, Аристон и другие. Наиболее последовательно концепция теоретической философской риторики изложена Аристотелем, где в качестве цели данной области знаний ставилась задача разработки «возможных способов убеждения относительно каждого данного предмета» (Риторика, 1,2.) В этом же направлении разрабатывал риторику и Цицерон, считавший формирование убеждений сутью риторики и важнейшей задачей ратора.

Параллельно с теоретической риторикой существовало и другое направление, так называемая школярская, нормативная риторика, выразителем идей которой считается Квинтилиан. В его работе «Двенадцать книг риторических наставлений» убеждение считается лишь одной, но отнюдь не главной целью оратора, а риторика искусства «убедительной речи» превращается в искусство красноречия.

Все дальнейшие определения риторики не выходят за рамки определений Аристотеля и Квинтилиана, хотя акценты в определениях смещаются то в сторону формирования убеждений, то в сторону украшения речи и эстетического совершенствования формы выражения.

На развитие риторики в России большое влияние оказало «Краткое руководство по красноречию», написанное М.В. Ломоносовым. В этой работе, обладавшей достоинствами, значимость которых признается до настоящего времени, было дано такое определение риторики, в котором красота речи признавалась средством, способствующим увеличению убедительности. Великий русский ученый писал: «Красноречие есть искусство о всякой материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мне-

нию». Это определение было признано и не оспаривалось ни XVIII, ни в XIX веках. В XX веке, в связи с развитием неориторки, происходит переосмысливание проблем традиционной классической риторики. Переосмысливается и основное определение. Обычно неориторика в целом определяется лишь с точки зрения целей. При этом подчеркивается, что цель ее — поиск наилучших вариантов общения, воздействия и убеждения. В этом смысле определение классической риторики, предложенное М.В. Ломоносовым не устарело, поскольку красота речи не мешает, а способствует убедительности сказанного или написанного, более того, красота обладает и собственной самостоятельной убедительностью. Поэтому полагаем возможным при определении классической риторики исходить из определения, которое было предложено М.В. Ломоносовым.

Что же конкретно нужно сделать, чтобы «красно говорить»? Умение говорить красиво и убедительно предполагает большую работу. Предварительная подготовка к выступлению должна состоять из трех следующих этапов.

После того как тема выступления определена, надо найти материал, позволяющий изложить тему достаточно полно. Необходимо также собрать доказательства, убеждающие слушателей в том, с чем говорится. Это первый этап, называемый в риторике **изобретением**.

Когда нужный материал собран, оратор должен уметь расположить его в соответствии с планом, наиболее полно отвечающим его намерениям. Части выступления соединяются таким образом, чтобы речь представляла собой единое целое. Этот второй этап подготовки выступления называется **расположением**.

Что касается третьего этапа работы, называемого **украшением**, то он был изложен в предыдущей главе. Здесь напомним только важнейшее правило риторики: красиво в речи только то, что имеет непосредственное отношение к излагаемой теме.

Возникает вопрос: чем отличается судебное красноречие от вся-

кого другого? Аристотель считал, что существует три вида риторических речей: эпидейктические, судебные и совещательные. Различие между ними определяется функцией слушателя и целью оратора. Слушатель бывает или простым наблюдателем (речи эпидейктические), или участником суда, рассуждающим о том, что *уже произошло* (судебные), или участником народного собрания, рассуждающим о том, что *может произойти* (совещательные). В совещательной речи целью является польза и вред: оратор или дает совет, побуждая к лучшему, или отговаривает, отклоняя от худшего.

В эпидейктической речи главная цель — раскрыть и показать прекрасное и постыдное; ибо в этих речах оратор хвалит и ругает.

В судебных речах оратор обвиняет или оправдывается. Главной целью всех судебных речей является, по Аристотелю, — найти справедливое и несправедливое; все остальные соображения здесь на втором плане¹. Эти положения Аристотеля о судебном красноречии в античной риторике не оспаривались, их повторяли, с ними соглашались. В настоящее время вопрос об особенностях судебного красноречия активнее всего обсуждают лингвисты. Точки зрения весьма различны. Одни считают судебное красноречие разновидностью деловой речи, другие — публицистической. Есть иное понимание. Например, М.М. Михайлов рассматривал судебное красноречие как один из стилей русского литературного языка. Он писал: «В составе русского литературного языка судебное красноречие выделилось в самостоятельный стиль. Это объясняется тем, что судебное красноречие выполняет особую, присущую только ему функцию — установить истину, доказать ее и убедить в этом других во имя торжества правосудия. Выяснить, доказать, убедить — вот три взаимные функции, которые определяют внутреннее содержание судебного красноречия»².

Юристы указывают прежде всего на особенности, связанные с

¹ См.: Аристотель. Риторика. СПб. 1894. С. 15—16.

² Михайлов М.М. Стилистика русской речи. Чебоксары. 1968. С. 198.

процессом судебного разбирательства. Вопрос о назначении судебной речи в юриспруденции решается на основе уголовно-процессуальных норм. Теоретики уголовного процесса определяют данный процесс как установление истины по делу, содействие формированию убеждения судей, воспитательное воздействие на присутствующих в зале суда.

Следует подчеркнуть, что судебная речь — это официальная узкопрофессиональная речь, произносимая только в суде; произносить ее могут только прокурор и адвокат, позиция которых определяется их процессуальным положением. Тематика судебной речи строго ограничена материалами рассматриваемого дела. Судебная речь, как правило, не содержит новых, не известных суду фактов; известная уже из судебного следствия информация рассматривается в ней лишь с точки зрения обвинения или защиты. Это полемическая, убеждающая речь, в которой прокурор доказывает наличие состава преступления, а адвокат защищает законные права подсудимого. Речь ораторов обращена в первую очередь к составу суда. В силу уголовно-процессуальных норм ни прокурор, ни адвокат не могут прямо обращаться к присутствующим в зале, но они говорят и для подсудимого и для присутствующих в зале граждан. Еще одним адресатом судебной речи является процессуальный противник оратора, когда какой-либо тезис, доказательство или вывод его необходимо опровергнуть.

В языковом аспекте судебная речь характеризуется сочетанием стандартных юридических формулировок и терминов, использованием логической аргументации и эмоциональных средств выражения. Применяется и такой вид воздействия, как внушение, когда оратор апеллирует прежде всего к чувствам и эмоциям слушателей.

Итак, даже беглое сравнение того, что говорили о целях и задачах судебной речи классики античной риторики, с тем, что говорят и пишут на эту тему специалисты в настоящее время, приводит нас к выводу: понимание целей и задач судебного красноречия, существовавшее во времена античности, устарело. Однако не уста-

рела сама система подготовки судебных речей. Ею пользовались продолжают пользоваться мастера судебного красноречия. Классическая риторика занималась изучением и обобщением практик создания судебных речей и разработала правила, не только отличающиеся строгостью и четкостью, но и дающие хорошие практические результаты.

В классической риторике содержание текста речи определялось в результате предварительной разработки материала. Первый этап риторической разработки судебной речи по конкретному делу, как уже говорилось, назывался **изобретением**. Он заключался в выделении и соотнесении общих вопросов и конкретных фактов, правильном установлении пункта разногласия борющихся сторон или проблемы, подлежащей обсуждению. Затем решался вопрос о выборе способов доказательства и опровержения возможных утверждений противной стороны. Разрабатывалась аргументация. Особое внимание уделялось «общим местам»¹.

Важное место в этой части подготовки речи отводилось вопросам композиции. Выделялись четыре основные части речи: **вступление, изложение, доводы и заключение**. Если же было необходимо, то к названным четырем частям добавлялось еще три: **предложение, разделение и патетическая части**.

Перечислив основные моменты подготовки речи на этапе, называвшемся в античной риторике **изобретением**, мы обозначили и разделы, которые составят содержание данной главы. Вначале будет сказано об изобретении применительно к любой речи, затем указано на особенности, связанные с подготовкой судебной речи.

¹ Принципы «теории общих мест», или топики, будут рассмотрены в данной главе, но ниже.

РЕЗЮМЕ

Классическая риторика — это искусство говорить красиво и убедительно.

Умение говорить красиво и убедительно предполагает знание основных разделов риторики: **изобретения, расположения, украшения и произнесения.**

Изобретение — это использование приемов и правил, позволяющих найти необходимый материал для того, чтобы выступление прозвучало полно и убедительно.

Расположение — это умение изложить собранный материал в соответствии с планом, в наибольшей степени отвечающим целям выступления. Части текста связываются между собой так, чтобы они составили единое целое, взаимно подкрепляя и дополняя друг друга.

ТЕРМИНЫ

классическая риторика
основные разделы риторики
изобретение
расположение

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Найдите в тексте определения риторики, данные Аристотелем, Цицероном, Ломоносовым. Какое из определений, с вашей точки зрения, наиболее полно соответствует тем задачам, которые ставятся перед современной судебной риторикой? Обоснуйте свой ответ.

Перечислите четыре основных раздела риторики.

Дайте развернутое определение «изобретению» в риторике.

Что означает «расположение» в классической риторике?

§ 1. Работа над содержанием обычной речи: выбор темы, определение цели, сбор материала

Изобретение — это использование соответствующих приемов и правил, позволяющих найти материал, необходимый для составления речи.

Прежде всего нужно выбрать и сформулировать тему. От удачного выбора темы во многом зависит успех выступления. Поэтому при выборе первых тем нужно выполнять следующие правила: 1) тема должна нравиться и казаться интересной прежде всего самому оратору; 2) тема должна быть интересной для слушателей.

Выбирая тему, нужно принять во внимание место, где будет произнесена речь. Например, сложная тема, требующая спокойствия и внимания слушателей, подходит больше для вузовской аудитории, но не для митинга на площади.

После выбора темы начинается новый этап работы. Речь должна иметь **общую и конкретную цели**. Каждая из них должна быть выражена лишь одной фразой и записана. **Общая цель** — это вид реакции, которую оратор хочет вызвать у слушателей. Хочет ли он их развлечь, удовлетворить их любознательность, воодушевить, убедить или склонить к действию. Конечно, целей может оказаться несколько, но надо выбрать главную.

Конкретная цель речи — это центральная идея сообщения, важнейший тезис оратора. Назначение конкретной цели — стимулировать действия выступающего. Сформулировав и выразив ее на бумаге, оратор сможет отчетливо представить, в чем состоит специфика его собственного подхода к данной теме.

После того как конкретная цель сформулирована, оратор должен учесть, уложится ли он в отведенное ему время. Иногда ответить на этот вопрос можно сразу. В других случаях возникает необходимость сузить конкретную цель, остановившись на каком-то из подвопросов центральной идеи речи. Если же окажется, что ваи

нтральный тезис слишком узок, и, изложив его, вы не исчерпаете
веденное вам время, тезис можно расширить, сформулировав его
более общем виде. Важно и название речи. Оно должно быть:
кратким; 2) наводящим на цель речи; 3) конкретным; 4) вызы-
ющим интерес. Взаимоотношение между названием, общей и
кретной целями видно из следующего примера.

Название: Главный предмет школьного образования. (Ваше
ение.)

Общая цель: Призвать к действию.

Конкретная цель: Помочь учиться своему ребенку вы сможете
ко тогда, когда по-настоящему поймете его интересы.

Формулировать конкретную цель речи иногда удается сразу,
ывают случаи, когда сделать это не просто. Натолкнувшись на
ности с формулировкой конкретной цели или просто для того,
бы проверить себя, оратор может воспользоваться следующим
мом: разделить общую тему на составляющие ее подтемы.
темы делятся затем на еще более мелкие части. Самая мелкая
ь деления, называемая микротемой, составит в тексте речи аб-
или всего лишь одно предложение. По микротемам оратор вы-
ет полноту охвата и смысловые связи речи.

для иллюстрации воспользуемся примером из «Курса русской
рии» В.О. Ключевского. Рассматривая тему о влиянии природ-
факторов на историю русского народа, ученый разбивает об-
тему на следующие подтемы: Форма поверхности Европей-
России. — Климат. — Геологическое происхождение равни-
— Почва. — Ботанические пояса. — Рельеф равнины. — Поч-
е воды и атмосферные осадки. — Речные бассейны.

ждая из подтем может быть тоже разделена на составляющие,
мер подтема «Ботанические пояса» включает в себя две более
ие подтемы: «Степь» и «Лес», а подтема «Речные бассейны»
нее крупную подтему — «Вешние разливы».

ижение от общей темы к составляющим ее частям позволяет
ру лучше представить то, что ему предстоит изложить. Рабо-
ким образом, оратор создает предварительный план своего

выступления. Теперь он должен определить свою позицию по отношению к излагаемому материалу и, если в этом есть необходимость, собрать недостающий ему материал. Чтобы лучше представить свою позицию, оратору надо снова проанализировать все пункты и подпункты предварительного плана, каждый раз задавая себе вопросы: 1) Как я смогу реализовать здесь свою общую и конкретную цель? 2) Заинтересует ли то, что я скажу, слушателей? Если ответ на второй вопрос кажется сомнительным, то надо задать себе следующий: 3) Что и как надо сказать, чтобы слушатели заинтересовались? Ответы на вопросы, заданные самому себе по поводу каждой из подтем речи, надо записывать. Когда это сделано, оратор увидит, что он может сказать по выбранной теме. Тогда он должен задать себе очередные вопросы: 4) Какого материала недостает? 5) Где я смогу его взять?

Имеется четыре источника накопления материала: 1) личный опыт; 2) размышление и наблюдение; 3) интервью и беседы; 4) чтение. Все они находятся в тесной взаимосвязи, и при работе над любой темой нужно стремиться максимально использовать каждый из них.

Предположим, студент начал работать над темой: «Результаты зимней сессии на нашем факультете». Слушателям нравится, когда выступающий делится личным опытом, поэтому ему следует подумать, не пригодится ли для выступления что-нибудь лично им пережитое. Полезно подключить к работе воображение — не взамен фактов, а чтобы представить, что и как могло бы или должно быть. Конечно, надо пройтись по аудиториям, где проводились зачеты и экзамены, зайти в столовую и буфет, поговорить со студентами из своей и других групп, с методистом, преподавателями. На просьбу о встрече откликнутся, если проявить достаточный такт и настойчивость. При подготовке к встречам с людьми оратору следует тщательно продумать свои вопросы, с тем чтобы, с одной стороны, не отнимать у них зря время, а с другой — постараться выяснить все наиболее существенное. Нужно поговорить с родителями студентов, как с теми, кто сам раньше учился в институте, так и с теми, кто не имеет высшего образования.

Беседы с людьми, деятельность которых никак не связана с той вашей речью, также имеют смысл, и не потому только, что в процессе разговора может появиться новая мысль, но и вследствие того, что в разговоре у вас всплывают идеи, которые как бы покоятся в глубине сознания. Порой даже и не подозреваешь о многих своих взглядах, пока впервые не выразишь их в беседе.

Однако без чтения не обойтись. Надо узнать, что писали о студенческой жизни в данном вузе раньше, что пишут сейчас, насколько публикуемая информация отражает насущные проблемы дня. Читаемыми словами, работая над выбранной темой, оратор почти всегда обязан обращаться к изучению библиографии, а затем и литературы по данной теме. Если вы хотите стать хорошим оратором, вам обязательно придется работать с литературой и каким-то образом систематизировать полученную информацию. В связи с этим выскажем некоторые соображения самого общего характера.

Существенную помощь в ознакомлении с библиографией по интересующему оратора вопросу ему окажут библиотечные каталоги (алфавитный, систематический, предметный), библиографические указатели (учетно-регистрационные, научно-вспомогательные, рекомендательные, критические), справочная литература (энциклопедии, словари). Хорошим подспорьем могут служить также различные учетно-регистрационные и критико-библиографические издания, в частности журналы «В мире книг», «Книжная летопись», «Книжное зрение», «Летопись журнальных статей» и др. В них публикуются сообщения о книгах и статьях по всем отраслям науки, техники, литературы и искусства. По отдельным разделам науки и техники составляются специальные библиографические указатели отечественной и зарубежной литературы, выпущенной за тот или иной период. Печатные работы критически рассматриваются и анализируются в аннотациях и статьях «Летописи рецензий».

Если тема, выбранная для выступления, требует основательного изучения литературы (готовится доклад на семинаре, выступление на теоретической конференции, курсовая работа и т.п.), изучение литературы целесообразно начинать с работ более общего характера.

ра, чтобы уяснить себе место, которое занимает изучаемая проблема в ряду смежных с ней. Затем можно обратиться к специальной литературе по данному вопросу, взяв за основу одну-две монографии. Следует ознакомиться также с дополнительной литературой и с относящимися к теме журнальными статьями. Полезно обратиться и к сериям, выпускаемым издательством «Знание».

Ведение записей при изучении необходимой литературы является непременным условием ее эффективного использования. Форма записей может быть различной. Например конспект, кратко, но последовательно излагающий основные идеи той или иной работы, отражающий соподчиненность ее глав и разделов и в то же время воспроизводящий цитаты, цифровые данные. Или отдельные заметки, в которых фиксируются идеи и мысли, связанные с темой, а также факты, цифры, цитаты. В первом случае запись ведется в тетради или на листах бумаги, во втором — для каждой заметки отводятся листы бумаги или небольшие карточки, лучше жесткие, типа каталожных.

Каждый из этих методов имеет свои преимущества и недостатки. При конспектировании сохраняется последовательность идей, составляющих содержание книги или статьи. В дальнейшем эти идеи нетрудно воспроизвести. Неудобство же заключается в том, что при связной системе записей, ими нелегко варьировать так, как это потом может понадобиться автору. Правда, если запись велась на одной стороне листа, то в дальнейшем можно вырезать те фрагменты, которые понадобились. Но тогда сам конспект как единое целое перестает существовать, и теряется смысл его ведения.

Запись материала на отдельных карточках дает возможность свободнее ими манипулировать в соответствии с предварительным планом предстоящего выступления. Нетрудно вносить в этот план и неизбежные в дальнейшем изменения. Одно из неудобств такой системы записей материала заключается в ненадежном хранении отдельных карточек. Во избежание утери их следует помещать в специальные тематические конверты или папки. Целесообразно для каждой из тем завести особую папку и складывать туда карточки с записями.

Иногда используют ящичек библиотечной каталожной картотеки для хранения карточек с записями по очередной теме. Отдельные подтемы при этом обозначаются картонными разделителями с необходимыми надписями. Опытные ораторы имеют целый комплект ящичков, составляющих, так сказать, авторское досье.

Удобство этой формы записи и хранения материала заключается еще и в возможности его постоянного обновления и пополнения. Можно, конечно, делать новые записи и в конспектах. Но это менее удобно, так как по мере накопления материала его все труднее систематизировать и в нужных случаях находить. В какой-то мере здесь может помочь тематическая «специализация» каждой отдельной тетради.

Можно пользоваться одновременно обеими формами записи и хранения материала — конспектированием и ведением картотеки. Они не исключают, а в ряде случаев дополняют друг друга.

Одной из своеобразных форм накопления материала служит подчеркивание нужных мест в книгах и журналах (разумеется, если они принадлежат вам). Некоторые ораторы делают опись подчеркнутых мест, указывая в ней, на какой странице освещается тот или иной вопрос. Опись можно вложить в саму книгу. Иногда ее делают на обороте титула книги. Такой способ работы над материалом оказывает помощь в том случае, если содержание книги или статьи прямо или косвенно совпадает с темой выступления.

Все написанное нами о сборе и хранении информации имеет значение в том случае, если у вас нет компьютера. Если же он у вас есть и вы подключены к международной компьютерной сети Internet, проблем сбора, хранения и систематизации полученной информации для вас не существует. Internet позволит также решить и проблему общения. Вы сможете связаться с интересующими вас людьми по электронной почте. К системе Internet подключено более 30 миллионов человек, и число их постоянно растет. Компьютер поможет вам связаться с тысячами библиотек и получить от них информацию о новейших научных исследованиях в самых разных областях знания. Система поиска в Internet позволяет находить нужную информацию

по ключевым словам, электронным адресам и с помощью электронного «меню». Полученную информацию можно записать в постоянную память компьютера, а затем работать с ней, воспроизводя ее на мониторе или распечатывая на принтере.

РЕЗЮМЕ

1. Выбирая тему для выступления, надо учитывать следующее:

а) тема должна казаться интересной и нравиться прежде всего вам; б) обсуждение данной темы должно доставлять удовольствие и приносить пользу слушателям; в) надо также принять во внимание место, где будет произноситься речь, обстоятельства, побуждающие вас говорить по данному вопросу, и отношение слушателей к тому, о чем вы собираетесь говорить.

2. **Общая цель выступления** — это вид реакции, которую вы хотите вызвать у слушателей. Основными реакциями аудитории принято считать следующие: развлечение, удовлетворение любознательности, воодушевление, убеждение, склонение к действию. Вы должны осознать свою общую цель и записать ее.

3. **Конкретная цель речи** — центральная мысль оратора. Сформулировав и выразив ее на бумаге, оратор сможет отчетливо представить, в чем состоит специфика его собственного подхода к данной теме.

4. Записав конкретную часть своей речи, надо разделить речь на части (подтемы). Подтемы затем делятся на более мелкие части, и т.д.; самая мелкая часть деления называется микротемой. В тексте речи она составит абзац или всего лишь одно предложение. По микротемам проверяется полнота охвата и смысловые связи будущей речи. Этот прием помогает выяснить, какого материала недостает.

5. Есть четыре источника накопления материала: 1) личный опыт; 2) размышление и наблюдение; 3) интервью и беседа; 4) чтение. Готовя выступление, надо решить, каким из них (и до выяснения какого вопроса) вы воспользуетесь.

ТЕРМИНЫ

Тема выступления
Общая цель речи
Конкретная цель речи
Название выступления
Подтема
Микротема
Источники накопления материала

УЧЕБНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Выберите тему для выступления. Коротко напишите: а) чем на вас привлекает; б) в чем состоят польза и интерес ваших слушателей; в) укажите место, наиболее предпочтительное для произнесения речи, обстоятельства, побуждающие вас говорить по данному вопросу, возможное отношение слушателей к тому, о чем вы станете говорить.
2. Сформулируйте и напишите общую и конкретную цель выступления. Затем озаглавьте свое выступление.
3. Разделите свое выступление на подтемы, а затем на более мелкие части, пока не дойдете до микротем. После этого сделайте отметки по тексту, указав: а) какого материала недостает; б) какие источники для сбора недостающего материала вы предполагаете использовать.
4. Возьмите какую-нибудь статью из газеты или журнала и проанализируйте ее. Определите тему. Сформулируйте общую и конкретную цели автора. Укажите желательный для автора отклик читателей. Разбейте публикацию на микротемы. Напишите, насколько полно данная тема раскрыта.

§ 2. Композиция судебной речи

Риторика, в зависимости от цели оратора, различает пять видов речи: развлекающая, информационная, воодушевляющая, убеждающая, призывающая к действию¹. Судебная речь является разновидностью убеждающей речи², где главным средством воздействия на слушателей является логическая аргументация. Это обстоятельство находит отражение и в ее композиционном построении. По мнению античных судебных ораторов, полная судебная речь должна содержать семь частей: **вступление, предложение, разделение, изложение или повествование, доводы, патетическую часть, заключение**. Такое членение на составляющие было обусловлено стремлением говорящего представить логическую аргументацию в наиболее доходчивой форме. Основной тезис оратора или конкретная его цель, формулировался как короткое, ясное и четкое утверждение. Это утвердительное предложение (тезис) оратор обязан доказать, поэтому оно становилось заключением силлогизма. Силлогизм же считался **главным или основным силлогизмом** всей речи. К обоснованию истинности составляющих его посылок и последующему умозаключению сводилось все, что говорил оратор. Посылки главного силлогизма также доказывались, каждая из них, в свою очередь, могла быть выражена как заключение силлогизма. В схематизированном виде вся речь могла бы представлена как цепь силлогизмов, которая, в конечном счете сводилась к одному главному силлогизму, где заключением был основной тезис оратора.

Если тезис оратора был сложным и его нельзя было выразить как простое суждение, оратор делил его на составляющие части, чтобы каждая из составляющих могла стать заключением силлогизма. В этом случае надо было доказывать несколько главн

¹ См., например: *Сопер Поль Л.* Основы искусства речи. М.: Прогресс. 1992

² Судебная речь обязательно содержит в себе и элементы речи, призывающей к действию.

силлогизмов. Если тезис оратора нельзя выразить как простое суждение, главным силлогизмом становится дедуктивное умозаключение из сложных суждений. Такой подход к построению речи диктовал и отношение к собранному материалу: все, что имело отношение к доказательству основного тезиса оратора, должно было войти в речь, а все, не имеющее прямого отношения к доказательству, следовало исключить из текста.

В качестве примеров, иллюстрирующих построение судебной речи, рассмотрим речь М.Т. Цицерона. Ораторы более позднего времени не всегда строго придерживались композиционных схем античной риторики. От них будет отходить и обучающийся, но на первом этапе всегда нужен какой-то проверенный и бесспорный эталон. Подобным эталоном, безупречным в композиционном плане, и являются речи М.Т. Цицерона.

Разумеется, эти речи не могут служить образцом для судебных речей в настоящее время. Прежде всего потому, что древние ораторы менее строго придерживались точного смысла законов; законоведение было проще и не столь разработано. Различие существует и по процедуре. Достаточно отметить хотя бы тот факт, что в Риме главный судья в важных случаях назначал в состав суда многих судей (дело Милона Цицерон защищал перед 51 судьей); они одновременно исполняли обязанности и судей, и присяжных. Изменился по сравнению с временами античности и сам способ выражения мыслей судебного оратора. Судебное красноречие в настоящее время, как в речах произносимых, так и в деловых бумагах, требует больше умеренности в выражениях, больше простоты, краткости и точности.

Однако изящество в слове остается неизменным требованием, предъявляемым к судебному красноречию, поскольку только с его помощью удастся овладеть вниманием слушателей, усилить доводы и выразительность каждой части речи. В этом случае изучение речей Цицерона очень полезно. Его нужно не только изучать, но и стараться подражать в том, что касается искусного начала речи, умения расположить к себе слушателей, завладеть их вниманием, в ясности и четкости аргументации.

Итак, в качестве примера, иллюстрирующего положение о том, о конкретная цель судебного оратора античности формулировалась в форме силлогизма и этот силлогизм предопределял композиционное построение речи, проанализируем небольшую речь арка Туллия Цицерона, произнесенную им в защиту поэта Авла Лициния Архия.

Кратко изложим суть разбиравшегося дела. Поэт Архий еще в олодости приобрел известность своей способностью импровизировать. Посетив ряд городов Южной Италии, где он получил права очетного гражданства, Архий в 102 г. до н.э. поселился в Риме. Изадолго до Италийской войны он выехал с молодым Марком Лукуллом в Сицилию, а на обратном пути заезжал в союзный город Гераклею. В Гераклее Архий получил права гражданства. После того как в 89 г. был принят закон о предоставлении прав римского гражданства жителям союзных городов, Архий заявил о своем желании получить права римского гражданства и был внесен в списки граждан под именем Авла Лициния Архия. Во время ценза 86 г., как и во время ценза 70 г., Архий отсутствовал. То, что Архий ни разу не проходил ценза, позволило некоему Граттию обвинить его в незаконном присвоении прав римского гражданства, что каралось изгнанием. Процесс закончился оправданием Архия.

Назовем теперь композиционные части данной речи, а затем обсудим каждую из них более подробно. Обычно речь начинается **введением** или **вступлением**, иногда эту часть называют **приступом**. Затем следует **предложение** — это ясно и кратко сформулированный основной тезис оратора, конкретная цель всей речи, которая обычно излагалась так, чтобы потом быть доказанной как силлогизм. За **предложением** следовало **разделение**. В этой части основной тезис оратора делится на составляющие части и кратко объясняется весь порядок изложения речи. Затем оратор излагал свой взгляд на обсуждаемый вопрос. Эта часть речи называется **повествованием** или **изложением**.

Для обоснования своей позиции автор использовал доказательства, подтверждающие его точку зрения и опровергающие аргу-

менты процессуальных противников. Последняя часть называлась «**доводы**». За доводами следовала **патетическая часть**, в которой оратор стремился воздействовать на чувства слушателей и таким образом усилить действие логических аргументов. Завершало речь **заключение**, где оратор или кратко повторял сказанное, или выводил следствия из уже доказанного утверждения, или стремился еще раз подействовать на чувства слушателей.

Не всякая речь содержит в себе все названные части, и не всегда они следуют одна за другой в таком порядке. Композиционная форма речи изменяется в соответствии с особенностями конкретной цели оратора, его центрального тезиса. Оратор может начать речь сразу с объяснения основного тезиса, исключив **введение и разделение**. Иногда большая посылка высказывается без доказательств как мысль известная, которую никто не станет оспаривать. Но полная речь всегда содержит в себе все названные композиционные части.

Вернемся к речи «В защиту поэта Архия». Во введении Цицерон объясняет, почему взялся защищать Авла Лициния. Объяснение звучит оригинально и возбуждает внимание слушателей. Оратор заявляет, что без знания поэзии не может быть образованного человека, а поэзии он учился у Архия. Став образованным человеком, оратор помогает своим друзьям и всем тем, кто к нему обращается. Обязан помочь и Архию, так как последний далек от судебных дел и не имеет в них опыта. Затем следует **предложение**. Это утверждение: «Архий является гражданином и не подлежит исключению из числа граждан». Основное утверждение оратора просто для восприятия и потому оратор, стремящийся показать свое уважение к слушателям и тем самым вызвать с их стороны такие же ответные чувства, соединяет его с **разделением**. Таким приемом оратор подчеркивает свое стремление не отнимать у слушателей лишнего времени.

Разделение — это основной тезис оратора, конкретная цель его выступления, которая в этой части речи делится на составляющие части и излагается как одно или несколько утверждений. После того как оратор докажет эти утверждения, его речь считается закон-

ченной, и он должен перейти к заключению. Части этих утверждений (если эти утверждения являются сложными суждениями) определяют и указывают порядок изложения и доказательства.

Основной тезис оратора содержит два следующих утверждения:

(1) Если Архий является гражданином (p), то в таком случае он не подлежит исключению из числа граждан (q); (2) Если Архий не является гражданином ($\neg p$), то его следует принять в их число ($\neg q$)¹.

Справедливость первого утверждения доказывается по частям. Вначале доказывается утверждение: «Архий является гражданином» (p). Здесь используется простой категорический силлогизм, а заключение — то есть утверждение p — выводится из двух посылок. Большая посылка состоит в изложении требований закона на право римского гражданства; в меньшей доказывается, что Архий выполнил все эти требования. В обобщенном виде силлогизм выглядит так:

Б.п.: Каждый гражданин союзного с Римом города, выполнивший все требования законов о предоставлении прав римского гражданства (M^+), является гражданином Рима (P^+).

М.п.: Архий (S^+) — гражданин союзного с Римом города, выполнивший все требования законов о предоставлении прав римского гражданства (M^-)

Заключение: Архий (S^+) является гражданином Рима (P^+)

Умозаключение сделано по первой фигуре простого категорического силлогизма.

Простой категорический силлогизм, с помощью которого доказывается утверждение (p) — умозаключение, определяющее то, как будут строиться все части данной речи. Меньшая его посылка — основа повествования, а большая является отправной точкой для доводов.

¹ Обозначения переменных, поставленные в тексте утверждений, сделаны в соответствии с общими правилами формальной логики. Знак $\neg$, стоящий во втором утверждении перед p и q , обозначает отрицание этих утверждений.

В повествовании, излагая свой взгляд на спорный вопрос: является ли Архий гражданином союзного с Римом города, выполнившим все требования законов о предоставлении прав римского гражданства, — Цицерон проверяет средний термин простого категорического силлогизма. Средний термин силлогизма связывает большую и меньшую посылки, потому обсуждение и уточнение среднего термина позволяет оратору очень естественно перейти от повествования к доводам. В эту последнюю часть речи входит не только доказывание утверждения p , но и доказывание утверждения q : **Архий не подлежит исключению из числа граждан Рима**. Доказательство данного утверждения является и опровержением доводов процессуального противника. В обобщенном виде доказательство принимает форму условно-категорического силлогизма, которое производится по неправильному модусу. Однако, поскольку суждения, составляющие большую посылку, соединены связью, которая в логике называется двойной импликацией, или эквиваленцией, то вывод следует с необходимостью, то есть во всех случаях. Умозаключение имеет следующий вид:

Если и только если суду известны факты нарушения гражданином Рима своих прав или обязанностей (r), то суд должен исключить такого человека из числа граждан ($\neg r$).

Суду не известны факты нарушения Архием своих прав или обязанностей ($\neg r$).

Архий не должен быть исключен из числа граждан Рима (q).

Логическая схема умозаключения имеет следующий вид:

$$\frac{r \Leftrightarrow \neg q, \neg r}{q}$$

На этом логическая часть доказательства заканчивается: доказано, что Архий является гражданином (p), что он не подлежит исключению из числа граждан (q). С логической точки зрения, оратору больше ничего не нужно говорить. Но оратор, начиная речь, сформулировал два утверждения. Первое он доказал логически и тем самым опроверг первую часть второго утверждения. Действи-

тельно, если p — истинно, то отрицание p ($\neg p$) — ложно. Остается вторая часть второго утверждения о том, что Архий достоин быть принятым в число граждан Рима.

Там, где логика не оказывала необходимого воздействия, античный оратор использовал патетику, стремясь влиять на чувства слушателей. Это правильный прием, и патетическая часть всегда следовала за доказательной. Доказательствами оратор убеждал слушателей в своей правоте. После этого он стремился воздействовать на их чувства, чтобы закрепить и усилить впечатление.

На первый взгляд кажется, что патетическую часть оратор также излагает в форме простого категорического силлогизма. В большей посылке утверждается, что ученые и поэты достойны называться гражданами любого города. В меньшей посылке изображен Архий как ученый и поэт. Умозаключение по первой фигуре. Однако за убеждающей формой силлогизма на самом деле скрывается умозаключение по аналогии. Оратор, ссылаясь на исторические примеры, напоминает о том, что в Греции семь городов спорили из-за того, в каком из них родился Гомер. Каждый из них считал за честь называться родиной великого поэта. Происходило это потому, что имя поэта приносит славу и возвеличивает всех жителей города. Гомер возвеличил и прославил великие дела греков, Архий делает то же самое для римлян.

В обобщенном виде умозаключение по аналогии принимает следующий вид:

Некоторые $a_1, \dots, n$ обладают признаками P, Q, R, S .

в обладает признаками P, Q, R .

По-видимому, в обладает признаком S

$a_1, \dots, n$ — просвещенные государства Греции,
где стараются возвеличить славу своего народа;

в — Римское государство;

P — ценить поэтов;

Q — поэты прославляют государство;

R — поэты укрепляют дух граждан и их стремление к славе;

S — граждане заботятся о том, чтобы поэты были их сс
гражданами.

Обосновывая правомерность вывода, оратор старается показать слушателям, что сходные признаки P, Q, R находятся в условной зависимости от переносимого признака, то есть что P, Q, R обязательно предполагает S. В символической записи формальной логики такое утверждение записывается как $(P \wedge Q \wedge R) \rightarrow S$. Иначе говоря, оратор стремится не просто воздействовать на чувства слушателей, но и убеждать их, поскольку таким образом он показывает, что доказываемая им аналогия является строгой. Это сближает патетическую часть речи с дедуктивным рассуждением. Но поскольку в строгой аналогии имеет место уподобление единичных объектов, а не подведение отдельного случая под общее правило, то умозаключение в целом остается в рамках аналогии¹.

Цицерон понимал, что его доказательство утверждения: «Архий должен быть принят в число граждан Рима» ($\uparrow q$) не является доказанным абсолютно. Поэтому он придает ему в обобщенном виде форму дедуктивного умозаключения, создавая видимость использования первой фигуры простого категорического силлогизма.

Закончив с патетической частью, оратор переходит к заключению. Здесь он кратко повторяет доводы, доказывавшиеся в речи. Упор в заключении сделан на подчеркивании связей Архия с аристократическими кругами, на том, что именно представители этих кругов подтверждают его гражданство. Обращает на себя внимание последний аргумент заключения. Античные ораторы полагали, что он должен быть сильнейшим и должен воздействовать не только на разум, но и на чувства слушателей. Поэтому Цицерон берет его из патетической части речи. Оратор называет Архия человеком, получившим поэтический дар от богов и отдающим его на прославле-

¹ Русский логик Г.И. Челпанов считал возможным выделить умозаключения такого типа в особую группу умозаключений по аналогии. Он называл их «приблизительными обобщениями», подчеркивая при этом, что такие обобщения справедливы относительно большинства вещей данного класса. По его мнению, такие умозаключения дают знание, которому безусловно можно доверять. См.: Челпанов Г.И. Учебник логики. М. 1994. С. 173—175.

ние дел римского народа. Этим доводом снимается недовольство демократической части судей, если бы оно у них возникло, когда оратор подчеркивал значение и политический вес аристократии.

РЕЗЮМЕ

1. Судебная речь является разновидностью убеждающей речи; она обязательно содержит в себе элементы речи, призывающей к действию.

2. Композиционные части судебной речи: (1) введение; (2) предложение; (3) разделение; (4) повествование; (5) доводы; (6) патетическая часть; (7) заключение.

ТЕРМИНЫ

Введение

Предложение

Разделение

Повествование

Доводы

Патетическая часть

Заключение

УЧЕБНОЕ ЗАДАНИЕ

1. Прочитайте внимательно речь М.Т. Цицерона в защиту поэта Авла Лициния Архия. Укажите, где начинается и где заканчивается каждая из композиционных частей. Выпишите для себя «опорные утверждения» в каждой из частей, а затем перескажите речь своими словами. Повторите упражнение после того, как полностью прочтете следующий параграф данной главы. (Текст речи «В защиту поэта Авла Лициния Архия» см.: Марк Туллий Цицерон. Речи. 2 т. Т. II. М.: Наука. 1993. С. 33—42.)

§ 3. Назначение композиционных частей судебной речи

Рассмотрим теперь более подробно каждую из композиционных частей речи, с тем чтобы лучше понять их назначение.

1. Введение, предложение, разделение.

Начнем с **введения**, или **вступления**. Необходимость этой части диктуется соображениями здравого смысла. Действительно, прежде чем начать что-то объяснять или доказывать, необходимо сказать, почему мы начинаем говорить, привлечь к себе внимание слушателей, заинтересовать тем, что будет произнесено. Если оратор уверен в благосклонности и внимании слушателей, он может обойтись и без этой части речи. Назначение **введения** в том, чтобы привлечь внимание слушателей и расположить их в свою пользу. Если же вам известно, что слушатели имеют предубеждение против того, что вы собираетесь сказать, то именно в этой части речи оратор должен постараться рассеять такое предубеждение, иначе все, что он скажет потом, не будет услышано или истолкуется совсем не так, как хотел оратор.

Чтобы возбудить *внимание* слушателей, оратор должен отметить важность, значимость или необычность предмета речи. Если этого сделать нельзя, то, по крайней мере, надо постараться представить яснее и четче то, что прежде казалось неясным и сбивчивым; тогда зас будут слушать. Иногда во **введении** обращаются к толкованию самого обсуждаемого события и его влиянию на чувства слушателей.

В том случае, когда оратор имеет дело с аудиторией, предубежденной против того, что он станет говорить, он должен постараться рассеять это предубеждение. В связи с этим в риторике принято различать два рода введения: **естественное** и **искусственное**. Во введении первого рода оратор просто старается привлечь внимание слушателей и добиться их благосклонности; во введении второго

рода оратор ставит перед собой цель — переубедить слушателей, изменив их отношение к тому, о чем он собирается говорить. Примером такого искусственного введения может служить начало речи Ф.Н. Плевако, произнесенной им в защиту Оскара Бостема:

«Защитнику, прежде всего, необходимо постараться приобрести доверие к себе. Доверие приобретается основательностью речи; но бывают речи основательные, которым, однако, нет веры: это бывает тогда, когда явится подозрение, что человек говорит не то, что хочет его сердце, — сердце в разладе с умом.

Подобное подозрение могло явиться у вас, господа присяжные, против меня, защитника, потому что Гольдсмит в начале заседания заявил, что я собирался быть поверенным его, как гражданского истца.

Но я очень счастлив, что не искал, где глубже, где лучше, где больше дают: это видно из того, что я, слава Богу, защищаю по назначению от суда и, следовательно, никакого личного интереса, кроме душевного, сердечного расположения, в переходе из одного лагеря в другой не имел.

Поэтому я полагаю, что вы отнесетесь ко мне с доверием настолько, насколько этого будет заслуживать внутренняя правда моих слов»¹.

В данном случае оратор защищал свое имя от тени, брошенной на его репутацию; в доказательство своей невиновности и чистоты намерений он сослался на известные всем факты. Справедливость сказанного присяжные могли проверить.

Гораздо более сложную задачу пришлось решать Цицерону в речи против Рулла.

В связи с войнами в пределах Италии стала происходить концентрация земель в руках небольшого числа лиц; при этом разорившиеся мелкие крестьяне, оставив свою землю и не находя приложения своему труду в больших владениях, так как рабский труд был дешевле,

¹ Плевако Ф.Н. Избранные речи. М. 1993. С. 138.

устремлялись в Рим, где скопилось множество неимущих людей, нуждавшихся в помощи государства. Так возник аграрный вопрос: необходимость расселить этих неимущих римских граждан, предоставив им государственные земли. 10 декабря 64 г. до н.э., когда новые народные трибуны приступили к исполнению своих обязанностей, трибун Публий Сервилий Рулл внес проект земельного закона. Закон этот был направлен против Цицерона, только что избранного консулом. Если бы закон, несмотря на противодействие Цицерона, был одобрен народом, Цицерон лишился бы доверия Сената; если бы он был отвергнут, то Цицерон утратил бы расположение народных масс. Выступая перед согражданами, Цицерон ставил своей целью говорить так, чтобы закон не был принят народом, но он, конечно, не хотел утратить народного доверия. Вначале оратор хочет добиться того, чтобы его внимательно и доброжелательно слушали. Поэтому он начинает **введение** перечислением всех наград, которыми его почтил народ. Самой высшей из них он называет избрание в консулы; потом оратор торжественно объявляет, что он всегда мечтал приобрести любовь граждан и полагал для себя высокой честью считаться народным консулом. Такой консул должен прежде всего думать и заботиться о пользе народа. Самыми величайшими ценностями, всегда ценимыми народом, являются мир, свобода и спокойствие. Именно об их сохранении прежде всего должен заботиться народный избранник. Теперь оратор переходит к предложению Рулла. Сначала он говорит, что не может противиться закону о разделении земель и одобряет усердие Гракхов, ревностных защитников народных прав. Однако, изучив закон Рулла, консул приходит к выводу, что этот закон ничего не даст народу, но уничтожит его свободу. Такое **введение** принесло оратору желаемый успех: его внимательно выслушали и с его мнением согласились. Народ отклонил закон Рулла.

Каким же требованиям должно отвечать **введение**? Прежде всего, готовя речь, не нужно с него начинать. Если оратор будет следовать этому методическому правилу, он с меньшими затратами добьется положительных результатов. Вначале надо продумать и подготовить все остальные части речи, а после этого заниматься **введением**.

Введение должно соответствовать **всей** речи, то есть основные мысли выступления обязательно получают отражение во **введении**, они там только намечаются; так делается, чтобы подготовить слушателей к тому, что потом будет подробно и развернуто изложено оратором. **Введение** должно не только соответствовать речи, но и быть ее необходимой частью, поэтому не следует начинать **введение** с вопроса, дакого от основной темы речи. Задача оратора во **введении** — подготовить слушателей к восприятию **общей и конкретной** целей всей речи. Только определив и сформулировав, какой реакции вы хотите добиться от слушателей и что является вашим основным тезисом, можно переходить к размышлениям о том, как привлечь внимание слушателей каким образом добиваться их благосклонности.

Второе требование. **Введение** должно быть просто и ясно, в нем не нужны искусственность или вычурность. Излишнее украшательство во **введении** настораживает слушателя: не видя естественной простоты в начале речи, он обычно начинает думать, что не услышит истинных слов вообще. Кроме того, пышное и многообещающее **введение** — это обязательство для оратора сказать потом еще нечто большее. Замечено, однако, что чем большего от вас ждут слушатели вначале, тем сильнее они будут разочарованы, если их ожидания не сбудутся. Не спешите брать на себя слишком большие обязательства; они могут оказаться чрезмерными.

Чтобы изложить тему полностью, скажем несколько слов о **поведении** оратора.

Слушатели обращают особое внимание на то, как держится выступающий прежде всего тогда, когда он начинает свою речь. О того умный и тонкий оратор всегда начинает речь просто и не стремится сразу будоражить аудиторию. Задача **введения** — лишь ввести слушателей в ту систему понятий, которая потом будет подробно изложена в речи. Поэтому **введение** не должно быть **большим и растянутым**.

За **введением** обычно следует **предложение**. В этой части речи кратко и ясно излагается основное утверждение оратора, его конкретная цель.

«Предложив» предмет выступления, оратор затем **разделяет** его, то есть делит общую мысль на составляющие части, кратко объясняя порядок изложения. Если конкретная цель оратора излагается в виде простого тезиса, который не требует логического деления, можно переходить к повествованию или к доводам, не производя разделения. **Разделение** как композиционная часть речи помогает слушателям следить за мыслью оратора и лучше запоминать сказанное. Благодаря этой части слушатель приобщается к движению ораторской мысли и как бы сам участвует в произнесении речи.

Деление утверждения, составляющего основной тезис оратора, следует производить в соответствии с правилами, принятыми в логике. Утверждения, получившиеся в результате деления, в сумме должны составить исходное утверждение. Деление надо произвести по одному признаку, называемому основанием деления. Тогда члены деления будут явно отличаться один от другого и ни один не будет содержаться в другом. При этом в процессе деления основного утверждения оратора надо переходить к ближайшим видовым утверждениям, не пропуская ни одного из них. Произведенное деление будет казаться естественным, и речь не станет разрываться а части, если при изложении темы оратор начинает с простого, а потом переходит к сложному. Последний недостаток обуславливается ошибкой, называемой в логике скачком в делении. Она совершается обычно в том случае, когда исходное утверждение делится начале на виды одного, а затем на виды другого порядка. В таком случае деление оказывается непоследовательным¹. Получившиеся члены деления должны быть выражены с максимальной краткостью: не должно быть ни одного лишнего или ненужного слова. Ясность и красота этой части речи состоит прежде всего в ясном, выразительном и кратком назывании каждого члена деления. Такое деление понятно и легко запоминается слушателями.

¹ Подробнее о правилах деления см.: Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. 1998. С. 54 — 60.

Примером, который до сих пор может служить образцом для подражания, является разделение Н.М. Карамзина в похвальном слове Екатерине II:

«Сограждане! Екатерина бессмертна своими победами, мудрыми законами, благотворительными учреждениями: взор наш следует за нею на сих трех путях славы». (Подчеркнуто нами. — О.П.).

РЕЗЮМЕ

1. **Введение.** Необходимость этой части речи диктуется соображениями здравого смысла. Прежде чем начать что-либо объяснять или доказывать, необходимо сказать, почему мы начинаем говорить, заинтересовать слушателей тем, что будет сказано. На значение введения в том, чтобы привлечь внимание слушателей и расположить их в свою пользу. В риторике принято различать два вида введения: естественное и искусственное. Во введении первого рода оратор просто старается привлечь внимание слушателей и добиться их благосклонности; во введении второго рода оратор ставит перед собой цель — переубедить слушателей, изменив их отношение к тому, о чем он собирается говорить.

2. За введением обычно следует **предложение**. В этой части речи кратко и ясно излагается основное утверждение оратора. В судебной речи оратор обязан доказать свое **предложение**.

3. В **разделении** основной тезис оратора делится на составляющие части и кратко объясняется порядок изложения.

ТЕРМИНЫ

Естественное введение

Искусственное введение

Предложение

Разделение

УЧЕБНОЕ ЗАДАНИЕ

В отрывке из речи, данном ниже, найдите **введение, предложение, разделение**. Напишите эти части речи собственными словами. Сравните с текстом оратора, а потом спросите себя, являются ли различия между вашим текстом и текстом С.А. Андреевского принципиальными?

С.А. Андреевский. Речь по делу Андреева

«Господа присяжные заседатели!

Убийство жены или любовницы, точно так же как убийство мужа или любовника, словом, лишение жизни самого близкого существа на свете, каждый раз вызывает перед нами глубочайшие вопросы душевной жизни. Приходится изучать всесторонне его и ее. Вам необходимо постигнуть обоих и сказать о них сущую правду, считаясь с тем, что они друг друга не понимали, потому что всегда и всюду «чужая душа — потемки». А в супружестве, где, казалось бы, у мужа и жены одно тело, это общее правило подтверждается особенно часто.

Кстати, едва ли сыщется другая пара, столь благоустроенная по видимости и столь разобшенная внутри, как Андреев и Зинаида Николаевна.

Посмотрим же, каким образом сплелась их судьба. Начнем с мужа».

2. Повествование, или изложение

Следующая часть речи — **повествование, или изложение**, в которой оратор стремится уверить слушателей, что разбираемое событие произошло именно так, как он об этом говорит. Здесь оратору приходится решать очень важные задачи: изложить обстоятельства дела, представив их с выгоднейшей для себя стороны; все противоречащее концепции оратора или не согласующееся с его позицией должно быть ослаблено.

Важнейшие требования, предъявляемые к повествованию, или изложению: **ясность, краткость, правдоподобие**.

Требование ясности предполагает, что излагаемые события будут переданы в определенном порядке, последовательно, подробно и четко; описание не будет содержать неясных и темных мест. Будут сделаны все необходимые ссылки при обозначении места, времени, действующих лиц, с описанием их характеров, действий, мотивов и изложением всех существенных обстоятельств. Оратор обязательно должен сказать судье, когда он начинает повествование и когда, закончив его, переходит к доводам. Если изложение, как полагает оратор, может показаться слушателям в каком-то месте длинным или сбивчивым, он должен тут же предупредить об этом судью. Так часто делал Цицерон:

(II) «... я начну свой рассказ с несколько более отдаленного времени. Прошу вас, судьи, не сетовать на меня за это, ибо вам, когда вы ознакомитесь с началом дела, будет гораздо легче понять его развязку». (Цицерон М.Т. Речь в защиту Авла Клуенция Габита.)

Так же поступали и ораторы более позднего времени. Например, Ф.Н. Плевако, защищая интересы люторических крестьян, сказал: «И я глубоко убежден, — и вы мое убеждение разделите, — что в настоящее дело история возникновения событий 3-го и 5-го мая имеет глубокие корни в прошлом; что бытовой очерк дела осветит его в настоящем свете, выведет наружу действительные, но в глубине скрывшиеся причины, мощные, неотвратимые, наличность которых меняет точку зрения и на событие, и на доказательства, и на объяснение его».

Требование ясности — важнейшее требование, предъявляемое к любой речи, и еще античные ораторы внимательно следили за тем, чтобы оно неукоснительно соблюдалось. Марк Фабий Квинтилиан даже сформулировал правило, которого должен придерживаться оратор, стремящийся к ясности. Правило содержит две части:

(1) Оратор должен говорить так, чтобы его могли понимать и при невнимательном слушании.

(2) Всякое слово, которое ни ясности, не украшению речи не способствует, должно считаться погрешностью¹.

¹ См.: *Квинтилиан М.Ф.* 12 книг риторических наставлений. Ч. 2. СПб. 1834. С. 66.

Подготовить речь или часть речи, не нарушая этого правила, очень трудно, но выдающиеся русские юристы конца XIX — начала XX века полагали, что настоящий оратор должен ему неукоснительно следовать¹.

Чтобы говорить ясно, оратор должен, во-первых, досконально знать излагаемый предмет и, во-вторых, он должен хорошо знать язык, на котором произносит речь.

Только точное знание дает точность выражения. Поэтому оратор обязан четко представлять себе то, что хочет разъяснить. Излагая дело, оратор не может позволить себе вольность — путать или искажать фамилии подсудимых, потерпевших или свидетелей. Он обязан запомнить все необходимые названия мест, время отдельных происшествий и т.п. При передаче чужих слов надо также соблюдать точность. Кроме того, судебный оратор должен уметь ставить себя на место своих будущих слушателей и с этой точки зрения оценивать, что для них имеет значение и представляет интерес.

Речь в суде должна быть такой же простой и понятной, как и обычная речь. Чтобы проверить, насколько хорошо его понимают, оратор может проговаривать некоторые места своей будущей речи перед знакомыми людьми.

Знание языка предполагает, что оратор правильно поставит ударение во всех словах; конечно, в его речи не будет ненужных вводных предложений и бессмысленных междометий, типа: а... ну! и подобных.

Если вы хотите, чтобы ваша речь была ясной, не забывайте старого методического принципа, проверенного временем: исходите из мысли, которую хотите передать. Всякая мысль сама даст вам те слова, в которых она лучше всего выражается; эти слова и есть самые подходящие.

Краткость изложения состоит в том, чтобы были опущены все не имеющие отношения к делу подробности. Повествование будет

¹ См., например: *Сергеич П. Искусство речи на суде*. Гл. I.

кратким, если начнется с того места, которое прежде всего надо знать судье и которое необходимо для того, чтобы была понятна позиция оратора. Судебный оратор, желающий быть кратким, не станет уклоняться от главной темы, затрагивая малозначительные обстоятельства, не будет касаться посторонних предметов или повторять одно и то же. Не следует также описывать по частям то, что можно выразить одним предложением. Прекрасный пример, иллюстрирующий разницу между кратким и растянутым повествованием, можно найти у Квинтилиана. Он пишет: «Если хочешь сказать: "У меня есть сын, юношеских лет достигший", то следующие слова будут лишними: "Я, желая иметь детей, женился; у меня родился сын; я его воспитал уже до юношеского возраста"».

Следующее требование, которому должно отвечать повествование, — **правдоподобие**. Правдоподобие повествования требует такого описания, разбираемых событий, которое согласовывалось бы с обычным естественным порядком вещей, не противоречило бы здравому смыслу и характерам действующих лиц. Примером такого повествования может служить речь, произнесенная Цицероном в защиту Тита Анния Милона. Цель оратора — показать, что Клодий был убит Милоном в результате законной обороны; и не Милон покушался на жизнь Клодия, но Клодий имел злой умысел против Милона. Все обстоятельства, убеждающие в этом, представлены с удивительным искусством. Рассказывая об отъезде Милона из Рима, оратор так живописно изображает семейство, отправляющееся в деревню, что в этой поездке невозможно заподозрить злой умысел. Оратор описывает встречу двух противников. И здесь снова невозможно заподозрить злой умысел со стороны Милона. Заканчивает оратор тем, что не Милон убил Клодия, а его слуги. Сделали они это в суматохе, обороняясь, без всякого с его стороны участия.

(X, 27) «Тем временем Клодий, зная (ведь узнать это было нетрудно), что за двенадцать дней до февральских календ Милону предстоит торжественная, официальная, необходимая поездка 1

Панувий для избрания фламينا¹ (Милон был диктатором Ланувия). Все же накануне сам внезапно выехал из Рима, чтобы, как выяснилось из обстоятельств дела, устроить Милону засаду перед своим имением; притом он выехал, даже отказавшись от присутствия на бурной сходке, назначенной на этот день, где ожидалось его безмассудное выступление; он никогда бы не отказался от него, если бы не захотел выбрать место и время для своего злодеяния. (28) Милон же, пробыв этот день в сенате, пока заседание не закончилось, пришел домой, сменил обувь и одежду, немного задержался, пока, как водится, собиралась его жена, затем выехал в то время, когда Клодий, если он действительно думал приехать в этот день в Рим, уже мог бы возвратиться. Его встретил Клодий, ехавший на егке, верхом, а не в повозке, без поклажи, без своих обычных путников-греков, без жены, чего не бывало почти никогда; а между тем этот вот «коварный злоумышленник», который будто бы отправился в путь с целью убийства, ехал с женой, в повозке, одетый дорожный плащ, с большой, обременительной и избалованной зитой из рабынь и молодых рабов. (29) Он попадает навстречу лодию перед его имением приблизительно в одиннадцатом часу или около этого. Тотчас же множество вооруженных людей, спустившись с холма, бросается прямо на Милона; они убивают его из нищету. Но когда Милон, сбросив плащ, прыгнул с повозки и стал ожесточенно защищаться, то одни из приспешников Клодия, схватив мечи, обежали вокруг повозки, чтобы напасть на Милона сзади, другие же, считая его уже убитым, набросились на его рабов, находившихся в конце поезда; одни рабы, верные своему господи-ну и мужественные, были убиты; другие, видя, что около повозки происходит схватка, не имея возможности помочь своему господи-ну и услышав от самого Клодия, что Милон уже убит, поверили ему; и тогда (говорю напрямик и не с целью отвести обвинение, а чтобы сказать, как все в действительности произошло) рабы Мило-

¹ Фламины — древнеримские жрецы, служившие только определенным богам.

на — не по приказанию своего господина, не с его ведома и не его присутствии — поступили так, как следовало бы поступать в таких обстоятельствах рабам любого из нас».

Повествование великого оратора убедительно и очень правдоподобно, однако судебное следствие установило, что защитник все таки погрешил против истины. Встреча Клодия и Милона произошла почти так, как описывал ее Цицерон, но ссору затеяли люди Милона. Клодий был только ранен в стычке, но не убит. Он и его люди укрылись в придорожной харчевне. Тогда Милон, имевший более многочисленный отряд, приказал штурмовать харчевню и убить Клодия. Приказ был выполнен. Все эти детали опущены оратором, поскольку противоречат его защитительной концепции.

Приведем еще один пример изложения: «...необходимо рассмотреть вкратце обстановку дела, и прежде всего взглянуть на личность потерпевшего от преступления. В показаниях монахов, проживающих в Лавре, она охарактеризована довольно ясно: человек стар, сосредоточенный, суровый, живший постоянно одиноко, умевший в многолюдном монастыре создать себе совершенную пустыню; дававший в 10 лет раз с людьми, которые живут в одном коридоре, позволяющий себе, в виде развлечения, покормить булкой или леньких певчих и лишаящий самого себя даже и этой малости, своим, человек угрюмый, замкнутый в себе, идеальный, если можно так выразиться, монах. Этот одинокий человек, постоянно заперт в своей келье, ни с кем не сходявшийся, не подает никаких призывов жизни в течение целого вечера, ночи и половины следующего дня, не возбуждая ничьего беспокойства, что указывает, как во всем мал надзор за тем, что происходит в коридоре. Но, наконец, все-таки беспокойство возбуждается, смотрят в щелку, видят ноги, думают, что с ним дурно, посылают за доктором, отворяют дверь и находят, что он мертв, убит; тогда является полиция, следователь и начинается следствие.

Подобный акт осмотра указывает на все подробности исследования, и я считаю излишним напоминать их. Укажу только те

росы, которые прежде всего возникли у лиц, исследовавших это ело, и вы увидите, как полно и красноречиво отвечала на эти вопросы самая обстановка найденного. Прежде всего, **что это такое?** Убийство, очевидно. **С какой целью?** Разломанная шкатулка, раскрытые комоды, разбросанная одежда — все это прямо говорит о совершении преступления с целью грабежа. **В какое время?** Отцу Иллариону после вечерни, следовательно, в 5 часов вечера, в 6-м, были принесены дрова и вода для самовара; затем у него найден самовар, почти полный водою, в чайнике, налитом доверху, заварен чай, чашка суха; видно, что, вернувшись от вечерни, он заварил чай и не успел напиться. Итак, приблизительное время совершения убийства — около 6 часов вечера. Затем, обстановка убийства также детально ясна: убийство совершено колющим орудием, нанесен ряд очень сильных ран, вызвавших обильное истечение крови, повлекшее смерть, и, как удостоверяет осмотр ран, нанесены они человеком, подошедшим сзади. Видны даже переходы, которые имела борьба между убийцею и покойным; кровь особенно скопилась в двух местах: в одном месте ее довольно много, и тут же находится колотый сахар, нож, которым кололи, и самовар — очевидно, что тут место нанесения первого удара. Затем масса крови около двери и отпечатки окровавленных рук на самой двери и на ручке замка. Очевидно, что кто-то хотел уйти в эту дверь. Но уйти всего необходимее было покойному отцу Иллариону; итак, он дошел или дополз до двери, и здесь ему нанесены вторые удары; борьба была очень сильная; у покойного выдернута почти вся его весьма длинная борода, клочья которой валялись по всей комнате; он оборонялся, потому что окровавленный нож, которым наносились раны, найден согнутым перпендикулярно к своей ручке; самые кисти рук покойного изрезаны; очевидно, что он хватался за нож, которым наносились удары, и хотел его вырвать. Наконец, из обстановки видно даже, что делал подсудимый после убийства, видно, что он стал рыться в комод, выдвинул все ящики, взял сапожный тупой нож и стал им взламывать шкатулку; вы знаете из акта осмотра, что на чашке

медного подсвечника оказалась налитой кровью, что, наконец, рубашка, о которую убийца вытирал руки, имеет двоякого рода пятна: бледно-розовые и посередине ярко красные пятна крови. Это показывало, что убийца мыл руки и что он должен был быть ранен; свежая кровь натекла на подсвечник и оставила следы посередине каждого розового пятна и на ручке ножа, которым производился взлом. Эти данные привели к тому, что убийца ранен, что убийство совершено в такое время, когда никого в коридоре не было, и совершено человеком, подошедшим сзади, следовательно, человеком своим, которого не опасались. Соображаясь с этими данными, сыскная полиция начала производить розыски. Между прочим, узнали, что накануне убийства в монастыре ночевал Иван Михайлов, человек, приезжавший просить о месте, не получивший его и уехавший назад. Послали за ним на станцию Окуловку. Когда агент сыскной полиции явился на станцию, то нашел подсудимого «гулящим», нетрезвым и прячущимся; на нем оказались панталоны и жилет покойного отца Иллариона, а в кармане панталон золотые монеты, и в том числе двадцатифранковые; у брата его найдены часы покойного, а у него самого — другие, также принадлежавшие отцу Иллариону. Он путается, он испуган, у него ранена рука. Его берут». (Кони А.Ф. Речь по делу об убийстве иеромонаха Иллариона.)

В обоих примерах повествование, или изложение, ясно, кратко, правдоподобно и убедительно. Разница между ними лишь в том, что в первом случае оратор строит изложение так, чтобы «подогнать» факты под свою концепцию защиты, а во втором примере оратор исходит из фактов и на их основе строит обвинение.

Этой частью речи ораторы подготовили суд внимательно выслушать следующую часть речи, называемую «доводы».

РЕЗЮМЕ

1. Повествование, или изложение — часть судебной речи, в которой оратор стремится убедить слушателей в том, что разбираемое событие произошло именно так, как он об этом говорит. В

этой части речи оратор пытается представить все обстоятельства дела с выгоднейшей для себя стороны и ослабить все противоречащее или не согласующееся с его позицией.

Важнейшие требования, предъявляемые к повествованию: **ясность, краткость, правдоподобие.**

2. Требование **ясности** предполагает, что излагаемые события будут переданы в определенном порядке, последовательно, подробно и четко; описание не будет содержать неясных и темных мест. Будут сделаны все необходимые ссылки при обозначении места, времени, действующих лиц, с описанием характеров, действий, мотивов и изложением всех существенных обстоятельств.

3. Правило Квинтилиана, с помощью которого проверяется ясность изложения:

(1) Оратор должен говорить так, чтобы его понимали и при невнимательном слушании.

(2) Всякое слово, которое ни ясности, ни украшению речи не способствует, должно считаться погрешительным.

4. **Краткость** изложения состоит в том, чтобы были опущены все не имеющие отношения к делу подробности. Повествование кратко, если начнется с того места, которое прежде всего должен знать судья и которое необходимо для того, чтобы была понятна позиция оратора.

5. Повествование **правдоподобно**, когда оно согласуется с обычным естественным порядком вещей, не противоречит здравому смыслу и характерам действующих лиц.

ТЕРМИНЫ

Повествование, или изложение

Ясность

Краткость

Правдоподобие

УЧЕБНОЕ ЗАДАНИЕ

1. В отрывке из речи найдите вступление, предложение, разделение, повествование. Напишите все эти части речи своими словами, не заглядывая в текст. Затем сравните с текстом. Являются ли различия между вашим текстом и текстом оратора принципиальными?

Лисий. Защитительная речь по делу об убийстве Эратосфена

(1) «Мне было бы дорого, господа, если бы вы на суде в настоящем деле поступили со мной так же, как поступили бы, если бы вас самих постигло подобное несчастье: я глубоко убежден, что если бы вы смотрели на дело, касающееся другого, теми же глазами, как на свое собственное, то среди вас не нашлось бы ни одного человека, которого не возмущало бы это происшествие; но все вы считали бы установленные законами наказания для таких преступников слишком малыми. (2) И, думается мне, такое воззрение принято не только у вас, но и во всей Греции: это — единственное преступление, за которое и в демократических, и в олигархических государствах законом предоставлен самым ничтожным в государстве людям один и тот же способ мести по отношению к самым влиятельным, так что и самый незнатный, и самый знатный гражданин может получить одно и то же удовлетворение: вот до какой степени тяжким считают все люди такое поругание чести. (3) Таким образом, что касается меры наказания, все вы держитесь, я полагаю, одинакового со мною воззрения, что никто не смотрит на дело так легко, чтобы думать, что виновные в подобных деяниях должны получить прощение или что они заслуживают лишь малого наказания. (4) А мне доказать следует, я думаю, лишь то, что Эратосфен был в преступной связи с моей женой и через это не только ее совратил, но и детей моих опозорил, а мне самому нанес оскорбление, проникнув в мой дом; что вражды между мной и им не было никакой, кроме как по этому поводу, и что сделал я это не из-за денег, чтобы из бедного стать богатым, и вообще не из корыстных целей, а только ради законом дозволенного

мщения. (5) Поэтому я изложу вам все обстоятельства моего дела с самого начала, ничего не пропуская, все расскажу по правде: единственное спасение себе я вижу в том, если сумею рассказать вам все, как было.

(6) Когда я решил жениться, афиняне, и ввел в свой дом жену, то сначала я держался такого правила, чтобы не докучать ей строгостью, но и не слишком много давать ей воли делать что хочет; смотрел за нею по мере возможности и наблюдал, как и следовало. Но, когда у меня родился ребенок, я уже стал доверять ей и отдал ей на руки все, что у меня есть, находя, что ребенок является самой прочной связью супружества. (7) В первое время, афиняне, она была лучшей женой в мире: отличная, экономная хозяйка, расчетливо управляющая всем домом. Но когда у меня умерла мать, то смерть ее сделалась причиной всех моих несчастий. (8) Жена моя пошла за ее телом в похоронной процессии; там ее увидел этот человек и спустя некоторое время соблазнил ее: поджидая на улице нашу служанку, которая ходит на рынок, он стал через нее делать предложения моей жене и наконец довел ее до несчастья. (9) Так вот прежде всего, господа (надо и это рассказать вам), у меня есть домик, двухэтажный, с одинаковым устройством верхних и нижних комнат как в женской, так и в мужской половине. Когда родился у нас ребенок, мать стала кормить его; но, чтобы ей не подвергать опасности здоровье, сходя по лестнице, когда ей приходилось мыться, я стал жить наверху, а женщины внизу. (10) Таким образом, уже было заведено, что жена часто уходила вниз спать к ребенку и кормить его грудью, чтобы он не кричал. Дело шло долго таким образом, и мне никогда не приходило в голову подозрение; напротив, я был настолько глуп, что считал свою жену самой честной женщиной в городе. (11) Время шло, господа, и вот как-то я вернулся неожиданно из деревни; после обеда ребенок стал кричать и капризничать: его нарочно для этого дразнила служанка, потому что тот человек был в доме; впоследствии я все узнал. (12) Я велел жене пойти и дать грудь ребенку, чтобы он перестал плакать.

Она сначала не хотела, потому будто бы, что она давно не видалась со мной и рада была моему возвращению. Когда же я стал сердиться и велел ей уходить, она сказала: «Это для того, чтоб тебе здесь заигрывать с нашей девчонкой; ты и раньше выпивши приставал к ней». (13) Я смеялся, а она встала и, уходя, как будто в шутку заперла дверь за собой и ключ унесла. Я, не обращая на это никакого внимания и ничего не подозревая, сладко уснул, потому что вернулся из деревни. (14) На рассвете она вернулась и отперла дверь. Когда я спросил, отчего двери ночью скрипели, она отвечала, что в комнате у ребенка потухла лампа и тогда она послала взять огня у соседей. Я промолчал: думал, что так и было. Но показалось мне, господа, что лицо у нее было набелено, хотя не прошло еще и месяца со смерти ее брата; но все-таки и тут я ничего не сказал по поводу этого и вышел из дома молча. (15) После этого, господа, прошло немало времени; я был далек от мысли о своих несчастьях. Вдруг однажды подходит ко мне какая-то старуха, подосланная женщиной, с которой он был в незаконной связи, как я потом слышал. Та сердилась на него, считая себя обиженной тем, что он больше не ходит к ней по-прежнему, и следила за ним, пока наконец не открыла, какая тому причина. (16) Так вот эта служанка, поджидавшая меня возле моего дома, подошла ко мне и сказала: «Евфилет, не думай, что я подошла к тебе из праздного любопытства: нет, человек, наносящий оскорбление тебе и твоей жене, вместе с тем и наш враг. Так, если ты возьмешь служанку, которая ходит на рынок и прислуживает вам за столом, и допросишь ее под пыткой, то узнаешь все». «А человек, который делает это, — прибавила она, — Эратосфен из дема Эи: он соблазнил не только твою жену, но и многих других. Это уж его специальность». (17) Так сказавши, господа, она ушла, а меня это сейчас же взволновало; все мне пришло на ум, и я был полон подозрения: я стал думать о том, как она заперла меня в спальне, вспомнил, как в ту ночь скрипела дверь, ведущая со двора в дом, и та, которая выходит на улицу, чего раньше никогда не случалось; а также и то, что жена, как мне

оказалось, была набелена. Все это пришло мне на ум, и я был по-
он подозрения. (18) Вернувшись домой, я велел служанке идти со
ной на рынок. Я привел ее к одному из своих друзей и стал гово-
ить, что я все узнал, что делается у меня в доме: «Так вот, можешь
ыбирать из двух любое: или я тебя выпорю и сошлю на мельницу,
де конца не будет твоим мукам, или если ты скажешь всю правду,
о тебе не будет ничего дурного и ты получишь от меня прощение
а свою вину. Но только не лги, говори правду». (19) Она сперва
гала было отпираться и говорила, что я волен делать что хочу, так
ак-де она ничего не знает; когда же я назвал ей Эратосфена и ска-
л, что это он ходит к моей жене, она испугалась, подумав, что я
се знаю доподлинно. (20) Тут она уж бросилась мне в ноги и, взяв
меня обещание, что ей ничего худого не будет, стала рассказы-
ать прежде всего, как после похорон он подошел к ней; затем, как
на сама наконец передала его предложение госпоже, как та после
олгого времени сдалась на его убеждения и какими способами она
ринимает его посещения; как на фесмофориях¹, когда я был в де-
эвне, она ходила с его матерью в храм; и все остальное, что про-
зошло, она в точности рассказала. (21). Когда она кончила, я ска-
л: «Смотри же, чтоб ни одна душа не узнала об этом; а то весь
аш договор с тобою нарушен. Но я хочу, чтоб ты доказала мне это
а месте преступления: слов мне не надо, но, раз дело обстоит так,
ужно, чтобы преступление было очевидным». (22) Она на это со-
асилась. После этого прошло дня четыре-пять ... как я вам дока-
у это вескими аргументами. Но сначала я хочу рассказать, что
оизошло в последний день. Сострат — мне друг и приятель. Я
третился с ним после заката солнца, когда он шел из деревни.
ая, что, вернувшись в такой час, он ничего не найдет дома съест-
го, я пригласил его отобедать со мной. Придя ко мне домой, мы
днялись в верхний этаж и стали обедать. (23) Поблагодарив меня

¹ *Фесмофории* — праздник в честь богинь Деметры и Персефоны, в котором
аствовали только замужние женщины.

за угощение, он ушел домой, а я лег спать. И вот, господа, пришел Эратосфен. Служанка сейчас же разбудила меня и сказала, что он тут. Я велел ей смотреть за дверью, молча спустился вниз и вышел из дома. Я заходил к одному, к другому; одних не застал дома, других, оказалось, не было в городе. (24) Взяв с собою сколько можно было при таких обстоятельствах людей, я пошел. Потом, взяв факелы в ближайшей лавочке, мы вошли в дом: дверь была отворена служанкой, которой было дано это поручение. Толкнув дверь в спальню, мы, входившие первыми, увидели его еще лежавшим с моей женой, а вошедшие после — стоявшим на кровати в одном хитоне. (25) Тут, господа, я ударом сбил его с ног и, скрутив ему руки назад и связав их, стал спрашивать, на каком основании он позволяет себе такую дерзость, — входит в мой дом. Он вину свою признал, но только слезно молил не убивать его, а взять с него деньги. (26) На это я отвечал: «Не я убью тебя, но закон нашего государства; нарушая закон, ты поставил его ниже твоих удовольствий и предпочел лучше совершить такое преступление по отношению к жене моей и детям, чем повиноваться законам и быть честным гражданином». (27) Таким образом, господа, он получил то возмездие, которое, по повелению закона, должны получать подобного рода преступники...»

2. Считаете ли вы изложение ясным? Для ответа на вопрос обратитесь к правилу Квинтилиана. Найдите аргументы, подтверждающие вашу точку зрения.

3. Будете ли вы утверждать, что изложение является кратким? Обоснуйте свое утверждение письменно.

4. Является ли изложение правдоподобным? Не противоречит ли оно здравому смыслу и характерам действующих лиц: Евфилета, его жены, служанки, Эратосфена? Напишите краткую характеристику каждого из действующих лиц.

3. Доводы¹

В этой части судебной речи оратор доказывает собственные утверждения и опровергает утверждения, сделанные процессуальным противником. Обвинитель обычно начинает с доказательства. Защитник бывает вынужден опровергать утверждения обвинителя, а лишь потом обосновывать собственную трактовку разбираемых событий. С логической точки зрения, доказательство и опровержение — это одно и то же. Разница лишь в том, что при опровержении (в отличие от доказательства) доказывается не истинность утверждения, а его ложность. Прямое доказательство по своей логической структуре совпадает с косвенным опровержением, а косвенное доказательство — с прямым опровержением². Таким образом, рассматривать доказательства и опровержения как некий особый самостоятельный раздел судебной речи вполне правомерно. Это важная часть судебной речи, поскольку без доводов сторон судебная речь не существует. Оратор должен решить две важнейшие задачи: 1) «изобрести» доказательства (или опровержения); 2) наилучшим образом расположить их. Прежде чем говорить об

¹ «Довод» в логике — это аргумент, «довод» в риторике — это не только аргумент, но все обоснование целиком. Истинность последнего признается (или не признается) составом суда и процессуальным противником. Утверждением, из которого выводится «довод», в риторике может быть суждение о факте, определение, даже сравнение, или результат деления какого-то понятия. Основанием, или утверждением, из которого следует «довод», может быть признание причинно-условленности явлений. Тогда одно из явлений признается причиной, другое — следствием. Разновидностью «довода» в риторике является и процесс логического доказывания или опровержения. В последнем случае мы имеем дело с определенным теоретическим доводом, истинность которого зависит не только от истинности исходных утверждений, но и от того, насколько строго соблюдаются логические правила вывода при получении нового утверждения. Вообще говоря, логические правила вывода при получении довода должны соблюдаться всегда, но и в доказательстве и опровержении эти правила являются более четко организованной процедурой.

² См.: Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. Гл. X.

«изобретении» доказательств, необходимо кратко остановиться на некоторых общих положениях так называемой «теории общих мест», разработанной античными ораторами.

а) Теория общих мест, или топики

Древние риторы полагали, что доводы можно «изобрести», и пользовав для этого некие общие приемы. Методы, с помощью которых «изобретались» доказательства, считались универсальными, то есть пригодными для любого предмета и любого случая. Создателями этих методов считают софистов. Следующие поколения ораторов систематизировали открытия софистов и придали их учению стройную законченность. Это учение дошло до нас под названием «топики» или учение об общих местах. В основе своего учения об общих местах относится к логике.

Подробное приложение науки о правилах и законах мышления искусству красноречия дошло до нас в сочинениях Аристотеля Цицерона, Квинтилиана. Топики считались универсальными принципами, из которых должно исходить мышление, независимо от того, какой предмет рассматривается. Опираясь на них, античный оратор и должен был изобретать конкретные доводы для своих речей.

Однако, как заметили еще древние ораторы, все топики, или общие места, способны лишь указать путь, следуя которым, можно найти истину; открыть же ее, то есть найти действительные связи и отношения между предметами мысли, обнаружить убедительные доказательства можно, только с помощью глубокого размышления и всестороннего изучения того вопроса, о котором говорит оратор. В связи с этим было принято различать доводы двух видов: **существенные и несущественные**. Такое различение ввел Аристотель. Существенные доводы делались, исходя из общих логических принципов, переработанных топикой, так как задачей топики было — не доказать, а убедить, то есть сделать утверждение правдоподобным. Существенные доводы оратор должен был изобретать, независимо от темы обсуждения. Считалось, что их можно и нуж

изобретать в любом случае. Если оратор не изобрел их, то, значит, тема не проработана и не осмыслена должным образом. Важнейшими общими логическими принципами, из которых делались доводы, были: 1) определение основных понятий составлявшейся речи; затем высказывались доводы, следовавшие из определений; 2) сравнение основных понятий речи с другими понятиями и выявление тождества или различия сравниваемых понятий; доводы от сравнения; 3) деление основных понятий на составляющие части; доводы от деления; 4) доводы от признания причинной обусловленности рассматриваемых явлений.

К несущественным доводам относились доводы, вызванные конкретными обстоятельствами самого дела.

Рассмотрим вначале **существенные доводы**. Начнем с определения основных понятий.

У античных риториков изучение предмета речи отождествлялось с изучением понятий. Они полагали, что понятие изучено, если ему дано определение. Поэтому первым важнейшим принципом топики, или теории общих мест, было требование обязательного определения или раскрытия содержания важнейших понятий, то есть тех, которые входят в основное умозаключение¹.

Давая определение вещи², оратор черпал из него и доводы в пользу своей точки зрения. Это очень эффективный прием; им успешно пользуются все хорошие ораторы вплоть до настоящего времени.

Риторические определения или описания подразделялись на следующие виды:

1. Определения, учитывающие только свойства описываемой вещи.

¹ Под основным умозаключением, как говорилось выше, имеется в виду умозаключение, определяющее собой всю структуру речи оратора; из основного умозаключения выводится центральный тезис оратора, формулируемый в части речи, называемой «предложение».

² Под «вещью» в топике понимается любой предмет мысли.

2. Определения, учитывающие действия описываемой вещи.
3. Определения, даваемые через сравнение двух вещей, для установления существования сходства или различия между ними.
4. Определения, учитывающие как свойства, так и отношения, связывающие данную вещь с другими вещами.

С логической точки зрения, дать определение понятию значит указать на его **существенные** признаки. Риторические определения топики не содержат такого требования. Таким образом, виды определений, рекомендуемые топикой, не являются строго логическими определениями, а относятся к приемам, заменяющим определения¹. Однако топики, как писал об этом Аристотель, ставила перед собой задачу — сделать изложение правдоподобным, а доводы — убедительными для слушателей; поиски объективной истины и строгость выводов не являлись ее задачей. Справедливости ради надо сказать, что приемы, заменяющие строгое логическое определение, имеют определенное познавательное значение; ими часто пользуются в тех случаях, когда не представляется возможным дать строгое логическое определение. Эти приемы широко используются не только в обычной, но и в художественной речи; употребительны они как в научной литературе, так и в судебно-следственной практике. Должен уметь пользоваться ими и судебный оратор. При этом надо иметь в виду, что строгость логической формы для суда имеет значение не всегда. Порой риторические определения принимаются во внимание судом, хотя строгой логической формы они не имеют. Поэтому задача судебного оратора, если приходится пользоваться риторическими определениями, — придать им такой вид, чтобы суд принял их во внимание и согласился с их значимостью.

Проиллюстрируем сказанное примерами из речи Цицерона «В защиту поэта Авла Лициния Архия». В начале речи есть такое место: (2) «...Ведь все науки, воспитывающие просвещенного человека, как бы сцеплены между собой общими звеньями и в какой-то

¹ См.: Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. С. 50—54.

степени родственны одна другой». По классификации риторических определений или описаний, такое описание «наук, воспитывающих просвещенного человека» (именно это понятие разъясняется) значится под номером два. С логической точки зрения, оно не может считаться определением, поскольку в нем нарушено правило, требующее ясности определения. Определение ясно, когда не содержит признаки, нуждающиеся в определении или содержащие двусмысленность. Логическое определение не должно содержать также сравнений и метафор. Здесь используется метафорическое сравнение. Однако это риторическое определение не является пустым. Оно содержит в себе полезную информацию. Дать в данном случае строгое логическое определение — задача, которая могла бы поставить в затруднительное положение многих специалистов даже нашего времени. Но для данной судебной речи это неважно. Говоря о вещах, не имеющих прямого отношения к основной идее речи (конкретной цели), оратор вправе ограничиться подобными описаниями.

Иначе должен отнестись оратор к определению понятий, входящих в главное умозаключение. Важнейшее утверждение в данной речи (р): «Архий является гражданином Рима». Это утверждение является выводом из силлогизма, сделанного по первой фигуре:

Каждый гражданин союзного с Римом города, выполнивший все требования законов о предоставлении прав римского гражданства (М), является гражданином Рима (Р).

Архий (S) — гражданин союзного с Римом города, выполнивший все требования законов о предоставлении прав римского гражданства (М).

Архий (S) является гражданином Рима (Р).

Цицерон подходит к решению задачи внимательно и осторожно. Замысел его таков: обосновать утверждение о том, что *Архий является достойным человеком*. Из него, как из основания, можно вывести следующее: «*Архий получил гражданство по закону*», так как

достойный человек законов не нарушает. В процессе обоснования будет проверен и уточнен связывающий посылок средний терм главного умозаключения: *«гражданин соседнего с Римом города выполнивший все требования законов о предоставлении прав римского гражданства»* (М).

Оратор использует неточные риторические определения, но что не согласиться с ними нельзя. Он хочет показать, что *Архий человек, достойный уважения*. Для этого используется определение, которое по классификации риторических определений значится у нас под номером четыре.

(5) «...однако не только своему литературному дарованию, но своим природным качествам и своим достоинствам он был обаятелен, что тот самый дом, который первым благосклонно его принял его юности, остается самым близким ему в его старости».

С логической точки зрения, это не определение, или определение, называемое остенсивным, то есть ссылка на факт. Но это факт установленный и поэтому убедительный для суда; суд принимает его во внимание как довод, следующий из данного риторического определения: *Архий является человеком, достойным уважения*.

Затем Цицерон приступает к определению среднего термина нового силлогизма. Для этого он дает определение понятию «конность или справедливость получения Архием гражданства». Определение дается через описание действий Архия (риторическое определение номер два):

(IV) «Между тем, по истечении довольно долгого срока, по тому как Архий выезжал в Сицилию вместе с Марком Лукуллом, возвращаясь из этой же провинции вместе с тем же Лукуллом, приехал в Гераклею. Так как эта городская община пользовалась широкими правами на основании союзного договора, то он захотел получить в ней права гражданства и исходатайствовал их тогда у герцога как благодаря тому, что его самого сочли достойным этого, и благодаря авторитету и влиянию Лукулла. (7) На основании закона Сильвана и Карбона права гражданства были даны «всякому».

был приписан к союзной городской общине, кто имел свое местожительство в Италии тогда, когда проводился закон, и кто в шестидесятидневный срок заявил об этом претору...». Так как Архий жил в Риме уже много лет, он и подал заявление своему ближайшему другу претору Квинту Метеллу» (Подчеркнуто нами. — *О.П.*).

Это определение также является остенсивным, но справедливость его подтверждается показаниями свидетелей: Марка Лукулла, Квинта Метелла и представителями общины Гераклеи. Таким образом, несмотря на отсутствие строгой логической формы, это определение должно считаться обоснованным и для любого суда будет убедительным, если суд не усомнится в истинности свидетельских показаний.

Определение через описание процедуры получения гражданства служит также и доводом в пользу правомерности и законности самого гражданства. Этот довод можно выразить в следующем виде: Всякий человек, выполнивший требования закона о предоставлении гражданства, получает права гражданства на законном основании. Архий выполнил все требования закона о предоставлении гражданства. Следовательно, Архий является гражданином Рима на законном основании.

Используя риторическое определение два, оратор определил и доказал также средний термин главного силлогизма, поэтому он вправе сделать такой вывод. Вывод очевиден, и поэтому Цицерон его опускает. Однако, чтобы даже при невнимательном слушании дела его не могли упустить судьи, защитник говорит: (8) «Если дело идет только о правах гражданства и о законе, то я ничего больше не скажу — дело рассмотрено».

Вывод подчеркнут с помощью фигуры умолчания, хотя и не произнесен.

Приемом, близким к риторическому определению и также заменявшим античным ораторам строгое логическое определение, служило **сравнение**. В топике не существовало строгой теории сравнения. Ораторы полагали, что сравнение — универсальный прием, позволяющий лучше ознакомиться с предметом в тех случаях, ко-

гда определить его невозможно, но знакомства с ним требует разбираемое дело. Этот прием употреблялся тогда, когда интересующий предмет можно сопоставить с другими, похожими на него, и в результате сопоставления лучше понять данный предмет. Считалось, что сравнение должно обязательно дать оратору материал для доводов. Сравнив какой-либо предмет с другим (или с другими), оратор находил в их качествах, свойствах или действиях сходство или, наоборот, мог указать на существующие различия либо противоположность.

Цицерон в речи за Архия также пользуется сравнением. Например, сопоставив обычаи предоставления гражданства в греческих и римских городах, он высказывает довод, возвеличивающий значимость таланта поэта по сравнению с талантом актера. Мы воспринимаем такое сравнение как некорректное, поскольку речь идет о сравнении таланта людей, работающих в несравнимых областях искусства. Современники Цицерона воспринимали сравнение как сравнение престижности профессий. Для них это довод убедительный, поскольку профессия актера в Древнем Риме не считалась почетной:

(V) «...И правда, многим заурядным людям, не имевшим никакого ремесла или занимавшимся каким-либо низким ремеслом, права гражданства в Греции предоставлялись неохотно; но неужели регийцы, или локрийцы, или неаполитанцы, или тарентийцы, которые нередко награждали правами гражданства актеров, выступавших на сцене, отказались бы Авла Лициния, увенчанного высшей славой дарования, наградить тем же?»

Следующая группа приемов, исходя из которых оратор должен был изобретать доводы, называется **делением на части**. Деление на части и определение или описание частей, входящих в целое, опирается на операцию, называемую в логике делением понятий. Определить предмет — значит еще и выделить его, поэтому определение понятия предполагает и умение отделить его от других, и в то же время рассмотреть составляющие его части. Иначе говоря, выделение составляющих позволяет оратору высказать некое новое утверждение, которое считается в топике доводом.

Требования к делению понятий, формулируемые в топике, почти не отличаются от логических. Так же, как и в логике, различают дихотомическое деление (или деление на два противоречащих понятия) и деление по видоизменению признака. Различаются: делимое понятие — понятие, объем которого следует раскрыть; члены деления — соподчиненные видовые понятия, получившиеся в результате деления; и основание деления — признак, по которому производится деление. Логические правила деления: (1) соразмерность; (2) деление по одному основанию; (3) требование, чтобы члены деления исключали друг друга; (4) непрерывность — также должны соблюдаться. Разница в подходах между логикой и топикой, однако, существует и состоит в том, что, производя деление понятия, оратор стремится не к объективному описанию видовых понятий, а к тому, чтобы с наибольшей полнотой и без противоречий выразить свою точку зрения. В связи с этим в риторике оратор может делить на части не только понятие, которому дано строгое логическое определение, но и какой-нибудь предмет. Отделив одну часть предмета от другой и дав их описание, оратор может остановиться на этом, полагая, что достаточно сделал для того, чтобы слушатель смог отличить одну часть предмета от другой. Иными словами, деление может выполнять в риторике и функцию определения.

Пример, иллюстрирующий разделение понятия, и нахождение довода, появляющегося благодаря этой операции, взят из речи в защиту Авла Лициния Архия. Цицерон утверждает, что занятия науками для человека предпочтительнее всех других занятий. Само по себе такое утверждение, высказанное в общем виде, довольно абстрактно и не очень убедительно. Для придания этому утверждению полноты и силы, оратор делит понятие «жизнь человека» на три части: юность, зрелый возраст, старость. Основание деления — возраст человека. Затем то же самое понятие оратор делит по другому основанию: местонахождение человека. То же самое понятие делится еще и в третий раз, но уже на две части. Основание деления — обстоятельства жизни. В результате деления получилось два понятия: «жизнь при счастливых обстоятельствах» и «жизнь при несчастли-

вых обстоятельствах». Делить одно понятие сразу по трем основаниям — логическая ошибка, поэтому Цицерон вводит видовые понятия последовательно: вначале перечисляет получившиеся видовые понятия от первого деления, затем добавляет видовые понятия, получившиеся при третьем, дихотомическом делении; и только после этого перечисляет видовые понятия, получившиеся от деления по второму основанию. Результатом этих операций стал очень эмоционально убедительный и высокохудожественный довод¹:

(16) «...И даже если бы плоды занятий науками не были столь явны и если бы даже в этих занятиях люди искали только удовольствия, все же вы, я думаю, признали бы такое направление ума самым достойным и благородным. Ведь другие занятия годятся не для всех времен, не для всех возрастов, не во всех случаях, а эти занятия воспитывают юность, веселят старость, при счастливых обстоятельствах служат украшением, при несчастливых — прибежищем и утешением, радуют на родине, не обременяют на чужбине, бодрствуют вместе с нами по ночам, странствуют с нами и живут с нами в деревне».

Рассмотрим последний из важнейших принципов топики. Им является признание всеобщей причинной обусловленности явлений. Исходя из этого принципа, античный оратор полагал, что любую вещь можно рассматривать или как причину, или как следствие. Допускалось, что причина может быть объяснена своим следствием, а следствие — причиной. Считалось, что принцип причинной обусловленности явлений может служить оратору важным подспорьем при изобретении доказательств². Последние находились четырьмя различными способами:

1. Важность и полезность причины доказывалась через перечисление пользы, приносимой следствиями.

¹ О значении наук для людей зрелого возраста оратор говорил выше, поэтому в данном отрывке это опущено.

² Доказательство и опровержение — это развернутые доводы, имеющие логическую структуру. Результатом доказательства или опровержения является умозаключение, полученное опосредованным путем, при строгом соблюдении логических правил вывода.

2. Следствие обосновывалось через утверждение важности и значимости вызывавшей его причины.

3. Причина опровергалась с помощью подробного разъяснения вредности вытекающих из нее следствий.

4. Следствия признавались плохими, если они вызывались плохой причиной.

Чтобы оценить значимость рекомендаций топики, необходимо рассмотреть формально-логический аспект проблемы. Явление, предшествующее другому и вызывающее его в качестве следствия, называется причиной. Следствие (или действие) — это то, что следует за другим явлением, вызывается последним, и то, что отсутствует, когда нет причины. Говоря о причинной зависимости между суждениями p и q , мы не имеем права соединять знаком импликации¹ утверждения, между которыми нет закономерной связи. Если же оратор соединяет два суждения p и q знаком импликации ($p \rightarrow q$), то он должен быть готов продемонстрировать, что эти два суждения выражают некую общую закономерность. Это означает, что оратору надо подтвердить свое утверждение ссылкой на многократно наблюдавшуюся связь между двумя явлениями, событиями или процессами. Если не было множества предварительных наблюдений, то нельзя сделать вывода о закономерной связи между утверждениями (p, q) и соединять их в одно².

Отсюда следует правило, относящееся к риторике. Всякий, утверждающий нечто о причинной связи между двумя явлениями и

¹ Знак импликации пишется как стрелка, направленная от основания (причины) к следствию: « $\rightarrow$ ». В русском языке импликация выражается с помощью союза «если ..., то...».

² В языковом контексте можно соединять союзом «если ..., то» любые суждения, например: «Если в огороде — бузина (p), то в Киеве — дядька (q)». Однако получившееся сложное суждение причинной зависимости не выражает, поскольку составляющие его части не связаны между собой никакой закономерной связью.

использующий логический союз «если ..., то...» должен всегда иметь в запасе доводы, подтверждающие, что утверждаемая им связь является частным случаем общей закономерности, связывающей названные им явления. А любой слушатель вправе таких аргументов требовать.

Предположим, оратор сумел показать, что связь между основанием (р) и следствием (q) является закономерной. Только когда он смог это сделать, только тогда, но не раньше, он имеет право обратиться к одному из четырех видов доказательства, предложенному в топике.

Рассмотрим их подробнее, но для оценок правомерности получаемых выводов используем правила формальной логики.

Первый способ изобретения доказательств, рекомендуемый топикой, предполагал доказывание важности и полезности причины через перечисление пользы, приносимой следствиями (или действиями) этой причины. У нас есть причина (р), которая вызывает всегда соответствующее действие (q). Если есть р, то есть и q, (р → q). Утверждается значимость и важность следствий этой причины, то есть q. Говоря иначе, значимость причины (это р, которое должно стать заключением) доказывается через перечисление пользы, приносимой действиями этой причины (q). В символическом виде такое умозаключение будет выглядеть следующим образом:

$$\frac{p \rightarrow q, q}{p}$$

Схема рассуждений по такому модусу условно-категорического силлогизма не дает достоверного знания. Подученное умозаключение будет только вероятным. Значит ли это, что современный оратор не может рассуждать, пользуясь такой схемой? — Нет. Он может ею пользоваться, но лишь в том случае, когда хочет сделать какой-то из доводов убедительным или вероятным. (Быть убедительным — вот задача, решаемая топикой.) Но такая схема доказа-

ельства недопустима, если оратор стремится достоверно обосновать свои выводы¹.

Второй способ доказательства, рекомендуемый топикой, предполагает обоснование следствия через утверждение значимости вызвавшей его причины. Чтобы выразить этот способ обоснования а языке символической логики, рассуждаем так же, как и в первом случае. Есть причина (р), вызывающая соответствующее действие q). Если есть р, то есть и q, $p \rightarrow q$ — наша большая посылка. меньшая посылка — это обоснование значимости причины (р). В включении получаем обоснованное следствие (q). Общая схема изакключения —

$$\frac{p \rightarrow q, p}{q}$$

Это правильный утверждающий модус условно-категорического шлогизма. Он дает достоверное знание. Пользоваться им можно егда и без каких-либо ограничений.

Третий способ предполагает опровержение причины с помощью дробного разъяснения вредности вытекающих из нее следствий. данном случае у нас также есть причина (р) и следствие (q). Есть кономерная связь между ними: $p \rightarrow q$. В заключении мы должны лучить опровержение причины ($\neg p$), а меньшей посылкой умолключения является опровержение следствия этой причины ($\neg q$). ема рассуждений по этому модусу условно-категорического ллогизма принимает следующий вид:

$$\frac{p \rightarrow q, \neg q}{\neg p}$$

Это правильный отрицающий модус. Он всегда дает достоверное знание, и оратор может пользоваться им без каких-либо ограничений.

¹ Вывод может давать достоверное знание при условии, что большая посылка q) является суждением двойной импликации. В этом случае утверждения р и q иняются логическим союзом «если и только если, ... то».

Четвертый способ доказательства, позволяющий оратору изобрести доводы, предполагает, что следствия должны быть признаны плохими, если они вызываются плохой причиной. Схема рассуждения здесь записывается следующим образом:

$$\frac{p \rightarrow q, \neg p}{\neg q}$$

Это неправильный отрицающий модус условно-категорического силлогизма. Выводы, полученные с его помощью, не дают достоверного знания. Полученное умозаключение будет только вероятным. Поэтому четвертым способом изобретения доводов оратор может пользоваться с теми же ограничениями, которые были отмечены при объяснении первого способа¹.

Речь Цицерона «В защиту поэта Архия» дает возможность проиллюстрировать логические рассуждения.

(VII, 15) «...Но я все-таки настаиваю, что всякий раз, когда к выдающимся и блестящим природным качествам присоединяются некое разумное начало и просвещение, получаемое от науки, обычно возникает нечто превосходное и замечательное. (16). Из числа таких людей был тот человек, которого видели наши отцы, — божественный Публий Африканский; из числа их были Гай Лелий, Луций Фурий, самые умеренные и самые воздержанные люди; из их числа был храбрейший и по тем временам образованнейший муж, старец Марк Катон».

Обращаем внимание читателей на фразу: «...всякий раз, когда к выдающимся и блестящим природным качествам присоединяются некое разумное начало и просвещение, получаемое от науки (p) обычно возникает нечто превосходное и замечательное» (q).

В тексте выделены причина и ее действие, но оратор обязательно должен доказать, что между причиной и действием существует

¹ Вывод может давать достоверное знание, при условии, что большая посылка ($p \rightarrow q$) является суждением двойной импликации. В этом случае утверждения p и q соединяются логическим союзом «если и только если, ... то...».

закономерная связь. Оратор так и поступает, приводя примеры, подтверждающие его мысль. Каждое из приводимых имен, их четыре, может стать меньшей посылкой условно-категорического силлогизма; таким образом, мысль оратора как бы многократно подтверждается в каждом названном имени выдающегося человека. Оратор не делает умозаключения, которое должно служить доводом, подтверждающим его мысль. Он соединяет вместе и обоснование закономерной связи между причиной и следствием, и сами доводы, которые должны быть сделаны после того, как закономерность связи обоснована. Заключение опущено, но оно очевидно.

Можно возразить, что операции, о которых говорилось, в тексте есть, но они неявны. Так и должно быть. Эти операции обязательно производятся, но явно видны они только в речи начинающего оратора. Опытный мастер всегда старается придать своей речи естественный вид.

Чтобы показать схему довода, рассмотрим одно из умозаключений. Другие имеют подобные схемы, и читатель, воспользовавшись рассмотренным примером как образцом, сможет построить их самостоятельно.

Если к выдающимся и блестящим природным качествам присоединяются некое разумное начало и просвещение, получаемое от науки (р), обычно возникает нечто превосходное и замечательное (q).

Публий Африканский к выдающимся и блистательным природным качествам присоединил некое разумное начало и просвещение, получаемое от науки (р).

Возникло нечто замечательное (q).

Это второй способ доказательства:
$$\frac{p \rightarrow q, p}{q}$$

Сделан достоверный вывод.

Желая подчеркнуть и усилить сделанный довод, Цицерон продолжает:

(16) «... Если бы литература не помогала им проникнуться доблестью и воспитать ее в себе (р), они к ней, конечно, никогда бы не обратились» (q).

Оратор использовал энтимему¹, но так, что меньшая посылка была высказана раньше, чем произнесена большая. Живая естественная речь и не должна быть похожей на примеры из учебника логики. Однако меньшую посылку легко обнаружить и сформулировать: «Но выдающиеся люди обращаются к литературе» ($\neg q$). Заключение слушатель делает сам и сделать это не представляет труда, поскольку заключение повторяет часть большей посылки, но без отрицания.

В символической записи отрицательное суждение обозначено без знака отрицания, поэтому утвердительное суждение (учитывая разницу в знаках) обозначаем той же буквой, но с отрицательным знаком.

В полном виде умозаключение имеет следующий вид:

Если бы литература не помогала им (выдающимся людям. — О.П.) проникнуться доблестью и воспитать ее в себе (р), они к ней, конечно, никогда бы не обратились (q).

Но выдающиеся люди обращаются к литературе ($\neg q$)

Литература помогает выдающимся людям проникнуться доблестью и воспитать ее в себе ($\neg p$).

Закономерность связи между основанием и следствием здесь не обосновывается, поскольку это было сделано раньше: оратор говорит о тех же самых людях, которых он уже называл и которые известны своей образованностью и доблестью.

Перед нами третий способ доказательства, который также дает достоверный вывод:

$$\frac{p \rightarrow q, \neg q}{\neg p}$$

¹ Энтимема — это силлогизм с пропущенной посылкой или заключением. Оратор чаще говорит не силлогизмами, а энтимемами. Благодаря такому приему речь приобретает большую естественность и живость, ярче передает чувства; в этом месте речи оратор взволнован и воодушевлен.

Подчеркивая значимость литературы для воспитания, оратор использовал сразу два способа выдвижения доводов: второй и третий. Оба они дают достоверное знание, и одно утверждение подкрепляет и усиливает другое. Допустим теперь, что оратор захочет использовать сомнительный довод, то есть воспользуется способами доказательства один или четыре. Решившись на это, судебный оратор не должен будет включать такой довод в систему основного доказательства. В противном случае речь его потеряет обоснованность и будет иметь лишь вероятностный характер. Вероятностный довод может быть использован лишь как дополнительный, для усиления основных доводов. Но сделать это оратор может только тогда, когда твердо уверен, что у процессуального противника и у суда нет никакого материала, опираясь на который, они продемонстрируют вероятностный характер сделанного им умозаключения. Но даже если такого материала нет, противник сможет показать несостоятельность довода, просто написав его логическую форму. Короче говоря, судебный оратор должен стараться не использовать способы доказательства, помеченные номерами один и четыре.

Рассмотрим теперь те доводы, которые в топики назывались несущественными.

Несущественные доводы, или доводы от обстоятельств

К несущественным доводам, называвшимися также доводами от обстоятельств, топика относил все то, что связано с конкретными обстоятельствами дела, разбиравшегося в данный момент судом. Несущественные доводы, в свою очередь, подразделялись на два вида: нравственные обстоятельства и исторические обстоятельства.

Нравственными назывались такие, которые были связаны с характерными особенностями лица, чьи действия разбирал суд. Таими обстоятельствами считались: происхождение, возраст, воспитание, поведение, положение в обществе, образование, достоинство, недостатки, навыки и проч. Доводы от нравственных обстоя-

тельств использовались чаще всего в характеристике, которую давал данному лицу оратор.

Под **историческими обстоятельствами** понималось все то, что связано с самим событием преступления, с тем, что ему предшествовало, и с тем, что за ним последовало. Тут прежде всего выделялось **место**, где происходило дело, **время**, когда оно происходило **причина**, вызвавшая преступление, **способ** совершения преступления и **обстоятельства**, способствовавшие его совершению.

Думается, что нет необходимости приводить многочисленные примеры, иллюстрирующие все возможные разновидности нравственных и исторических доводов. Ограничимся тремя. Вначале приведем пример нравственного довода, потом — исторических¹.

В речи по делу об убийстве иеромонаха Иллариона А.Ф. Кони формулирует нравственный довод, опровергающий утверждение подсудимого Ивана Михайлова о неумышленном убийстве. Оратор исходит из черт характера и типичных особенностей поведения убитого.

«...Он (Иван Михайлов. — *О.П.*) говорит, что шел к отцу Иллариону, сам не знает зачем. Но допустить такое толкование, неосновательное и неправдоподобное, решительно невозможно. Можно допустить другое — он шел к нему как к знакомому, у которого когда-то служил коридорным. Отчего же ему, в самом деле, и не навестить отца Иллариона?

Но вы знаете характер иеромонаха Иллариона. Он был такой человек, который не любил, чтобы к нему ходили, человек, который держал себя вдали от всех, а тем более, конечно, от коридорного. Какой стати коридорный, который уже не служит и случайно оказался в Петербурге только потому, что поезд, на котором он хотел уехать, ушел раньше, чем он мог собраться, пойдет к отцу Иллариону, о котором он и не думал, проживая два с половиною дня в Лавре? Почему из всех петербургских знакомых он избирает отца

¹ Все три примера взяты из обвинительной речи А.Ф. Кони по делу об убийстве иеромонаха Иллариона.

Иллариона? Отчего он не идет, например, к Лаврову, с которым был хорошо знаком и который писал ему докладную записку? Отчего он не идет к иеромонаху Нектарию, который рассказывает, что считал его хорошим человеком, нередко паивал его чаем, рекомендовал его на железную дорогу и вообще до сих пор относился к нему более благосклонно, чем прочие? ... Какое отношение может иметь к нему отец Илларион, этот замкнутый человек, не интересующийся даже тем, что делают более близкие ему окружающие лица? Никакого».

Из исторических доводов мы выбрали примеры, иллюстрирующие доводы от времени и от способа совершения преступления. Эти доводы являются наиболее типичными и часто используются в состязательной борьбе сторон.

Довод от времени:

«Затем посмотрите, как выбрано время, когда совершается преступление. Выбрано именно то время, когда, по монастырским обычаям, в коридоре никого не было. В коридоре было всего шесть келий: одну занимал монах Григорий; в двух других жили два приезжих архимандрита, две были в тот день пустые, а в одной жил отец Илларион. По монастырским правилам, приезжие архимандриты должны быть на службе в Крестовой церкви у митрополита. Об этом, конечно, знают все служители. Поэтому знал об этих порядках и подсудимый Иван Михайлов. Кроме того, он мог об этом еще раз слышать от тех, у кого ночевал. И вот, в то время, когда в коридоре никого из этих лиц не было, когда отошла вечерня и когда началась всенощная, к которой не должен был идти только отец Илларион, потому что он был очередной для служения панихид, когда он остался один и нет в коридоре ни архимандритов, ни рясофорного монаха отца Григория, который тоже должен быть у всенощной, тогда-то и приходит в келью Иллариона подсудимый. Отчего же, если он желал повидаться с отцом Илларионом, не отправился он к нему тотчас же, как ушел с железной дороги? Отчего он не пошел к нему в 4 часа, когда ушел с вокзала? Отчего он пошел в 6 часов, когда в коридоре никого

нет и быть не может? Я думаю, оттого, что ему нужно был заставить отца Иллариона одного...»

Довод от способа совершения преступления:

«...Он убил внезапно, убил, сам не зная, как и для чего, его «грех попутал», но тем не менее он пролил потоки крови по всей квартире, истерзал старика, вырвал у него по клочьям, в долгой и озлобленной борьбе, всю бороду и, наконец, порешил с ним. Он хотел затем украсть что-нибудь. Он это и сделал. Но убийца, который внезапно совершает убийство, не стал бы действовать так спокойно и обдуманно, как действовал Михайлов. После убийства, столь неожиданно совершенного, когда убийца опомнится от разгара борьбы, он поспешит убежать, что-нибудь захватив поскорей, потому что все, совершенное им, должно предстать перед ним во всем своем безобразии. Им должен овладеть ужас, он схватит, что попало под руку, и удалится скорей от страшного места, где он внезапно и почти против воли стал преступником. Видим ли мы что-нибудь подобное у подсудимого? Нет, он очень спокойно перерывает все вещи покойного, настолько спокойно, что даже взвешивает, где искать и где не искать. По акту осмотра, найден был отворенный ящик комода с бельем, на котором есть капельки крови. Этого ящика он не трогает, так как все белье в нем в порядке, без сомнения, потому, что подсудимый рассудил, что в белье не может быть денег. Зато он открыл и перерыл другие, перебрал все вещи, оставив многие и, взяв только часы и деньги, оставив даже больше 10 рублей медных денег, которые могли его стеснять. Когда отец Илларион лежит рядом — умирающий, истекающий кровью, подсудимый снимает с себя всю одежду, сжигает ее в печке, надевает одежду своей жертвы, затем уносит свечку и ставит ее в спальню, отгороженную перегородкой от гостиной, в которой, таким образом, становится ничего не видно снаружи, умывает руки и тогда уже уходит, заперев дверь на ключ, так как она оказалась запертою, а ключ унесенным. Таким образом, он обдуманно рассуждает, оценивая все последствия своих действий. Он соображает, что если оставить дверь незапертою, то вскоре после 8 часов могут прийти с

ином и с хлебом, и тогда увидят мертвого, подымется беспокойство, начнут искать, могут увидеть подсудимого в окрестностях настыря, могут задержать его и т.д. Поэтому нужно преградить путь скорому исследованию, нужно запереть дверь: придут, постучат и, конечно, оставят до утра, а тогда он будет уже в Окуловке. Так рассуждал или должен был рассуждать подсудимый, что течет даже из его показания. Таким образом, обстановка его действий вовсе не указывает на внезапность умысла, а на предусмотрительность убийства, где все было известно, все обдумано и решено заранее, хотя и незадолго до убийства, и где последующие действия были предприняты спокойно, с полной уверенностью в себе».

Здесь не приводятся примеры каждого из видов нравственных доводов, так как сами эти доводы достаточно понятны, а обстоятельства рассматриваемого дела подскажут оратору, какие из них чаще всего использовать в каждом конкретном случае. Эти доводы не имеют определенной логической структуры; форма изложения может быть любой, ее определяет замысел оратора.

Следует обратить внимание лишь на три момента, которые намжутся значимыми в том случае, когда речь идет о доводах от обстоятельств. Во-первых, при подготовке речи оратор не должен загромождать об этих видах доводов и обязан искать среди них такие, какие покажутся ему наиболее подходящими в данном случае. Во-вторых. Эти доводы, в большинстве случаев, используются лишь как вспомогательные, поэтому, обращаясь к ним, оратор не должен искать из вида главную идею своей речи. С помощью доводов от обстоятельств он лишь иллюстрирует ее и делает более наглядной. При этом оратор не обязательно должен использовать доводы от обстоятельств для характеристики только обвиняемого или защищаемого им лица. Такие доводы могут быть использованы и для характеристики тех лиц, с которыми сталкивался подсудимый. Пример подобного использования доводов от обстоятельств можно найти в речи Цицерона «В защиту Марка Целия Руфа». Оратор хотя и не снят совсем, то хотя бы смягчить обвинение против

Целия в том, что последний поддерживал Катилину. Для этого он дает характеристику Катилины, заканчивая ее доводом от обстоятельств: Катилина ввел Целия в заблуждение.

(12) «Однако, — скажут мне, — Целий, после того как уже в течение нескольких лет выступал на форуме, оказал поддержку Катилине. И это же самое сделали многие люди из всех сословий и всякого возраста. Ведь Катилина, как вы, мне думается, помните, обладал очень многими если и не ярко выраженными, то заметными задатками величайших доблестей. С многими бесчестными людьми он общался, но притворялся, что предан честнейшим мужам. Его манил к себе разврат, но подчас увлекали настойчивость и труд. Его обуревали пороки сладострастия; у него также были сильные стремления к военным подвигам. И я думаю, на земле никогда не было такого чудовища, сочетавшего в себе столь противоположные и разнородные и борющиеся друг с другом прирожденные стремления и страсти. (VI, 13). Кто когда-либо был более по душе прославленным мужам, кто был теснее связан с опозоренными? Кто как гражданин был когда-либо ближе честным людям, кто был более жестоким врагом нашим гражданам? Кто был более запятнан распутными наслаждениями и кто более вынослив в лишениях? Кто был более алчным в грабежах и более щедрым в раздачах? Вот какие качества, судьи, были в этом человеке поистине изумительны: он умел привлекать к себе многих людей дружеским отношением, осыпать их услугами, делиться с любым человеком своим имуществом, в беде помогать всем своим сторонникам деньгами, влиянием, ценой собственных лишений, а если нужно — даже преступлением и дерзкой отвагой; он умел изменять свой природный характер и владеть собой при любых обстоятельствах, был гибок и изворотлив, умел с суровыми людьми держать себя строго, с веселыми приветливо, со старцами с достоинством, с молодежью ласково; среди преступников он был дерзок, среди развратников расточителен. (14). Обладая этим столь переменчивым и многообразным характером, он собрал вокруг себя всех дерзких и бесстрашных людей из всех стран и в то же время удерживал при себе

даже многих храбрых и честных людей, так сказать, видимостью своей притворной доблести.

...Поэтому эту статью обвинения надо отвергнуть, судьи, и дружеские связи с Катилиной нельзя ставить Целию в вину; ведь она касается многих, притом и некоторых честных людей».

Сделаем третье, и последнее замечание. Строгой границы, которая бы отделяла нравственные доводы от исторических, не существует. Иначе говоря, различие между нравственными и историческими доводами является не абсолютным, а лишь относительным; иногда же довод может считаться и нравственным и историческим одновременно.

(4) «И меня волнует не столько напряженное внимание, с каким ждут моей обвинительной речи, и такое огромное стечение народа, — хотя и это очень и очень смущает меня, — сколько те предательские козни, которые Гай Веррес одновременно строит мне, вам, претору Манию Глабриону, римскому народу, союзникам, чужеземным народам и, наконец, сенаторскому сословию и званию. Вот что он говорит: пусть боится тот, кто награл лишь столько, что этого может хватить ему одному, сам же он награл столько, что этого хватит многим; по его словам, нет святыни, на которую нельзя было бы посягнуть, нет крепости, которую нельзя было бы овладеть за деньги. (5) Если бы дерзости его попыток соответствовало его умение действовать тайком, то ему, пожалуй, когда-нибудь и удалось бы в чем-либо нас обмануть. Но, по счастью, с его необычайной наглостью сочетается исключительная глупость: как он ранее открыто расхищал деньги, так и теперь, надеясь подкупить суд, он сообщает о своих замыслах и попытках всем и каждому». (Цицерон М.Т. Против Гая Верреса; первая сессия.)

Оратор говорит о поведении Гая Верреса после совершения им преступлений, за которые его привлекают к суду, поэтому довод оратора, призывающий суд обойтись с подсудимым по всей строгости закона, надо бы считать историческим. Но поскольку речь идет о поведении подсудимого, то этот довод можно рассматривать и как нравственный.

РЕЗЮМЕ

1. Доводы — это утверждения оратора, которые он, как из основания, выводит из других утверждений.

2. Теория общих мест, или топики — учение, разработанное античными ораторами. Использовалось оно для изобретения доводов. Топика базировалась на логике, но в отличие от последней искала не истину, а средства убеждения. Она ставила перед собой задачу — сделать изложение правдоподобным, а доводы — убедительными для слушателей. Принято было различать доводы двух видов: существенные и несущественные. Существенные доводы изобретались, исходя из общих логических принципов. Несущественными топика считала доводы, связанные с конкретными обстоятельствами дела, разбиравшимся в суде.

3. Оратор черпал доводы прежде всего из определения основных понятий. Античные риторы считали, что предмет изучен, если ему дано определение. Поэтому ораторы обязаны были определить прежде всего основные понятия, то есть те, которые входили в основное умозаключение. Из основного умозаключения выводился центральный тезис оратора, формулировавшийся в «предложении».

4. Риторические определения, или описания, подразделялись на следующие виды:

(1) определения, учитывающие только свойства описываемой вещи;

(2) определения, учитывающие действия описываемой вещи;

(3) определения, даваемые через сравнение двух вещей, для установления существования сходства или различия между ними;

(4) определения, учитывающие как свойства, так и отношения связывающие данную вещь с другими вещами.

5. Прием, близким к риторическому определению, а иногда заменявшим определение, было сравнение. В топике не существовало строгой теории сравнения. Этот прием употреблялся тогда когда интересующий предмет можно было сопоставить с другими похожими на него, а в результате сопоставления лучше понять

данный предмет. Сравнив какой-либо предмет с другим (или с другими), оратор находил в их качествах, свойствах или действиях сходство или, наоборот, мог указать на существенные различия либо противоположность. Считалось, что сравнивание должно обязательно дать оратору материал для доводов.

6. Следующий прием для изобретения доводов — деление понятий на части. Нахождение частей, составляющих исходное понятие, определение и описание их, позволяло оратору найти материал для довода. Деление понятий в топике отличается от логического деления. Логическое деление преследует цель — объективно описать видовые понятия. Деление в топике — лишь средство, с помощью которого оратор стремится выразить свою точку зрения без противоречий.

7. Принцип причинной обусловленности явлений также использовался античным оратором при изобретении существенных доводов. Но здесь доводы принимали форму доказательства. Античный оратор полагал, что любой предмет мысли можно рассматривать или как причину, или как следствие. Однако вначале надо было показать, что явления, события или процессы, о которых идет речь, действительно связаны причинной зависимостью, характерной для целого класса явлений или процессов, а рассматриваемый процесс или явление представляет собой лишь частный случай, но в нем проявляется общая закономерность. Доказательство строилось четырьмя различными способами.

8. Каждый из видов доказательства может быть выражен одним из модусов условно-категорического силлогизма:

(1) Обоснование важности и полезности причины через перечисление пользы, приносимой ее следствиями, сводилось к форме неправильного утверждающего модуса:

$$\frac{p \rightarrow q, q}{p}.$$

Эта форма дает достоверное знание только в том случае, когда большая посылка является суждением двойной импликации. Во всех остальных случаях вывод является только вероятным.

(2) Обоснование следствия через утверждение важности и значимости, вызвавшей его причины, сводится к правильному утверждающему модусу:

$$\frac{p \rightarrow q, p}{q}$$

Модус дает достоверное знание во всех случаях.

(3) Опровержение причины с помощью подробного разъяснения, вытекающих из нее следствий, выражаются формулой правильного отрицающего модуса:

$$\frac{p \rightarrow q, \neg q}{\neg p}$$

Модус дает достоверное знание во всех случаях.

(4) Следствие признавалось плохим, если оно вызывалось плохой причиной. Такое умозаключение выражается формулой неправильного отрицающего модуса:

$$\frac{p \rightarrow q, \neg p}{\neg q}$$

Эта формула дает достоверное знание лишь в том случае, когда большая посылка является суждением двойной импликации. Во всех остальных случаях вывод является только вероятным.

9. Несущественными доводами или доводами от обстоятельств топики называла такие, которые были связаны с конкретными обстоятельствами дела, разбиравшегося в данный момент. Несущественные доводы, в свою очередь, подразделялись на нравственные и исторические. **Нравственные** были связаны с характерными особенностями лица, чьи действия разбирал суд. Такими обстоятельствами считались: происхождение, возраст, воспитание, поведение, положение в обществе, образование, достоинства, недостатки и проч. Доводы от нравственных обстоятельств использовались чаще всего в характеристике, которую давал данному лицу оратор. Под **историческими** обстоятельствами понималось все то, что связано с событием преступления, с тем, что ему предшествовало и с тем, что за ним последовало. Это прежде всего место, где совершалось

преступление, **время**, когда оно происходило, **причина**, вызвавшая преступление, **способ** совершения преступления и **обстоятельства**, способствовавшие его совершению.

Проводя различие между нравственными и историческими доводами, оратор должен иметь в виду, что граница между ними не абсолютная, а относительная.

ТЕРМИНЫ

Доводы: существенные, несущественные

Топика

Виды риторических определений

Сравнение

Деление понятия на части

Принцип причинной обусловленности явлений

Виды доказательства причинной зависимости

Нравственные доводы

Исторические доводы

УЧЕБНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Установите вид следующих определений:

(а) Пресс-секретарь — представитель президента, премьер-министра или иного лица, занимающего определенный государственный пост, либо другого политического деятеля, осуществляющий связи представляемого лица со средствами массовой информации и обнародование его точки зрения по тому или иному вопросу.

(б) Премияльная оплата труда — дополнительная система оплаты, которая применяется в сочетании с основной — повременной или сдельной системой.

(в) Коммерческий туризм (челночный бизнес) — систематические поездки (т.н. шоп-туры) с целью закупки дефицитных товаров для продажи их впоследствии с максимальной прибылью.

2. Составьте самостоятельно или найдите в литературе риторические определения всех четырех видов.

3. В данном отрывке из судебной речи найдите сравнения и выводы из них доводы.

Н.П. Кан. Речь в защиту Далмацкого

«Как нельзя считать до конца исследованным преступление, не познав его причин, так невозможно оценить и ложность суждения не вникнув в его внутренние и внешние истоки. Остановлюсь только на одной стороне вопроса, особенно важной и достаточной для объяснения ошибочного юридического диагноза, поставленного следователем. Я начал защитительную речь с указания на накал страстей, на особую эмоциональную атмосферу, в которой велось предварительное следствие. Не успело оно возникнуть, как в прокуратуру поступил протест собрания жителей городка, где живет отец Игоря Иванова, с требованиями смерти для убийцы. Подобные же требования изложены в документах от имени учащихся. Разве это не давление на следователя, и даже не косвенное, а прямое? Общественное мнение — могучая сила. Но при этом необходимо, по меньшей мере, одно обязательное условие — общественность должна быть объективно проинформирована относительно того, о чем она берется судить. В противном случае неизбежны любые недоразумения. Это исключительно важно помнить, когда расследуется уголовное дело. Закон требует справедливого наказания преступника. Закон не допускает осуждения невиновного. Виновный же подлежит наказанию только за то, что он сделал в действительности.

Для избежания ошибочного осуждения действующим правом наукой установлены твердые принципы, соблюдение которых должно гарантировать следствие и суд от ложных выводов. Мы утверждаем презумпцию невиновности, в силу которой только суд вправе высказывать в окончательном виде мнение о виновности подсудимого и о заслуженном им наказании. Законом установлен

требования о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела. А это означает, что даже тогда, когда обвиняемому угрожает не только казнь, но и незначительное наказание без лишения свободы, то и в таких случаях должно быть тщательно исследовано все, что говорит не только против него, но и опровергает обвинение. Но разве те, кто голосовал за смерть Далмацкого, знали что-либо об обстоятельствах убийства? Конечно, ничего не знали, равно как не знал всего и следователь, не говоря уже о том, что не сказал своего слова суд. Получилось как бы два параллельных расследования. Одно внепроцессуальное, проведенное общими собраниями, не располагавшими не только доказательствами, но хотя бы предварительной информацией органов расследования. Другое — законное расследование, но завершенное под давлением первого. Все это, несомненно, вызвало ненужную нервозность в работе следователя, а она несовместима с объективностью и чревата ошибками».

4. Проанализируйте отрывок из речи. Найдите доводы, сделанные прокурором и адвокатом при делении понятия «события, связанные с юридической квалификацией действий подсудимого». Оцените правильность доводов.

П.А. Дроздов. Речь в защиту Кадуева

«Вот мы и подошли к тому дереву, под которым разыгралось все то, что составляет суть обвинения. Опять пошел дождь, и наша пара, чтобы укрыться от дождя, встала под это густое дерево. Кадуев снова пытается обнять Нину, он прижимает ее к себе, и тут блеснула молния — нет, фактически никакой молнии не было, но Олега ударило электрическим током. Это Нина его поцеловала. Тогда после поцелуя этот Геркулес-Олег, как перышко, как пушинку, кладет Нину на траву и делает все, чтобы вступить в интимную связь. Да, да, физическое сопротивление, я не боюсь этого утверждать — она сопротивляется. Конечно, этого сопротивле-

ния надолго не хватило бы, ведь он же силач со «стальными руками». Тогда она применяет последнее средство, которое решает исход дела. Она говорит ему одно слово, и это единственное слово сразу отрезвляет его. «Я — девушка», — сказала она. После этого Олег поднялся с земли и помог подняться Нине. На этом кончилось то, что обвинительная власть называет «покушение на изнасилование». На этом закончилось то, что защита именует «добровольно оставленной попыткой». Дальше будут еще детали, связанные с приходом милиционера и с другими обстоятельствами, но это уже не главное. Главное в том, чтобы правильно оценить эту часть событий. Прокурор в своей речи к этому центральному и серьезнейшему вопросу подошел очень просто. В схематическом изложении точки зрения представителя обвинительной власти все сводится к следующему.

Потерпевшая сопротивлялась или не сопротивлялась? Да, сопротивлялась. Подсудимый преодолел это сопротивление или нет? Преодолел. Значит, факт покушения установлен. Казалось бы, логик неумолимая. Если было сопротивление и было преодоление этого сопротивления, значит — покушение вне всякого спора.

Эта позиция была изложена красочно и темпераментно, и это увеличило силу кажущейся убедительности, но эта убедительность была именно кажущаяся, призрачная, ибо она, во-первых, не учитывает всего комплекса фактов, и, во-вторых, не доводит эту позицию до логического конца. Она исходит из оценки начала события, не учитывая конца, оставляя вне поля зрения то, чем кончилась картина события. И этому незаконченному ходу логических рассуждений дается юридическая оценка.

Закон предусматривает покушение. Подсудимый предан суду: покушение. Вот товарищ прокурор и рассуждает: если бы Каду довел покушение до конца, было бы законченное преступление, и так как свое намерение до конца он не довел, то наступает ответственность за покушение. То обстоятельство, что он покушался, трудно отрицать — он действительно покушался, следовательно, должен отвечать за покушение — больше с него и не спрашивают

Возражая против этой позиции государственного обвинения, следует сказать, что закон предусматривает и случаи добровольного отказа от совершения преступления. Следовательно, решая этот вопрос, решая эту часть обвинения подсудимого, нужно правильно осветить две стороны одной медали. Что собой представляло сопротивление потерпевшей, и почему подсудимый не довел своего намерения до конца? Было ли это сопротивление действительно реальным сопротивлением, которое подсудимый понимал и должен был понимать как направленное на недопущение наступления событий или он понимал и мог понимать, что ее сопротивление носит скорее символический характер? Вторая часть этого пункта — вопрос, почему подсудимый не довел своего намерения до конца? Может быть, у него не хватило силы преодолеть сопротивление потерпевшей, может быть, ему кто-либо помешал, или, может быть, он добровольно отказался от своего намерения, как это утверждает и притом в категорической форме, сам подсудимый.

Начнем со второго вопроса — почему подсудимый не довел своего намерения до конца? Кто ему в этом помешал? Никто. Мы точно установили, что, когда подсудимый отказался от своего намерения, он поднялся с земли и помог подняться потерпевшей. После того как он помог ей подняться, прошло некоторое время, и неожиданно для них подошел милиционер, а до этого на месте происшествия никого не было. Следовательно, предположение о том, что кто-нибудь помешал, совершенно несостоятельно. Думать, что у подсудимого не хватило сил преодолеть сопротивление потерпевшей, просто наивно. Превосходство физической силы у подсудимого против потерпевшей настолько разительно, что не поддается сравнению.

В начале своей речи я немало уделил внимания вопросу о физической силе подсудимого. Забегая вперед, можно упомянуть, что когда его пытались задержать и доставить в милицию, он шутя раскидал пять человек и только когда подоспел шестой, его удалось доставить в отделение. Сейчас я сказал об этом для того, чтобы оставить всякое сомнение в том, что уж если подсудимый справился с пятью мужчинами, то справиться с одной Ниной было значительно легче.

Итак, совершенно исключается, чтобы подсудимый не осуществил своего замысла по этой причине. Со слов самой потерпевшей мы знаем, что Кадуев прекратил свои попытки после того, как она сказала: «Я — девушка». Почему он решил, что ему не преодолеть сопротивление Нины именно после того, как она ему сообщила о своей невинности? Ясно, что дело не в этом. Предельно ясно, что он прекратил свои попытки, когда убедился, что Нина действительно не хочет того, чего так добивается Олег. Что значит «действительно не хочет», — могут спросить меня. Я готов на это не только ответить, но подробно изложить свою точку зрения, тем более, что я уже раньше упомянул о символическом сопротивлении женщины.

Мог ли подумать подсудимый, что потерпевшая сопротивляется неискренне? Мог ли он подумать, что она сопротивляется в силу скромности, что не она сопротивляется, а сопротивляется ее подсознательное чувство девушки? Мог ли он подумать, что Нина сопротивляется не потому, что она не хочет близости, а потому, что как-то неловко сразу изъявить согласие? Да, подсудимый не только мог, но именно так и думал! Он полагал, что Нина сопротивляется потому, что она стесняется, что, преодолевая ее сопротивление, он помогает ей преодолеть чувство стыдливости. Он считал, что они оба идут к одной цели, но разными путями: он прямым путем — путем инициатора, она — окольным. Пожалуй, иначе он и мыслить не мог.

В самом деле, что должен был бы подумать Олег о Нине, если бы она сразу, без сопротивления, позволила ему овладеть собой? Вот почему он полагал, что она сопротивляется из чувства стыдливости. А имел ли он какие-нибудь основания думать именно так? Не является ли это плодом фантазии? Оснований для этого у подсудимого было более чем достаточно. Мы помним, что еще в первой подворотне Нина говорила Олегу, чтобы он ее не обнимал всячески от него отстранялась, однако не уходила от него, а продолжала следовать до другой подворотни, там повторялась та же история, и опять Нина возражала, но опять не уходила, а шла все дальше и дальше. Может быть, она не имела возможности уйти? Нет, таких возможностей было сколько угодно. Председатель

вующий специально интересовался этим вопросом и выяснил, что если бы Нина хотела уйти от Олега, она могла бы это сделать без каких-либо затруднений. Однако она этого не сделала.

Мог ли считать подсудимый, что и в тех случаях в подворотне возражения Нины были притворными? Мог ли он считать, что в подворотне и в парадном она по-настоящему хотела, чтобы он раз и навсегда окончательно прекратил свои притязания, или он имел основания считать, что это все так, из чувства все той же стыдливости? И, наконец, поцелуй Нины, которым она наградила его под деревом за несколько секунд до начала рокового события. Ведь этот поцелуй жег уста подсудимому. Он понял его как сигнал к началу активных действий и уж никак не мог его расценивать как крайнее выражение протеста!

В самом деле, мог ли Кадуев прекратить дальнейшие попытки, мог ли подумать, что Нина поцеловала его для того, чтобы этим показать, что она вообще не желает иметь с ним дело? Конечно, нет. Следовательно, сопротивление потерпевшей в конкретных условиях данного дела не имеет никакого значения для юридической его квалификации. А добровольный отказ от выполнения намерения Кадуева полностью исключает его виновность».

5. Найдите в отрывке из речи П.А. Дроздова абзац, который может быть преобразован следующим образом:

При наличии у подсудимого О. Кадуева большой физической силы и желании совершить насилие (р), он легко преодолевал сопротивление потерпевшей (q).

Наличие у подсудимого большой физической силы — установленный судом факт (р).

Следовательно...

Сделайте вывод по соответствующему модусу условно-категорического силлогизма. Согласны ли вы с выводом?

Докажите, что рассматриваемые явления связаны зависимостью, характерной для целого класса подобных явлений и что вы рассматриваете лишь частный случай.

6. Используя отрывок из речи П.А. Дроздова, постройте самостоятельно умозаключения по каждому из 4 модусов условно-категорического силлогизма. Объясните и обоснуйте каждое сделанных умозаключений.

б) Доказательство и опровержение

Доводы оратора не всегда оказываются в части речи, имеющей одноименное название. Но доказательство и опровержение находятся в этой части речи всегда; более того, они всегда занимают центральное место¹. Доказательство и опровержение — важнейшие разделы логики. В учебниках логики они подробно излагаются. Здесь доказательство и опровержение рассматриваются как подраздел судебной речи, который входит в раздел «доводы»³. Что касается логической символики и традиционных понятий и обозначений, они будут использоваться. Под «**доказательством**» имеется в виду обоснование истинности какого-либо положения с помощью других истинных и связанных с ним суждений. Под «**опровержением**» понимается логическая операция, устанавливающая ложность или необоснованность какого-либо положения.

Неоднократно отмечалось, что доказательство и опровержение по сути своей — одно и то же. Различие между ними лишь в том, что в одном случае (при доказательстве) обосновывается истинность какого-либо утверждения, а в другом случае (при опровержении) обосновывается его ложность.

¹ Имеются в виду прежде всего речи античных ораторов, в которых части речи полагаются в строгом порядке, что облегчает аналитическую работу. Для учащегося особенности судебного красноречия, целесообразнее начинать именно с них.

² См., например: Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. Гл. X.

³ Излагая вопрос о доводах, мы отмечали, что обычно они не имеют строгой логической формы. Но иногда изложение довода может быть сделано оратором в форме логического доказательства или опровержения. Такой довод надо рассматривать со стороны его логической формы и говорить о нем как о доказательстве или опровержении.

Напомним важнейшие понятия логики, употребляемые при доказательстве и опровержении. **Тезис** — утверждение, истинность которого стремятся обосновать (обозначается буквой Т); **аргументы**, доводы или основания — исходные фактические или теоретические положения, с помощью которых обосновывается тезис (обозначается буквами $A_1, A_2, \dots, A_n$). **Демонстрация**, или логическая связь, устанавливает зависимость между аргументами и тезисом. Логический переход от аргументов к тезису протекает в форме мозаключения. Продемонстрировать — значит показать, что тезис логически следует из аргументов по правилам соответствующих мозаключений.

Итак, тезисом, который доказывает Цицерон, защищая Архия, является утверждение: **Архий является гражданином Рима Г)**¹. Чтобы доказать это утверждение, оратору надо найти аргументы, из которых тезис будет выводиться. Дедуктивное доказательство в судебной речи предпочтительнее всякого другого в силу следующих обстоятельств:

(1) дедуктивное доказательство — самый короткий путь к цели; избрав его, вы бережете время и силы слушателей; (2) дедуктивное доказательство дает достоверное знание, и только такое знание принимается судом к рассмотрению. Простейшим случаем прямого доказательства является простой категорический силлогизм. Все простое требует меньше усилий от слушателей и легче ими усваивается, поэтому схема простого категорического силлогизма чаще других выбирается судебными ораторами.

Посылки простого категорического силлогизма становятся аргументами, а заключение силлогизма — тезисом доказательства. Выведение тезиса из аргументов или демонстрация определяется правилами силлогизма: правила не нарушены — значит, тезис следует из аргументов.

¹ В предыдущих рассуждениях данное утверждение обозначалось буквой р₁. Основывается оно в части речи, называемой повествованием или изложением.

В схематизированном виде доказательство будет выглядеть так:

A₁: Все М есть Р

A₂: Этот S есть М

T: Этот S есть Р

Как отмечалось, доказательство принимает вид умозаключения по первой фигуре простого категорического силлогизма. Большей его посылкой (A₁) является общее утверждение о том, что всякий гражданин союзного с Римом города, выполнивший все требования законов о предоставлении прав римского гражданства (М), является гражданином Рима (Р). Это общее положение, выражающее правовую норму, ни у кого не вызывало возражений, и истинность его признавалась как очевидная. Работа оратора по доказательству сводилась, в основном, к тому, чтобы сделать убедительным для слушателей аргумент A₂. Здесь оратор, прежде всего, должен был обосновать справедливость утверждения: Архий (S) выполнил все требования законов о предоставлении прав римского гражданства (М). Для этого оратор пользуется риторическим определением номер два, или, говоря иначе, описывает основные действия Архия, необходимые для получения прав гражданства. То, что действия эти были выполнены, подтверждается свидетельскими показаниями. Таким образом, устанавливается и истинность второго термина меньшей посылки и, одновременно, проверяется идентичность среднего термина в обеих посылках силлогизма. Итак, в речи в защиту Архия оратор использовал прямое доказательство, и оно было сведено к умозаключению. Посылками умозаключения являются категорические суждения. Обе посылки истинны. Вывод сделан в соответствии с правилами первой фигуры категорического силлогизма. Правила не нарушены. Следовательно, логическая связь между аргументами и тезисом установлена. Тезис доказан.

Однако в части речи, именуемой «доводы», перед оратором стоит другая, не менее важная задача, — опровергнуть доказательство

процессуального противника. Сделав это, оратор докажет, что его вывод не имеет альтернатив: положение дел именно таково, как он утверждает, и не может трактоваться никак иначе.

О противнике Цицерона в этом деле известно только то, что его звали Граттий. Его обвинительная речь до нас не дошла, но схема его обвинительных доводов легко восстанавливается. Граттий строил свое доказательство следующим образом. Архий — рассуждает он — не прошел цензу (p), следовательно, не выполнил своих гражданских обязанностей (q), а если так, то он не является гражданином Рима (r).

Доказательство Граттия можно выразить при помощи следующей логической схемы:

$$A_1: p \rightarrow q; A_2: q \rightarrow r; T: p \rightarrow r; A_1 \wedge A_2 \rightarrow T.$$

В более подробной записи доказательство Граттия может быть написано как чисто условное умозаключение:

$$\frac{(p \rightarrow q) \wedge (q \rightarrow r)}{p \rightarrow r}.$$

Цицерон из утверждений Граттия делает следующее предположение.

В этом деле можно утверждать лишь следующее: (1) Архий справедливо считается гражданином Рима (T), либо (2) Архий получил права гражданства не в соответствии с законом (D), либо (3) Архий не выполнял своих обязанностей как гражданин (E). Других альтернатив нет, следовательно, надо рассмотреть только эти три случая. Утверждения (1) и (2) являются противоречащими: они не могут быть ни одновременно истинными, ни одновременно ложными; если одно из них истинно, то другие обязательно ложно, и наоборот. Необходимо только выяснить, какое из двух является истинным. Что касается третьего утверждения, то Цицерон готов его тоже рассмотреть, но чуть позже, а начинает он со сравнения утверждений (1) и (2).

Цицерон предлагает своему противнику оспорить свой тезис и же делает это за него. Такая операция называется прямым опро-

опровержением тезиса. Есть два противоречащих суждения, одно из которых истинно, а другое ложно. Защитник предлагает считать истинным тезис обвинителя, то есть утверждение (2).

Если утверждение: Архий получил права гражданства не в соответствии с законом — истинно, то из него должны выводиться истинные следствия, не противоречащие фактам, установленным судом. В случае противоречия с фактами, предпочтение отдается им. Тогда следствие, вытекающее из принятого за истинное суждение, как и само суждение, признаются ложными. Логическая схема прямого опровержения следующая:

$$D \rightarrow C; \frac{C \vee F, F}{\neg C}; \frac{D \rightarrow C, \neg C}{\neg D}.$$

Рассмотрим, как данная логическая схема используется оратором.

Процедура получения гражданства предполагает выполнение следующих действий:

- (а) соискатель должен быть гражданином союзного с Римом города;
- (б) должен жить в Риме в течение многих лет;
- (в) должен подать заявление и оформить его в установленный срок.

Ничего другого не требуется.

Если допустить, что Архий получил права гражданства не в соответствии с законом (D), то он должен нарушить одно из этих требований, либо какие-то два из них, либо все три. Допустим, что он нарушил требование (а). Тогда следствием, вытекающим из принятого за истинное утверждение (D), будет следующее: Архий не является гражданином Гераклеи (C₁). Из (D) следует (C₁): D → C₁. Граттий так и утверждает, ссылаясь на то, что Архия нет в списке граждан Гераклеи. Но списка граждан Гераклеи вообще не существует: он уничтожен пожаром. Вместо списка есть свидетельства представителей городской общины и Марка Лукулла, которые

утверждают: Архий является гражданином Гераклеи (F_1). Таким образом, C_1 противоречит F_1 , а раз F_1 признается судом как истинное утверждение, то C_1 надо признать ложным:

$$\frac{C_1 \vee F_1, F_1}{\neg C_1}$$

Из ложности утверждения C_1 следует ложность D :

$$\frac{D \rightarrow C_1, \neg C_1}{\neg D}$$

Утверждение о том, что Архий имеет свой дом в Риме и живет там много лет, не подвергается Граттием сомнению и не оспаривается. Но если бы оно оспаривалось, то опровержение выглядело бы точно так же. Вначале допускается истинность утверждение Граттия: Архий получил права гражданства не в соответствии с законом (D). Из этого утверждения выводится следствие: Архий не живет в Риме в течение многих лет (C_2). Следствие сравнивается с фактом:

$$\frac{C_2 \vee F_2, F_2}{\neg C_2}$$

Поскольку истинность факта многолетнего проживания Архия в Риме не вызывает сомнений, то опровергается следствие (C_2) и снова опровергается утверждение Граттия:

$$\frac{D \rightarrow C_2, \neg C_2}{\neg D}$$

Остается проверить последнее предположение: Архий должен был подать заявление о желании стать гражданином Рима и оформить его в установленный срок. Здесь Цицерон снова как бы признает истинность утверждения Граттия: Архий получил права гражданства не в соответствии с законом (D). Из него выводится следствие: Архий не подал заявления, выражающего его желание стать гражданином Рима, и не оформил его в установленный законом

срок (C_3). C_3 опровергается свидетельством Квинта Метелла, который был в то время претором и потому принял и оформил заявление Архия (F_3). Таким образом, теоретическое следствие C_3 противоречит установленному судом факту F_3 :

$$\frac{C_3 \vee F_3, F_3}{\neg C_3}$$

Предпочтение отдается факту, а теоретическое предположение должно быть признано ложным. Тезис Граттия снова опровергнут.

Видимо, у Граттия были еще какие-то доводы, с помощью которых он пытался обосновать свою точку зрения. С такой позицией обвинения каждому, по-видимому, приходилось встречаться даже в житейских спорах: противник просто громоздит обвинения. Вы опровергаете одни, он выдвигает новые. Так может продолжаться очень долго, если не будет показано, что опровергать или доказывать нужно только небольшое количество обвинений, а все остальные не имеют логического смысла, поскольку нечего не могут изменить в сути доказательства или опровержения. Такое суммирующее подведение итогов в споре выполняется с помощью метода полной индукции и имеет ярко выраженный демонстративный характер. Полная индукция дополняет дедуктивное прямое опровержение тезиса и делает дедуктивное рассуждение наглядным и очевидным.

В данном случае Цицерон утверждает следующее: для получения прав римского гражданства необходимо и достаточно правильно выполнить только следующие действия: а) быть гражданином союзного с Римом города; б) жить в Риме; в) в шестидесятидневный срок со дня выхода закона о новых правилах получения гражданства, подать заявление претору Рима. Все это было сделано Ахией, и сделано правильно. Ничего другого делать не нужно. Таким образом, все другие обвинения Граттия, касающиеся действия Архия, не имеют отношения к делу и не должны приниматься внимание. Приведем логическую схему умозаключения полной индукции, которой пользовался Цицерон:

S_1 — гражданин союзного с Римом города.
 S_2 — проживание в Риме в течение многих лет.
 S_3 — подача заявления претору и оформление его в установленный срок.

P — правильно выполненные действия.

K — класс необходимых и достаточных действий для приобретения римского гражданства.

S_1 имеет признак P

S_2 имеет признак P

S_3 имеет признак P

S_1, S_2, S_3 составляют класс K .

Всем элементам класса K присущ признак P .

С помощью полной индукции защитник наглядно показал, что утверждение обвинения: Архий получил права гражданства не в соответствии с законом (D) — является ложным, а утверждение: Архий справедливо считается гражданином Рима (T) — истинным. Утверждение (D) опровергнуто, утверждение (T) доказано. Теперь оратор обращается к другому утверждению обвинения: Архий не выполнял свои обязанности как гражданин (E). Этот последний тезис Граттий выводил, как из основания, из утверждения: Архий не прошел ценза. Цицерон не оспаривает факта непрохождения ценза Архием, а указывает, что сам факт непрохождения ценза не является основанием, из которого может быть несомненно выведено утверждение (E). На языке логики это называется критикой демонстрации. Защитник показывает, что в рассуждениях обвинителя нет логической связи между основанием (не проходил ценза) и следствием (не выполнял своих гражданских обязанностей). Одновременно с критикой, указывающей на необоснованность утверждения Граттия, Цицерон формулирует собственный тезис: Архий выполнял свои гражданские обязанности, — который является утверждением, противоречащим утверждению Граттия. Свой тезис Цицерон тут же и доказывает. Доказательство тезиса, сформулированного защитником, показывает сразу и несостоятельность демонстрации в рассуждениях обвинения,

и сомнительность самих аргументов, использовавшихся Граттием при обосновании тезиса: Архий не является гражданином Рима.

Вернемся еще раз к аргументам Граттия. A_1 : Архий не прошел цензу (p), следовательно, он не выполнял своих гражданских обязанностей (q). A_1 : $p \rightarrow q$. Утверждения p и q не являются основанием и следствием. Одно не следует из другого. Архий не прошел цензу, но он в это время выполнял свои гражданские обязанности так как находился во время проведения цензу в зоне военных действий и его имя даже названо среди тех, кто заслуживает награды. Архий выполнял свои обязанности гражданина и в мирное время составлял завещание и получал наследство. Это подтверждает, что он и тогда считался гражданином. Отсюда следует, что и второй аргумент Граттия не является истинным. A_2 : Архий не выполнял своих обязанностей (q), следовательно, он не является гражданином (r). В символической записи: A_2 : $q \rightarrow r$ ¹.

Доказательство Цицероном тезиса, противоречащего утверждению Граттия, теперь кажется совершенно очевидным. Оно может быть выражено в форме условно-категорического умозаключения

A_1 : $p \rightarrow q$	Если человек получил права гражданства в соответствии с требованиями закона и после этого выполняет свои гражданские обязанности (p), он по праву является гражданином Рима (q).
A_2 : p	Архий получил права гражданства в соответствии с требованиями закона, и после этого он <u>выполняет свои гражданские обязанности (p)</u> .
T : q	Он по праву является гражданином Рима (q).

¹ Обращаем внимание читателей на следующий момент. Утверждение: Архий после получения права гражданства выполнял свои гражданские обязанности — доказывалось Цицероном с помощью обращения к фактам. На языке риторики это сказывалось вроде: (1) Архий выполнял свои обязанности гражданина в военное время так, что был представлен к награде; (2) в мирное время он выполнял свои обязанности гражданина; — называются доводами от нравственных обстоятельств рассматриваемого дела. Такие доводы и использует Цицерон для доказательства своего тезиса.

Умозаключение сделано по правильному модусу условно-категорического силлогизма:

$$\frac{p \rightarrow q, p}{q},$$

который всегда дает достоверное знание.

Доказав свой тезис, Цицерон опроверг утверждение (Е), сделанное Граттием: Архий не выполнял своих обязанностей гражданина.

Итак, из трех возможных в качестве вывода утверждений по данному делу одно доказано, а два опровергнуты:

Т: Архий по праву является гражданином Рима (доказано).

Д: Архий несправедливо получил права гражданства (опровергнуто).

Е: Архий не выполнял своих гражданских обязанностей (опровергнуто).

Возможны были лишь три альтернативы. Осталась одна:

$$\frac{\langle T \vee D \vee E \rangle, \neg D, \neg E}{T}.$$

Цицерон доказал свой тезис и прямо, и косвенно. Доказательство сочеталось с опровержением утверждений противника.

РЕЗЮМЕ

1. Доказательство и опровержение входят как необходимая часть в раздел судебной речи, называемый «доводы»; под термином «довод» имеется в виду всякое утверждение, которое, как из нования, выводится из другого утверждения. Обычно довод не имеет строгой логической формы, но в том случае, когда он ее имеет, он становится доказательством или опровержением.

2. Под доказательством имеется в виду обоснование истинности какого-либо положения с помощью других, истинных и связанных с ним суждений.

Под опровержением имеется в виду логическая операция, уста-

навливающая ложность или необоснованность какого-либо положения.

По сути своей доказательство и опровержение — одно и то же. Разница между ними лишь в том, что в одном случае (при доказательстве) обосновывается истинность какого-либо утверждения, а в другом случае (при опровержении) обосновывается его ложность.

ТЕРМИНЫ

Довод

Доказательство

Опровержение

Тезис

Аргументы

Демонстрация

УЧЕБНОЕ ЗАДАНИЕ

1. В отрывке из речи адвоката И.М. Кисенишского найдите тезис, доводы, доказательство и опровержение.

«Какие доказательства выдвигает обвинение в обоснование своего вывода о виновности Давитая, есть ли в деле данные о том, что именно им было совершено это дикое и ничем не оправданное убийство?

Обвинительное заключение по этому делу построено так: онс механически перечисляет показания всех без исключения свидетелей, и вне зависимости от того, имеют ли эти показания отношения к делу, уличают или не уличают они обвиняемого, — показания эти, без сколько-нибудь серьезного аналитического разбора, приводятся в качестве доказательства якобы «виновности» обвиняемого.

Создается впечатление, что автора обвинения не заботит сам содержание показаний свидетелей, их действительное доказательственное значение, их относимость к доказательственному факту.

Имеет значение совсем другое — стремление представить любое показание свидетеля как доказательство виновности Давитая

стоит задача создать видимость наличия таких доказательств. Не важно, одним словом, что показал тот или иной свидетель, видел или не видел он событие, имеет ли отношение это показание к криминальному факту. Важно представить или истолковать показание свидетеля таким образом, чтобы создать иллюзию его относимости к делу, видимость его значения для обоснования вины. Именно так подходит обвинение к обоснованию вины Давитая.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько конкретных примеров того, что в данном случае применяется именно такая «методика». Так, следствие приводит в качестве доказательства вины Давитая показания Щербакова, уличающего якобы его в преступлении.

Между тем при любой трактовке показаний этого свидетеля, данных им на следствии и в суде, можно сделать один лишь вывод — показания свидетеля Щербакова объективно не уличают Давитая, не могут быть использованы для его обвинения.

Щербаков, как вы помните, прямо сказал: «Кто подходил с ведром, я не помню, я лично опознать Давитая не могу. Я лично не видел, чтобы кто-либо плеснул бензином, я не видел, чтобы кто-либо кого-то поджег».

Как видите, свидетель Щербаков не является свидетелем криминального факта, его показания при всех условиях не могут быть положены в основу обвинения, они, как говорят, «нейтральны по отношению к событию», не имеют процессуально-доказательственного значения.

Возьмите показания Терентьева, на которые также ссылаются следствие и обвинение в обоснование виновности Давитая.

Показания этого свидетеля несколько специфичны, неоднородны. Терентьев в настоящее время категорически отрицает правильность своих первоначальных показаний, утверждает, что не давал в том виде, как они записаны следователем, что «подписал протокол, не читая его». Но ведь уже на двух судебных процессах Терентьев категорически утверждал: «Я лично не видел, чтобы Давитая плеснул бензин из ведра на машину или на другого человека. Я лично не видел, чтобы Давитая кого-то поджег».

Чрезвычайно важны, в этой связи, показания свидетеля Гевондяна, который, по версии следствия, был якобы непосредственным свидетелем события.

Гевондян действительно говорил на следствии, что был свидетелем того, как Маркарян за что-то ударил Давитая и от этого удара разлился бензин из имеющегося у него в руках ведра, попав на одежду и тело Маркаряна.

На обоих судебных процессах скрупулезно проверялись и уточнялись показания Гевондяна, выяснялись подробности и обстоятельства этого инцидента.

Что же показал Гевондян по существенным обстоятельствам этого события?

На первом процессе он сказал: «Первым ударил Маркарян. После этого удара выплеснулось ведро». Вопрос: «Что Вы понимаете под словом «выплеснулось», считаете ли Вы, что Давитая плеснул бензин нарочно, что затем — поджег?» Ответ: «Я видел, как выплеснулась жидкость из ведра, но я не утверждаю, что Давитая нарочно плеснул бензин. Я не видел и не знаю, кто поджег».

На нашем судебном процессе Гевондян показал также достаточно определенно: «Сам факт видел так. Давитая с ведром подошел к Маркаряну, и тот его ударил. Жидкость из ведра выплеснулась на Маркаряна. Я лично не видел, чтобы Давитая поджег Маркаряна».

Попытались уточнить этот инцидент, конкретизировать вопрос: «Одно дело — «выплеснулся» бензин, другое дело — «плеснул бензин из ведра» — это разные вещи. Как же все-таки было?» Ответ на этот раз был однозначен: «Сейчас могу сказать точно: бензин выплеснулся после удара Маркаряна».

Показания Гевондяна — специфический источник доказательств. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что он — работник милиции, был, возможно, профессионально заинтересован в поддержании версии следствия, что он, будучи другом Маркаряна, хотел в то же время поддержать как-то версию отца.

Быть может, этим объясняются его первоначальные и ныне сохранившиеся показания о нахождении ведра с бензином в руках якобы Давитая.

Но ведь при всем этом Гевондян говорил и говорит, что произошло все это непроизвольно, он отрицает версию следствия, отрицает преднамеренные действия Давитая по поджогу Маркаряна, объясняет все это неблагоприятным стечением обстоятельств, результатом несчастного случая!

Четко сказал Гевондян и о том, что сам потерпевший не говорил, кто действительный виновник этого несчастия, что все-таки служило причиной случившейся беды: «Я видел Мисака и в 39-й льнице, и в ГИТО. Я спрашивал его — кто его поджег. Но он мне этого не сказал, хотя я спрашивал».

Приводит следствие и показания других свидетелей — Мухина, Ймана, Чернова, Захарова, Бизяева и других.

Я объединяю в данном случае всех вышеперечисленных свидетелей, ибо все эти показания практически идентичны, ни один из них не был свидетелем факта преступления, не видел инцидента, не может судить о причастности Давитая к происшедшему.

Нейман: «Я не могу сказать, как облили и подожгли человека, я этого не видел, говорил об этом с чужих слов. Давитая я вообще узнать не могу».

Чернов: «Что произошло, почему загорелся человек — я не знаю, ходили разные слухи. Самого Давитая я опознать не могу, мне кажется, что тот человек был постарше лет на десять».

Мухин: «Я не был свидетелем того, как кто-то обливал или жигал человека, я этого не видел. Я не узнаю в Давитая того человека, который открыл капот и сливал бензин в ведро. Тот мужчина был вроде без усов».

Кстати, на первом процессе Мухин также говорил: «Я не видел, как обливали человека, и не видел, кто и как его поджигал. Обвинение серьезное, а когда я не уверен — я не говорю».

Захаров: «Свидетелем самого факта загорания я не был. Я также видел человека, который сливал бензин. Потом я интересовался, толком мне никто ничего не сказал, все говорили по-разному. Я думаю, что могли быть разные варианты, могло быть и самозаго-

ание. Но я не видел, как это произошло, меня вызвали на допрос через год после случившегося».

Бизяев: «Я могу сказать только со слов. Я драки не видел, были только разговоры. Лично я не знаю, как и отчего загорелся человек».

Особого внимания заслуживают показания свидетеля Кирия, которого следствие выдвигает в качестве важного свидетеля виновности Давитая, ибо он «был свидетелем ссоры Маркаряна и Давитая по поводу долга в 200 руб. и якобы слышал о поджоге Давитая от брата потерпевшего — Норики Маркаряна».

Между тем Кирия четко показал: «Я не видел, как все это произошло, я не верю, что подожгли Маркаряна. Я знаю, что он сам говорил врачам, что загорелся по своей неосторожности. Я ве Маркаряна в больницу. По дороге он ничего не говорил. Я спросил «Что с тобой случилось?» Он сказал: «Все глупо, потом». Он не сказал, в чем выразилась эта глупость».

Так выглядят показания свидетелей по настоящему делу, ли достоверность и объективность показаний которых не может вызвать сколько-нибудь серьезных сомнений.

Анализ этих показаний, данных этими свидетелями на следствии и на двух судебных процессах, позволяет сделать следующие выводы:

1. По делу нет ни единого свидетеля, который прямо или косвенно подтверждал бы факт виновности Давитая, говорил бы о его непосредственной причастности к трагическому инциденту.

2. Вывод следствия и обвинения о доказанности виновности Давитая в убийстве потерпевшего свидетельскими показаниями является несостоятельным выводом, основанным на тенденциозной вольной трактовке показаний допрашиваемых по делу лиц»¹.

¹ Кисеницкий И.М. Судебные речи по уголовным делам (процессы, защита, законность). М.: Творческое объединение «Подмосковье». 1991. С. 76—79.

в). Расположение доводов¹

Убедительность доводов зависит и от порядка, в каком они будут расположены. Античные ораторы считали, что убедительность и сила речи должны увеличиваться по мере того, как оратор приближается к концу изложения. Исходя из этого, некоторые ораторы полагали необходимым начинать со слабых доводов, а затем постепенно переходить к более сильным. Против такого подхода к расположению доводов возражали Цицерон и Квинтилиан. С их точки зрения, начинать данную часть речи надо сильнейшими доводами. Действительно, нельзя ожидать успеха от выступления, если вы с самого начала не произведете соответствующего впечатления на слушателей. Используя сильнейшие доводы в начале, оратор вызовет к себе и доверие судьи, и, кроме того, получит возможность повторить их в продолжении речи. Повторение поможет слушателям лучше их запомнить. Заканчивать эту часть речи античные мастера красноречия также советуют сильнейшими доводами, но уже разъяснив и доказав их. Такое окончание речи подготавливает судью к вынесению благоприятного для оратора приговора.

Не очень сильные доводы следует помещать в середине этой части речи. При этом располагать их надо так, чтобы они взаимно объясняли, подкрепляли и усиливали друг друга. Квинтилиан приводит убедительный пример, иллюстрирующий данное положение. Оратору надо было выступать против человека, обвинявшегося в убийстве одного из своих родственников, наследником которого являлся подсудимый. Прямых улик не было. Но оратор располагал следующими доводами: (1) подсудимый ожидал наследства, и наследства значи-

¹ Вопрос о расположении доводов античные ораторы не относили к изобретению, а включали в другую часть риторики, которую они называли «**расположение**». Мы отступили от общепринятой традиции и излагаем вопрос о расположении доводов в главе об изобретении потому, что хотим завершить изложение данного вопроса. Разрывать изложение, потом предлагать читателю вернуться к данному вопросу еще раз представляется нам методически неоправданным.

тельного; (2) последнее время он жил в крайней нужде, и ему постоянно угрожали кредиторы; (3) он оскорбил своего отца и даже не надеялся получить от него наследства. Все эти доводы, взятые порознь, не сильны, но соединенные вместе, они поражают.

Готовя речь, оратор должен внимательно разобрать и взвесить каждый из имеющихся у него доводов. Надо отбросить все сомнительные, оставив только самые надежные. Так, Квинтилиан, а вслед за ним многие знаменитые судебные ораторы более позднего времени, даже ораторы XVII—XX веков, советовали не приводить в речи те доводы, выводы из которых могут быть использованы к обоюдной пользе борющихся в суде процессуальных противников. Оставшиеся доводы надо объединить в непротиворечивую систему, которая позволяла бы полностью объяснить разбираемое дело. Порой оратор, в надежде убедительнее доказать свой тезис, стремится искусственно увеличить число своих доводов. Поддавшись такому желанию, можно впасть в ошибку, именуемую «**чрезмерным доказательством**». Суть этой ошибки в том, что, незаметно для себя, оратор использует доводы, противоречащие друг другу. Поэтому лучше использовать при доказательстве небольшое число доводов, которые были предварительно обдуманы.

Отобранные сильные и убедительные доводы оратор может распространить, представив их в виде особых отдельных рассуждений. Заслуживающий внимания пример распространения отдельного довода находим в речи Цицерона «В защиту Тита Анния Милона». Довод взят из обстоятельств времени.

Милон был в числе кандидатов в консулы, а Клодий убит за несколько дней до выборов. Оратор спрашивает, можно ли предположить, что кандидат в консулы накануне выборов решится на преднамеренное убийство, чем, конечно, оттолкнет от себя народ, расположение которого ему в данное время так необходимо? Довод кажется убедительным. И оратор подробно на нем останавливается живописно передавая чувства, испытываемые кандидатом на консульскую должность накануне выборов.

(XVI) «Итак, того, кого Милон не захотел убить в ту пору, когда он снискал бы за это всеобщее одобрение, он захотел убить теперь, когда кое-кто этим недоволен; того, кого он не решился убить по праву, в подходящем месте, вовремя, безнаказанно, он, не колеблясь, убил в нарушение права, в неподходящем месте, не вовремя, с опасностью утратить гражданские права? (42) Это тем более невозможно, что борьба за наивысшую почетную должность, судьи, и день комиций¹ были близки; а в это время (ведь я знаю, какую робость испытывают честолюбцы и как безмерно волнуется тот, кто жаждет консульства) мы боимся всего — не только открытого порицания, но даже тайных мыслей; мы страшимся слухов, пустых рассказов, выдумок, следим за выражением лица и глаз у всех граждан. Ведь нет ничего столь непрочного, столь нежного, столь хрупкого и шаткого, как расположение к нам и настроение граждан, которых раздражает не только бесчестность кандидатов. Более того, граждане досадуют даже на их достойные поступки. (43) И что же, неужели Милон, уже видя перед собой этот вождельный и желанный день выборов, был готов прийти на священные авспиции² центурий с окровавленными руками, представляя напоказ свое преступное деяние и признаваясь в нем? Сколь невероятно такое подозрение, когда оно касается Милона...»

Следует предупредить читателя: распространяя довод, доказательство или опровержение, оратор должен исходить из основной задачи, которую он поставил перед собой, готовя данную речь. Если распространение помогает добиться поставленной цели, его надо использовать; в противном случае от распространения следует отказаться. Излишнее распространение доказательств не усиливает, а ослабляет действие речи. Часто короткий, но энергичный довод может произвести более сильное впечатление, чем обширное, но вялое его распространение. Распространение бывает необходимо, когда оратор стремится

¹ *Комиции* в Древнем Риме — собрание граждан для решения важных государственных вопросов.

² Официальные акты требовали предварительных *авгурий*, или *авспиций*, т.е. вопрошения воли богов.

воздействовать на чувства слушателей или полнее раскрыть какие-то важные для рассматриваемого дела переживания человека.

УЧЕБНОЕ ЗАДАНИЕ

Внимательно прочитайте отрывок из речи адвоката И.М. Кисенишского в защиту Давитая¹, а затем самостоятельно расположите доводы так, чтобы самые сильные оказались в начале и в конце речи, а слабые между ними.

4. Патетическая часть

Главная задача судебной речи — изложение существа разбираемого дела и приложение закона к рассматриваемым обстоятельствам. Судебный оратор не может выйти за пределы указанных ему границ; он должен постоянно сравнивать обсуждаемое деяние с буквой закона. Он обсуждает вопрос о том, что справедливо и законно, и что — нет, поэтому он должен стремиться воздействовать более на разум, чем на чувства слушателей. Кроме того, речь судебного оратора адресована прежде всего судье, человеку, знающему законодательство; каждое слово оратора он взвешивает. Это еще один довод в пользу обращения к разуму, а не к чувствам. Поэтому, прежде чем включать в свою речь патетическую часть, оратор должен подумать: а нужна ли она вообще в данном случае? Если нужна, то в каком месте речи она окажет сильнейшее воздействие?

Обычно ораторы исходят из того, что патетическая часть следует за доводами. Когда слушатели убеждены в справедливости приведенных доказательств, они легче поддаются воздействию чувств. Современные судебные ораторы не всегда рассматривают патетическую часть как обязательную, необходимую и самостоятельную часть судебной речи, поэтому патетическая часть очень часто становится частью заключения. Действительно, если оратор убедил

¹ См.: С. 249—253.

слушателей, раскрыв истину, и вызвал у них сочувствие, побуждающее их склониться к его точке зрения, — на этом судебный оратор может остановиться.

Античные ораторы, стремившиеся все привести в систему, подробно описывали каждую человеческую страсть¹; искали причины их появления, изучали механизмы их действия, а также обстоятельства, при которых каждая из страстей может проявиться. В качестве примера сошлемся на «Риторику» Аристотеля. Эта работа поможет начинающему оратору в плане знакомства с принципами классификации, наблюдения и описания многих человеческих переживаний и страстей. Но вряд ли она способна научить искусству трогать сердце и увлекать слушателей собственными переживаниями.

Когда говорят об умении передавать чувства слушателям, то обычно имеют в виду, во-первых, с большой художественной силой написанный текст, а во-вторых, — артистический талант исполнителя, сумевшего прочувствовать и передать все оттенки написанного. От обыкновенного судебного оратора не требуется подобных талантов. Однако работать и совершенствовать свои навы-

¹ При использовании терминов «эмоции» и «чувства» мы исходили из той трактовки этих понятий, которая была разработана психологами школы Л.С. Выготского. Термин «эмоции» понимается как реакция человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей. Эмоции имеют ярко выраженную субъективную окраску, охватывают все виды чувствительности и переживаний, связаны с удовлетворением или неудовлетворением различных потребностей организма.

Дифференцированные и устойчивые эмоции, возникающие на основе социальных потребностей человека, — чувства. При употреблении термина «страсти» имеются в виду психологические процессы, в обыденном языке выражаемые словами: «порыв», или «влечение», или «необузданное неразумное желание». Страстный человек — это такой, в котором чувства преобладают над рассудком. Как отмечал еще Аристотель: «Страсти — все то, под влиянием чего люди изменяют свои разумные решения и с чем сопряжено чувство удовольствия или неудовольствия, как, например, гнев, сострадание, страх и все им подобные и противоположные им чувства» (*Аристотель. Риторика. Кн. II. Гл. I. С. 78. СПб. 1894*).

ки в этой области он обязан. Чтобы работа приносила плоды, нужно изучать страсти. Для этого надо наблюдать за людьми, охваченными тем или иным чувством, и записывать их речь. Первоначальные заметки потом обязательно обрабатываются и систематизируются. Немалую помощь окажет оратору изучение художественной литературы, прежде всего трагедий. Надо включать в работу воображение и пытаться выразить слова, поступки и чувства человека охваченного какой-либо страстью. Но все это, так сказать, подготовительный, черновой материал, который используется лишь как средство для развития способностей оратора в нужном направлении. То, чего он достигнет, определяется, во-первых, его талантом а во-вторых, тем, сколько времени и сил он уделит данной работе.

В судебной речи, воздействуя на чувства слушателей — независимо от уровня мастерства, — оратор должен соблюдать несколько несложных, но методически важных правил. Первое и важнейшее из них: оратор никогда не должен пытаться увлечь аудиторию теми чувствами, которых он сам не испытывает. Чувства заразительны. Они передаются от оратора к аудитории: если оратор ничего не испытывает, то ему нечего передать слушателям.

Правило второе. В патетической части речи не должно быть ни «холодных» описаний, ни отступлений — все это ослабляет действие чувств. Язык страсти всегда прост, в нем нет никакой искусственной изысканности, нет украшательства. Человек, охваченный страстью, не отвлекается, он занят только тем, чтобы передать охватившее его чувство с наибольшей полнотой и выразительностью.

Наконец, третье, и последнее. Страстная часть речи не должна быть длинной: живые и сильные движения чувств непродолжительны. Поэтому после немногих выражений, передающих во всей полноте испытываемые оратором чувства, надо постараться вернуться опять к спокойному тону. Сделать это надо естественно, без резкого перепада в выражениях и в тоне. Делая так, оратор может говорить о тех же чувствах, но сдержаннее.

Следует иметь в виду, что даже самые сильные чувства в речи

судебного оратора не должны казаться чрезмерными и неестественными. Это уже крайность, которая вызовет не сочувствие, а смех.

Во время работы над формой выражения той или иной человеческой страсти оратору необходимо задать себе вопрос: до какой степени передача данных чувств может тронуть сердце слушателей? В этом плане не надо ставить перед собой чрезмерных задач; переступая границы возможного и допустимого, оратор уничтожит произведенное впечатление.

Патетическая часть речи Цицерона в защиту Архия вряд ли будет служить хорошим примером передачи пафоса судебного оратора, поскольку главной ее темой является прославление занятий науками, поэзией и литературой. Рассмотрим пример из последней речи Цицерона «Против Верреса» («О казнях»). Оратор говорит о жестокости Верреса, бывшего правителя Сицилии, по отношению к римскому гражданину Гавию. Описывать этот случай оратор начинает с нарочитой простотой. Он даже предупреждает слушателей, что только перескажет фактологическую сторону событий.

Этот Гавий, как и многие богатые римские граждане, попавшие в Сицилию, был заключен в тюрьму, в которой предшественники Верреса содержали беглых рабов. Каким-то образом он из тюрьмы сбежал. Уже собираясь отплыть из Сицилии, имел неосторожность жаловаться и угрожать Верресу, говоря, что лишь только он прибудет в Рим, Веррес услышит о нем и должен будет ответить за свои действия. Местные чиновники задержали Гавия и передали Верресу.

(161) «Веррес выразил властям свою благодарность и похвалил их за благожелательное отношение к нему и бдительность. Сам он, вне себя от преступной ярости, пришел на форум; его глаза горели; все его лицо дышало бешенством; все ждали, до чего он дойдет и что станет делать, как вдруг он приказывает притащить Гавия сюда, раздеть его посреди форума, привязать к столбу и приготовить розги. Несчастный кричал, что он — римский гражданин из муниципия Консы, что он служил под началом Луция Реция, известнейшего римского всадника, который ведет дела в Панорме и может подтвердить это Верресу. Тогда Веррес заявил, что, по его сведениям, Гавий

послан в Сицилию предводителями беглых рабов как соглядата между тем ни доноса, ни каких бы то ни было признаков подобно дела, ни подозрений не имелось. Затем он приказал всем ликторам сечь Гавия без всякой пощады. (162) В Мессане посреди форума, с дыи, секли розгами римского гражданина, но, несмотря на все страдания, не было слышно ни одного стога этого несчастного и скво свист розог слышались только слова: «Я — римский гражданин. Этим напоминанием о своих гражданских правах он думал отвлечь от себя удары розог и избавиться от распятия на кресте. Но е не только не удалось добиться этим прекращения порки, но в время, как он усиленно умолял и продолжал взывать к правам римского гражданина, ему уже готовили крест, повторяю, крест для этого несчастного и замученного человека, никогда ранее не видевшего этого омерзительного орудия казни.

(LXIII, 163) О, сладкое имя свободы! О, великое право наших гражданства! О, Порциев закон, о, Семпрониевы законы! О, возведенная власть народных трибунов, наконец возвращенная римскому плебсу! Так ли низко пали все эти установления, что римского гражданина в провинции римского народа, в союзном городе можно на форуме связать и подвергнуть порке розгами по приказанию человека, получившего связки и секиры в знак милости римского рода? Как? Когда разводили огонь и приготавливали раскаленное лезо и другие орудия пытки, тебя не заставили опомниться если отчаянные мольбы и страдальческие возгласы твоей жертвы, то ты бы плач и горестные сетования римских граждан? И ты осилился распять человека, называвшего себя римским гражданином.

(LXVI, 169) Но зачем мне продолжать говорить о Гавии, слы ты только Гавию гибель принес, а имени наших граждан, всем и целом и их правам врагом не был? Не ему, повторяю, был ты другом, но общему делу свободы. В самом деле, когда мамерцы, согласно своему обычаю и правилу, стали вдруг водрузить крест за городом, на Помпеевой дороге, зачем понадобилось приказывать, чтобы его водрузили на той части ее, которая сшита к проливу, и прибавлять то, что ты во всеуслышание скази

присутствии всех и чего ты никак не можешь отрицать: ты выбираешь место для того, чтобы Гавий, умирая в страданиях и мучениях, понял, что между рабским состоянием и правами свободного гражданина лежит только узкий пролив, и чтобы Италия видела, что ее питомец подвергнут жесточайшей и позорнейшей казни, предназначенной для рабов. (170) Заковать римского гражданина — преступление; подвергнуть его сечению розгами — злодеяние; убить его, — можно сказать, братоубийство, как же назвать мне распятие его? Столь нечестивому поступку нет названия».

Все обстоятельства, здесь представленные, возбуждают сострадание к Гавию и ненависть к Верресу. Слог прост. Страстные восклицания и воззвания к законам и правам римского гражданина — все это истинный язык страсти. Кажется, что оратор довел аудиторию до высшей точки допустимого возбуждения и здесь ему следует остановиться, но он увлекается и ставит перед собой задачу неисполнимую — направить против Верреса не только чувства слушателей, но восстановить против преступника всю природу. Такое чрезмерное стремление следует считать неудачей; слишком сильное преувеличение страстей не усиливает, а ослабляет впечатление от сказанного оратором.

(LXVII, 171) «Если бы я захотел скорбеть об этом событии и оплакивать его не в присутствии римских граждан, тех или иных друзей нашего государства, людей, слышавших имя римского народа, наконец, если бы я обращался не к людям, а к диким зверям или даже — чтобы пойти дальше — если бы я в глубине пустынь обратился к скалам и утесам, то даже вся немая и неодушевленная природа была бы потрясена такой страшной, такой возмутительной жестокостью».

Здесь уже не слышится страсть, а видна искусственность построения речи. Вместо реальных чувств — риторические фигуры: олицетворение и гипербола. Фигуры эти могут нравиться или не нравиться, но они не могут волновать: вместо картины, трогающей сердце, появляется описание, требующее работы воображения. Несмотря на все уважение, испытываемое нами к величайшему оратору, приходится сказать, что последнее место неестественно.

РЕЗЮМЕ

1. Пытаясь воздействовать на чувства слушателей, оратор должен иметь в виду: чувства заразительны, и человек может передать свои чувства аудитории только в том случае, когда испытывает их сам. Поэтому никогда не надо пытаться вызвать у слушателей те чувства, которых сам не испытываешь.

2. Язык чувств всегда прост; в нем нет никакой искусственной изысканности, нет украшения. Отступления, описания и украшения — все это ослабляет воздействие на чувства слушателей.

3. Страстная часть речи не должна быть длинной: живые и сильные движения чувств непродолжительны. Поэтому после немногих выражений, передающих во всей полноте испытываемые оратором чувства, нужно постараться вернуться опять к спокойному тону. Сделать это надо естественно, без резкого перепада в выражениях и в тоне, говоря о тех же чувствах, но сдержаннее.

Следует иметь в виду, что даже самые сильные чувства в речи судебного оратора не должны казаться чрезмерными и неестественными.

Работая над формой выражения той или иной человеческой страсти, оратор должен задать себе вопрос: до какой степени передача данных чувств может тронуть сердца слушателей? И здесь надо ставить перед собой чрезмерных задач.

ТЕРМИНЫ

Патетическая часть судебной речи

УЧЕБНОЕ ЗАДАНИЕ

Прочитайте еще раз отрывок из речи адвоката И.М. Киснишского в защиту Давитая¹, а затем, выбрав любой из доводов оратора, попробуйте усилить его с помощью средств патетики.

¹ См.: С. 249—253.

5. Заключение

Заключение — последняя по порядку, но очень значимая часть судебной речи. Обычно здесь или кратко повторяется суть всего сказанного в других частях речи, или выводятся следствия из доказанного тезиса, либо оратор старается, воздействуя на чувства слушателей, увеличить силу своих доводов. Какое из трех видов заключения выберет оратор — это зависит от конкретных особенностей разбираемого дела.

Обычно следствия из доказанного тезиса выводит обвинитель, особенно, если считает данное дело в каком-то смысле поучительным. Такое заключение производит желаемое действие, если следствия выводятся без торопливости, постепенно, и если следствия пронизаны теми же чувствами, которые проходили через всю речь. Ораторы, начинающие в заключении говорить о чем-то новом и неожиданном для слушателей, отвлекают их внимание от всего сказанного раньше и потому ослабляют действие своих слов.

Иногда в заключении кратко повторяется суть того, о чем говорилось в предыдущих частях речи. Делается это с целью восстановить в памяти слушателей основные доводы оратора. Такой вид заключения используется обычно в речах сложных, основная задача которых — воздействие на разум, а не на чувства слушателей. В таком заключении доводы излагаются в сжатом виде. Оратор совсем не обязан повторять свою речь еще раз.

В речах, требующих не только воздействия на разум, но и на чувства слушателей, то есть в речах убеждающих, заключение должно быть патетическим: убежденность и сила чувств оратора увеличивают силу его рациональных доводов.

Самое главное для всех видов заключения — найти тот момент, когда оратор может остановиться: нельзя ни слишком неожиданно обрывать речь, ни растягивать ее окончание. Объективного критерия, пользуясь которым можно безошибочно определить данный момент, не существует. Это постигается лишь на практике. Субъективным же критерием может служить следующая мысль: остано-

виться лучше всего тогда, когда слушатели узнали все самое важное из того, что относится к делу, и выслушали все логические и патетические доводы, способные их убедить, растрогать и склонить на сторону оратора. Мысль кажется настолько очевидной, что даже псевдобно о ней напоминать, но сколько ораторов о ней забывало! Они все еще продолжали говорить и тогда, когда ни логических, ни патетических доводов у них не было, и тем портили свою речь.

Перейдем к примерам. Рассмотрим заключение, в котором обвинитель выводит следствия из доказанного тезиса. Тезисом является утверждение: «Братья Кондаковы совершили разбойное нападение и умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах».

«В совещательной комнате, товарищи судьи, вы вновь и вновь вспомните о погибших женщинах. Анна Романовна Кривошеева — мать пятерых малолетних детей. Анна Савельевна Кривошеева одна воспитывала ребенка, имела на иждивении престарелую мать.

Не дрогнули предельно черствые сердца подсудимых даже тогда, когда измученные женщины умоляли их о сохранении жизни во имя малолетних детей.

Правильно сказано: «Нет сокровища дороже жизни». Но... женщина-мать даже в минуты жестоких страданий думает не о себе, все ее мысли устремлены к детям, которых она призвала к жизни, отдала им все лучшее, на что только была способна.

Товарищи судьи! Охрана личности, неустанная забота о жизни и здоровье советских людей является важнейшей задачей социалистического государства.

Советский закон, ставя под особую защиту от преступных посягательств жизнь человека, допускает за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, в виде исключительной меры наказания, применение смертной казни — расстрела.

Гуманность закона состоит в его непримиримости к бесчеловечным преступлениям. Смертная казнь — не только кара за особо опасное преступление, но и средство предупреждения новых преступлений, ибо преступник обезвреживается, а иным лицам суд дает грозное предупреждение.

Товарищи судьи! Общественность Великодворья, коллектив Тумского лесопункта, от имени которых выступал общественный обвинитель Н.В. Остроумов, дети погибших и их родственники — все они требуют самого сурового наказания подсудимым.

Работники Великодворской средней школы в своем письме указали: «Коллектив школы крайне возмущен дикой расправой над ни в чем не повинными женщинами. Оставшиеся дети, ученики нашей школы, лишились материнской ласки и оказались в очень трудном материальном положении. В настоящее время они находятся на полном государственном обеспечении в интернате школы. Собрание работников школы просит вынести убийцам Кондраковым высшую меру наказания».

Позиция государственного обвинения по вопросу определения подсудимым мер уголовного наказания за убийство двух женщин при отягчающих обстоятельствах и по совокупности совершенных преступлений ясна и понятна. Пусть в вашем, товарищи судьи, приговоре будет начертано одинаково относящееся к каждому подсудимому грозное и беспощадное слово: расстрел! (Царев В.И. Обвинительная речь по делу братьев Кондраковых.)¹

Приведем пример заключения, кратко повторяющего то, о чем говорилось в предыдущих частях речи.

«...Поэтому я обвиняю его в том, что, возненавидев свою жену и вступив в связь с другою женщиной, он завел жену ночью на ячку Ждановку и там утопил.

Кончая обвинение, я не могу не повторить, что такое дело, как настоящее, для разрешения своего потребует больших усилий ума и воли. Но я уверен, что вы не отступите перед трудностью задачи,

¹ Выводимые оратором из тезиса следствия, современному читателю не покажутся бесспорными. Например, может вызывать возражение утверждение о гуманности советского закона и призыв обезвредить преступников, приговорив их к расстрелу. Также трудно увязать утверждение о тяжелом положении детей потерпевших и необходимость расстрелять преступников. Но нас в данном случае интересует не степень обоснованности утверждений, сделанных В.И. Царевым, а принцип построения заключения.

как не отступила перед ней обвинительная власть, хотя, быть может, разрешите ее иначе. Я нахожу, что подсудимый Емельянов совершил дело ужасное, нахожу, что, постановив жестокий и несправедливый приговор над своей бедною и ни в чем не повинною женой, он со всею строгостью привел его в исполнение. Если вы, господа присяжные, вынесете из дела такое же убеждение, как и я, если мои доводы подтвердят в вас это убеждение, то я думаю, что не далее как через несколько часов подсудимый услышит из ваших уст приговор, конечно, менее строгий, но, без сомнения, более справедливый, чем тот, который он сам произнес над своею женой». (Кони А.Ф. Речь по делу об утоплении крестьянки Емельяновой.)

Как видно из примеров, воздействие на чувства имеет место и в тех заключениях, где преобладающим мотивом остается призыв к разуму. Так и должно быть, поскольку судебное красноречие по сути своей является разновидностью убеждающей речи, а убедить, не воздействуя на чувства слушателей, нельзя. Таким образом, патетический элемент обязательно присутствует в каждом заключении судебной речи, однако есть речи, где он является преобладающим. В таких заключениях, воздействуя на чувства слушателей, оратор многократно увеличивает силу своих рациональных доводов.

«Десятки лет сосал их силы управляющий, десятки лет с сатанинской хитростью опутывал их сетью условий, договоров и неустоек. С торной дороги свободы 19-го февраля они зашли в болото... Лешего не было, но, хитрый и злой, их всасывал в тину кабаки и неволи Фишер.

В этом тумане потерялось все: вера в возможность просветления жизни, чутье правды и неправды, вера в закон и заступничество перед ним. Оставалось еще одно чувство — чувство надежды, что беззаконие, достигшее чудовищных пределов, может быть опростовато, отдалено.

Мы, когда с нас взыскивают недолжное, волнуемся, теряем самообладание; волнуемся, теряя или малую долю наших достатков или что-либо наживное, поправимое.

Но у мужика редок рубль, и дорого ему достается. С отнятым кровным рублем у него уходят нередко счастье и будущность семьи, начинается вечное рабство, вечная зависимость перед мир едами и богачами. Раз разбитое хозяйство умирает, — и батра осужден на всю жизнь искать, как благодеяния, работы у сильных и лобзать руку, дающую ему грош за труд, доставляющий другим выгоды на сотни рублей, лобзать, как руку благодетеля, и плакать просить нового благодеяния, нового кабального труда за крох хлеба и жалкие лохмотья.

Среди обстоятельств, подобных настоящему, мутился разум целых народов. Как не спутаться забитому уму нашего крестьянина?

Вы лучше меня знаете это и не забудьте дать ему место при постановке приговора.

Время вам ставить его.

Верю я, глубоко верю, что сегодняшний день в летописях русского правосудия не будет днем, за который покраснеет общество, рабское в своей надежде на господство правды в русском суде. Верю что вы скажете сегодня: «Молчи, закон, настало время благодати!» Верю я, что те экономические лишения, те нравственные мучения, которых протекли годы жизни люторических крестьян, сегодня достигли своего предела... Они уйдут отсюда с приобретенным убеждением, что правда есть и действует.

Вы не вынесете жестокого решения, вы не увлечетесь мнением:

Не беда, что потерпит мужик:
Знать, ведущее нас Провидение
Указало; да он и привык...

Ведь сквозь зримый миру смех незримые миру слезы водил рукой поэта-сатирика, когда он пел эту скорбную песню.

Нет, вы не осудите их. Мученики терпения, страстотерпцы труда беспросветного найдут себе защиту под сенью суда и закона.

Вы пощадите их

Но если слово защиты вас не трогает, если я, сытый, давно сытый человек, не умею понять и выразить муки голодного и отчая

ного бесправия, пусть они сами говорят за себя и представительствуют перед вами.

О, судьи, их тупые глаза умеют плакать, и горько плакать; их зарелые груди вмещают в себе страдальческие сердца; их несвязные речи хотят, но не умеют ясно выразить свои просьбы о правде, милости.

Люди они, человеки!..

Судите же их по-человечески!...» (Плевако Ф.Н. Речь по делу югорических крестьян.)

РЕЗЮМЕ

В судебной речи принято различать заключения трех видов: 1) заключение, кратко повторяющее суть всего сказанного в других частях речи; (2) заключение, в котором выводятся следствия из тезиса, доказанного оратором; (3) заключение, где оратор, воздействуя на чувства слушателей, стремится таким образом увеличить силу своих доводов. Деление это, естественно, является условным и проводится лишь в учебных целях. Заключение речи может содержать в себе элементы всех трех видов одновременно или каких-то двух из них. Вопрос о том, каким быть заключению, решает оратор, и делает это он, исходя из конкретных обстоятельств разбираемого дела.

ТЕРМИНЫ

Заключение

Виды заключений

УЧЕБНОЕ ЗАДАНИЕ

Напишите самостоятельно три разных заключения к отрывку из речи адвоката И.М. Кисенишского в защиту Давиата. (См. С. 249—253.) В первом заключении кратко повторите суть всего сказанного ранее. Во втором выведите следствия из тезиса оратора. В третьем — постарайтесь увеличить силу доводов адвоката, воздействуя на чувства слушателей.

Глава IV. РАСПОЛОЖЕНИЕ

§ 1. Принципы расположения

Расположение — это стратегия и тактика изложения собранного материала. Главное, что надо иметь в виду при отборе и расположении материала, — определить, каким образом быстрее всего достичь поставленной цели. Цель оратора состоит из двух частей: общей и конкретной. Общая — это ожидаемая реакция аудитории, т.е. суда. Конкретная — наиболее ясное, четкое и убедительное обоснование тезиса или позиции оратора по обсуждаемому делу. Каждая часть речи должна быть построена таким образом, чтобы в ней достигалась какая-то часть (общей и конкретной) цели, а в совокупности все части позволили бы полностью достигнуть поставленной цели.

Собрав весь необходимый материал, оратор овладевает темой изложения. Но совсем не обязательно использовать в речи все, чем он располагает. Необходимо выбрать лишь самое убедительное и так, чтобы кратчайшим способом достичь поставленной цели. **Главный принцип расположения — забота оратора о слушателях.** Оратор обязан полностью изложить свою позицию по делу, но старается сделать это наиболее экономным способом. Надо говорить только по существу дела, но так, чтобы аудитория понимала вас без напряжения. Названный принцип предопределяет и отношение к собранному материалу: если материал позволяет оратору достичь поставленной цели наиболее коротким путем, он должен быть использован; не позволяет — значит, его не следует включать в речь.

Принято различать два вида расположения: одно из них касается расположения излагаемых мыслей, а второе — композиционных частей речи.

Мысли надо располагать так, чтобы они были связаны между собой, а все вместе позволяли оратору доказать его главный тезис. Чтобы решить такую задачу, необходим план. Кроме того, следует

придумать все переходы от одной мысли к следующей. Связь между ними должна быть явной и показана слушателям так, чтобы они могли следить за речью оратора без напряжения.

Основной тезис оратора оказывается главной мыслью, которой подчинены все остальные. Последнее требование известно в риторике как **правило (или принцип) единства сочинения**. Исключения из него допускаются лишь в том случае, когда оратор к главной мысли идет не прямо, но так, чтобы сделать «путь» слушателей интереснее и приятнее. Такие отступления не являются погрешностями. Они — свидетельство мастерства.

Композиционные части речи были рассмотрены лишь с точки зрения того, что каждая из них может дать оратору при сборе материала. Они, конечно, необходимы оратору и при расположении. Но какие из них останутся в речи, зависит от тезиса оратора и от конкретных обстоятельств рассматриваемого дела. Однако любая судебная речь должна содержать в себе по крайней мере четыре композиционные части: (1) **предложение** (главный тезис оратора); (2) **доводы**; (3) **вступление** и (4) **заключение**. Если не будет сформулировано **предложение**, нельзя будет понять, чего же оратор хочет от суда и что собирается доказывать. Обойтись без **доводов** также невозможно. Без них позиция оратора будет неубедительной, и поэтому вряд ли можно надеяться, что суд согласится с тем, что не будет обосновано. Оратор должен хотя бы заявить о значимости своей точки зрения; это делается только во **введении**. Исключить **заключение** — непростительная ошибка. Именно в этой части ораторского слова усиливается все доказанное и подводятся итоги, позволяющие суду лучше запомнить доводы оратора и оценить убедительность его позиции.

О функциях композиционных частей речи с точки зрения «изобретения» материала говорилось в главе третьей. Композиционные части речи помогают и при расположении. Разделять функции композиционных частей речи на относящиеся к «изобретению» и на относящиеся к «расположению» можно только абстрактно, в методических целях. При расположении оратор исходит из того

то композиционные части необходимы для организации излагаемого материала, но какие из них будут использованы в каждом конкретном случае, зависит от расположения мыслей. План расположения мыслей вырабатывается, исходя из обстоятельств конкретного дела и занятой оратором позиции.

Мы назвали расположение стратегией и тактикой изложения. Но чтобы найти главную стратегическую идею изложения, оратор должен хорошо знать все обстоятельства рассматриваемого дела. С этого начинается его работа по расположению материала. Второй шаг — установить, что хочет доказать каждая из сторон и чем, какими средствами она располагает для достижения поставленной цели. Третий шаг — выяснить, с чего начинаются разногласия между сторонами и какой вопрос в деле будет важнейшим, разъединяющим позиции процессуальных противников. Этот вопрос нужно считать первым основанием разбираемого дела.

Затем каждая из сторон должна написать для себя возможные выводы своего процессуального противника, а потом излагать собственную точку зрения с целью опровергнуть противоположную позицию. В процессе такого изложения и рождаются важнейшие стратегические идеи, определяющие принципы расположения материала.

В риторике традиционно считается, что защита требует от оратора большего искусства, чем обвинение, поэтому в качестве примера используем речь адвоката, а не обвинителя. Обратимся к речи И.А. Дроздова в защиту О. Кадуева.

Начнем анализ речи в том порядке, какой был намечен теоретически. Для этого необходимо еще раз внимательно разобраться во всех обстоятельствах дела.

Против подсудимого выдвинуто два обвинения: (1) оказание сопротивления работникам милиции, находившимся при исполнении служебных обязанностей, и (2) покушение на изнасилование.

Сопротивление — результат отказа подсудимого пройти в отделение милиции. Отказывался Олег Кадуев идти в отделение потому, что считал себя невиновным. Задерживало его шесть человек:

работники милиции и случайно оказавшиеся на месте происшествия граждане. Опровергнуть это обвинение нельзя. Подсудимый сам не отрицает факта сопротивления. При сопротивлении Олег употреблял нецензурные выражения. Подобные действия квалифицируются как хулиганство и сопротивление властям. Факт употребления нецензурных выражений следует смягчить, отметив, что главной причиной здесь было не желание оскорбить или обидеть, а просто азарт борьбы. Учитывая хорошую характеристику с места учебы (подсудимый учится в институте, на 3-м курсе) и блестящую характеристику из спортивного общества «Наука» (Олег — спортсмен высокой квалификации), а также его безупречное поведение в прошлом, можно просить суд о минимальном наказании по этой части обвинения. Суд может согласиться с ходатайством защиты, если будет доказана невиновность подсудимого по второй части обвинения. Итак, эта часть обвинения признается защитой, но не является главной.

Главной является вторая часть обвинения: покушение на изнасилование. Обвинительная власть будет доказывать, что оно было. Задача защиты — доказать, что покушения не было, а имел место добровольный отказ подсудимого от попытки вступить в интимную связь. Этот момент является важнейшим, и его следует считать основанием разбираемого дела. Именно здесь расходятся взгляды обвинения и защиты.

Разбор обстоятельств дела позволил ответить на первый и третий вопросы. Затем надо обдумать, что будет стремиться доказать каждая из сторон и какими средствами она располагает для обоснования своей позиции. Это второй вопрос в перечне действий, связанных с расположением.

Начнем разбор последовательно. Вначале коротко изложим версию обвинения.

«Подсудимый Олег Кадиев пытался изнасиловать Нину Виролайнен. Потерпевшая сопротивлялась этим попыткам. Ее сопротивление было преодолено подсудимым, но на помощь потерпевшей подоспели работники милиции. Они видели состояние одежды моло-

ых людей. Кроме того, Н. Виролайнен кричала, а работникам милиции заявила, что О. Кадуев пытался ее изнасиловать. На предложение работников милиции пройти в отделение, подсудимый ответил отказом. Его пытались доставить туда силой, но он оказал сопротивление. Только благодаря совместным усилиям шестерых мужчин его удалось задержать и доставить в отделение милиции. Оказывая сопротивление действиям работников милиции и граждан, пришедших к ним на помощь, подсудимый нецензурно выражался».

Чем располагает обвинение для подтверждения своей версии?

- 1) Письменное и устное заявление потерпевшей. (2) Данные медицинской экспертизы, удостоверяющие факт сопротивления потерпевшей и факт того, что это сопротивление было преодолено.
- 3) Свидетельские показания работников милиции и граждан, принявших участие в задержании О. Кадуева.

Изложим кратко версию защиты:

«Покушения на изнасилование не было. Имел место добровольный отказ подсудимого от намерения вступить в интимную связь с потерпевшей». Было сопротивление задержанию. При задержании, принявшем характер борьбы, подсудимый употреблял нецензурные выражения, но эти слова обусловлены азартом, а не желанием оскорбить».

Чем же располагает защита для подтверждения своей версии?

Чистосердечным рассказом подсудимого, осознавшего свою вину.

Может ли защита, располагая такими средствами, создать правдоподобную и убедительную концепцию, опровергающую доводы обвинения? По крайней мере, должна попытаться. Но для этого она обязана опровергнуть концепцию обвинения.

Защита никакими документальными данными и свидетельскими показаниями не располагает, следовательно, она должна будет опираться на то, чем располагает обвинение. Но при этом она должна сделать данные обвинения своими. Как будет рассуждать прокурор? Есть сопротивление, и есть его преодоление, следовательно, есть покушение на изнасилование. «Но, — возражает защи-

... — молодые люди были вместе одни довольно долго. Могла ли потерпевшая уйти раньше, пока их отношения не зашли столь далеко? Могла. Когда они вместе гуляли, противилась ли она напору молодого человека или нет? Противилась, но не уходила. Мог ли он понимать ее сопротивление как несерьезное? Мог! Он так его и понимал. Вывод первый. Нина Виролайнен вела себя легкомысленно, и ее поведение достойно морального осуждения. Она осуждения боится, поэтому и сделала свое заявление о попытке изнасилования».

Следующий момент. Прокурор исходит из того, что подсудимый был остановлен в момент попытки совершить насилие. Попытка вступить в интимную связь имела место до появления сотрудников милиции. В это время свидетелей не было, и совершить насилие подсудимому никто не мешал! Вот важнейшее положение будущей защитительной речи! Его можно установить, лишь допросив подсудимого и потерпевшую. Если этот факт будет установлен, то концепция обвинения рухнет. Будет ясно, что обвинение не рассматривало всей совокупности фактов и упустило из виду важнейшую часть событий, меняющую всю юридическую квалификацию дела.

Как проще всего довести этот факт до сознания суда? Необходимо подробно описать все свидание молодых людей. Тогда опровержение концепции обвинения, то есть **доводы**, должны войти в композиционную часть речи, называемую **изложением**.

Если утверждение о том, что попытка вступить в интимную связь происходила без свидетелей, будет принята судом, то из него можно вывести и другой аргумент в пользу защиты.

Подсудимый очень силен физически. Справиться с ним и доставить в отделение смогли только шесть здоровых мужчин. Следовательно, потерпевшая не могла оказать ему серьезного сопротивления. Ее сопротивление вообще не могло помешать изнасилованию. Однако изнасилования не было. Был добровольный отказ, поскольку подсудимый понял, что Н. Виролайнен не хочет интимной близости с ним.

Остаются данные медицинской экспертизы. Их надо признать.

Покушение имело место. Имело место и сопротивление. Но сопротивление Нины воспринималось как символическое. Она сама дала повод для такого понимания своего поведения. После того как подсудимый понял, что она действительно не хочет интимной близости с ним, он добровольно прекратил свои домогательства.

Посмотрим теперь на общую линию, выработанную защитой. Вот ее отправные моменты:

1) Все действия пары, представшей перед судом, должны быть подробно изложены, вплоть до момента появления милиции.

2) В самом начале речи надо четко сформулировать основной вопрос речи — это вопрос, по которому возникло разногласие между процессуальными противниками: было или не было покушение на изнасилование. Постановка основного вопроса и его изложение станут **введением**.

3) Главная мысль речи или основное утверждение защиты: попытка вступить в интимную связь имела место до появления сотрудников милиции. Защита выскажет ее, подробно описывая все события, предшествовавшие задержанию О. Кадуева. Все другие мысли речи должны служить лишь для наиболее полного выражения и раскрытия главной мысли.

4) Поскольку главная мысль будет выражена через описание событий, то основной композиционной частью речи будет повествование или изложение. Опровержение позиции прокурора может быть включено в изложение; изложение станет более убедительным, а речь короче. Добавочная самостоятельная часть в виде доводов — композиционное излишество, без которого можно обойтись. Ведь задача оратора — достичь цели кратчайшим путем.

5) Хулиганское поведение О. Кадуева при задержании следует признать без возражений. Сделать это надо, во-первых, потому, что оспорить его защита не может, а, во-вторых, безоговорочное признание бесспорных фактов делает позицию защиты не слабее, а, наоборот, сильнее. Такое признание свидетельствует об объективности защиты и ее стремлении помочь суду установить истину. В-третьих, такое признание не может повредить подсудимому: за

ти действия он уже понес наказание до суда, так как все это время находился под стражей.

6) Признавая хулиганское поведение подсудимого, защита тем не менее должна просить о снисхождении к нему. Доводы защиты: заслуженная семья, безупречное поведение в прошлом, спортивные успехи подсудимого.

Мы говорили о двух видах расположения: расположении мыслей и расположении частей речи. Главным и ведущим является расположение мыслей. Вначале следует найти главную мысль речи, а ее обоснование и расположение становятся той основой, на которой создается план, объясняющий главную мысль. Композиционный порядок расположения частей судебной речи — не догма. Он зависит от плана расположения мыслей.

Проиллюстрируем сказанное, «работая» над подготовкой речи вместе с адвокатом П.А. Дроздовым в защиту О. Кадуева.

Целесообразнее начать речь с существа дела. Оно определяется и выражается вопросом, разделяющим позиции обвинения и защиты. Вопрос сформулирован так: «Было ли в действиях подсудимого Кадуева покушение на изнасилование, которое он не довел до конца по причине, от него не зависящей, или это была попытка, от которой он добровольно отказался?» Четкая формулировка этого вопроса привлечет внимание суда и может стать **вступлением**. Этот вопрос дает возможность защитнику сформулировать свою позицию, поэтому **предложение** не нужно. Позиция защиты сформулирована в одном вопросе — в **разделении** нет необходимости.

Итак, в начале речи расположение мыслей оказывается ведущим, а композиционное расположение — зависимым от него.

Главную мысль речи, содержащую утверждение о том, что попытка вступить в интимную связь имела место до появления сотрудников милиции, оратор собирает высказать, подробно описав все действия молодых людей в роковую для них ночь. Такое намерение определяет дальнейшие шаги композиционного построения речи. Основной частью речи становится **изло-**

жение, а опровержение позиции обвинения превращается в часть изложения. Опровержение, включенное в повествование, даже придает последнему большую живость и занимательность.

Доказательство невиновности подсудимого заканчивается в повествовании и не требует больше никаких композиционных частей. Закончив изложение, адвокат выполнит свою задачу, и говорить дальше нет необходимости. Но существуют еще житейские и идеологические нормы, которым должна была соответствовать судебная защитительная речь того времени. Учесть эти нормы и стремится адвокат. Поскольку нормы эти чисто формальные, но обязательные, то П.А. Дроздов использует в своей защите идеологические штампы казенной патетики. Житейски такой ход оправдан, так как он — сильное средство воздействия на суд. Адвокат говорит об орденах комсомола, членом которого был подсудимый, заботе партии о молодежи, о том, что подсудимый был хорошим студентом и спортсменом. Как видим, и в конце речи планирование мыслей играет решающую роль по сравнению с композиционным планированием. Патетические доводы становятся частью заключения. В этой последней композиционной части оратор кратко подводит итоги всему сказанному ранее и просит суд назначить подсудимому минимальное наказание за хулиганство и сопротивление представителям власти.

РЕЗЮМЕ

1. Расположение материала речи — стратегия и тактика изложения собранного материала. Отбирая из собранного необходимый материал и решая вопрос, надо ли включать его в речь, где лучше его поместить, оратор имеет в виду достижение главной цели всей речи.

2. Главная цель оратора включает две части: 1) добиться желаемой реакции аудитории, то есть суда (общая цель); 2) наиболее ясно

четко и убедительно обосновать свой главный тезис или, что то же самое, свою позицию по обсуждаемому делу (конкретная цель).

Обоснование главного тезиса предполагает, что оратор будет стремиться достичь своей конкретной цели самым коротким и экономным способом.

3. Главный тезис оратора — основная мысль речи, изложению и объяснению которой должно быть подчинено все остальное. Если материал не способствует разъяснению или обоснованию главного тезиса оратора, его не нужно включать в речь. Каждое предложение имеет право на существование в речи оратора лишь постольку, поскольку помогает достичь главной цели всей речи. Поэтому в каждой из частей своего выступления он должен реализовывать какую-то часть своей главной задачи. Все части, вместе взятые, должны составлять текстовое единство, благодаря которому оратор достигает своей цели.

4. Принято различать два вида расположения: 1) расположение излагаемых мыслей; 2) расположение композиционных частей речи. Первым и важнейшим является план расположения мыслей, так как он вырабатывается, исходя из обстоятельств конкретного дела и позиции оратора. Композиционные части необходимы для организации излагаемого материала, но какие из них будут использованы в каждом конкретном случае, зависит от плана расположения мыслей.

5. План расположения мыслей составляется оратором после того, как он найдет главную стратегическую идею изложения. Чтобы облегчить ее поиски, надо сделать следующее:

- 1) еще раз внимательно ознакомиться со всеми обстоятельствами дела;
- 2) установить и записать, что хочет доказать каждая из сторон и какими средствами она располагает для достижения поставленной цели;
- 3) выяснить, с чего начинаются разногласия между сторонами и какой вопрос будет важнейшим моментом, разъединяющим позиции процессуальных противников;

- 4) каждая из сторон должна написать для себя возможные доводы своего процессуального противника, а потом излагать свою точку зрения, имея в виду опровергнуть противоположную.

Во время этой работы и рождаются стратегические идеи, определяющие план расположения материала.

ТЕРМИНЫ И ПОНЯТИЯ

Расположение

Главный тезис

Общая цель

Конкретная цель

План расположения мыслей

Композиционный план изложения

Главная стратегическая идея изложения

УЧЕБНОЕ ЗАДАНИЕ

Исходя из принципов расположения материала, изложенных в резюме данного параграфа и текста речи П.А. Дроздова, составьте свой собственный план расположения материала для защиты О. Кадуева. При этом допустимы три варианта выполнения работы. Вы можете: 1) составить свой, принципиально иной план защиты; 2) внести уточнения в план П.А. Дроздова, объяснив письменно, почему предлагаемые вами уточнения имеют принципиальное значение; 3) если вы считаете, что план, реализованный в тексте речи адвоката, наилучший, то должны обосновать свою точку зрения, показав, что любые изменения могут только испортить речь.

§ 2. Логические схемы — основа для составления ясного плана

Универсальных рецептов по составлению плана судебной речи не существует, но есть некие общие рекомендации. Главная из них — **ясность плана**. Это означает, что план должен быть составлен так, чтобы раскрытие его позволило составителю достигнуть тех (общей и конкретной) целей, которые он для себя наметил. Кроме того, требование **ясности плана** предполагает, что *главная мысль речи* будет всесторонне обоснована. В последнем случае под **ясностью** имеется в виду *не требующая пояснений очевидность сказанного*.

План — это схема, скелет будущей речи, поэтому при его составлении большую помощь могут оказать схемы обоснования, используемые формальной логикой. Они отвечают требованию ясности и могут быть применены к любому языковому материалу. В юриспруденции чаще всего используются четыре схемы обоснования утверждений: *дедуктивная, индуктивная, по аналогии и схема причинно-следственной зависимости*. Заметим, что не всегда вся речь полностью, от начала и до конца, предполагает использование лишь одной логической схемы изложения. Чаще бывает так, что одна схема используется лишь для обоснования одного пункта плана или даже одного промежуточного утверждения оратора. В последнем случае эти схемы легче обнаружить и проще изучать.

а. Дедуктивная схема

Дедуктивная схема обоснования используется в судебной речи чаще всего. Для этого имеется несколько причин. Первая из них — дедуктивная схема позволяет оратору проще и быстрее всего достигнуть поставленной цели. Вторая причина — дедуктивная схема обоснования мысли дает достоверное знание, а именно такое знание признается судом. В связи с этим дедуктивная схема чаще всего становится схемой, с помощью которой оратор обосновывает

разделительно-категорическим умозаключением. Если оратор решит ею воспользоваться, он должен переформулировать обоснованное им утверждение как категорическое суждение, выводимое из посылок разделительно-категорического силлогизма. Большая посылка умозаключения должна быть выражена в форме разделительного суждения. Меньшая посылка — категорическое суждение. Большая посылка может содержать два, три и больше членов. Рассмотрим пример, где большая посылка содержит только два члена. Умозаключение может быть сделано двумя способами, или, как говорят логики, по двум модусам. Выбранный пример из речи М.Т. Цицерона в защиту Авла Клуенция Габита позволяет сразу говорить о возможном выводе и, соответственно, о возможном способе рассуждения по любому из модусов.

(64) «Всякий, каким бы недругом Клуенцию он ни был, бесспорно, согласится со мной в одном: если факт подкупа суда установлен, то суд подкуплен либо Габитом, либо Оппиаником; доказав, что он подкуплен не Габитом, я уличу Оппианика; установив, что это сделал Оппианик, я сниму подозрение с Габита. Таким образом, хотя я уже достаточно ясно доказал, что у моего подзащитного не было никаких оснований подкупать суд, из чего можно заключить, что суд был подкуплен Оппиаником, все же рассмотрим вопрос об этом особо».

Рассмотрим* вначале рассуждение по утверждающе-отрицаемому модусу. Суд могли подкупить либо Клуенций, либо Оппианик. Цицерон исключает предположение о том, что подкупать суд могли сразу и Клуенций, и Оппианик.

Обозначим через p утверждение «суд подкупил Клуенций Габит», а через q — «суд подкупил Оппианик». Рассуждение по утверждающе-отрицающему модусу запишется так:

$$\frac{p \vee q, q}{\neg p}$$

Умозаключение по утверждающе-отрицающему модусу дает достоверное знание лишь в том случае, когда большая посылка является суждением строгой дизъюнкции, то есть исключает полностью предположение о том, что суд подкупали и Клуенций Габит и Оппианик вместе. Оратор раньше старался убедить суд в том, что Клуенций никакого отношения к подкупу суда не имеет, но поскольку он понимает, что слух о подкупе суда Клуенцием держался очень долго и люди не могут сразу о нем забыть, то повторяет свое утверждение, пользуясь уже формой отрицающе-утверждающего модуса. Умозаключение по отрицающе-утверждающему модусу записывается следующим образом:

$$\frac{\langle p \vee q \rangle, \neg p}{q}$$

В отрицающем модусе оратор делает упор на том, что суд мог бы подкупить лишь два человека: Клуенций Габит и Оппианик. Если Клуенций не подкупал суд, то сделать это мог только Оппианик. Далее оратор подробно, опираясь на факты, рассказывает о том, как Оппианик пытался это сделать.

Итак, логическая схема может быть использована оратором нескольких целях. Во-первых, для доказательства какого-то из утверждаемых утверждений. Во-вторых, в качестве средства для расположения материала всей речи или какой-то из частей. В-третьих, для разъяснения какой-нибудь мысли либо в качестве средства перехода от одной мысли плана к другой. Для каждого из названных случаев дедуктивная схема используется чаще всего, поскольку позволяет достичь любой из трех целей наиболее простым и коротким способом. Решение первых двух задач, то есть доказательства какого-то из утверждений или расположение материала речи в соответствии с дедуктивной схемой изложения, было показано в разборе речи Марка Туллия Цицерона, произнесенной им в защи

поэта Авла Лициния Архия¹. Использование дедуктивной логической схемы в качестве средства для разъяснения мысли рассмотрено в данном разделе (см. отрывок из речи Цицерона «В защиту Авла Клуенция Габита»).

6. Логические схемы, выражающие причинную обусловленность явлений

К логическим схемам, выражающим причинную обусловленность явлений, относятся чисто условное, условно-категорическое и условно-разделительное виды умозаключений. Во многих учебниках логики они рассматриваются как разновидности дедуктивных умозаключений. Они могут быть выделены в отдельную группу на том основании, что все эти умозаключения содержат одну или несколько посылок, выражающих условную зависимость. Части условной посылки соединяются между собой логическим союзом «если..., то» или «если, и только если, ..., то». Такая связь в логике называется имплицативной и предполагает, что первая часть посылки, стоящая после «если...» и именуемая основанием, связана со второй ее частью следствием, некоторой зависимостью.

Эти виды умозаключений также могут быть использованы оратором в качестве средства для расположения всего материала речи или какой-то из ее частей. Они могут быть использованы и для разъяснения какой-нибудь мысли либо в качестве перехода от одной части плана к другой.

Приведем пример использования логической схемы причинной обусловленности явлений для расположения материала всей речи. Такую схему использовал Цицерон в речи, произнесенной им в защиту поэта Авла Лициния Архия. *Предложение* или главный тезис оратора сформулирован так:

¹ См.: Гл. III, § 3.

(4) «Если я почувствую, что вы охотно предоставите мне эту возможность (высказаться свободнее о занятиях, связанных с просвещением и литературой и отойти от принятых образцов судебного красноречия. — *О.П.*) (p), то я, конечно, достигну того, что вы признаете присутствующего здесь Авла Лициния не только не подлежащим исключению из числа граждан (q_1) — коль скоро он действительно является гражданином (p_1), но решите, что если бы даже он им не был ($\neg p_1$), его следовало бы принять в их число» ($\neg q_1$).

В речи Цицерона для большей наглядности были проставлены значения переменных. Получилось следующее умозаключение¹:

$$\frac{p \rightarrow [(p_1 \rightarrow q_1) \wedge (\neg p_1 \rightarrow \neg q_1)], p}{(p_1 \rightarrow q_1) \wedge (\neg p_1 \rightarrow \neg q_1)}$$

В главе III подробно рассматривалось, как доказывается данное умозаключение. Сейчас подчеркнем: план речи, если он может быть выражен как умозаключение, всегда прост и ясен, он кратчайшим путем ведет оратора к доказательству главного тезиса.

В следующем примере показано, как умозаключение, выражающее причинную обусловленность явлений, может быть использовано для четкого изложения мысли, оттолкнувшись от которой оратор переходит к дальнейшему изложению следующих пунктов своего плана. Это отрывок из судебной речи Марка Туллия Цицерона «В защиту Авла Клуенция Габита»:

(IV, 9) «Авл Клуенций, нам говорят, подкупил суд деньгами чтобы он осудил его врага Стация Аббия, хотя этот последний не был виновен. Коль скоро суть этого ужасного события, вызвавшего ненависть, была в том, что за деньги погубили невинного человека я, судьи, докажу, во-первых, что к суду еще никогда не привлекался человек, которому были бы предъявлены более тяжкие обвинения и против которого были бы даны более веские свидетельские показания; во-вторых, те самые судьи, которые его осудили, выне-

¹ См.: С. 35, 181

ни о нем такие предварительные приговоры, что не только они сами, но никакие другие судьи не могли бы его оправдать. Установив это, я докажу положение, выяснение которого, как я понимаю, наиболее необходимо: попытка подкупить суд деньгами была совершена не Клуенцием, а во вред Клуенцию, и вы — я этого добьюсь — поймете, какие факты лежат в основе всего этого дела, что является плодом заблуждения и что порождено ненавистью.

(10) Итак, первое, из чего возможно понять, что Клуенций должен был быть вполне уверен в правоте своего дела, следующее: он спустился на форум для предъявления обвинения, располагая самыми убедительными уликами и свидетельскими показаниями. Здесь, судьи, я считаю нужным вкратце изложить вам статьи обвинения, на основании которых Аббий был осужден».

Чтобы придать последовательность и стройность изложению, оратор использовал логическую схему чисто условного силлогизма. Преобразовав ее в учебный пример, получим следующее умозаключение:

К суду привлекался человек, которому были предъявлены тяжкие обвинения (р), и обвинения эти подтверждались вескими свидетельскими показаниями (q). Поэтому ни один суд не смог бы его оправдать (г). Попытка подкупить суд деньгами была совершена во вред Клуенцию (s). Опираясь на факты, я разьясню это дело (t), и тогда вы поймете, что данное судебное дело является плодом заблуждения (u_1) и ненависти (u_2).

Данное умозаключение может быть выражено при помощи логической схемы:

$$\frac{((p \wedge q) \rightarrow r) \wedge (r \rightarrow s) \wedge (s \rightarrow t) \wedge (t \rightarrow (u_1 \wedge u_2))}{(p \wedge q) \rightarrow (u_1 \wedge u_2)}$$

Заключение в тексте отсутствует. Оратор использовал энтиму. Но заключение очевидно: к суду привлекался человек, которому были предъявлены тяжкие обвинения (р), и эти обвинения подтверждались вескими свидетельскими показаниями (q), (этот че-

ловец — враг Клуенция. — О.П.) , поэтому настоящее дело против Клуенция является плодом заблуждения (u_1) и ненависти (u_2).

С помощью умозаключения оратор в сжатой форме, но четко изложил свою точку зрения на данное дело и наметил порядок рассмотрения тех утверждений, которые он кратко сформулировал. Теперь переход от одного вопроса к другому будет последовательным, поскольку вытекает из логической схемы, и слушатели смогут следить за тем, что станет говорить оратор. С помощью логической схемы умозаключения оратор обозначил и переходы от одной мысли к другой. Конец обоснования одного утверждения будет обозначать, что необходимо перейти к обоснованию следующего. Таким образом, схемы причинной зависимости позволяют не только последовательно разъяснить особенности изложения вопроса, намеченного в плане, но и плана всей речи. Схема позволяет сделать план речи четким и простым; позволяет доходчиво объяснить его слушателям. Используя логическую схему, оратор не собьется на обсуждение второстепенных вопросов. Можно сказать, что она — дисциплинирующий инструмент, помогающий оратору говорить, а аудитории — слушать.

Следует обратить внимание и на то, как логические схемы причинной зависимости позволяют легко переходить от изложения одной мысли к следующей. Посмотрите, насколько естественным выглядит завершение изложения пункта 9 и переход к следующей мысли, помеченной в тексте Цицерона цифрой 10. Текст представляется единым целым, а переход к изложению следующего вопроса не вызывает возражений, поскольку необходимость перехода объяснена и обоснована раньше, в пункте 9.

Еще один пример из той же речи:

(II, 5) «И в самом деле, между тем как в других местах не на что опереться истине, которая бессильна, здесь должна ослабеть несправедливая ненависть. Пусть она господствует на народных сходках, но встречает отпор в суде; пусть она торжествует в мнениях и толках неискушенных людей, но дальновидные пусть ее от-

нергают; пусть она неожиданно совершает свои стремительные набеги, но с течением времени и после расследования дела пусть теряет свою силу. Пусть, наконец, сохранится в неприкосновенности тот завет, который наши предки дали правому суду: при отсутствии предубеждения, в суде вину надо карать, а при отсутствии вины — предубеждение отметить».

Используя логическую схему в конце отрывка, оратор убедительно завершает изложение одной мысли и переходит к следующей, так как умозаключение подводит итог сказанному. Логическая схема не предполагает использование лишнего материала; отбираются только те слова, без которых нельзя точно выразить мысль. Поэтому мысль оратора, выраженная логической схемой, становится более ясной, четкой и понятной. В данном отрывке нужно отметить интересное явление. Умозаключение придает убедительность эмоциям оратора. Оно позволяет выразить мысль афористической форме, и поэтому мысль долго сохраняется в памяти слушателей.

Добиться такого же эффекта, как Цицерон, — значит достичь вершины мастерства, но использовать логическую схему при завершении изложения важной мысли может каждый оратор.

Рассмотрим умозаключение. Оратор использовал схему условно-категорического силлогизма, посылками и заключением которого являются суждения деонтической модальности¹:

При отсутствии предубеждения (р) вину надо карать (q),

При отсутствии вины ($\neg q$)

Предубеждения следует отметить ($\neg p$).

В символической записи умозаключение соответствует схеме правильного отрицающего модуса:

$$\frac{p \rightarrow q, \neg q}{\neg p}.$$

¹ О модальности суждений см.: Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. Гл. IV, §

В тех случаях, когда логические схемы причинной зависимости используются для расположения материала речи или для того, что бы подчеркнуть какую-то мысль и перейти к изложению следующей, они не предполагают строгой проверки на истинность. Другое дело, когда с помощью этих умозаключений обосновывается какое-то утверждение оратора. В подобных случаях надо иметь в виду следующее. Эти виды умозаключений оратор не может использовать, если не продемонстрирует слушателям: 1) между явлениями, одно из которых рассматривается как причина, а другое как следствие (или действие) этой причины, существует закономерная связь; наличие связи должно быть проиллюстрировано примерами, а сама связь разъяснена; 2) необходимо обязательно продемонстрировать слушателям, что рассматриваемый в меньшей посылке случай является именно одним из частных случаев проявления данной закономерности. Если этого не будет сделано, то нельзя быть уверенным, что полученный вывод даст достоверное знание¹.

Рассмотрим силлогизм, который в свое время был широко известен российской общественности. Его несостоятельность в своих защитительных речах продемонстрировали два известных российских адвоката: С.А. Андреевский и Н.П. Карабчевский. Данный условно-категорический силлогизм был сформулирован следственной и обвинительной властью по делу Мироновича. Силлогизм стал логической схемой, в соответствии с которой велось расследование и строилось обвинение:

«Только испорченный человек (p) может изнасиловать и убить малолетнюю Сарру Беккер (q)

Миронович — испорченный человек (p)

Он изнасиловал и убил малолетнюю Сарру Беккер» (q).

Вывод сделан по схеме правильного модуса условно-категорического силлогизма, и заключение должно следовать с необходимостью, то есть во всех случаях:

¹ Об этом см. также гл. III, § 3, п. «а».

$$\frac{p \rightarrow q, p}{q}$$

q

При защите Мироновича, каждый из адвокатов должен был объяснить позицию следствия и обвинения. Необходимо было и оспорить истинность полученного заключения. Оба адвоката начали с того, что стали оспаривать истинность посылок, попытку умозаключение будет истинным, если вывод делается из истинных посылок. Опровержение велось по следующим направлениям. Во-первых, адвокаты старались показать, что следственная обвинительная власть ошибались в юридической квалификации преступления: изнасилования и даже его попытки не было. Иными словами, они оспаривали вначале истинность большей посылки. Во-вторых, они оспаривали утверждение о том, что Миронович именно до такой степени испорченный человек, что решился совершить данное преступление именно таким способом. Говорим иначе, они опровергали истинность меньшей посылки.

Критики состоятельности самого силлогизма у адвокатов не было, но на содержательном уровне каждый из знаменитых юристов оказывал, что действия Мироновича не являются частным случаем проявления той закономерности, о которой идет речь в большей посылке. Добавим: связь между основанием и следствием в большей посылке силлогизма сформулирована слишком обобщенно, поэтому она нуждается в подробном разъяснении. Разъяснение обязательно должно сопровождаться достаточным количеством примеров, где связь между основанием и следствием будет проиллюстрирована. Поскольку сделать это нельзя принципиально (рассматриваемый случай является уникальным, как и всякое уголовное или гражданское дело), то доказать, что вывод из подобной умозаключения следует с необходимостью, то есть во всех случаях и не зависит от содержания посылок, просто невозможно. Вывод, полученный из такого умозаключения, всегда будет лишь вероятностным. Судебный процесс над Мироновичем полностью это подтвердил.

Все сказанное об условно-категорическом силлогизме справедливо для чисто условного и для условно-разделительного, поскольку и тот и другой содержат условные посылки. Рассмотрим вначале чисто условное умозаключение. В качестве примера возьмем отрывок из речи В.Д. Спасовича по делу Дементьева: «В семействе Даниловой сложились, вероятно, такого рода представления: собака нас не кусает, на нас не лает; невероятно, чтобы она могла кусаться и пугать кого-нибудь. Собака невинна, а люди, которые возводят все это на нее, кляузники».

Превратим отрывок в учебный пример:

Если собака на нас не лает и нас не кусает (p), то она не может пугать или кусать кого-нибудь еще (q), если она никого не пугает и не кусает (q), то люди, которые возводят все это на нее, кляузники (r).

Если собака на нас не лает и нас не кусает (p), то люди, которые возводят все это на нее, кляузники (r)

Рассуждение сделано в соответствии с логической схемой чисто условного силлогизма:

$$\frac{(p \rightarrow q) \wedge (q \rightarrow r)}{p \rightarrow r}$$

Вывод, следующий из силлогизма, когда силлогизм произносится в суде, способен вызвать и смех и слезы. В данном случае оратор стремится вызвать улыбку слушателей, демонстрируя нелепость представлений старой бырыни, державшей большую собаку. В посылках и в заключении, в качестве основания и следствия, взяты утверждения, между которыми нет и не может быть никакой закономерной связи.

Что касается условно-разделительного силлогизма, то он так содержит условные посылки, потому, столкнувшись с ним, не иметь в виду правила, о которых мы говорили. Наше рассуждение строится по логической схеме простой деструктивной дилеммы, поскольку условные суждения есть в каждом виде условно-разделительных силлогизмов, то все сказанное о данном случае справедливо для любой разновидности этого вида силлогизма.

По содержанию пример на условно-категорический силлогизм и илемма очень похожи. Действительно, были использованы те же посылки, что и в условно-категорическом силлогизме, но в несколько измененном виде.

Только плохой человек (р) способен изнасиловать (q) либо бить малолетнюю девочку (r).

Этот человек не совершил изнасилования ($\neg q$)
или убийства малолетней девочки ($\neg r$).

Этот человек не является плохим ($\neg p$).

Логическая схема простой деструктивной дилеммы:

$$\frac{(p \rightarrow q) \wedge (p \rightarrow r), \neg q \vee \neg r}{\neg p}$$

Умозаключение сделано в соответствии с правилами формальной логики, но говорить о том, что заключение следует с необходимостью, то есть во всех случаях, нельзя: связь между основанием и следствием в большей посылке сформулирована настолько нечетко, что проверить ее невозможно.

Таким образом, все силлогизмы, содержащие условное утверждение и названные силлогизмами, выражающими причинную обусловленность явлений, могут быть использованы в качестве схемы для расположения материала судебной речи. *Но если оратор хочет с помощью такого силлогизма доказать какое-то положение, то он обязан продемонстрировать наличие закономерной связи между основанием и следствием в большей посылке и показать, что меньшая посылка является частным случаем проявления той закономерности, о которой говорилось в большей.*

Принцип причинной обусловленности явлений используется и в тех случаях, когда речь идет о доказательстве или опровержении какого-либо утверждения. Но здесь этот принцип трактуется шире и неопределеннее: утверждение не обусловлено причиной, а «выводимо» или следует из одного или нескольких утверждений. В общем виде схема прямого доказательства записывается следующим образом: $(A_1, A_2, \dots, A_n) \rightarrow T$, что означает: при истинности

утверждений $A_1, A_2, \dots, A_n$ из них следует или выводимо утверждение T . Иначе говоря, доказательство какого-то утверждения T состоит в отыскании аргументов или утверждений, из которых утверждение T будет следовать (выводиться). Когда эти утверждения будут найдены, T будет считаться обоснованным. На языке формальной логики это записывается так:

$$\frac{(A_1, A_2, \dots, A_n) \rightarrow T, A_1, A_2, \dots, A_n}{T}$$

Однако, чтобы доказательство выглядело состоятельным, связь аргументов и тезиса должна быть обоснована. Иначе говоря, необходимо продемонстрировать закономерный характер связи между аргументами и тезисом. Это удастся сделать лишь тогда, когда имеется возможность хотя бы на нескольких примерах показать: связь между явлениями, о которых идет речь, не является случайной. В судебно-следственной практике такое удастся не всегда, поскольку очень часто доказательство касается событий уникальных, и повторить их, не исказив, нельзя. В судебном доказательстве может идти речь об индивидуальных представлениях какого-то человека, и здесь не только невозможно продемонстрировать закономерность связи, но даже трудно быть уверенным, что описываемые события, когда о них рассуждает одна из сторон, в должной мере поняты. Затемнять понимание вопроса может как обстановка судебного разбирательства (она не является нейтральной по отношению к участникам), так и роль, выполняемая человеком в судебном процессе. Например, обвинитель будет отбирать, группировать и доказывать утверждения, из которых следует виновность подсудимого. Защитник может солидаризироваться с интересами своего клиента, и тогда он станет вносить в разбор дела чувства, обусловленные интересами последнего.

Итак, судебное доказательство, использующее логические схемы причинной обусловленности явлений, несмотря на строгость логической формы, довольно часто остается гипотетическим и имеет вероятностный характер.

Конкретный пример, подтверждающий общие рассуждения, взят из обвинительной речи товарища прокурора В.И. Петрова по делу Дмитриевой и Кострубо-Карицкого. Доказывая виновность Карицкого, В.И. Петров рассуждает так: Карицкого обвиняет Дмитриева, ее обвинение сделано добровольно (A_1); оно является результатом глубоких внутренних переживаний, толкнувших Дмитриеву на путь правды (A_2). Обвиняя Карицкого, Дмитриева сама сознается в более тяжком преступлении, о котором суд не знал (A_3). Следовательно, обвиняя Карицкого в краже денег у Галича, Дмитриева говорит правду (T).

Не раз говорилось, что доказательство и опровержение — это по логической структуре, одно и то же. Разница между ними лишь в том, что при доказательстве обосновывается истинность какого-то утверждения, а при опровержении — его ложность. Покажем это на примере.

Защитником Кострубо-Карицкого был Ф.Н. Плевако, обосновывающий утверждение, противоречащее утверждению прокурора. Его утверждение можно сформулировать так: «Неверно, что Дмитриева говорит правду» ($\neg T$). Это утверждение выводилось также помощью прямого доказательства. Аргументами служили следующие утверждения:

Прокурор, во имя выполняемой им обязанности, односторонне подбирал факты при обвинении Карицкого (A'_1). В деле Дмитриевой вопрос о ее виновности напрямую связан с обвинением Карицкого: перекладывая вину на него, она снимает ее с себя (A'_2). Дмитриева обдумывала свой оговор в тюрьме, где это искусство хорошо развито (A'_3). Кроме оговора, у обвинения нет фактов, подтверждающих виновность Карицкого в краже (A'_4). Защитник Дмитриевой (кн. Урусов), обвиняющий Карицкого, не видит различия между целями защиты и интересами своего клиента, поэтому его защита следует логике оговора Дмитриевой (A'_5). Законодательные нормы не допускают, чтобы обвинение одного подсудимого строилось только на оговоре его другим подсудимым, который за счет оговора добивался бы своего оправдания (A'_6).

Оба доказательства являются прямыми. Но суд, который должен сравнить и оценить обоснованность каждого из противоречащих утверждений, должен решить следующую задачу: какое из доказательств считать истинным, а какое ложным?

Мысленно поставим себя на место суда. Признать их оба истинными нельзя: $T \vee \neg T$ — вот как надо ответить на вопрос! Если исходить из формально-логических критериев оценки, то несостоятельным следует признать доказательство утверждения T . Оно содержит ошибку, называемую в логике предвосхищением основания. В аргументе A_2 прокурор утверждает, что глубокие внутренние переживания толкнули Дмитриеву на путь правды, но правдивость показаний Дмитриевой ему еще надо доказать. Аргумент содержит недоказанное утверждение, и с помощью этого утверждения обвинение доказывает практически не отличимый от аргумента тезис. При этом нарушается и другое логическое правило: аргументы должны доказываться независимо от тезиса; нельзя обосновывать истинность аргумента с помощью тезиса, а истинность тезиса — с помощью аргумента. Такая ошибка называется «круг в доказательстве».

Продолжим рассуждение. Доказательство T — ложно. Два противоречащих утверждения не могут быть одновременно ложными, но и не могут быть одновременно истинными. Если T ложно, то $\neg T$ должно быть истинным. Признанием истинности утверждения $\neg T$ закончено рассуждение, называемое в логике косвенным апагогическим доказательством.

При демонстрации косвенного опровержения была допущена неочность: утверждение T — не ложно, оно не доказано, поскольку доказательство строилось с ошибками. Однако здесь надо иметь в виду следующее. Другими аргументами и фактами по делу следствие и обвинение не располагали и, следовательно, построить обвинение заново они не могли. Построить новое доказательство — требование, вытекающее из норм логики, но такого не допускала процедура судебного разбирательства. С другой стороны, аргументы и доказательство защиты опровергали утверждение T . Только в силу

последнего обстоятельства и можно говорить о ложности доказательства, сделанного прокурором.

Доказательство В.И. Петрова по делу Дмитриевой и Кострубо-Карицкого содержит логические ошибки, но даже если бы их не было, упрек в тенденциозном подборе фактов может быть сделан судебному оратору всегда, и на него практически нечего ответить поскольку ни один из участников судебного разбирательства не может утверждать, что рассматривал дело «с холодных высот вечности и вездесущности». Справедливость выведения одного суждения из других при отсутствии многократной проверки существующей связи между суждениями всегда, и справедливо, будет казаться сомнительной. Если, к тому же, у оратора не хватает фактов обоснования своей позиции, то, чуть изменив знаменитое высказывание Норберта Винера об обоснованности выводов в общественных науках, можно повторить его слова в такой редакции «Мы не можем быть уверены, что значительная часть доказываемого нами не создана нами самими»¹.

Рассмотрим доказательство с точки зрения расположения материала судебной речи. Доказательство может войти как часть в раздел, называемый в риторике «доводы»; может стать самостоятельной частью или пунктом плана, при составлении плана мысли. Чем оно окажется в каждом конкретном случае — должен определить оратор. Решение он принимает, исходя из особенностей разбираемого дела и своей процессуальной позиции.

Опровержение при расположении материала выполняет те же функции, что и доказательство. Так же, как и доказательство, опровержение исходит из предпосылки об обусловленности одних явлений другими, и в этом смысле о нем можно сказать все то, что говорилось о доказательстве. Разница между доказательством и опровержением, конечно, есть. При доказательстве оратор стремится показать, что некое утверждение выводится из других истин

¹ См.: Винер Н. Кибернетика. М.: Советское радио, 1968. С. 237—238.

утверждений. При опровержении показывается невозможность выведения требуемого утверждения из других истинных суждений.

Рассмотрим пример использования логической схемы прямого опровержения. В речи, произнесенной в защиту Луция Лициния Мурены, есть место, где Цицерон взялся продемонстрировать, что сличка Плясун несправедлива, если так говорят о Мурене:

(IV, 13) «Плясуном называет Луция Мурену Катон. Даже если тот упрек справедлив, то это — бранное слово в устах яростного обвинителя; но если он не заслужен, то это — брань хулителя. Поэтому ты, Марк, пользуясь таким авторитетом, не должен подхватывать оскорбительные выкрики на перекрестках или брань фигляров и необдуманно называть консула римского народа плясуном; следует подумать, какими иными пороками должен страдать тот, кому можно по справедливости бросить такой упрек. Ибо никто, пожалуй, не станет плясать ни в трезвом виде, разве только если человек не в своем уме, ни наедине, ни на скромном и почетном пиру. Нет, напротив, на рано начинающихся пирушках наслаждения и многочисленные развлечения под конец сопровождаются пляской. Ты же ставишь ему в вину тот порок, который всегда является самым последним, и упускаешь из вида те, без которых он вообще невозможен. Ты не указываешь нам ни на непристойные пирушки, ни на любовные связи, ни на попойки, ни на сладострастие, ни на расточительность, не найдя того, что подразумевают под словом «наслаждение» (хотя было бы вернее все это называть пороком), ты, не обнаружив подлинного разврата, рассчитываешь обнаружить тень развращенности? (14) Итак, о жизни Луция Мурены нельзя сказать ничего предосудительного, повторяю, решительно ничего, судьи! Я защищаю избранного консула, исходя из того, что на протяжении всей его жизни нельзя заметить ни обмана с его стороны, ни алчности, ни веломства, ни жестокости, ни одного грубого слова. Вот и отлично; основания для защиты заложены. Я, еще не прибегая к похвалам (что я сделаю впоследствии), но, можно сказать, основываясь на словах самих недругов Луция Мурены, утверждаю в его защиту, что он честный муж и неподкупный человек».

Рассмотрим схему опровержения. Кличка Плясун не верна по отношению к Луцию Луцилию Мурене ($\neg T$). Если бы Мурена был плясуном, (Т) то он должен был часто пить (C_1), участвовать в пирушках с утра и до вечера (C_2), имел бы склонность к разврату (C_3), были бы известны его любовные связи (C_4), он должен быть расточителем (C_5).

Первый этап рассуждений: из условно допущенного тезиса выводятся следствия: $T \rightarrow C_1, \dots, C_5$.

Второй этап опровержения. Во всех названных пороках Мурену не обвиняют даже его враги. Факты реальной жизни консула противоречат всем этим утверждениям: $C_1 \neq F_1$; $C_2 \neq F_2$; $C_3 \neq F_3$; $C_4 \neq F_4$; $C_5 \neq F_5$.

Из условно принятого тезиса Т теоретически выведены следствия ($C_1, \dots, C_5$), которые противоречат фактам. Истинность фактов не вызывает сомнений, поэтому ложными надо признать следствия. Схематически для любого из пяти следствий логическое рассуждение может быть записано следующим образом:

$$\frac{C \vee F, F}{\neg C}$$

Заключительный этап. Следствия ложны, но они выводились из опровергаемого тезиса, следовательно, тезис также ложен:

$$\frac{T \rightarrow C_1, \dots, C_5, \neg C_1, \dots, C_5}{\neg T}$$

Рассмотрим теперь пример сочетания прямого опровержения с косвенным доказательством. Таким примером является защитительная речь Н.П. Карабчевского по делу Мироновича. Оратор не просто разрушает тезис, который доказывали следствие и обвинение, но формулирует свой, являющийся альтернативным. Все содержание речи адвоката построено по схеме прямого опровержения и косвенного доказательства. Иначе говоря, в основу плана расположения мысли положена простая и ясная логическая схема, к которой может быть сведено и с помощью которой выражается все содержание речи.

Обвинительная власть, следствие и прокуратура, исходила и виновности Мироновича. К доказательству этого сводились все действия и речь прокурора. Суть обвинения можно сформулировать так: «Миронович виновен в изнасиловании и убийстве малолетней Сарры Беккер». Обозначим это утверждение буквой Т. Утверждение, противоречащее Т, или антитезис, сформулировал адвокат: «Неверно, что Миронович виновен в изнасиловании и убийстве малолетней Сарры Беккер». Обозначим его буквой А.

После того как сформулированы Т и А, оратор может (в соответствии с логической схемой косвенного доказательства) показать ложность Т, либо, что считается более правильным, обосновать истинность А. Когда А доказано, то Т должно быть признано ложным. Утверждения Т и А являются противоречащими и поэтому не могут быть одновременно ни истинными, ни ложными. Если одно из них истинно, то другое обязательно ложно.

Напомним логический путь опровержения. Вначале формулируются Т и А. Затем методом прямого доказательства обосновывается истинность А. Для этого используются аргументы $a_1, \dots, a_n$. В качестве аргументов используются утверждения, из которых А выводится. Когда аргументы найдены, антитезис считается доказанным: $(a_1, \dots, a_n) \rightarrow A$. Истинным может быть либо тезис, либо антитезис. Антитезис доказан, следовательно, тезис является ложным:

$$\frac{T \vee A, A}{\neg T}.$$

Перед судебным оратором стоит задача не только обосновать казуируемое им утверждение, но и убедить слушателей в своей правоте. Поэтому Н.П. Карабчевский отступает от общепринятой логической схемы опровержения и вначале доказывает ложность Т только после этого берется за доказательство А. Истинность А, таким образом, доказывается дважды: прямо и косвенно.

Первая часть речи строится по схеме прямого опровержения утверждения Т. Вначале условно допускается истинность утверждения: «Миронович виновен в изнасиловании и убийстве малолетней

Сарры Беккер». Затем из этого утверждения выводятся следствия, несовместимые с известными суду фактами. Поскольку истинность фактов установлена судом и не вызывает сомнений, то ложными надо считать следствия и сам тезис, из которого следствия выводились.

Рассмотрим основные моменты, связанные с логической схемой проверки. Первое следствие из $T(C_1)$ — это утверждение полицейского чиновника Сакса о «нескромных приставаниях» Мироновича к Сарре. Утверждение не подтверждается свидетельскими показаниями тех людей, от которых Сакс якобы получил такие сведения ($\neg C_1$).

Склонность Мироновича к совершению изнасилований разоблачал свидетель-доброволец Висковатов (C_2). Показания Висковатова напоминают сведения личных счетов. Он порочит Мироновича вообще, но никаких фактов не приводит. Сообщать слухи, неизвестно от кого исходящие, значит передавать сплетню. В подобных услугах правосудие не нуждается, потому что закон запрещает в качестве фактов рассматривать слухи и сплетни ($\neg C_2$).

Свидетельницы Бочкова и Михайлова утверждали, что Сарра любила Мироновича (C_3). Она им жаловалась на то, что работа тяжела, а хозяин требователен. Приезжает рано утром и сам за все следит. Сменить ее некому и некогда выбежать даже на лестничную площадку. Но эти вполне естественные жалобы никак не связываются с теми «шалостями» и «приставаниями» Мироновича, в которых настаивает обвинительная власть ($\neg C_3$).

Родственники Сарры и ближайшие соседи — а с ними она была откровенна — отрицают, что Миронович растил девочку, рассчитывая потом ее изнасиловать ($\neg C_4$). Других свидетелей по делу, и показаний которых можно сделать противоположный вывод, нет и факта изнасилования. Последнее положение подтверждает медицинская экспертиза.

В изнасиловании Миронович не виновен. Однако делают предположения, что он совершил убийство во время попытки совершить изнасилование (C_5). Убитая девочка лежала в кресле в т

кой позе, которая и вызвала у обвинительной власти подозрение о попытке изнасилования. Однако Сарра была не только одета, на ней было пальто, а в кармане пальто лежали ключи от входной двери. Дверь же во время покушения и убийства оставалась открытой. Миронович же, если бы он покушался на изнасилование и убийство, постарался бы все обставить иначе. Он находился дома, в знакомой обстановке, и, конечно, позаботился бы о том, чтобы дверь была закрыта и чтобы никто не мог ему помешать. Он дождался бы момента, когда девочка разденется или приказал бы ей сделать это. Покушение было бы не в неудобном кресле, а на кровати. Кроме того, стараясь замести следы и направить следствие на ложный путь, Миронович инсценировал бы явный грабеж в ссудной кассе. На следующий день Миронович был совершенно спокоен и вел себя как обычно. Такого не могло быть, будь он убийцей. Затем, у Мироновича есть алиби. Он не виновен ($\neg C_5$). Опровержение Т ведется в три этапа по следующей логической схеме:

$$\begin{aligned}
 (1) & \quad T \rightarrow C_1, \dots, C_5; \\
 (2) & \quad \frac{(C_1, \dots, C_5) \forall F, F}{\neg(C_1, \dots, C_5)}; \\
 (3) & \quad \frac{T \rightarrow C_1, \dots, C_5, \neg(C_1, \dots, C_5)}{\neg T}.
 \end{aligned}$$

Расположение мыслей и план второй части речи соответствуют логической схеме прямого доказательства. Доказывается утверждение А: «Неверно, что Миронович виновен в изнасиловании и убийстве малолетней Сарры Беккер». Истинность А следует из утверждений, не вызывающих сомнений:

а₁: Семенова была последним человеком, который разговаривал с Саррой Беккер. Факт разговора подтверждает свидетель Ипатов.

а₂: Семенова созналась в убийстве Сарры.

а₃: Семенова объясняет все подробности совершения убийства и объясняет детали, не понятые следствием.

a₄: Семенова — психопатическая личность. Как следует из акта учебно-медицинской экспертизы, такие люди способны на любые преступления, если ими руководит более сильная воля другого человека. Семенова подчинялась более сильной воле своего любовника Безака и до убийства совершила несколько мелких краж.

a₅: У Семеновой был мотив к убийству и грабежу: бедственное материальное положение и желание сохранить любовника.

a₆: У Семеновой и Безака обнаружены украденные из кассы вещи.

a₇: После убийства и грабежа Безак и Семенова убегали и прятались. Так ведут себя только преступники.

a₈: Попытки Семеновой оговорить Мироновича сделаны задним числом, после признания в убийстве, и выглядят весьма неуклюже.

Из (a₁, ..., a₈) → A.

Логическая формула подводит итог рассуждениям оратора, она же оказывается той схемой, которой соответствует план мыслей и все расположение материала речи:

$$\frac{T \vee A, A}{\quad} \quad]T$$

Четкость логической схемы, положенной в основу плана расположения мыслей, позволяет оратору говорить только по существу дела и сообщает речи предельную ясность. Перед Н.П. Карабчевским стояло две задачи: 1) показать ложность тезиса обвинительной власти и 2) сформулировать и доказать свой. Обе задачи решены очень экономно: опровергая обвинение, оратор одновременно доказывает истинность своего тезиса.

План речи может строиться не только в соответствии с «чистой» логической схемой доказательства или опровержения. Иногда в основе плана расположения мыслей может лежать умозаключение, содержащее как элементы дедукции, так и элементы обусловленности (выводимости) одних явлений из других. Рассмотрим знаменитую речь Ф. Н. Плевако в защиту Кострубо-Карицкого. Если оставить в стороне ту часть речи, где оратор отвечает обвинению и адвокату

Дмитриевой, то оставшаяся часть сводится к доказательству всего лишь одного умозаключения. Оно и составляет основу плана расположения мыслей данной части речи.

План речи формулируется в **предложении**, которое одновременно является и **разделением**. Высказана эта часть речи коротко и четко:

«Судебному следствию следовало проверить вопрос, виновен ли Карицкий в краже 38 тысяч, виновен ли он в том, что прорвал околоплодный пузырь Дмитриевой, подговаривал ли он докторов. Вот что было задачей дела».

Введем переменные и разобьем текст на логически значимые части. Причастность Карицкого к краже 38 тысяч обозначим через p ; прорыв околоплодного пузыря — буквой q ; подговаривание врачей на уничтожение плода — r ; виновность Карицкого — S .

В строго логической форме большая посылка умозаключения будет выглядеть так: Если, и только если Карицкий причастен к краже 38 тысяч (p), или прорвал околоплодный пузырь у Дмитриевой (q), или подговаривал врачей на уничтожение плода (r), то он виновен (S).

Большая посылка является эквивалентным суждением и в формально-логической записи принимает следующий вид: $\langle p \vee q \vee r \rangle \Leftrightarrow S$.

Поскольку виновность Карицкого зависит только от трех названных дизъюнктов, то первая часть посылки является полным закрытым дизъюнктивным суждением.

Итак, общий план мыслей и расположения материала речи предполагает наличие следующих частей: доказательство ложности утверждений p , q и r . В символах формальной логики: $\neg p$, $\neg q$, $\neg r$. Другими словами, речь должна содержать три части, в которых будут доказываться три утверждения:

(1) Карицкий не причастен к краже 38 тысяч ($\neg p$); (2) он не прорывал околоплодный пузырь у Дмитриевой ($\neg q$); (3) не подговаривал врачей на изгнание плода ($\neg r$).

После того как оратор докажет эти три утверждения, он переходит к заключению. Последняя часть речи выводится из двух посылок силлогизма:

$$\frac{\langle p \vee q \vee r \rangle \Leftrightarrow S, \neg p \wedge \neg q \wedge \neg r}{\neg S}$$

и в сокращенном виде является утверждением о невиновности Карицкого.

Утверждение о невиновности Карицкого получено по неправильному модусу, но поскольку большая посылка силлогизма является эквивалентным суждением, то вывод следует с необходимостью, то есть во всех случаях.

в. Индуктивные схемы

Рассмотрим индуктивные умозаклучения. В судебной речи их обычно не используют при составлении плана всей речи, но лишь как вспомогательное средство для разъяснения пункта или подпункта общего плана. Осторожное отношение к индукции со стороны судебных ораторов понятно: она ведь не дает достоверного знания, а только вероятное и проблематичное. С точки зрения достоверности выводов, исключение может быть сделано лишь для полной индукции, поэтому полные индуктивные умозаклучения используются судебными ораторами чаще, чем все остальные. К полной или неполной индукции оратор может обратиться тогда, когда стремится подчеркнуть, что некая группа фактов имеет (или не имеет) отношение к разбираемому делу. В таком случае индукция является эффективным средством, с помощью которого оратор отделяет существенное от несущественного и намечает план расположения мыслей. Методами индукции искусно пользовались мастера русского судебного красноречия. Умозаклучения полной и неполной индукции, например, использовал Ф.Н. Плевако в деле Дмитриевой и Кострубо-Карицкого.

Обратимся снова к предложению и разделению его речи, но рассмотрим их в более широком контексте.

«Судебному следствию следовало проверить вопрос, виновен ли Карицкий в краже 38 тысяч, виновен ли он в том, что прорвал окоплодный пузырь Дмитриевой, подговаривал ли он докторов. Вот что было задачей дела. Как же ее проверило судебное следствие? Следствие вертелось главным образом около того, доказана ли связь Карицкого с Дмитриевой, виделись ли они в остроге и какая была причина Дмитриевой оговаривать Карицкого. Но нельзя не заметить, что, будь доказана связь Карицкого, будь доказано, что он был у Дмитриевой в остроге, и имей мы налицо оговор Дмитриевой Карицкого, мы еще не приобретаем несомненного обвинения. При наличии этих фактов только начинается вопрос: достаточно ли их для обвинения, можно ли на этом основании признать Карицкого виновным? Между тем обвинение излагает доводы, доказывающие, что связь и свидание были и, соединяя их с оговором Дмитриевой, предполагает победу одержанною».

Методы индукции вплетаются в общую ткань рассуждений чрезвычайно искусно. Благодаря им читатель и слушатель начинают активно рассуждать и следить за ходом мысли оратора. В чем же секрет? В ясности. Два индуктивных умозаключения позволяют отделить значимое от незначимого. С помощью индукции Ф.Н. Плевако подчеркивает очевидное, но потерянное из виду. Действительно, суд имеет дело с фактами двух сортов: относящимися к обвинению Карицкого и не относящимися к нему. Рассмотрим вопрос с помощью логической схемы индуктивного умозаключения.

S_1 — факты, доказывающие (или опровергающие) причастность Карицкого к краже 38 тысяч.

S_2 — факты, доказывающие (или опровергающие) прорыв Карицким окоплодного пузыря Дмитриевой.

S_3 — причастность Карицкого к подговору докторов об аборте.

P — преступное деяние.

K — класс элементов, имеющих отношение к доказательству виновности (или невиновности) Карицкого.

Схема умозаключения полной индукции имеет следующий вид:

Посылки: 1) S_1 имеет признак P

S_2 имеет признак P

S_3 имеет признак P

2) S_1, S_2, S_3 составляют класс K

Заключение: Все элементы класса K имеют признак P

Умозаключение неполной индукции объединяет в одну группу все то, что обсуждалось на судебных заседаниях, но не имеет отношения к доказательству и определению степени виновности Карицкого.

S'_1 — связь Дмитриевой и Карицкого.

S'_2 — свидание между ними в остроге.

S'_3 — причина оговора Карицкого Дмитриевой.

P' — утверждение будет доказано обвинением.

K' — класс элементов, не имеющих отношения к доказательству виновности Карицкого.

Логическая схема умозаключения неполной индукции имеет следующий вид:

Посылки: 1) S'_1 имеет признак P'

S'_2 имеет признак P'

S'_3 имеет признак P'

принадлежат классу P'

2) S'_1, S'_2, S'_3 принадлежат классу K'

Заклучения сделать нельзя, поскольку элементы класса K' не относятся к компетенции суда, но именно на них строится обвинение.

С помощью этих двух индуктивных умозаключений оратор показывает, что разбирать надо лишь то, что имеет отношение к определению виновности Карицкого, а все остальное — постольку поскольку оно связано с его виновностью.

Индукция используется оратором лишь как вспомогательное средство для объяснения составленного им плана речи. Но индуктивные умозаключения выполняют функции, которые не следуе

недооценивать: только благодаря индукции план расположения мыслей в речи приобретает обоснованность и убедительность.

Индукция может быть использована и в тех случаях, когда оратор, не имея достоверных данных об обсуждаемых событиях, стремится тем не менее воздействовать на чувства слушателей, в надежде с помощью эмоций передать им свое личное восприятие событий. Здесь возможно использование даже статистической индукции. Хотим оговориться. Обычная судебная речь не предполагает использование сложных таблиц, содержащих статистические данные, ссылок на закон больших чисел, каких-то расчетов по определению доверительного интервала и тому подобных тонкостей. В данном случае речь идет об обычных, доступных для неподготовленных читателей, примерах использования статистической индукции, то есть об использовании статистической индукции на уровне здравого смысла. В этом случае статистическая индукция становится доводом, который обязательно должен быть подкреплён другими доказательными рассуждениями. Вот пример использования статистической индукции кн. А.И. Урусовым, который защищал Дмитриеву на процессе Дмитриевой и Кострубо-Карицкого:

«...Опасаясь неожиданных комбинаций, которые были бы вызваны признанием части истины, Карицкий заперся в безусловном отрицании. Такое положение имеет свои неудобства: так, если будет доказано, что из десяти случаев человек солгал в девяти, то можно со значительной степенью вероятности заключить, что он солгал и в десятом. Итак, свидание с Дмитриевой было необходимо. Оно и состоялось в цейхгаузе острога, что подтверждено свидетельскими показаниями Громова, Яропольского, Юдина и Поповича. На этом пункте Карицкий потерпел полное поражение, хотя пытался дать отпор посредством показания Морозова; но неожиданное появление вызванного мною свидетеля Соколова уничтожило и эту последнюю надежду. Ложь Карицкого была обнаружена листательно».

Методы элиминативной индукции выполняют в судебной речи те же функции, что и методы статистической. Рассмотрим исполь-

ование этих видов умозаключения на примере метода сходства и метода различия. Его использовал Ф.Н. Плевако в речи по делу Дмитриевой и Кострубо-Карицкого не столько для уточнения места и времени совершения кражи денег у потерпевшего Галича, сколько для подчеркивания вероятности причастности к краже Дмитриевой:

«Теми же не выдерживающими критики соображениями освещает обвинитель и свидетелей по краже. Потерпевший от преступления Галич объяснил нам, что в июне, когда ночевал Карицкий, деньги были целы. Видел он их потом и в начале, и в середине июля. Они лежали пачками, и число пачек было цело. Пропажа обнаружилась в июле; Галич помнит, как и когда он брал с собой деньги. Украденная пачка лежала отдельно, когда была в Липецке. В деревне деньги лежали вместе. В июле Карицкого у Галича не было, а Дмитриева была и в деревне и в Липецке. Показание дает нам капитальный факт: Карицкий был в июне, деньги при нем и после него были целы; деньги пропали в июле, пропажа, по вероятному заключению Галича, случилась в Липецке; отнести ее ко времени возврата в деревню — менее вероятно. Но и там и тут с моментами преступления совпадает факт — пребывание Дмитриевой у Галича».

Рассмотрим вначале умозаключение, сделанное по методу различия.

Потерпевший Галич предполагает, что деньги у него были украдены в июле (В), а не в июне (А). В июне у него были Карицкий (К) и Дмитриева (Д). Факт кражи денег обозначим через d . Формально-логическая схема умозаключения будет следующей:

АКД не вызывает d

ВД вызывает d

По-видимому, ВД является причиной или связано с d .

Таким образом, если исходить из показаний потерпевшего, то надо сделать вывод: по-видимому, кража произошла в июле и к ней причастна Дмитриева. Однако точно утверждать, что кража про-

изошла в июле, нельзя, поэтому правомерно сделать другое умозаключение, используя метод сходства:

АКД вызывает d

ВД вызывает d.

По-видимому, Д является причиной или как-то связано с d.

Факт пребывания Дмитриевой у Галича имел место в июне и июле, поэтому, исходя из метода сходства, правомерно утверждать, что к краже денег скорее причастна Дмитриева, чем Карицкий.

Индуктивные умозаключения всегда являются обобщением конкретного опыта, поэтому индукция может быть использована в суде и как средство проверки общих суждений. Такая проверка предполагает уточнение и четкую формулировку посылок, на основании которых должно быть сформулировано индуктивное обобщающее суждение. Проверка и уточнение фактов — мощное оружие в опытных руках хорошего судебного оратора. Вот как и воспользовался прокурор В.И. Петров в обвинительной речи по делу Дмитриевой и Кострубо-Карицкого:

«...Далее г. Модестов показал еще, что в 1868 г-жи Дмитриевой он часто виделся с г-жою Карицкою, но из показаний г-жи Дмитриевой и самого Карицкого видно, что жена его уехала в последние числа сентября месяца 1867 года; следовательно, в 1868 году Модестов никак не мог видеть г-жу Карицкую у Дмитриевой, а в 1867 году, по его показанию, он был у Дмитриевой всего только два раза, если предположить, что он оба раза заставал там г-жу Карицкую, то и тогда нельзя сказать, чтобы он ее очень часто видел».

2. Схемы умозаключений по аналогии

Умозаключения по аналогии похожи на индуктивные. Есть между ними сходство и с точки зрения функций, которые они выполняют в судебной речи. Рассмотрим вначале логический аспект вопроса. Умозаключения по аналогии, так же как и индуктивные, не дают достоверного знания, а только вероятностное. Такое знание

не принимается к рассмотрению судом в качестве бесспорного, и оно может быть использовано оратором в целях воздействия на чувства слушателей.

Но между этими видами умозаключений существуют и различия. В индуктивном умозаключении оратор от частных утверждений переходит к общему. В умозаключении по аналогии рассматриваются какие-то конкретные объекты, имеющие сходные признаки или отношения. На основании выявленного сходства (признаков или отношений) делается вывод о наличии других сходных (признаков или отношений). Иначе говоря, в умозаключениях по аналогии вывод не является обобщением, а касается только частных. Кроме того, умозаключение по аналогии всегда остается вероятностным, чего нельзя сказать об умозаключениях полной индукции. Затем, умозаключения по аналогии никогда не опираются на какую-то определенную и четко сформулированную связь явлений. Степень вероятности умозаключения по аналогии зависит, как известно, от трех обстоятельств: 1) степени сходства сравниваемых объектов; 2) от степени различия сравниваемых объектов; 3) от уровня нашего знания о них.

Наибольшего доверия заслуживают умозаключения строгой аналогии, где два сравниваемых предмета, *a* и *b*, имеют не просто сходные признаки *P*, *Q*, *R*, но между этими признаками прослеживается зависимость с переносимым признаком *S*. Другими словами, если удастся показать на нескольких примерах (и при этом не приходится противоречащего случая), что когда предмет имеет признаки *P*, *Q*, *R*, то он имеет и признак *S* — это строгая аналогия.

В судебной речи умозаключения по аналогии, так же как и индуктивные, не используются в качестве логической схемы составления плана. Однако они бывают очень полезны для разъяснения какой-то из частей речи. Такие умозаключения употребляются как доводы: 1) для пересказа событий, восстановить которые полностью не представляется возможным; 2) для предположительного изложения мотивов совершения каких-то действий, чтобы показать неясный смысл или нечеткость каких-то предположений и т.п.

Пример умозаключения строгой аналогии мы разбирали в III главе при рассмотрении патетической части речи. Вернемся к нему еще раз, но в данном случае будет иметься в виду не изобретение, а расположение материала. Данное умозаключение было сделано Цицероном в речи, произнесенной в защиту поэта Авла Лициния Архия. Умозаключение является логической схемой, в соответствии с которой оратор располагает материал в патетической части речи. С помощью этого умозаключения Цицерон, с одной стороны, стремится воздействовать на чувства слушателей, усиливая, таким образом, силу своих логических доказательств, а с другой — убеждает суд в том, что невозможно доказать с помощью логики. Умозаключение построено по схеме:

Некоторые $a_1, \dots, n$ обладают признаками P, Q, R, S .

b обладает признаками P, Q, R

По-видимому, b обладает признаком S

$a_1, \dots, n$ — просвещенные государства Греции,
где стараются возвеличить славу своего народа;

b — римское государство;

P — ценить поэтов;

Q — поэты прославляют государство;

R — поэты укрепляют дух граждан и их стремление к славе;

S — граждане заботятся о том, чтобы поэты были их со-

гражданами.

Обосновывая правоверность вывода, оратор старается показать слушателям, что сходные признаки P, Q, R находятся в условной зависимости от переносимого признака, то есть что P, Q, R обязательно предполагают S . Символически такое утверждение записывается $(P \wedge Q \wedge R) \rightarrow S$.

Умозаключение по аналогии очень часто предполагает выход за рамки обсуждаемой темы. Однако правомерность нарушения границ обсуждаемой темы оратор обязательно должен обосновать, иначе сказанное может рассматриваться судом как не относящееся к делу. Поскольку аналогию легче всего оспорить, ее надо исполь-

овать лишь тогда, когда доказательная или чисто логическая часть речи завершена. Во-вторых, нужно стремиться использовать умозаключение по аналогии лишь так, чтобы оно только усиливало доказательную часть речи, но ни в коем случае не стало отдельной самостоятельной частью доказательства или опровержения.

Цицерон все эти правила соблюдает. Он маскирует аналогию, придавая ей вид дедуктивного умозаключения. Рассуждения по схеме аналогии начинаются лишь после того, как оратор завершил доказательную часть речи. Цицерон просил у суда разрешения высказаться несколько необычно, когда будет говорить о значении литературы и поэзии для государства. Свою просьбу он обосновывал тем, что, с одной стороны, он обязан Архию, с другой — речь идет о поэте. Оратор подчеркивает, что сам любит поэзию и потому постарается не только защитить достойного человека, но и будет говорить о деле, которым занимается Архий.

Цицерон использовал логическую схему умозаключения по аналогии для изложения очень значительной части своей речи. Почти вся композиционная часть, называемая в риторике патетической, излагается в соответствии со схемой лишь одного умозаключения. Так бывает не всегда. Схема умозаключения может использоваться лишь для изложения одного пункта или даже подпункта общего плана расположения мыслей. Но и в таком случае все правила использования умозаключения по аналогии, о которых мы говорили выше, остаются в силе. Нарушение их чревато большими неприятностями даже для самых знаменитых ораторов. Так, князь А.И. Урусов в речи по делу Дмитриевой и Кострубо-Карицкого использовал умозаключение по аналогии в начале речи, до изложения доводов. Более того, умозаключение по аналогии не просто предшествовало доказательной части речи, но аналогия стала частью логических доводов, использованных оратором для убеждения суда. Введение получилось очень эффективным, но именно оно сразу же привлекло внимание оппонента, которым был Ф.Н. Плевако. Если к концу выступления последнего позиция князя Урусова представляется полностью разрушенной, то происходит это оттого

что в умозаключении по аналогии защитник Дмитриевой неправильно соединил вместе задачи своей защиты и рассуждения о значении судебной реформы 1864 г.

Умозаключение, построенное кн. А.И. Урусовым, имело следующую логическую форму:

Посылки: 1) $x R_1 y$

$m R_2 n$

2) R_1 имеет признаки $P, O(d), S(d)$

R_2 имеет признаки $P, O(d)$

Вероятно, R_2 имеет признак $S(d)$,

где x — сила судебной реформы 1864 г.;

y — идеалы судебной реформы 1864 г.;

m — Дмитриева;

n — Кострубо-Карицкий;

R_1 — равная ответственность всех сословий перед законом;

R_2 — отношения между Дмитриевой и Карицким, ставшие предметом судебного разбирательства;

P — представители высших сословий;

$O(d)$ — обязанность предстать перед судом и нести ответственность за свои действия;

$S(d)$ — обязанность понести наказание, назначенное судом.

Критикуя данное умозаключение, Ф.Н. Плевако показывает, что отношение R_2 имеет признаки M_1 и M_2 , несовместимые с переносимым признаком $S(d)$ M_1 — это отсутствие достаточных улик, а M_2 — отсутствие ясности и полноты при доказательстве виновности. Если оппоненту удастся обнаружить такие признаки, называемые в логике негативными признаками различия, то умозаключение по аналогии считается некорректным, поскольку M_1 и M_2 препятствуют переносу признака $S(d)$.

Соблюдение же всех названных правил при использовании аналогии приносит оратору успех. Наибольший успех, на который может рассчитывать оратор при использовании аналогии, — это принятие судом вывода по аналогии за достоверное знание. Уже

говорилося об аналогії Цицерона. Приведемо ще один приклад того, коли оратор зміг досягти подібного результату. Існує в виді отримок із знаменитої мови Ф.Н. Плевако по справі селян села Люторичи. Селяни обвинялися в тому, що не дозволили поліцейському чиновнику (приставу) виробити опис свого майна. Обвинення виходило на тих подсудимих, які частіше і гучніше інших говорили про таку дію на сільських сходках.

Умозаключення по аналогії дає лише ймовірнісне знання, але дане умозаключення було прийнято судом як достовірний факт. Це сталося по декільким причинам. Во-перших, оратор внаслідок переконливо показав неосновательність і недоказаність цих фактів, на яких ґрунтувалося обвинення. Во-других, аналогія казалася надзвичайно правдоподібною поясненням подій. Далі, вона завершала і посилювала доказальну частину мови адвоката. В-третьих, умозаключення по аналогії ґрунтувалося на звичайному для освічених людей царської Росії образ-штамп. Штмп цей був створений вітчизняною художньою літературою гуманістичного напрямку, засвоювався всіма представниками так званих «просвіщених класів» російського суспільства з дитинства; і до лютийської революції 1917 року ніколи не оспарювався ні ліберальними, ні консервативними представниками класів просвіщених. Відповідно до цього образ-штампом всі селяни — це діти, не спроможні протистояти або боротися проти произвола осіб, походять з освічених шарів суспільства.

Аналогія виражається при допомозі такої схеми:

a має ознаки P, Q, R

b має ознаки P, Q, R

c має ознаки P, Q

По-видимому, **c** має ознаку R,

де під **a** мають бути в розумі оголодавшие тварини в клітці, під **b** — маленькі діти, залишені на час самотні, без няні; **c** — селяни села Люторичи.

P — голод;

Q — страх;

R — возможные в их положении совместные действия.

Для выявления различия между логической схемой, определяющей расположение материала, и текстом речи, данный отрывок приводится дословно:

«Перейдем к другому преступному деянию — склонению крестьян села Люторичи не допускать пристава до описи. Дело это приписывается нескольким подсудимым, громче всех об этом говорившим на деревенских сходах.

Согласитесь со мной, что мы должны считать только тогда возможным удостоверить существование факта, доказываемого не абсолютно верными доказательствами, когда природа факта не допускает или обстоятельства устранили лучшие и абсолютные доказательства. Но когда они, абсолютные доказательства, существовали, но их обошли и выдвинули только вероятные, тогда вера в факт падает.

Между тем в деревне Люторичи до 700 жителей; они все отказывались допустить опись; они все, судя по ныне мной представленному приговору, считают себя незаконно разоренными Фишером. Вот кого или из числа которых и следовало бы спросить: кто вас подговаривал не допускать к описи? Они могли сказать, нуждались ли они в подстрекательстве или наболела у них эта мысль сама собой. А их не спросили, и на мимолетных, плохо вяжущихся между собой впечатлениях урядников и полиции построили тяжелое обвинение.

Не верьте ему, господи судьи!

Но подстрекатели были. Я нашел их и с головой выдаю вашему правосудию: они — подстрекатели, они — зачинщики, они — причина всех причин...

Бедность безысходная, бедность — создание Фишера, одобряемая его владыкой, бесправие, беззащитная эксплуатация, всех и все доведшая до разорения, — вот они, подстрекатели!

Одновременно, потому что одинаково невыносимо всем стано-

вилось, вспыхнуло негодование люторовцев против бесцеремонного попираания божеских и человеческих законов, и начали думать они, как им отстоять себя.

И за эту драму сидят теперь они перед вами.

Вы скажете, что это невероятно. Войдите в зверинец, когда настанет час бросать пищу оголодавшим зверям; войдите в детскую, где проснувшиеся дети не видят няни. Там — одновременное рычание, здесь — одновременный плач. Поищите между ними подстрекателя. И он найдется не в отдельном звере, не в старшем или младшем ребенке, а найдете его в голоде или страхе, охватившем всех одновременно...» (Плевако Ф.Н. Речь по делу люторических крестьян).

Этот отрывок из речи в общем плане расположения материала можно назвать «разбором факта, касающегося обвинения крестьян в недопущении пристава к описи их имущества». Расхождение во взглядах между обвинением и защитой касается пункта о зачинщиках. Обвинение утверждает, что они были. Задача защиты — показать, что их не было и что все действия произошли стихийно. Поэтому первое, что должна сделать защита, — указать на несостоятельность фактов, представленных обвинительной властью. Затем будет изложена концепция защиты, в которой события должны быть объяснены иначе. Предположительное объяснение событий, имевших место в прошлом, нельзя доказать с помощью дедукции. Для использования методов причинной зависимости или индукции нужны факты, но ими защита не располагает. Остается аналогия...

Такова схема рассуждений оратора при расположении материала в одном из пунктов общего плана мыслей. Как, с помощью каких языковых средств, этот план будет реализован — зависит от таланта оратора, но составлять такой план обязан каждый юрист, собирающийся успешно выступить.

В логике, как известно, принято различать аналогию свойств и аналогию отношений. Последняя часто используется для придания речи образности и художественной выразительности, поскольку в ней происходит отвлечение от конкретной природы тех предметов, отношения

которых рассматриваются. В связи с этим говорят о **буквальной и фигуральной** аналогии. Умозаключения буквальной аналогии могут быть оценены с точки зрения их доказанности, а также истинности или ложности. Умозаключения фигуральной аналогии служат лишь для придания большей выразительности тому, что хочет сообщить оратор. Их можно даже рассматривать как развернутые сравнения.

Рассмотрим фигуральную аналогию более подробно. Она используется в судебной речи в тех случаях, когда оратор хочет выделить какую-то значимую особенность рассматриваемых событий, либо стремится обратить внимание слушателей на особенность поведения человека, либо намерен образно передать какую-то из черт его характера. Такое подчеркивание с помощью логической схемы умозаключения по аналогии имеет большую убеждающую силу, чем простая констатация факта, выраженная утвердительным предположением.

Аналогию-сравнение использовал, например, Цицерон в речи против Гая Верреса («О предметах искусства»). Оратор сравнивал действия должностного лица римской империи с действиями морского разбойника. Логическая схема умозаключения имеет следующий вид:

- Посылки: 1) $aR_1c \approx$
 $\approx bR_2c$
 2) R_1 имеет признаки P, Q, S
 R_2 имеет признаки P, Q, S ,
 Вероятно, $a \approx b$,

где $\approx$ — знак подобия;

a — Гай Веррес;

b — морской разбойник;

c — другие люди;

R_1 и R_2 — отношение к другим людям;

P — быть врагом;

Q — некоторых людей шадить и награждать добычей;

S — люди живут в удобном месте, где в силу необходимости надо бывать.

Сравним логическую схему с отрывком из речи:

(21) «Ты должен был приказать мамертинцам на основании договора поставить корабль; ты дал им для этого три года сроку: в течение этих лет ты не потребовал от них ни одного солдата. Ты поступил точно так же, как поступают морские разбойники; будучи врагами всем людям, они все же заручаются дружбой некоторых из них — с тем, чтобы не только их шадить, но даже обогащать своей добычей; это особенно относится к жителям городов, расположенных в удобном для разбойников месте, куда их кораблям часто приходится приставать, иногда даже в силу необходимости».

Как видно, умозаключение, в котором использована фигуральная аналогия, не исказило мысль оратора, но, используя ее, Цицерон избежал однообразия в выражениях и был более убедителен, чем если бы просто назвал Гая Верреса разбойником. Назвать человека обидным именем — даже если он его и заслуживает — значит проявить неуважение к суду. Использование подобных приемов унижает и самого оратора, потому что его задача не оскорблять, а доказывать и объяснять обстоятельства дела. Прием, использованный Цицероном, не устарел.

Очень часто фигуральная аналогия является только средством для придания речи оратора большей выразительности. Говорить, в таком случае, о логической структуре умозаключения по аналогии можно большой натяжкой, но стремление выявить формальные элементы таких умозаключений вознаграждается умением использовать этот прием вне зависимости от конкретного содержания посылок.

Рассмотрим фигуральную аналогию, использованную Н.П. Карабчевским в речи, произнесенной по делу Имшеницкого. Адвокат сказал следующее:

«При таких данных обвинение, предъявляемое к нему (Имшеникову. — *О.П.*) — обвинение в преднамеренном убийстве жены, грязящее ему каторжными работами без срока, — голословно и не доказано. Это понимает, очевидно, и прокурор. Настаивая на двух-трех сомнительных свидетельских показаниях, он ссылается затем лишь на свое «личное внутреннее убеждение». Этот прием столь же мало сох

ветствует задаче обвинения, как если бы защита стала клясться и божиться перед вами, удостоверяя божбою невинность своего клиента».

Умозаключение фигуральной аналогии выражается при помощи следующей схемы:

Посылки: 1) aR_1 с подобно $b R_2$ с

2) R_1 не имеет признака S

Вероятно, R_2 не имеет признака S.

a — защита;

b — обвинение;

c — правосудие;

R_1 — отношение защиты к правосудию;

R_2 — отношение обвинения к правосудию;

S — определение виновности или невиновности из внутреннего чувства.

Следует заметить, что посылка о подобии отношений R_1 и R_2 не может считаться доказанной, а умозаключение, посылки которого не являются истинными, не имеет доказательной силы. Однако оно разнообразит ритм речи оратора и делает его утверждения более убедительными, чем простое утверждение о недопустимости приемов, используемых обвинением. Это и есть главное назначение умозаключений фигуральной аналогии.

РЕЗЮМЕ

1. Логическая схема может быть использована оратором в нескольких целях. Во-первых, для доказательства какого-либо из отстаиваемых утверждений. Во-вторых, для расположения материала всей речи или ее части. В-третьих, для разъяснения какой-нибудь мысли или в качестве средства перехода от одной мысли плана к следующей.

2. Дедуктивная логическая схема используется в судебной речи чаще всего, так как позволяет добиться любой из трех названных целей наиболее простым и коротким способом.

Наиболее распространенными видами дедуктивных схем, используемых в судебной речи, являются: простой категорический силлогизм и разделительно-категорический силлогизм.

3. Логические схемы, выражающие причинную обусловленность явлений, также позволяют достичь любой из трех названных целей. Они используются в тех случаях, когда позиция оратора (его главный тезис) не может быть выражен как простое суждение, а выражается с помощью сложного суждения. При этом части сложного суждения соединяются между собой логическим союзом «если ..., то ...» или «если, и только если ..., то ...». К схемам, выражающим причинную обусловленность явлений, относим чисто условное, условно-категорическое и условно-разделительные виды мозаключений, поскольку в каждое из них входят суждения, называемые в логике имплицативными.

4. В тех случаях, когда логические схемы причинной зависимости используются для расположения текстового материала речи или для того, чтобы подчеркнуть какую-то мысль и перейти к изложению следующей, они не предполагают строгой проверки на истинность. Другое дело, когда с помощью этих умозаключений обосновывается какое-то утверждение. Эти виды умозаключений оратор не может использовать, если не продемонстрирует следующее: 1) между явлениями, одно из которых рассматривается как причина, а другое как следствие (или действие) этой причины, существует закономерная связь; наличие связи должно быть проиллюстрировано примерами, а сама связь разъяснена; 2) необходимо обязательно продемонстрировать слушателям, что рассматриваемый в меньшей посылке случай является именно одним из частных случаев проявления данной закономерности. Если это не будет соблюдено, то едва ли полученный вывод даст достоверное знание.

5. Принцип причинной обусловленности явлений положен в основу аргументированного обоснования или опровержения. Но здесь он трактуется шире: обосновываемое (или опровергаемое утверждение не обусловлено причиной, а «выводимо» (или «не выводимо», при опровержении) из одного или нескольких обоснованных ранее утверждений.

6. Доказательство и опровержение также используются в судебной речи для составления плана всей речи или какой-то из ее частей. Используются они и по своему прямому назначению, для обоснования истинности

или ложности какого-то утверждения. В последнем случае надо иметь в виду, что судебное доказательство (или опровержение), в силу неповторимости и уникальности рассматриваемых явлений, несмотря на строгое соблюдение правил логики, может давать только гипотетическое вероятностное знание. Чтобы повысить убедительность доказательства, оратор должен стремиться на примерах продемонстрировать наличие закономерной связи между аргументами и тезисом. Или (при опровержении) показать на примерах, что связь между явлениями, о которых идет речь, является случайной. Продemonстрировав закономерность связи между явлениями, следует также стремиться показать, что обсуждаемые события являются частным случаем проявления рассматриваемой закономерности.

7. Судебные ораторы обычно не используют логические схемы индуктивных умозаключений для расположения материала всей речи. Индуктивные умозаключения используются в качестве вспомогательного средства, для разъяснения пункта или подпункта общего плана. Осторожное отношение к умозаключениям этого вида объясняется тем, что они дают лишь вероятностное знание, которое обычно не принимается судом во внимание. Достоверное знание дают лишь умозаключения полной индукции. Их можно использовать для расположения всего материала речи. Но судебный оратор обычно стремится обосновать свой главный тезис наиболее коротким способом, поэтому, решая вопрос о расположении материала речи, он обычно выбирает дедуктивную схему изложения или схему причинной зависимости.

Однако индуктивные умозаключения могут быть использованы в тех случаях, когда суд не располагает достоверными знаниями об обсуждаемых событиях, а оратор стремится воздействовать на чувства слушателей в надежде с помощью эмоций передать суду свое личное восприятие событий.

Индуктивные умозаключения, поскольку индукция является обобщением конкретного опыта, могут быть также использованы в качестве средства проверки общих суждений, высказанных кем-то из участников судебного разбирательства.

8. Умозаключения по аналогии также не дают достоверного знания. Но с их помощью оратор может воздействовать на чувства

слушателей. В умозаключениях этого вида рассматриваются объекты, имеющие сходные признаки (или отношения). На основании выявленного сходства (признаков или отношений) делается вывод о наличии других сходных (признаков или отношений). Вывод в умозаклучении по аналогии всегда касается частных и лишь случайно может опираться на какую-нибудь закономерную связь явлений. Наибольшего доверия заслуживают умозаклучения строгой аналогии, где два сравниваемых предмета не просто имеют сходные признаки, но между этими признаками прослеживается зависимость с переносимым признаком.

9. В судебной речи умозаклучения по аналогии не используются в качестве логической схемы, с целью составить план расположения мыслей всей речи. Однако они бывают очень полезны для разъяснения какой-то из частей речи. Такие умозаклучения употребляются как доводы: 1) для пересказа событий, восстановить полностью не представляется возможным; 2) для предположительного изложения мотивов совершения каких-то действий; 3) чтобы показать неясный смысл или нечеткость каких-то предположений и т.п.

10. В логике принято различать аналогию свойств и аналогию отношений. Последняя часто используется для придания речи образности и художественной выразительности, поскольку в аналогии отношений происходит отвлечение от конкретной природы тех предметов, которые рассматриваются. В связи с этим говорят о **буквальной** и **фигуральной** аналогии. Умозаклучения буквальной аналогии могут быть оценены с точки зрения их доказанности, а также истинности или ложности. Умозаклучения фигуральной аналогии служат лишь для придания большей выразительности тому, что хочет сообщить оратор. Их можно даже рассматривать как развернутые сравнения.

Используя фигуральную аналогию, оратор меняет ритм речи, избегая монотонности в изложении. В этом случае он подчеркивает значимую, с его точки зрения, мысль. Придав ей большую выразительность, он обычно с помощью такого приема заканчивает изложение какой-то части речи и переходит к рассмотрению следующего вопроса.

ТЕРМИНЫ И ПОНЯТИЯ

Дедуктивная схема обоснования:

- простой категорический силлогизм;
- разделительно-категорический силлогизм.

Схемы причинной зависимости:

- чисто условный силлогизм;
- условно-категорическое умозаключение;
- условно-разделительный силлогизм;
- обоснование («выведение») истинности суждения;
- обоснование («выведение») ложности суждения.

Индуктивные схемы:

- полная индукция;
- неполная индукция;
- методы элиминативной индукции;
- статистическая индукция.

Схемы умозаключения по аналогии:

- аналогия свойств;
- аналогия отношений;
- строгая аналогия;
- буквальная аналогия;
- фигуральная аналогия.

УЧЕБНЫЕ ЗАДАНИЯ:

1. Прочитайте речь Ф.Н. Плевако в защиту Кострубо-Карицкого и найдите логические схемы, используемые оратором. Если самостоятельное выполнение задания будет вызывать затруднения, то схему главного умозаключения можно найти в тексте данного параграфа. Там же есть и схемы некоторых индуктивных умозаключений.

2. Придумайте умозаключения фигуральной аналогии для изложения какой-нибудь значимой мысли, встретившейся вам в речи Ф.Н. Плевако, произнесенной им в защиту Кострубо-Карицкого.

§ 3. Переходы

Когда материал собран и план речи составлен, следует подумать над тем, чтобы речь казалась единым целым. Переход от изложения одной мысли к другой, от одного пункта плана к следующему должен быть естественным и происходить плавно, без скачков. Поэтому специалисты всегда обращают внимание на переходы. Многие выдающиеся судебные ораторы полагали, что богатство, разнообразие и сила языка выступающего проявляются прежде всего здесь. Исходили они из следующего. Обсуждение любого пункта плана речи предполагает изложение мыслей, обусловленных материалами дела. Излагаемая мысль, считали они, сама подсказывает нужные слова. Задача оратора состоит лишь в том, чтобы выразить свою мысль точнее и четче. Естественные же переходы требуют, чтобы оратор имел литературные навыки. Научиться этому можно, если начать подражать стилю лучших мастеров художественной прозы. Некоторые выдающиеся мастера судебного красноречия предъявляли к оратору еще более высокие требования: они считали, что судебный оратор должен писать всю речь как литературное произведение. Так думал и так работал, например, Сергей Андриянович Андреевский. Вот что он писал по этому вопросу:

«Сделавшись судебным оратором, прикоснувшись на судебном заседании к «драмам действительной жизни», я почувствовал, что и присяжные заседатели — мы воспринимаем эти драмы, включая сюда свидетелей, подсудимого и бытовую мораль процесса, совершенно в духе и направлении нашей литературы. И я решил говорить с присяжными, как говорят с публикой писатели. Я нашел простые, глубокие, искренние и правдивые приемы нашей литературы в оценке жизни следует перенести в суд»

«...Этот прием не составляет моего открытия. Я имел предшественников. Называю их вполне определенно: Урусов и Кони. Урусов первый создал свободный литературный язык защитительной речи. Кони первый внес в судебные процессы литературно-психологические приемы в широких размерах...»

Тезис о необходимости для судебного оратора во всем подражать писателю С.А. Андреевский отстаивал с помощью таких аргументов:

«...Возьмите хотя бы два рассказа Чехова: «Злоумышленник» («Беда»). Герой первого рассказа крестьянин Григорьев отвинчивая шпалы, которыми рельсы прикрепляются к шпалам, иными словамимышленно повреждал железнодорожный путь с явной опасностью для пассажиров, т.е. совершил преступление. Во втором — купец Авдеев, член ревизионной комиссии одного крахнувшего банка подписывал подложные отчеты, т.е. судился за преступление. Чехов не юрист. Но кто же — даже самый лучший из нас — по тем же обвинениям, которые я назвал, когда бы то ни было произнес в суде что-нибудь до такой степени яркое и простое, до такой степени безоруживающее всякую возможность преследования этих двух преступников (Григорьева и Авдеева), как то, что написал Чехов в этих двух коротеньких рассказах?»¹

При всем уважении к столь авторитетному мнению, полагаем, что при подготовке речи для выступления в суде оратор должен предъявлять к себе самые высокие требования, но требование быть писателем, справедливое по отношению к А.И. Урусову и Ф. Кони, С.А. Андреевскому, В.Д. Спасовичу кажется чрезмерным, если речь заходит о рядовом судебном ораторе. Этих юристов не зря называли выдающимися. Кроме того, они действительно имели литературный талант и были писателями. Им можно подражать, но стать равным им сможет далеко не всякий. Необходимо признать, что художественная литература и судебная речь — одно и то же. Судебный оратор должен доказывать и убеждать воздействуя на аудиторию не с помощью образов (как в художественном произведении); ему приходится оперировать понятиями поэтому судебная речь включает в себя элементы научного и пуб-

¹ Андреевский С.А. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века. Тула: Автограф. 1997. С. 7—8.

лицистического стилей. Там, где используется научный стиль, средством перехода от мысли к мысли становится логическое умозаключение. В этом случае речь планируется как доказательство тезиса, сформулированного оратором. Тезис доказывается с помощью логических схем: дедукции, причинной зависимости, индукции или аналогии.

Для подтверждения сказанного рассмотрим отрывок из обвинительной речи товарища прокурора В.И. Петрова, произнесенной им по делу Дмитриевой и Кострубо-Карицкого. В данной части речи сформулировано обвинение врача Сапожкова в том, что он пользовался средствами, которые могли спровоцировать вызвать выкидыш у пациентки¹.

«По отношению к г. Сапожкову мы имеем точно такое же его собственное сознание, данное им на предварительном следствии, в котором он говорил, что г. Дюзинг и Дмитриева просили его произвести выкидыш, что он, с одной стороны, тронулся просьбами этой последней, которая представляла ему безвыходность своего положения, а с другой — желал получить известное вознаграждение за свои труды и окупить расходы на поездку в Рязань. Он начал, по его словам, употреблять разные внутренние средства, как те спорынья и пр. Спорынья, говорит он, прописана была Дюзингом но в таком количестве, что, по мнению экспертов, не могла быть безвредна, особенно для беременной женщины. Затем он советовал ей делать души. По его словам, при сильной натуре Дмитриевой это не могло иметь вредного влияния на ее организм. Но, во первых, по мнению эксперта, спринцевание для беременной женщины вообще небезопасно, особенно же при частом его употреблении; во-вторых, мы имеем полное основание сомневаться в том что вода была лишь несколько теплее парного молока, а именно по следующим основаниям: при производстве предварительного сле-

¹ См.: Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX в. 1997. С. 42—43.

ствия судебный следователь определил температуру той воды, которую Дмитриева спринцевалась; для этого он в достаточно горячую воду положил термометр, предложил Дмитриевой опустить туда руку и когда она говорила, что вода горяча сравнительно с тою, какая употреблялась при спринцевании, то он подливал холодной воды, когда же она сказала, что вода точно такая, какая была, то он заметил градус, на котором термометр остановился. Тот же самый способ предложен был и Кассель. Этим путем были получены следующие результаты: одна из подсудимых остановилась на 34, другая на 37 градусах. По показанию же эксперта, для произведения преждевременных родов употребляются спринцевания от 30 до 35 градусов. Таким образом, мы имеем полное основание заключить, что вода, которою Дмитриева спринцевалась по совету Сапожкова, была значительно теплее парного молока».

«...Было еще средство, которое употреблял Сапожков, — это частое введение зонда. Дмитриева говорит, что он прибегал к этому средству почти ежедневно. По мнению эксперта, введение зонда для беременной женщины далеко не безопасно. Хотя Сапожков и говорит, что он вводил его с большой осторожностью, при которой не мог повредить околоплодного пузыря, но эксперт утверждает, что врач в данном случае не может быть уверен в себе, что не ошибется и не совершит того, чего Сапожков, по его словам, совершить не хотел».

Тезис обвинительной власти обосновывается с помощью индуктивной логической схемы. Используется метод полной индукции. Обвинение имеет три части. Каждая из них, в свою очередь, обосновывается. Но сейчас мы хотим обратить внимание читателя только на переходы, обусловленные использованием логической схемы. Итак, тезис обосновывается с помощью трех аргументов:

Т: Врач Сапожков использовал средства, признаваемые медициной пригодными для произведения выкидыша.

а₁: По совету Сапожкова Дмитриева принимала спорынью, которая, по мнению медицинского эксперта, могла способствовать произведению выкидыша.

а₂: По совету Сапожкова Дмитриева ежедневно спринцевалась водой такой температуры, которая, по мнению судебно-медицинской экспертизы, могла привести к преждевременным родам.

а₃: Сапожков ежедневно вводил зонд Дмитриевой, но введение зонда, по мнению медицинской экспертизы, может повредить (даже при максимальной осторожности врача) околоплодный пузырь, что приведет к выкидышу.

Через S_1, S_2, S_3 обозначим названные действия Сапожкова, а через P — мнение судебной экспертизы, высказанное по поводу этих действий. K — класс действий врача Сапожкова, рассматриваемых на судебном заседании. Схема умозаключения примет следующий вид:

Посылки: S_1 имеет признак P
 S_2 имеет признак P
 S_3 имеет признак P
 S_1, S_2, S_3 составляют класс K

Заключение: Всем элементам класса K присущ признак P

Обратите внимание на предложения, которыми обвинитель заканчивает изложение одного аргумента и начинает изложение следующего. Именно они составляют то, что принято называть переходом. Он совершается с помощью фраз, нужных для изложения обстоятельств дела, и при всем желании в них невозможно заметить никакой литературности или художественности. Переходы выглядят естественно и убедительно, хотя их необходимость обусловлена только обстоятельствами дела и желанием оратора изложить вопрос ясно и последовательно. Всякая же попытка придать этим переходам художественную образность не только сделает речь обвинителя смешной, но и затемнит его мысль. Таким образом, художественные переходы в данном месте речи не нужны.

Переходя от одной мысли к следующей, оратор должен объяснить свои действия и слушателям, иначе его могут не понять. Это делается с помощью выражений, привлекающих внимание к тому, о чем станет говорить оратор в данный момент. В судебной речи такими выражениями могут быть:

«...Прежде всего считаю необходимым высказать следующие соображения...»

«...Мне остается ответить на два (три и т.п.) существенных вопроса...»

«...Напомним показания самого Х...»

«...Это можно доказать иначе...»

«...Ввиду всех этих соображений мы считаем доказанным...»

«...Приступая к установлению факта, защита не может держаться того порядка, которого держалась обвинительная власть...»

«...Подводя итоги сказанному...»

«... Следует начать с...»

«...Но статья... говорит только о... Давать ей более широкое толкование, значило бы...»

«...В этом деле есть много существенных вопросов, которые не выявило следствие...»

«...Относясь с полнейшим доверием к ..., я не могу не отметить...»

«...Возможно ли по таким сомнительным данным выводить обвинение и достоверно утверждать, что...»

Такого рода замечания, привлекающие внимание слушателей к тому, о чем будет сказано, поясняющие порядок изложения, основные цели речи или задачи, решаемые оратором в данной части речи, называются авторскими ремарками.

Были приведены примеры лишь некоторых выражений, какими пользуются судебные ораторы для обозначения перехода. Чтобы расширить свой арсенал в этой области, надо читать речи выдающихся юристов, выписывать подобные фразы, систематизировать их, а потом вставлять в собственную речь.

Всякая систематизация предполагает и классификацию, т.е. разделение собранного материала на виды, подвиды и т.д. Конечно, обвинитель использует другие переходы, нежели защитник. Это первое основание для деления переходов на группы. Каждая из композиционных частей речи также имеет свои особенности, и переходы должны соответствовать композиционной части речи. Это

второе основание для деления переходов на виды. Основания для классификации могут быть разные, главное в другом. Важно «собрать» переходы и стараться при случае вставлять их в собственную речь.

Переходы дают возможность разнообразить ритм речи и таким образом позволяют сделать ее менее утомительной для слушателей. С помощью переходов оратор может сделать речь более ясной и понятной. И, наконец, они — средство, с помощью которого оратор легче всего может воздействовать на аудиторию: изменить психологическую обстановку, привлечь внимание, призвать к порядку и т.п.

Итак, что же такое «переход»? При ответе на этот вопрос вначале сформулируем требования, предъявляемые к переходу, а затем будет дано определение самого понятия. Переход всегда делается в том случае, когда оратор меняет тему изложения. Переходы должны быть естественными. Это значит: они не должны резко отличаться по манере и стилю от того, что говорилось в тех частях речи, где излагается суть рассматриваемого дела. Переходя от одной мысли к следующей, оратор должен помнить о своем главном тезисе, сформулированном в **предложении**, и о тех его частях, которые назывались в **разделении**. Его задача — обосновать этот тезис, то есть сделать его убедительным, ясным и понятным для слушателей. Каждый переход должен приближать его к достижению названной цели. **Переход — это завершение одной мысли и начало следующей.** С помощью перехода оратор также показывает слушателям, насколько он продвинулся в изложении и разъяснении своего основного тезиса. Отсюда вытекает и главная задача, решаемая с помощью перехода: оратор должен придать изложению цельность и в то же время демонстрировать движение, конечная цель которого — окончание речи.

Что же есть в переходах? Окончание одной мысли и начало следующей. Итак, переход — это некое противоречивое текстовое единство, предполагающее остановку, подведение итогов сказанного и следующее за остановкой движение вперед.

Говоря о переходах вообще, мы имеем в виду выполняемую ими общую функцию, однако среди них можно выделить несколько видов. Во-первых, это переходы, обусловленные использованием логического умозаключения. О них уже шла речь. Во-вторых, художественные переходы. Среди последних различаем переходы двух видов: а) переходы, сделанные благодаря использованию фигур мысли; б) переходы, возникающие из-за того, что оратор вводит речь элементы драматизма.

Последний вид переходов — авторские ремарки, т.е. комментарии оратора, когда он хочет разъяснить слушателям порядок изложения материала, свои исходные принципы, основные цели и задачи, решаемые в данной части речи, и т.п. В зависимости от того пользуется ли оратор логической схемой изложения либо стремится придать речи художественную образность, авторские ремарки могут принимать форму логического или художественного перехода.

Рассмотрим переходы, называемые художественными, те из них, которые возникают благодаря использованию фигур мысли. Среди них различают: 1) фигуры убеждения; 2) фигуры украшения; 3) фигуры эмоционального воздействия. Все они могут быть использованы для перехода от одной мысли к следующей. Умение, с помощью которого оратор выбирает нужную фигуру, вырабатывается упражнениями. Поэтому следует искать фигуры в художественных произведениях, в речах выдающихся судебных ораторов, а затем пытаться использовать их в собственной речи. Выработать собственную оригинальную манеру выражения — дело длительное и трудоемкое. Поэтому в большинстве случаев (по крайней мере на первых порах) следует использовать фигуры убеждения при обосновании или доказывании своей точки зрения. При описании или изложении каких-то событий или фактов нужно ориентироваться на фигуры украшения. Для влияния на чувства слушателей следует отдать предпочтение фигурам эмоционального воздействия.

¹ О фигурах мысли говорилось в главе II.

В качестве примера использования в переходах фигур мысли рассмотрим начало речи князя А.И. Урусова в защиту Дмитриевой:

«Господа судьи, господа присяжные заседатели»¹. (Речь начинается грамматическим обращением, назначение которого — привлечь внимание слушателей. Это не фигура, а лишь традиционное начало. Но оратор стремится не просто привлечь к себе вежливое внимание. Он претендует на большее: хочет увлечь и покорить. Поэтому сразу же за традиционным обращением начинается фигура убеждения, называемая сообщением: оратор советуется и рассуждает как бы вместе со слушателями. — *О.П.*)

Вот уже восемь дней кряду, как дело, почти беспримерное по своей продолжительности и далеко не оконченное, разбирается вами с тем терпением и неуклонным вниманием, которые, конечно, должны быть отнесены к числу самых наглядных заслуг присяжного института, к числу таких гражданских заслуг, которые упрочивают навсегда за этим дорогим для нас учреждением энергическое сочувствие русского общества. (Сообщение кончилось. — *О.П.*). В течение восьми дней представители всего местного общества с напряжением следят за ходом процесса (Используется картина — прием, с помощью которого все сказанное оратором представляется как бы происходящим на глазах слушателей. Картина является фигурой украшения. — *О.П.*) В течение восьми дней подсудимым даны были все возможные средства к оправданию... мало того, что возможные, но было читано и говорено много лишнего, чего по закону бы не следовало говорить. (Кажется, что в последнем предложении оратор говорит еще о том же самом; на самом деле это не так. Используется фигура эмоционального воздействия, умолчание. Фигуру можно угадать по многоточию в середине предложения. Состоит она в том, что оратор, не закончив мысль, оставляет ее и переходит к другой)

¹ Чтобы читателю проще было отличать текст речи от комментариев, слог А.И. Урусова выделены.

но из уже сказанного слушатели легко могут догадаться о том, что притворно умалчивается. Адвокат же намекает на то, что, по его мнению, слишком много возможностей для оправдания было предоставлено полковнику Карицкому. А.И.Урусов пока лишь испытывает и проверяет чувства слушателей. — *О.П.*)

Но если все это отняло много времени, то, по крайней мере, исчерпало, кажется, до дна содержание дела. И вот, наконец, наступает торжественная минута, когда мы должны сказать свое слово перед обществом. (Последнее предложение является фигурой мысли. Это опять картина. Она является первой частью перехода. После нее — остановка. Новую мысль, придающую речи движение, начинает фигура убеждения: вопросно-ответный ход. Используется простой вопрос или вторая фигура убеждения. — *О.П.*)

Можете ли вы на основании представленных доказательств сотворить суд по правде, ограждая вверенные вам интересы общества? (Переход завершен, начинается изложение новой мысли. — *О.П.*)

Есть одно чувство, господа присяжные заседатели, которое как бы вставало воочию перед вашими глазами, словно возвышалось над этим уголовным процессом, чувство величественное и гордое — это чувство общечеловеческого равенства, равенства, без которого нет правосудия на земле! Пусть все двенадцать граждан, занимающие теперь места присяжных заседателей, проникнутся убеждением, что лишь сознанием равенства всех людей перед законом творится правда, и тогда они безбоязненно, спокойно отнесутся и к слабым и сильным мира сего. (Первое предложение начинает новую мысль. Поддерживает мысль риторическая фигура украшения. Это опять картина. Второе предложение содержит фигуру эмоционального воздействия, обращение. Оратор прерывает свою речь, обращаясь к присяжным с призывом: оценивать действия подсудимых, не обращая внимания на их звания и заслуги.

Попробуйте передать содержание обоих предложений обычными повседневными словами. В нашей интерпретации это одна короткая фраза: *«Без равенства людей перед законом нет правосудия, поэтому не обращайтесь внимания на звания и заслуги»*. Высказанная без фигур мысль кажется просто общим местом, в ней нет оригинальности. Адвокат пытается придать сказанному весомость при помощи фигур. (Значение сказанному придает только мысль. Если в предложении нет стоящей мысли, фигуры могут сделать его только неестественным. — О. П.)

Посмотрите кругом себя: теперь на ваших глазах уже многое изменилось. Мыслимо ли было несколько лет тому назад, когда еще не существовали уставы 20 ноября 1864 года, чтобы стоящий перед вами Карицкий, полковник, губернский воинский начальник, лицо сильное в небольшом губернском мирке, украшенный всякими знаками отличия, сильный своим знакомством, был предан суду по такому делу? Конечно, об этом и мечтать иногда было бы не совсем удобно». (Речь, в которой каждое из предложений является фигурой, становится дробной. Переход совершается всякий раз, как начинается очередное предложение. Здесь надо или каждое предложение печатать с красной строки, или вообще не делить текст на абзацы. Последний путь избрали составители книги, когда перепечатывали выступление кн. А.И. Урусова¹. Воспринимать же на слух речь, состоящую сплошь из фигур, трудно, поэтому ими не стоит злоупотреблять. Фигуры надо использовать для соединения мыслей, а не подменять мысль фигурой.

Начало последнего отрывка в печатном тексте речи соединяется с концом предыдущего. Предыдущий оканчивается **обращением** Начало следующего как будто тоже начинается **обращением**, но на самом деле обращение соединено с другой риторической фигурой **сообщением**. Сообщение является фигурой убеждения. Использоу

¹ См.: Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века. С. 43—44.

е, говорящий как бы советуется и рассуждает вместе со слушателями. Итак, переход есть, хотя в печатном тексте он и не выделен. Сообщение имеет форму вопроса. Затем следует ответ. В сообщении вплетаются элементы другой фигуры убеждения: **вопросно-ответный ход**. Сказанное оратор старается еще и украсить. Опять используется **картина**. Ко всему этому добавляется фигура эмоционального воздействия, называемая усилением. При усилении оратор повторяет одну и ту же мысль несколько раз, но использует для этого другие слова. В данном случае усиление обнаруживается в выражении: «...полковник, губернский воинский начальник, лицо сильное в небольшом губернском мире, украшенный всякими знаками отличия, сильный своим знакомством...». Как видим, в этой части речи А.И. Урусов не пользуется средствами рационального убеждения, а рассчитывает лишь на возбуждение у слушателей иррациональных эмоций. — О.П.)

Отрывок из речи судебного оратора очень показателен для иллюстрации использования фигур мысли (фигур много), но это совсем не значит, что поэтому он хорошо написан. Большое количество фигур мысли, как мы убедились, не может заменить самой мысли. Обилие фигур в речи дробит мысль, затемняет ее и придает видимость значимости тому, что на самом деле таковым не является. Это и называется *искусственностью и выспренностью* речи. Фигуры мысли можно использовать как средство перехода от мысли к мысли, можно с помощью фигуры и усилить мысль, чтобы подчеркнуть ее значение. Но это должна быть действительно значимая мысль. Оратору совсем не нужно вставлять фигуру в каждое предложение.

Перенасыщенность фигурами — плохой признак, свидетельствующий о нечеткости позиции оратора и его стремлении запутать слушателей, воздействуя не на разум, а на эмоции. Решая вопрос о количестве фигур в речи, следует помнить о *правиле*, сформулированном еще античными риториками: *лучше высказать мысль без украшений, чем украшать фигурами мысли речь, не содержащую мысли.*

Взятый в качестве примера отрывок из речи кн. А.И. Урусова не связан с разбором обстоятельств рассматриваемого дела. Здесь оратор выходит за рамки вопросов, непосредственно относящихся к судебному разбирательству. В подобных случаях оратор обычно говорит или об обстановке в стране, либо о политическом или нравственном значении каких-то законодательных актов, либо о реакции общественного мнения на решение суда, либо о чем-нибудь еще в этом же роде. Во всех этих случаях речь судебного оратора приобретает публицистическую направленность и, естественно, содержит в себе элементы названного стиля.

Рассмотрим художественные переходы в чистом виде. Но прежде чем разбирать текст, заметим следующее. Обычно слушатель и читатель обращают внимание на первые слова, которые начинают изложение мысли. Эти слова лучше запоминаются и дольше сохраняются в памяти. В письменной художественной речи каждая новая мысль начинается с красной строки. Обратите внимание на первую строку абзаца и запомните: именно она задает темп всему отрывку текста, в котором излагается данная мысль. Кроме того, в первых строках абзаца автор обычно высказывает ту мысль, которая выражает суть данного отрывка. Дальше, в следующих строках, данная мысль только разъясняется, уточняется, иллюстрируется и т.п.

Теперь (в любом художественном произведении) внимательно прочитайте последнее предложение предыдущего абзаца, а затем прочтите первое предложение следующего. Вы почувствовали ли литературный переход? Надеюсь, что теперь вы обратили на него внимание.

Знаменитый роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» начинается словами:

«В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер один молодой человек вышел из своей каморки...»

Последние строки первого абзаца: «...и медленно, как бы в решительности, отправился к К-ну мосту».

Второй абзац, первое предложение: «Он благополучно избег встречи со своею хозяйкой на лестнице».

Последнее предложение второго абзаца: «Он был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться».

Третий абзац, первое предложение: «Не то, чтоб он был так труслив и забит, совсем даже напротив...»

Последнее предложение третьего абзаца: «Но останавливаться на лестнице, слушать всякий вздор про эту обыденную дребедень, до которой ему нет никакого дела, все эти пристаивания о платеже, угрозы, жалобы, и при этом самому изворачиваться, извиняться, лгать, — нет уж, лучше проскользнуть как-нибудь кошкой по лестнице и улизнуть, чтобы никто не видал».

Четвертый абзац, начало: «Впрочем, на этот раз страх встречи с своею кредиторшей его самого поразила при выходе на улицу.

«На какое дело хочу покуситься, и в то же время каких пустяков боюсь!» — подумал он...»

Четвертый абзац, конец: «Так ради фантазии сам себя тешу: игрушки! Да, пожалуй что и игрушки!»

Пятый абзац, начало: «На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу...»

Пятый абзац, конец: «В эту же минуту он и сам создавал, что мысли его порою мешаются и что он очень слаб: второй день как он почти совсем ничего не ел».

Выписки можно продолжать, но остановимся на этой, предложив читателю самому обратить внимание на все переходы первой главы.

Сделаем вывод, имея в виду, что все переходы просмотрены.

В первой главе Ф.М. Достоевский знакомит читателя с главным героем романа. Знакомство происходит через приобщение к действиям и мыслям Родиона Раскольникова. Действия самые обыкновенные, но в них просвечивает какой-то, пока еще не определившийся, замысел, который пугает и самого героя. К концу первой главы малознакомый и не очень понятный молодой человек стал нам интересен. Что же о нем читатель узнал? Он плохо одет, голоден, задолжал за квартиру. Ходил закладывать вещи и, получив

деньги, оказался у распивочной. Почему же он нас заинтересовал? Молодой человек не слишком примечателен. Действия самые обычные... Нас притягивает пока лишь намечаемый автором конфликт. Мы еще не можем сказать, в чем он состоит, но чувствуем, что он есть, и стараемся угадать, в чем и как он проявится. Именно поэтому внимательно вчитываемся в текст.

В абзацах обнаруживаем пояснения, касающиеся действий и мыслей молодого человека, авторские замечания о том, как он одет, о пути, по которому он шел, описание квартиры держательницы ссудной кассы, летнего Петербурга и т.п.

Что же есть в переходах? Окончание одной мысли и начало следующей. Конец и начало каждого абзаца делают текст единым целым. Здесь как бы концентрируется замысел автора, а весь остальной текст абзаца лишь поясняет то, что есть в начале и в конце.

Итак, писатель почти не использует фигур мысли для переходов. В первой главе, например, мелькнет иногда восклицательный знак, которым заканчивается риторический вопрос — и всё! К том же и не очень заметен этот риторический вопрос: переходы не бросаются в глаза.

Все, что мы сказали о «Преступлении и наказании», справедливо и для других высокохудожественных произведений литературы. Во всех случаях переход от мысли к мысли осуществляется благодаря использованию писателем *элементов драматизма*. Важнейшими компонентами, с помощью которых создается драматическая ситуация, являются: *конфликт, ожидание, развязка*. Под *конфликтом* в художественном произведении имеется в виду не просто несовпадение, а противоположная направленность интересов и стремлений главных действующих лиц. *Конфликт* может быть как внешним, так и внутренним: противоречия не только в поведении и стремлениях, но и в мыслях героя. Этот конфликт обязательно становится важнейшей частью авторского плана. С помощью автор выражает свои важнейшие идеи. Конфликт порождает выражение в поведении, переживаниях и конкретных поступках героев, их диалогах и монологах. *Конфликт* всегда нагляд

авторы стремятся выразить мысли, чувства и переживания действующих лиц так, будто они происходят у нас на глазах; все выражения действующих лиц передаются от первого лица, в настоящем времени.

Конфликт вначале лишь намечается и только через некоторое время становится понятен. Затем следует *ожидание*, во время которого действие и противодействие временно уравнивают друг друга. *Развязка* наступает в конце произведения.

Можно ли все это перенести в судебную речь? — Да. Каждый судебный оратор должен стараться включать в свою речь **элементы драматизма**. Правда, судебный оратор не всегда может изложить все элементы драмы в художественных образах. Чтобы убедить суд, он должен пользоваться понятиями. Поэтому *драматизм в судебной речи принимает форму борьбы идей*. Если оратор учтет это и будет вводить в речь **элементы драматизма**, то он может специально не обдумывать **переходы**. Они будут получаться «сами собой». Можно будет использовать при переходах и риторические фигуры, но они не будут бросаться в глаза и не станут дробить вашу мысль: действие и конфликт окажутся на первом месте, а фигуры станут лишь дополнять и усиливать мысль. *Когда в речи все подчинено действию и конфликту, то фигур бывает немного, а те, что есть, выполняют свои функции. Ведь назначение фигур состоит только в том, чтобы усилить мысль, сделав последнюю более убедительной. Использовать ее вместо мысли нельзя.*

Надо сказать, что князь А.И. Урусов в речи, произнесенной в защиту Дмитриевой, также пытался использовать элементы драматизма. Но идея конфликта была выбрана неудачно: конфликт кажется не взятым из жизни, а надуманным. Присяжный поверенный говорит о борьбе привилегированной части общества против правосудия и связывает эту борьбу с конкретным делом Дмитриевой и Кострубо-Карицкого. Искусственная надуманность и нечеткость драмы проявляется прежде всего в том, что конфликтующие стороны не названы: неясно, у кого и с кем идет борьба. Сам кн.

А.И. Урусов защищает представительницу привилегированного сословия. Эта женщина украла деньги у одного из своих родственников и оговаривает в краже другого. Увидеть в мелких своекорыстных действиях подзащитной отражение больших общественных процессов очень трудно. Говорить же о какой-то борьбе, где каждая из сторон является равноправным участником конфликта, исход которого неясен, — просто логическая ошибка: нельзя сравнивать несравнимое. Слабость замысла проявляется и в том, что **конфликт** не получает развития в других частях речи защитника: не **ожидания**, нет и **развязки**. Конфликтности хватает лишь на **введение**. Все это свидетельствует о том, что начало речи продуман недостаточно.

Рассмотрим еще один пример, начало «Речи гражданского истца в защиту интересов опеки А.В. Мазуриной». Произнес речь Ф.Н. Плевако.

«Господа судьи и господа присяжные заседатели!»¹

Есть на свете больная и жалкая слабоумная девушка — В. Мазурина, Бог весть зачем коротающая ни себе ни людям ненужную жизнь.

Есть на свете другая женщина — она перед вами, — почтенного вида и преклонных лет, которой, казалось, не след и сидеть на скамье позора, на скамье отверженных общества.

А между тем, судьбе угодно было связать общей нитью э две противоположные натуры».

(Речь начинается сравнением двух непохожих друг на друга женщин: их внешности, характеров, особенностей поведения и т.д.) То, что эти женщины оказались рядом, стало началом драмы, которая и рассматривается на судебном заседании. Таким образом конфликт и драма не надуманы. Они являются сутью разбираемого дела. Кто-нибудь может сказать: «Это дело такое, и здесь оратор не нужно было ничего придумывать» — «Нет, — возразим ему

¹ Слова Ф.Н. Плевако выделены нами. — О.П.

конфликт и драму нужно искать в каждом судебном деле; они там всегда есть, без них дел не бывает». Задача оратора состоит лишь в том, чтобы увидеть: где, как и почему сталкиваются интересы людей, а затем и сами люди. Конфликт надо обнаружить, а потом с достаточной силой выразить. Плевако и стремится придать речи наибольшую силу. Для этого используется фигура украшения, называемая **параллелью**. Фигура позволяет слушателям ясно ощутить противоположность натур обеих женщин. Достигается это благодаря сравнению главных лиц судебной драмы. **Параллель** соединяется с **картиной** и **характеристикой**. Картина придает наглядность сказанному: Булах у нас перед глазами. **Характеристика** также лишь дополняет параллель. Характеристика используется для того, чтобы объяснить преступление личными свойствами душевными побуждениями преступника. Все три фигуры являются фигурами украшения. Они позволяют оратору подчеркнуть и усилить драматизм разбираемого дела. Фигуры не выполняют никаких самостоятельных функций, а служат раскрытию главной идеи оратора: наилучшим образом передать конфликт и суть разбираемого дела. Поэтому такое использование фигур мысли принято называть *естественным*. — О.П.)

«Замечательная энергия, завидная сила воли этой и бессилие и безволие той — дали место драме, реальностью ужасов и страданий превосходящей сотни созданий фантазии Сердцеведов, по которым мы изучаем внутренний мир человека». (Снова параллель в сочетании с характеристикой. Фигуры слиты. Одна дополняет и усиливает другую. — О.П.)

«У этой драмы до сегодня не доставало только эпилога. Как он будет — трагический или комический, с победой добра в конце концов или с вакхическим смехом торжествующего и безнаказанного порока, — это досочините вы и напишете на том листе, который, по окончании наших прений, вручим вам руководящая вами и нами судебная коллегия». (Обращение. Фигура эмоционального воздействия. Фигура обращения призывающая присяжных не допустить торжества порока, не раз

рывает речь. Она подчеркивает отношение гражданского истца к преступнице, придавая замыслу оратора большую четкость. — *О.П.*)

«Наша драма разыгрывалась во многих уголках России, но самый главный момент ее, на который вы обратили особое внимание, происходил во Ржеве. В этом городе есть два выдающихся благотворительных заведения, воздвигнутые на средства Мазуриной, но управляемые Булах. В одном из этих заведений есть небольшая, сомнительной опрятности комната, которую бы следовало сохранить как исторический памятник растления нравов. Знаете ли вы это?» (Вопрос. Вторая фигура убеждения. Используется для того, чтобы слушатель обратил внимание на последнее предложение. — *О.П.*) «Это единственное убежище, и то данное нехотя Булах Мазуриной, создательнице этих домов, когда она — нищая и больная, постучалась у ворот прося корки хлеба и крова для ночлега...» (Снова используется параллель. — *О.П.*)

Сравнение Мазуриной и Булах позволяет оратору не только назвать главных участников судебной драмы, но и наметить назревающий между ними конфликт, в результате которого молодая и богатая девушка станет бедной и больной, а почтенная с виду женщина, совершив преступление, превратится из бедной в богатую.

Оратор говорит то о Мазуриной, то о Булах, сравнивает их, противопоставляет, и переходы от мысли к мысли не вызывают возражений. Драма действующих лиц судебного разбирательства маскирует переходы. Они не привлекают внимания, потому что слушатель следит за содержанием речи. Однако форма речи тщательно обработана: мысль и фигура неразделимы. Начинается мысль, начинается и фигура. Заканчивается фигура, заканчивается и мысль. Именно поэтому переходы кажутся естественными, и слушатель не обращает на них внимания.

«Главные деятели драмы вам уже названы. Отметим выдающиеся черты их». (Переход. — *О.П.*)

«Мазурина — дочь и наследница богатого отца; в детстве она не выдавалась особо сильными способностями, но и не была обижена судьбой. Она была молода, сильна надеждами юности, у ней был, — правда, небольшой умишко, который ждал голько опытных рук для своего развития». (Характеристика Мазуриной. — *О.П.*)

«Булах от воспитателей и мужа не получила богатого наследства, но зато ей было много дано судьбой. Она много знала, иогла этим знанием добывать себе честный кусок хлеба. (Характеристика Булах. — *О.П.*)

«И они встретились». — (Переход. — *О.П.*)

Рассмотрим два последних абзаца. Сравнивание главных действующих лиц драмы создает параллель. Переход не нужен. Его и нет. Текст соединяется в единое целое с помощью сопоставления двух главных действующих лиц драмы и конфликта, возникающего между ними.

Два абзаца соединяются в целое, но в начале и в конце последнего отрывка в качестве переходов использованы авторские ремарки, с помощью которых оратор может объяснять или порядок, или особенности своего изложения темы. Как уже отмечалось, подобные отступления также являются средством, помощью которого может быть сделан переход. Их можно использовать наряду с приемами, которые применяет оратор, чтобы показать, что говорит без подготовки¹.

Итак, эффект драматизма — прекрасное средство, позволяющее естественно соединять отрывки текста в единое целое. Пользоваться им можно во многих случаях, но не всегда. Что же нужно сделать, когда не удастся ввести элементы драматизма в какую-то часть речи?

Одно из таких средств — **авторские ремарки**, поясняющие, что, как и почему будет изложено. Авторские ремарки нельзя считать художественным переходом. Нельзя считать их и логическим переходом, поскольку их природа зависит от контекста, в котором они употребляются. Однако в большинстве случаев **авторские ремарки**

¹ Об этих приемах см. гл. П, § 2, п. «в».

пользуются ораторами для того, чтобы придать изложению большую ясность, четкость и последовательность. Слушатели могут простить судебному оратору отсутствие художественности в речи, но отсутствие ясности и последовательности — недопустимый порок. Поэтому оратор обязан объяснить, какие вопросы хочет рассмотреть, почему станет это делать и отчего именно в такой последовательности, а не в другой. Ему надо уметь и дать понять слушателям, что он закончил рассматривать какой-то вопрос и переходит к следующему, или сказать им о том, что важнейшие положения его речи доказаны, либо предупредить, что обстоятельства дела требуют рассмотрения каких-то документов и т.п. **Авторские ремарки** — необходимая и очень важная часть речи. Они являются полноценными переходами, поскольку не только придают связность речи, соединяя воедино разные ее части, но и создают впечатление движения. Есть и еще один момент, на который следует обратить внимание. В авторских ремарках оратор невольно показывает свое настоящее лицо. А слушатель всегда стремится выяснить: каким же в действительности является человек, который вот сейчас что-то предлагает. Насколько оратор понравится или не понравится слушателям, в немалой степени зависит от ремарок. Слушатели могут и не отдавать себе отчета в том, на основании чего они сделали вывод о личности оратора, но оценка всегда будет, и авторские ремарки сыграют здесь не последнюю роль.

Оратор должен помнить об этом и уделять ремаркам соответствующее внимание.

В качестве перехода можно использовать и приемы, с помощью которых оратор показывает слушателям, что говорит без подготовки. Эти приемы не только придают живость, динамизм и оригинальность манере изложения, но и позволяют сделать самый неожиданный переход, который не вызовет у слушателей возражений, поскольку будет казаться произвольным или обусловленным авторской манерой изложения материала. Конечно, данными приемами не следует злоупотреблять и пытаться с их помощью соединить несоединимое.

При работе над переходами не нужно забывать о главном. Главным же является цель, которой вы стремитесь достичь в данной речи. Цель (общая и конкретная) может быть достигнута, если тезис речи будет обоснован, а в каждой из частей речи будет выполнена задача, приближающая к поставленной цели. Иначе говоря, при составлении переходов надо всегда держать в уме идею речи (главный тезис) и то, каким образом он будет обосновываться.

Оценить цельность, полноту и единство собственного замысла оратор сможет, если представит свою речь в форме вопросов, на которые его речь дает ответы. Последний вопрос в этой серии и ответ на него должны закончить изложение всего необходимого материала.

Итак, всю речь надо планировать как цепь вопросов, на которые слушатель должен получить ответы. Эти вопросы необязательно должны быть сформулированы в самом тексте речи. Но оратор обязательно формулирует их для себя, а ответы на вопросы должны обнаруживаться в тексте речи. Если вы пользуетесь таким приемом, вам не придется ломать голову над проблемой естественного перехода от мысли к мысли. Переходы будут получаться сами собой, почти автоматически.

Данный прием позволяет проверить полноту охвата и изложения темы, независимо от того, пользуется оратор логическими или художественными переходами. Он же дает возможность постоянно демонстрировать слушателям, что речь является упорядоченным поступательным движением к намеченной цели.

Для того чтобы сделать изложение более строгим и последовательным, а также, чтобы легче находить нужные переходы, можно использовать и приемы, разработанные создателями хрий¹.

Проще воспользоваться методами изложения с помощью простой хрии, поскольку в этом случае не нужно строить силлогизм. Если, например, исходя из сути разбираемого дела вы хотите обосновать какую-то мысль, нужно искать ее причину. Надо мысль подтвердить

¹ О хрии см.: Гл. 1, § 3.

- следует найти свидетельство или пример. Нужно найти возражение — придумывайте противное. Хотите сделать мысль убедительной — выводите из нее следствие и напишите заключение.

ТЕРМИНЫ

Переход

Естественный переход

Выспренняя и неестественная речь

Переход, обусловленный использованием логической схемы

Переход, связанный с использованием фигуры

Художественный переход

Авторские ремарки

Замысел

РЕЗЮМЕ

Переход — это некое противоречивое текстовое единство, предполагающее остановку, подведение итогов сказанному и следующее за остановкой движение вперед. **Переход** — это завершение одной мысли и начало следующей.

С помощью **перехода** выступающий показывает слушателям, насколько он продвинулся в изложении и разъяснении своего основного тезиса. Отсюда вытекает и главная задача, решаемая с помощью **перехода**:

оратор должен придать изложению цельность и в то же время продемонстрировать движение, конечная цель которого — окончание речи.

В той части судебной речи, которая включает элементы научного или публицистического стиля, то есть там, где оратор оперирует понятиями, в качестве средства для перехода может использоваться либо **логическая схема**, либо **авторские ремарки**.

Авторскими ремарками мы называем замечания, привлекающие внимание слушателей к тому, что будет сказано, поясняющее

порядок изложения, основные цели или задачи, решаемые оратором в данной части речи.

Художественные переходы бывают двух видов: а) связанные с использованием фигур; б) обусловленные использованием в речи элементов драматизма.

Фигуры можно использовать как средство перехода от мысли к мысли, можно с помощью фигуры усилить мысль. Но это должна быть действительно значимая мысль.

Решая вопрос о количестве фигур в речи, следует помнить о правиле: лучше высказать мысль без украшений, чем украшать фигурами речь, не содержащую мысли.

Важнейшими компонентами, с помощью которых создается драматическая ситуация, являются **конфликт, ожидание, развязка**.

Под **конфликтом** в художественном произведении имеется в виду не просто несовпадение, а противоположная направленность интересов, целей и стремлений главных действующих лиц. С помощью **конфликта** автор выражает свои главные идеи. Вначале **конфликт** лишь намечается и только через некоторое время становится понятен. Затем следует **ожидание**, во время которого действие и противодействие временно уравнивают друг друга. **Развязка** наступает в конце произведения.

Каждый судебный оратор должен стараться включить в свою речь элементы драматизма. **Конфликт** и **драму** нужно искать в каждом судебном деле, они там всегда есть, без них дел не бывает. Правда, судебный оратор не всегда может изложить все элементы драмы в художественных образах. Чтобы убедить суд, он должен пользоваться понятиями. Поэтому *драматизм в судебной речи часто принимает форму борьбы идей*. Если оратор учтет это, он может не думать особенно над переходами. Они будут получаться «сами собой».

УЧЕБНЫЕ ЗАДАНИЯ:

1. Выпишите переходы из двух понравившихся вам речей. Одна из них должна быть речью обвинителя, а другая — защитника. Разбейте переходы по классам, выделив следующие рубрики:

- 1) переходы, использовавшиеся обвинителем;
- 2) переходы, которые употреблял защитник;
- 3) переходы, обусловленные использованием логической схемы;
- 4) переходы, в которых оратор пользовался фигурами;
- 5) художественные переходы (использован эффект драматизма);
- 6) авторские ремарки.

2. Просмотрите еще раз в тексте параграфа те страницы, где цитируется отрывок из «Речи гражданского истца в защиту интересов опеки А. В. Мазуриной», найдите те вопросы, на которые отвечает гражданский истец. Мы нашли четыре таких вопроса:

а. Кто главные действующие лица незавершенной драмы?
б. Чем эта житейская драма в конце концов закончится? в. Где «разыгрывалась» эта драма? г. Каковы характерные черты главных действующих лиц? Дав развернутые ответы на все четыре вопроса, можно последовательно изложить отрывок, не прибегая к эффекту драматизма. Сделайте это. То, что вы произнесете или напишете (лучше написать), должно стать единым текстом, где переходы естественно связывают части целого. Сравните свой текст с текстом мастера. Сравнение не только дает возможность проверить, не упустили ли вы чего-нибудь, но и оценить роль эффекта драматизма в речи. В вашем тексте его нет, у Ф.Н. Плевако — есть. Теперь попробуйте использовать эффект драматизма, изменив соответствующим образом собственный текст. Сможете ли вы обойтись без употребления риторических фигур? Какие фигуры в данном случае лучше всего помогают создать эффект драматизма?

Глава V. ПРОИЗНЕСЕНИЕ И ЗАПОМИНАНИЕ

Классическая риторика содержит пять частей. Три из них — уложение, изобретение и расположение — были рассмотрены.

Тема данной главы — произнесение и запоминание. **Произнесение** как часть искусства оратора включает в себя две важнейшие проблемы: 1) поведение выступающего; 2) восприятие аудитории произносимого текста. **Запоминание** — это система приемов по тренировке памяти, а также рекомендации для заучивания всего подготовленного текста или опорных тезисов, дающих оратору свободу при импровизации.

Основное внимание при изложении материала будет уделено произнесению, поскольку запоминание — лишь необходимая составная часть произнесения текста.

Мастера красноречия обычно подчеркивали значимость произнесения, пересказывая старую легенду.

У Демосфена якобы спросили: «Что в риторике важнее всего?» — «Произнесение», — ответил он. «А что еще?» — допытывался любознательный. «Произнесение», — снова повторил оратор. И отвечал так до тех пор, пока не перестали спрашивать.

Произнесение — это набор приемов и средств, с помощью которых оратор может убедительно изложить слушателям то, что он почувствовал, продумал и подготовил. Конечно, никакая судебная речь не может считаться хорошей, если она плохо произнесена¹.

То, как произносится речь, может заметно влиять не только на отношение к выступающему, но также и на оценку всего им сказанного.

Известно, что первые речи Демосфена не понравились его слушателям. Будущий оратор начал выступать в суде, возбуждая дело против разоривших его опекунов. В ходе судебного процесса, при-

¹ Под «хорошей» А.Ф. Кони, например, имел в виду убеждающую, «претендующую на влияние» речь.

обретя опыт и навыки, он в конце концов выиграл дело, но вначале над ним просто смеялись. У Демосфена был слабый голос, нечеткий выговор и короткое дыхание. Все это мешало восприятию. Переходы казались запутанными и сбивчивыми, доводы — неестественными; более того, начинающий оратор не вдумывался должным образом в содержание произносимых фраз и слов, поэтому не мог передать слушателям собственных чувств и настроений.

С помощью упорного труда Демосфен полностью избавился от своих недостатков.

Полностью преодолеть свои слабости в произнесении удастся лишь очень редким ораторам, но без работы в этом направлении настоящим оратором стать нельзя. Только при произнесении речи выявляется индивидуальность оратора и создается «образ», который будет убедителен или неубедителен для аудитории. Так, из воспоминаний А.Ф. Кони о Ф.Н. Плевако узнаем, что выдающийся судебный оратор России не сумел избавиться от всех своих недостатков в произнесении. Движения Федора Никифоровича во время речи «...были неровны и подчас неловки; неладно сидел на нем адвокатский фрак, а пришепетывающий голос шел, казалось, вразрез с его призыванием оратора. Но в этом голосе звучали ноты такой силы и страсти, что он захватывал слушателя и покорял его себе»¹.

Работая над произнесением, Ф. Н. Плевако развил те стороны своего таланта, которые помогли ему стать выдающимся оратором. По мнению В.В. Вересаева, «главная его (Ф.Н. Плевако. — О.П.) сила заключалась в интонациях, в подлинной, прямо колдовской заразительности чувства, которыми он умел зажечь слушателя»².

Работа над произнесением речи предполагает разные «уровни погружения» в проблему, но поскольку для рядового оратора важнее всего — избежать грубых ошибок (именно они отталкивают слушателей), то прежде всего будем говорить о них.

¹ Кони А.Ф. Собр. соч. М. 1968. Т. 5. С. 124.

² Вересаев В.В. Соч. М. 1948. Т. 4. С. 446—447.

Возможно, кому-то обращение к проблемам произнесения покажется данью ушедшим традициям. «Зачем говорить о каких-то требованиях и канонах произнесения, когда известно, что судебный оратор будет выслушан во всех случаях, как бы он ни говорил?» — спросят они.

Конечно, оратора не остановят, но для него важно другое. Он должен **убедить** слушателей. Лишь только в этом случае оратор может считать, что достиг желаемого результата. Но нельзя убедить того, кто не слушает, и поэтому не понимает или понимает не так, как хотелось бы говорящему.

Важнейшие ошибки в произнесении связываются с: 1) обликом оратора; 2) голосом; 3) дикцией и орфоэпией; 4) тренировкой памяти.

Рассмотрим все это в том же порядке, в каком перечислили.

§ 1. Облик оратора

Под термином «облик оратора» понимается: во-первых — внешность, во-вторых — внутренний настрой, в-третьих — поведение во время речи. К поведению относится жестикуляция и мимика.

Говоря о внешности, мы имеем в виду одежду, прическу, их состояние и все то, что в житейском обиходе принято называть «внешний вид». Сформулируем основное правило, связанное с ним:

Внешность оратора не должна вызывать пристального внимания слушателей, иначе это будет отвлекать их от того, что оратор говорит. Следует одеться скромно, но опрятно. Одежда не должна мешать свободе движений. Мужчинам желательно освободиться от всех лишних вещей, оттягивающих карманы. Женщинам в дни выступления хорошо бы не надевать всех имеющихся у них украшений.

Когда оратор встает и начинает говорить, присутствующие обязательно окинут его хотя бы беглым взглядом. Если ваша внешность будет вызывать удивление или зависть, то помешает главной на данный момент цели: вступить со слушателями в доброжелательный контакт. Опрятная скромность поможет избежать нежела-

тельных эффектов и предубеждений, возникающих с первого взгляда и, казалось бы, из ничего. Экстравагантность прически или одежды легко может быть истолкована слушателями как проявление суетности и легковесности.

Рекомендации относительно внешности могут быть прочитаны или выслушаны, но все останется по-старому. Некоторые судебные ораторы, защищая себя и собственные причуды, могут возразить так:

«Что тут говорить о внешности? В судебном разбирательстве (гражданском или уголовном) идет исследование материалов, связанных с данным делом. Поэтому, конечно, самым важным фактором является квалификация оратора, а не его внешность».

Не отрицая значения квалификации, тем не менее подчеркнем: люди не являются идеальными и только разумными существами. Эмоции и страсти управляют ими на судебном заседании так же, как и во всяком другом месте.

В связи с этим напомним строки из произведения, известного каждому со школьных лет:

Руссо (замечу мимоходом)
Не мог понять, как важный Грим
Смел чистить ногти перед ним,
Красноречивым сумасбродом.
Защитник вольности и прав
В сем случае совсем не прав.

Это замечание А.С. Пушкина предполагает знание соответствующего места из «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо. Философ, стремившийся к простоте и естественности во всем, не мог поверить в то, что другой философ пользуется белилами для лица. Он поверил в это лишь после того, как застал Гримма¹ за чисткой ногтей. Гримм продолжал заниматься своими ногтями и при госте, что оскорбило обидчивого Руссо. В конце концов они рассорились, и немалую роль в этом сыграли чувства и предрассудки Жан-Жака.

¹ В современной литературе эта фамилия пишется с двумя «м».

А.С. Пушкин осуждает такое поведение людей, говоря:

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей...

Итак, если оратор возбуждает чувство зависти, неудовольствия или задевает чьи-либо предрассудки своим внешним видом, необходимы время и усилия, чтобы эти чувства изменились. Но не всегда старания принесут положительный результат. Человек порой склонен поддаваться чувствам, источник которых он осознает не скоро. При этом он искренне думает, что хочет установить истину, хотя на самом деле брюзжит и придирается к несущественным мелочам. Если оратор вызвал подобные чувства своей внешностью, он будет постоянно наталкиваться на скрытую враждебность во всем и может не рассчитывать на объективную оценку того, что скажет. Возможно, что первое неблагоприятное впечатление, сложившееся у присутствующих из-за проявленного им невнимания к собственной внешности, не удастся изменить в течение всего судебного заседания.

Внешний вид оратора важен, но не менее важен внутренний настрой на дело, которым ему предстоит заняться. Поэтому с первого дня работы над речью уделяйте хотя бы 15 минут, но ежедневно, внутреннему настрою. Расслабьтесь, закройте глаза и скажите себе: «Я хочу установить хорошие отношения со слушателями, поэтому во время речи я должен быть спокоен и уверен в себе. Я искренне буду стремиться показать им, что хочу работать в деловой, но дружеской обстановке. У меня нет предвзятого отношения ни к кому, и я всегда готов согласиться с убедительными доводами оппонентов и под их давлением изменить собственную позицию. Не соглашусь я только изменить собственным принципам и всегда буду до конца бороться за объективное и справедливое решение суда. Я искренне увлечен своим делом и воодушевлен предоставленной мне ролью. Я хочу донести это до слушателей, но никогда не буду по отноше-

нию к ним высокомерен или груб»¹.

По мере того как речь будет получать более четкие очертания надо искать возможность сделать так, чтобы внутренний настрой получил выражение в тексте речи, в каждой ее композиционно части.

Когда те части речи, где вы будете демонстрировать слушателя доброжелательность, деловитость и увлеченность, подготовлены, произнесите их, поглядывая на себя в зеркало. Обратите внимание на лоб: не нахмурен ли? Выражает ли взгляд те чувства, ккие вы стремитесь передать? Есть ли улыбка на губах? Произносите фразы, следите за тем, чтобы мимика соответствовала эмоциям даже немного их опережала.

Не все хорошие ораторы держатся одинаково перед публикой: не есть поза, в которой каждый из них чувствует себя спокойно и уверенно, не вызывая при этом негативных эмоций слушателя. Чтобы найти такую позу лично для себя, вам придется основательно поработать дома.

Начиная поиски своей основной исходной позы, нужно иметь в виду следующее. Во-первых, вам не следует изображать что-то и похужее на самого себя. Вы не должны никого играть; вы не актер. Во-вторых, поза должна быть дружелюбной и позволять вам внимательно и непринужденно наблюдать за слушателями. В-третьих — вы должны в этом убедиться — в этой позе вы сможете естественно, без лишнего напряжения, донести до слушателей все то, что продумали и переживали во время работы над выступлением. Эта поза не должна быть напряженной. Приняв ее, вы должны чувствовать себя легко и спокойно, как в домашних тапочках.

Для разных людей исходная поза имеет модификации, но обычно ноги должны быть поставлены на ширину плеч, центр тяжести тела равномерно распределен по всей плоскости опоры. Одна н

¹ Слова настройки могут меняться в зависимости от обстоятельств дела, но настрой необходим во всех случаях.

выставлена чуть вперед так, что в наиболее выразительных местах речи вы можете сместить центр тяжести на носок. Колени не напряжены, плечи и руки тоже. При этом руки не надо плотно прижимать к корпусу. Голова и шея несколько выдвинуты вперед по отношению к грудной клетке. Плечи развернуты, грудь — вперед, живот подтянут, но без нарочитости и так, чтобы все это не мешало свободе дыхания.

Наконец, вам кажется, что вы остановились на позе, в которой вас ничто не стесняет и не мешает, в которой вам легко и свободно дышится. Проверьте себя еще раз так. Начиная какое-нибудь более выразительное место в речи, подчеркните его, сделав полшага вперед или просто вынося ногу. Во время паузы делайте небольшое движение назад. Если вы сохраняете при этом непринужденность и не чувствуете желания изменить позу, значит, все хорошо. Если что-то вас не устраивает, работу следует продолжать до тех пор, пока не почувствуете себя легко и удобно. Именно эту позу и надо будет заучить.

Однако, думая о собственных удобствах, вы не должны вызывать недовольства слушателей. В позе нет мелочей, поэтому не следует, даже если это кажется лично вам очень комфортным движением, совать руки в карманы брюк или оттягивать пальцами прорези собственного жилета¹.

Итак, все смотрят на вас, вы дружелюбны и внимательны к слушателям (без заискивания), и это отражается на вашем лице. Вы приняли исходную позу и пока держите первоначальную паузу, оглядывая аудиторию. Говорить вы будете для всех присутствующих, но главным образом станете обращаться к суду. Суд может состоять просто из судьи и секретаря, или из коллегии судей, либо из судьи и двух народных заседателей, или в состав суда войдут еще и

¹ Если в этом нет особой необходимости, руки оратора не должны привлекать внимание слушателей. Об этом мы будем говорить ниже, когда речь пойдет о жестах.

присяжные заседатели. Судей и своего оппонента вы обязаны знать, и еще до произнесения речи написать на каждого из них нечто вроде характеристики. Там вы должны постараться ответить на следующие вопросы: 1) какая манера изложения произведет на них наиболее сильное впечатление, и почему; 2) какой должна быть последовательность при изложении ваших аргументов; 3) какие вопросы по делу должны возникнуть у оппонента и суда; 4) как вы на них ответите? и т.п. Народных, а тем более присяжных заседателей вы не можете знать. Поэтому вглядывайтесь во время паузы в их лица. К тому времени, как вы начнете говорить, вы должны уже решить для себя, каким образом вы будете пытаться на них воздействовать. Не нужно стремиться психологически глубоко проникнуть в существо данного вопроса. Это невозможная и непосильная задача. Но постараться во время обсуждения дела затронуть в выгодном для себя аспекте проблемы, волнующие людей, принадлежащих к данным социальным группам, вы обязаны.

Вы должны говорить, глядя на людей, к которым вы обращаетесь. Это позволяет учитывать их реакцию на то, что вы произносите. Если вы замечаете, что аргументация не производит на суд должного впечатления, надо постараться тут же подыскать для нее иную, более подходящую форму. Принципиально изменить свое выступление вы не сможете и не должны об этом даже думать. Это ошибка. Менять можно лишь полутона, но они порой могут оказаться очень значимыми при восприятии, а следовательно, и для оценки вашего выступления. Отказываясь реагировать на поведение аудитории, оратор разрывает контакт с ней. В этом случае (не вправе сетовать на то, что его не поняли либо поняли не так, как он того хотел).

Если оратор находится в контакте с аудиторией, то его речь должна влиять на слушателей, однако нельзя активно воздействовать на других и при этом оставаться неподвижным. Всякое телодвижение, с помощью которого подчеркивается значение произносимых слов, в риторике принято называть жестом. Эффе

тивный жест — это выражение творческих усилий оратора, его желания полнее и ярче передать свои чувства и мысли. Такой жест предполагает и усиление контакта в общении и более действенное влияние на аудиторию.

Значение жеста в речи обусловлено явлением, называемым *эмпатией*. Суть его в следующем: когда человек внимательно смотрит и слушает другого человека, у него рефлекторно напрягаются те же группы мышц, что и у говорящего. Слушатели как бы сопереживают тому, о чем узнают, но происходит это чаще всего на уровне подсознания. Включившись в процесс сопереживания, аудитория невольно лучше усваивает точку зрения оратора. Поэтому благодаря тщательно рассчитанным жестам оратор может значительно увеличить силу воздействия своих слов.

Принципы жестикуляции в речи российского судебного оратора — проблема, ждущая своего решения, поскольку в данной области судебного красноречия не существует традиций¹. Нарботки юристов конца XIX — начала XX века не пригодны для юристов XXI века уже потому, что за истекшее время принципиально изменились и язык, и процедуры, и понимание судебного процесса. Что же касается послереволюционного периода в деятельности суда, то здесь не сложилось каких-либо четких традиций использования жестов. Скорее можно говорить об иной тенденции, состоящей в стремлении судебных ораторов избегать жестов вообще. Однако стремление сделать заседание настолько холодным, чтобы изгнать эмоции из судебной речи, кажется нам ненужной и невозможной идеей. Когда оратор взволнован, он может жестикулировать, но жесты его должны быть сдержанными.

Задача судебного оратора — осмыслить прошлые события, оценить их и вынести решение, поэтому он не может и не должен уподобляться, или даже подражать, актеру. Неподвижность оратора во

¹ Речь идет прежде всего о России, хотя все сказанное справедливо и для других республик, расположенных на территории бывшего Советского Союза.

время речи раздражает слушателей, поэтому движение необходимо, однако это движение должно быть лишь таким, чтобы позволяло только подчеркнуть мысль и тем самым сделать ее более наглядной и легче воспринимаемой. В последних частях речи (патетической и в заключении), где оратор откровенно стремится воздействовать на чувства слушателей, жесты должны соответствовать чувствам, которые испытывает выступающий.

Жест может как усилить, так и ослабить впечатление, произведенное речью. Искусство усиливать впечатление от речи связано с развитием индивидуальных особенностей оратора и поэтому предполагает большой труд. Умение не ослаблять впечатления, оставляемого собственной речью, дается легче: нужно знать правила и соблюдать их.

Начнем с простого. Малоопытный оратор обычно не думает о своих жестах и поэтому не контролирует их.

Вначале нужно узнать и оценить свои ошибки. Попросите кого-нибудь из хороших знакомых понаблюдать за вашими жестами во время произнесения речи. Услышав о собственных недостатках и объективного, но доброжелательного источника, произносите свою речь перед зеркалом. Действуя так, вы сможете самостоятельно бороться с собственными ошибками.

В движениях оратора различают мимику и жесты. Мимика, т. е. движения мышц лица и выражение глаз, должны соответствовать тем чувствам, которые испытывает оратор и которые предполагается вызвать у слушателей своей речью. Для этого в момент речи он должен испытывать те чувства, которые хочет донести до слушателей. Проверять соответствие слов выражению лица надо также при помощи зеркала.

Специалисты по жестам и мимике в русской речи¹ разработали сложную классификацию, позволяющую систематизированно представить речевое поведение. Здесь же речь пойдет о жестах, наиболее

¹ См.: Акишина А.А. и др. Жесты и мимика в русской речи. М.: Рус. яз. 1991.

употребительных в судебной речи, поэтому обратимся прежде всего к движениям рук. Начнем рассмотрение с жестов-модификаторов, то есть жестов, увеличивающих эмоциональную силу произносимых слов.

Наиболее известным среди этого рода жестов является движение, называемое «открытая рука». Ладонь при этом движении раскрыта и обращена вверх. Если движение руки идет от оратора, то оно используется для усиления символа «сообщения» или «отдачи». Когда движение рукой производится по направлению к оратору, то оно усиливает значение «присоединения», «получения».

Следующим жестом, подчеркивающим произносимую мысль, является движение, называемое «покрытая рука». Здесь ладонь обращена вниз, движение идет от говорящего. Движение усиливает значение неприятия, несогласия, отрицания. Ощущение противодействия может быть еще сильнее, если пальцы «покрытой руки» раздвинуты — «растопыренная рука».

Широко распространенным движением, относящимся к этому виду, является жестикуляция рукой, сжатой в кулак. Жестикуляцию кулаком используют обычно для передачи чувств, связанных с сопротивлением, а также для выражения угрозы или ярости.

Жест кулаком, как и два предыдущих («открытая» и «закрытая» рука), может иметь множество модификаций, в зависимости от чувств, передаваемых оратором. Квинтилиан, например, говоря о жесте кулаком, считал возможным использовать его для подчеркивания утверждений, имеющих высокую степень категоричности. В связи с этим он предлагал использовать такую модификацию движения кулаком, которая напоминает жест человека, двигающего копьем. Категоричность высказывания может усилена и движением руки: так называемая «сабля», или «отмашка». Движение при этом обязательно делается сверху вниз.

Направление движения в теории жеста связывается с характером эмоций. Положительные эмоции, подъем настроения выражаются движениями, имеющими направление снизу вверх. Отрицательные эмоции — движением руки сверху вниз.

Чувство безнадежности, психологического тупика обычно выражается с помощью падающего движения обеих рук вниз. Важнейшим правилом всякой жестикуляции является следующее: чем сильнее эмоция, тем интенсивнее должна быть жестикуляция. Но при этом никогда не следует подменять жестом действительные чувства или стараться усилить слабые чувства сильным жестом. Одно должно соответствовать другому. Расхождение между силой слова и жеста вызывают подозрения у слушателей прежде всего тем, что и то и другое, при разрушении соответствия, начинает казаться надуманным и поэтому искусственным. Преувеличенно эмоциональный жест или много жестов для того, чтобы усилить одну-единственную и не очень удачную мысль, не сделает ее более привлекательной, но лишь подчеркнет ее слабость. Несоответствие жестов мысли вредит естественности контакта и в конце концов разрушает его.

В соответствии с национальной традицией жеста, оратор обычно жестикулирует одной рукой, чаще всего правой. *Жестикуляция двумя руками не принята в русскоязычной ораторской практике*¹, хотя жестикуляция двумя руками должна сильнее действовать на слушателей, чем тот же жест, выполненный одной рукой.

Другой разновидностью жестов, достаточно часто употребляемых судебными ораторами, являются так называемые **изобразительные**, или **передающие**. Используются они обычно не столько для передачи формы или размеров предметов, сколько для разъяснения случившегося. С их помощью оратор привлекает добавочное внимание к себе и к тому, что он в данный момент собирается сказать. Например, перед изложением какого-то значимого момента своей речи оратор предупреждает слушателя о том, что сейчас он изложит самое «главное» или «суть» событий. Эти слова могут сопровождаться любым из трех жестов: 1) обращенные кверху пальцы сближаются «щепоткой»; 2) указательный палец поднимается вверх; 3) кисть руки сжимается в кулак. Желая подчеркнуть сближение или объединение (кого-то с

¹ См.: Акишина А.А. и др. Жесты и мимика в русской речи. М.: Рус. яз. 1991. С. 143.

кем-то), оратор кистями обеих рук, растопырив пальцы, как будто охватывает баскетбольный мяч. Подчеркивая противоположное действие, он разведет кисти рук, «державшие» мяч.

Говоря о множестве явлений или делая вывод, оратор может сделать жест рукой, будто рисует окружность. Горизонтальное движение «покрытой» рукой можно использовать, подчеркивая одинаковость, однородность явлений. Чтобы обратить внимание на противопоставление или противоположность явлений, используется покачивание (справа налево) согнутой в локте рукой.

Оратору в суде приходится использовать и **указательные жесты**. Наиболее употребительные из них: указывание на себя («я», «мы») и указывание на адресата. В первом случае кисть руки с вытянутыми (а затем сжимающимися) пальцами направляется к груди. Во втором случае «открытая рука» направляется в сторону аудитории.

Указательные жесты часты, но оратору надо быть внимательным при их исполнении, так как очень часто самые нелепые обиды возникают именно здесь: человеку вдруг покажется, что с ним обошлись невнимательно, небрежно или даже высокомерно. Указательным жестам в русской традиции общения придается большое значение. Например, указывание пальцем на человека считается неприличным и обидным. Обстановка в зале судебных заседаний не может считаться однозначно толкуемой всеми, поэтому указательными жестами лучше пользоваться в несколько замедленном темпе, и жест должен быть более широким, чем это обычно делается в повседневной житейской обстановке. В таком случае жесты будут легче прочитываться присутствующими, а оратор получит большую уверенность в том, что никого случайно не обидел.

Что касается жестов, называемых **регулирующими**, отметим только два из них, достаточно часто употребляемых. Поднятая рука согнута в локте — жест, означающий «внимание!». Тот же жест может использоваться и в качестве призыва к тишине. Второй — указание на запястье (или постукивание по нему пальцами). Трактуются как призыв к вниманию, тишине и работе.

Были названы четыре вида жестов и указаны наиболее простые и употребительные из них. Начинающему оратору можно ими овладеть.

Однако не следует использовать их в речи сразу, без предварительной домашней работы перед зеркалом. Жест не заучивается. Оратор обязан добиться только того, чтобы движение казалось свободным и естественным, чтобы оно чуть опережало те чувства, которые он собирается вызвать у слушателей с помощью слов.

Также перед зеркалом отрабатывают мимику. Для этого вы должны тренироваться в произнесении фраз, насыщенных разными эмоциями: печалью, радостью, удивлением, возмущением и т.п. Следите за тем, чтобы выражение лица менялось соответственно чувствам, о которых говорите. Затем, глядя на себя в зеркало, отрабатывают наиболее эмоциональные места речи. Следите за собой в том случае, когда просто, без эмоций, обращаетесь к своим слушателям. Выражение лица в это время должно быть спокойным и доброжелательным.

Жест в судебной речи необходим лишь в том случае, когда оратор не в силах выразить всей полноты чувств иначе. Однако если уж вы решили сделать движение, то не сдерживайте себя и не останавливайтесь на половине. Движение должно быть полным и законченным. На первых порах бывает не просто решить: надо ли делать движение в том или ином месте речи. Поэтому сначала посмотрите на себя в зеркало и тогда, когда вы делаете жест, тогда, когда вы его не делаете. Посоветуйтесь с теми, кого приглашаете на свои репетиции. Читатель может спросить: «А если у вас нет твердого мнения как поступить, что же мне делать?» — Аллюдно верного, единственного решения быть не может. Жестикулируя, вы сами создаете свой образ у слушателей. Это ваш образ, помочь вам можете только вы сами. Создавать и менять его вы можете по собственному усмотрению. Главная ваша задача — чтобы делать это осмысленно. Иначе говоря, вы должны отдавать себе отчет: почему вы жестикулируете или не жестикулируете в данном месте. Именно поэтому произвольные жесты (особенно

на первых выступлениях в суде) недопустимы. Вначале должен появиться опыт и выработаться чутье.

Несколько слов о манере жестикуляции. Оратор - не актер и не должен никому подражать. Сравнение, даже случайное, оратора с актером для первого убийственно. Если оратора подозревают в наигранности, то перестают верить в его искренность. Итак, жесты должны соответствовать индивидуальным чертам облика оратора. Менять в них что-то, по большому счету, не нужно. Их можно лишь подправить. Квинтилиан, например, советовал ораторам подражать манере жестикуляции борцов. Приглядитесь к борцам внимательнее. Они скупы на движения, но сами движения у них неторопливы, широки, свободны и закончены. Каждое движение оставляет впечатление легкости, силы и уверенности, что такой человек способен на многое. Движения борцов значимы и значительны. При этом безобидное по видимости движение легко может перейти в опасный для противника захват, после которого последует бросок...

Понаблюдайте за борцами. Постарайтесь представить борцом себя и подумайте, что в таком случае должно измениться в ваших жестах. Ну а теперь ощутите себя борцом за справедливость. Скажите себе, что ваша речь для того и готовится, чтобы способствовать справедливому решению суда, что без нее такое решение будет невозможно. Ради этого решения вы говорите, ему подчинены ваши действия (в том числе и жесты). Вы жестикулируете только в тех случаях, когда это необходимо. Движения ваши тверды и лаконичны.

Сквозь такой настрой просмотрите все свои жесты в зеркале. С ним начинайте говорить в суде и пытайтесь донести все это до сознания слушателей.

РЕЗЮМЕ

Работа над произнесением речи предполагает, что оратор научится не совершать ошибок, отталкивающих от него слушателей. Главные ошибки — о них речь в данной главе — связаны с пониманием четырех проблем: 1) облик оратора; 2) его голос; 3) произ-

несение или артикуляция; 4) тренировка памяти. Они рассматриваются в том же порядке, в каком перечислены.

Под термином «облик оратора» имеется в виду три вещи. Во-первых — внешность, во-вторых — внутренний настрой, а в-третьих — поведение во время речи. К поведению относятся мимика и жестикуляция.

Не позаботившись должным образом о своей внешности, оратор создаст серьезные дополнительные препятствия, которые будут мешать его выступлению. Помните об основном правиле, связанном с внешним видом:

Внешность оратора не должна возбуждать у слушателей сильных чувств, особенно таких, как удивление или зависть. В противном случае аудитория будет отвлекаться от того, что оратор говорит, и это помешает ему вступить в доброжелательный контакт с слушателями.

Прежде чем заговорить, надо выдержать паузу в 10—15 секунд во время которой спокойно и доброжелательно посмотреть на присутствующих. Это — приветствие и начало зрительного контакта.

Перед началом речи оратор должен автоматически принять исходную позу, выражающую доброжелательность, внимание и готовность приступить к серьезной работе. Умение автоматически принимать исходную позу и оставаться в ней столько, сколько нужно, помогает ему комфортно себя чувствовать во время выступления.

Пока оратор будет говорить, ему необходимо постоянно поддерживать зрительный контакт с аудиторией: спокойно и неторопливо переводить взгляд с одной группы слушателей на другую, задерживая внимания ни на ком. Задача оратора — придать своим мыслям и словам форму, наиболее привлекательную аудитории, поэтому он должен чутко реагировать на отношение слушателей к его словам.

Очень важны для поддержания контакта мимика и жестикуляция. Глаза и выражение лица оратора должны отражать те чувства о которых он говорит слушателям.

Всякое телодвижение, с помощью которого подчеркивается значение произносимых слов, называется жестом. Поскольку в российском судебном красноречии не сложилось устойчивых традиций использования жеста, были рассмотрены наиболее общепотребительные, назначение которых - подчеркнуть и усилить слова оратора. Наиболее выразительными и простыми жестами являются движения рук и плеч. Среди них выделяем прежде всего **жесты-модификаторы**, позволяющие усилить эмоциональную силу слов. О других видах жестов говорится в связи с их возможностями выполнять функции жестов-модификаторов. Поэтому предлагается использовать **изобразительные**, или **передающие**, жесты не по прямому их назначению, а лишь для разъяснения рассматриваемых событий. Аналогично излагаются **указательные** и **регулирующие** жесты.

ТЕРМИНЫ

Произнесение	Облик оратора
Внутренний настрой	Контакт
Исходная поза	Мимика
Жест	Жесты-модификаторы
Изобразительные жесты	Указательные жесты
Регулирующие жесты	

УЧЕБНЫЕ ЗАДАНИЯ:

1. Чтобы держаться перед публикой легко и свободно, над приучить свои мышцы «помнить» связанные с этим состояние ощущения. Чувство раскованности лучше осознается благодар

контрасту, поэтому вначале напрягите те группы мышц, которые затем будете расслаблять. Тренируйтесь в расслаблении мышц лица, шейных и плечевых, мышц кистей рук. Выполняйте эти упражнения перед зеркалом вначале сидя, а затем стоя.

2. Попросите двоих или троих близких вам людей оценить вашу исходную позу, встав в которую, вы начнете свою речь. Если будут сделаны замечания, постарайтесь их учесть. Во время произнесения речи, подготовленной вами, попытайтесь несколько изменить эту позу, а потом снова к ней вернуться. Попробуйте, при переходе от одного положения вашей речи к следующему, сделать шаг вправо, влево, вперед, назад, а затем вернуться на прежнее место.

3. Прочитайте громко, с выражением, рассказ А.П.Чехова «Заказ»¹ и там, где у вас будет возникать желание выразить эмоции, чувства и действия героев с помощью мимики или жеста, обязательно сделайте это. Потом повторите свои действия, глядя на себя в зеркало. Попросите своих хороших и терпеливых знакомых дать оценку уместности и выразительности ваших действий.

4. Прочитайте какие-нибудь отрывки из речи А.Ф. Кони по делу об убийстве иеромонаха Иллариона. Постарайтесь передать чувства оратора с помощью мимики и жестов. Затем, глядя на себя в зеркало, выразите те же чувства **только** с помощью мимики и жестов. Слова произносятся только мысленно. Вы действуете пантомимически. Не бойтесь показаться слишком выразительным.

Работая так, как указано в упражнениях 3 и 4, над небольшими художественными произведениями или отрывками из речей известных ораторов, вы сможете увеличить свой набор приемов эмоционального воздействия на слушателей.

¹ Чехов А.П. Избранное. М.: Правда. 1988. С. 151—156.

§ 2. Голос

Для оценки голоса оратора существенное значение имеют:

1) звучность; 2) темп речи; 3) диапазон и интонационная выразительность; 4) тембр.

(1) Звучность

Обычно, когда говорят о звучном голосе, имеют в виду громкий голос. Это не совсем так. Кроме громкости, необходима еще и выразительность, то есть усиление звука на значимых словах и слогах. Усиление гласного звука, называемое ударением, предполагает и повышение напряжения в голосе оратора.

Основой звучного голоса является умение оратора управлять своим дыханием. Чтобы голос имел звучность, надо наполнить воздухом легкие. Перед началом речи оратор обычно делает вдох, а потом начинает говорить. Первые слова, произнесенные после вдоха, имеют большую, наилучшую звучность. Но на одном вдохе можно звучно произнести только несколько слов, поэтому вдыхать надо часто, но не глубоко.

Итак, вывод первый. Нужно постоянно поддерживать в легких достаточный запас воздуха, что обеспечит произносимым словам необходимую звучность. Чтобы дать им полное звучание, нужно уметь резко выталкивать воздух из легких. Делать это надо не сразу, а с различной степенью быстроты и силы, зависящих от значения произносимых фраз.

Попытки усилить звучание путем напряжения голосовых связок и горловых мышц лишь снижают звучность. Последняя зависит не от объема вдыхаемого и выдыхаемого воздуха, а от давления воздуха за голосовыми связками: чем больше масса воздуха за голосовыми связками, тем больше звучность. В этом можно убедиться, проделав следующее упражнение. Произнесите несколько раз звук «о». Затем в таком же темпе произнесите слова: «пол», «фост», «мост», «хорь». После вдоха и при слабом выдохе, то есть при высоком давлении воздуха за связками, гласная и односложные слова имеют большую звучность.

Чаще всего потеря звучности связана с неправильным дыханием. Быстрые вдохи не очень нарушают течение речи, но быстрые и

полные выдохи делают речь невозможной. Против таких ошибок есть лишь одно средство: во время репетирования речи вырабатывать глубокое замедленное выдыхание. Внутреннее волнение можно снимать паузами.

Для устранения сложностей с дыханием и усиления звучности голоса помогут следующие упражнения¹:

1. Примите прямую, но свободную позу, положите руки по обе стороны груди на нижние ребра; легко и регулярно дышите, тратя по пять секунд на вдох и на выдох. Обратите внимание, как расширяются легкие во всех направлениях — вперед, назад, вбок, вверх вниз. Обратите внимание на то, чтобы подвижность в достаточной мере распространилась на грудную клетку и живот. Повторяйте упражнение по десять и более раз в день, увеличивая время с пяти до пятнадцати секунд на вдох и выдох. Не делайте отрывистых выдохов толчками и не выпускайте из легких весь запас воздуха. Если закружится голова, передохните минуту.

2. Приводимые выше и ниже упражнения следует чередовать, по мере потребности расправляя мышцы. Вращайте головой медленным законченным дугообразным движением. Делайте наклон вперед и выдыхайте, резко выбрасывая руки и плечи вперед. Затем вдыхайте, медленно расправляя грудь и перегибаясь назад, по плечи и руки не примут первоначальное положение.

3. Наполните легкие воздухом возможно быстрее, но не судорожным глотком, и тяните «а» на приемлемой для вас ноте, медленно и равномерно выталкивая воздух в течение десяти секунд. Прислушивайтесь к звучанию; следите, чтобы оно было устойчивым до конца. Повторяйте это упражнение по пять минут раз и два раза в день, увеличивая время, по возможности без напряжения гортани, до двадцати и тридцати секунд. Экономьте дыхание, оставляя достаточный запас воздуха.

¹ Упражнения рекомендованы Полем Л. Сопером, автором книги «Основы искусства речи». См. названное произвед. 2-е испр. изд. М. 1992. С. 168—169.

4. Тяните «а», как было сказано раньше, но на этот раз меняйте звучность. Начинайте тихо и постепенно наращивайте звук до пределов хорошей слышимости на расстоянии ста футов, а затем снижайте его до полного замирания. Повторяйте упражнение по несколько минут ежедневно, пока звук не станет устойчивым, полным, послушным. Делайте и наоборот: начинайте с громкого звука, медленно сбавляя и затем постепенно наращивая звучность до самого конца.

5. Вначале разберите, а затем прочтите отрывок из рассказа А.П. Чехова «Заказ». При разборе пометьте те слова, после которых надо остановиться, чтобы сделать вдох. Пометьте слова, которые потребуют особого вдоха. В процессе работы над текстом отработывайте технику усиления и уменьшения звучности. Безударные слова произносите быстро и легко, а слова, имеющие важное значение, произносите с нажимом, подчеркивая их силой звука. Занимайтесь этим отрывком до тех пор, пока не добьетесь звучного произнесения наиболее значимых слов.

«— Ну, матушка, значит, ты ничего не понимаешь... — развел руками Павел Сергеевич. — Твой Никонов — корова! Ревет, хрипит, точно из него кишки тянут, а голос вибрирует и дрожит, как пробка в пустой бутылке! Не выношу! Слуху у твоего Никонова столько же, сколько у этого дивана!

«— Никонов певец! — возмущался он, возвращаясь через пять минут к столу и садясь писать. — Боже мой, что за вкусы! Этому Никонову в уличные певцы идти, а не в оперу!

Продолжая возмущаться, он сердито умакнул перо и стал писать:

«Генеральша Винкель поехала в Петербург хлопотать, чтобы ее племянника не выводили к позорному столбу. Пока она ездила, Винкель ухитрился бежать из тюрьмы».

— Какая чудная погода! — вздохнул в гостиную студент.

«Его нашли, — продолжал Павел Сергеевич, — на вокзале под товарным вагоном, откуда его вытащили с большим трудом. Чело-

веку, очевидно, хотелось еще жить... Несчастный скалил зубы на конвойных и, когда его вели в тюрьму, горько плакал».

— Теперь за городом хорошо! — сказала Софья Васильевна. — Павел, да брось там писать, ей-богу!»

(2) Темп

Говоря о темпе речи, обычно имеют в виду три момента, связанных с этим понятием. Во-первых, общее количество произносимых в минуту слов. Во-вторых, длительность звучания отдельных слов, в-третьих, паузы и их продолжительность.

При подготовке речи судебный оратор должен обдумать вопрос о скорости, с какой будет говорить. «Какая речь лучше, быстрая или медленная?...» — спрашивал П.С. Пороховщиков¹ и отвечал так: «Ни та, ни другая; хороша только естественная, обычная скорость произнесения, то есть такая, которая соответствует содержанию речи...»².

Темп речи, конечно, связан с индивидуальными особенностями оратора и его умением говорить быстрее или медленнее. Однако во всех случаях между скоростью произнесения звуков (числа слов в минуту) и содержащейся в словах информацией существует обратная зависимость. Чем более информативным является сообщение, тем медленнее его надо произносить. В противном случае оно не будет усваиваться аудиторией. Поэтому наиболее важные части речи, содержащие, например, доказательство или опровержение, следует произнести в замедленном темпе. Менее важные надо произносить быстрее, иначе они будут утомлять суд. Если речь делается утомительной, оратора перестают слушать, а поэтому перестают и понимать.

¹ Пороховщиков П.С. — известный русский юрист, специалист по вопросам судебного красноречия, писавший под псевдонимом П. Сергеев.

² Сергеев П. Искусство речи на суде. М. 1988. С. 42.

Обычно оратору следует держаться в пределах среднего темпа произношения, 100—120 слов в минуту. Наиболее важные в смысловом отношении места речи надо высказать медленнее, а менее значимые — в ускоренном темпе. Самые важные мысли желательно повторить, используя для этого другие слова. Если у оратора отличная артикуляция и хорошая гибкость интонаций¹, то он может позволить себе увеличить скорость произношения, но не более чем до 150 слов в минуту.

Специалисты, отмечая повышенную скорость речи у оратора, указывают на три причины, приводящие к такой ошибке: 1) робость; 2) безразличие; 3) плохое знание материалов дела. Чувство робости возникает обычно у начинающих ораторов. Оно естественно и преодолимо. Преодолевается оно не сразу, но средство здесь только одно: серьезное отношение к делу и хорошая предварительная работа. Вторая причина менее извинительна, поскольку в этом случае оратор стремится «отбыть номер». Иногда повышенная скорость появляется как результат увлеченности оратора излагаемым вопросом. Но, по мнению специалистов, это не меняет существа дела: оратор проявляет безразличие к тому, что слушатели окажутся не в силах поспеть за мыслью говорящего. Поэтому каждому судебному оратору надо обязательно вырабатывать у себя чувство скорости собственной речи. Работа в этом направлении не требует сложной аппаратуры. Необходимы лишь диктофон (или магнитофон) и секундомер. С их помощью подсчитывается и корректируется средняя скорость при произнесении тех или иных композиционных частей речи.

Если оратор плохо знает материалы дела, то внутренняя скованность проявляется прежде всего в эмоциональной обедненности речи. Отсутствие живых чувств в голосе увеличивает темп произнесения. Незнание материалов дела может приводить и к прямо противоположным следствиям. Не представляя, о чем будет гово-

¹ Об артикуляции и интонации будет сказано ниже.

ить в следующий момент, оратор «вымучивает» слова, заполняя речь пустословием, паузами либо бесконечными «значит», «так сказать», «ну», «и», «вот», и т.п.

Теперь о длительности звучания отдельных слов. Единицей звучания считается слог, но он не является также и временной единицей звучания. Он может звучать и долго и коротко. Время звучания зависит от тех чувств, которые при этом выражаются. Сравните длительность звучания следующих слов в предложении: «Виновен или нет?» Последнее слово, выраженное одним слогом, звучит столько же, сколько и первое. Сравните длительность звучания ударного слога в слове «вино́вен» с длительностью звучания союза «или». Союз не является выделяемым словом, поэтому (хотя содержит два слога) произносится легче и быстрее, чем один ударный слог в слове «вино́вен».

Начинающие ораторы, желая подчеркнуть наиболее значимые слова в предложении, произносят их громче остальных. В результате речь становится неприятной для слуха и воспринимается как монотонная.

Звучание же слов, из-за того что оратор слишком часто напрягает голос, теряет четкость. Слушатель, со своей стороны, не может и не хочет постоянно находиться в напряженном состоянии, а именно на это толкает его периодически возрастающая громкость звучания. Если же занимательность содержания никак не связана с увеличением громкости (а так чаще всего и бывает), то слушатель «отключается», и контакт его с оратором прерывается.

Чтобы лучше почувствовать данную ошибку и никогда ее не повторять, предлагаем читателю выполнить такое упражнение. Внимательно прочтите следующий отрывок из рассказа А.П. Чехова «Заказ»:

«Тетка Винкеля, старая генеральша, отупевшая от горя, перед тем, как давать показания, минуты три бессмысленно глядела на своего племянника и потом спросила тоном, заставившим вздрогнуть весь суд:

— Николай, что ты сделал?»

Теперь прочтите вслух данный отрывок, стараясь подчеркнуть последнюю фразу через усиление громкости звучания произносимых слов. Вы заметите, что в этом случае будет возникать неприятная для слуха резкость. Если же подчеркнуть ту же самую фразу, просто растягивая время звучания четырех последних слов, почти до времени, необходимого для произнесения первой фразы, вопрос прозвучит более выразительно. Итак, **длительность звучания отражает не только относительное значение слов во фразе, но и глубину переживания.** Именно растягивание звучания надо использовать в тех случаях, когда оратор стремится передать затаенные чувства и нескрываемое волнение.

Паузы также влияют на темп речи. Можно говорить о паузах для оратора и паузах для слушателей. Чтобы выступающий мог незаметно набрать воздух в легкие, ему надо сделать паузу. Такие паузы называются **дыхательными.** Специалисты рекомендуют делать их через 10—15 слов, сочетая со смысловыми паузами; такая периодичность не сделает речь торопливой, выходящей за пределы среднего темпа. Столь строго задаваемая частотность в паузах делает речь ритмичной и монотонной, а это недостаток. Слова оратора не должны казаться однообразными даже со стороны периодичности в паузах. Ритм ораторской речи надо ориентировать на логически связанный смысл сказанного, поскольку слушателям прежде всего нужны четкость, ясность и доходчивость. В связи с этим говорят о **смысловых, или логических, паузах, важных и для слушателей.**

Некоторое представление о том, где надо сделать такую паузу, дают знаки препинания. Например, пауза делается после окончания одной мысли и перед началом следующей. Иначе говоря, паузы делаются после точки, то есть после предложения или абзаца. Используют паузу и для выделения частей мысли (придаточные предложения, обособленный причастный или деепричастный оборот, пропущенная связка и т.д.), то есть после запятой и других знаков препинания. Однако паузы позволяют не только задержать в сознании

слушателей наиболее важные мысли автора, но и оттеняют наиболее существенные (ключевые) слова. В последнем случае логические паузы оказываются более точным инструментом для передачи смысла высказывания, чем знаки препинания.

Логический смысл может меняться из-за переноса логического ударения. Ударение передается или благодаря увеличению громкости звучания, либо за счет более растянутого произнесения ударного слога в слове, либо с помощью пауз. Паузы может не быть перед ударным словом, но после него она есть всегда, так как ее назначение — оттенить ударное слово, выделив его среди остальных. Изменение логического смысла предложения в зависимости от переноса логического ударения с одного слова на другое можно показать на следующем примере¹. Выражение «Степанов имеет высшее юридическое образование» в зависимости от ударения может иметь три разных смысла: 1) Степанов (а не кто другой; пауза) имеет высшее образование; 2) Степанов имеет высшее (а не среднее; пауза) юридическое образование; 3) Степанов имеет высшее юридическое (а не какое-либо другое; пауза) образование.

Таким образом, пауза может исказить смысл высказывания. Но в суде нет безобидно-нейтральных высказываний. Это или свидетельские показания, или слова потерпевшего либо обвиняемого, которые могут быть истолкованы совсем не так, как хотел выразиться допустивший ошибку. Судебный оратор должен уметь не только заметить просчет говорившего, но и объяснить его суду. Так поступил, например, А.А. Александров в речи по делу Сарры Мадбадзе²:

«Он говорит, и, как нарочно, удастся ему построить такое выражение, которое можно объяснить и так, и иначе. Свидетель Юркевич и прокурор понимают это выражение в одном смысле, защита имеет

¹ Пример взят из кн.: Кириллова В.И., Старченко А.А., *Логика*. М.: Юрист 1998. С. 66.

² См.: Судебные речи знаменитых русских адвокатов. М.: Гардарики. 1997. С. 112—113.

основание понимать его в другом. Моша, говорит Гуревич, выразился так: «Если не будем хлопотать по нашему делу, если будем сидеть сложа руки, то докажется или окажется наша вина». Тут два смысла, все зависит от того, над каким словом сделать повышение голоса. «Докажется» наша вина — понятно, что речь идет о действительно совершенном преступлении, повысьте голос над словом «наша», смысл будет другой: взвалят на нас, и окажется наша вина. Я полагаю, что если бы он имел в виду первый смысл, то не стал бы так громко говорить, чтобы Юркевич мог слышать его слова.

Кроме логических или смысловых пауз, оратор пользуется и *психологическими*. Психологические паузы возникают либо от волнения (непреднамеренно), либо для того, чтобы выделить добавочные оттенки сообщения. Например, данный отрывок из речи С.А. Андреевского можно прочесть, сделав следующие паузы¹:

«Миша, // со мной случилось горе. // Я полюбила другого. // Не вини меня. / Ведь и ты пережил то же самое. / Жена тебя простила. // Прости же меня и ты».

Одной вертикальной чертой помечены смысловые паузы. Задержка смысловой паузы после обращения «Миша» делает паузу уже психологической (две черты). Выделение слова означает, что слово подчеркивается интонационно и после него должна быть сделана психологическая пауза. Две вертикальные черты в конце предложений, после точек, показывают, что смысловые паузы становятся психологическими.

Если у кого-то возникнут возражения против предлагаемого прочтения данного отрывка и появятся иные мысли, сошлемся на авторитет А.Ф. Кони. Знаменитый судебный оратор писал, что точных указаний о том, где и какую поставить паузу, дать нельзя. Здесь может помочь только собственное чутье и вдумчивость². Нужно отме-

¹ Андреевский С.А. Дело Андреева. // Судебные речи знаменитых русских адвокатов. С. 311.

² См.: Кони А.Ф. Советы лекторам. // Судебные речи знаменитых русских адвокатов. § 7. С. 8.

тить следующее: готовясь выступать, судебный оратор **обязан** **искать собственное прочтение** текста, соответствующее смыслу произносимых фраз и его манере говорить. Конечно, сохранение смысла важнее психологических акцентов. Что же касается чутья и вдумчивости, о которых писал А.Ф. Кони, то чутье вырабатывается только в результате поисков и обдумывания своей манеры произнесения.

Пропускать эту часть подготовки выступления нельзя. Обязательно нужно следить за тем, чтобы: 1) в речи чередовались паузы разной длины; 2) паузы соответствовали всем оттенкам смысла произносимых вами слов. В противном случае речь будет восприниматься как монотонная, утомительная и скучная.

(3) Диапазон и интонационная выразительность

Поль Л. Сопер, автор книги «Основы искусства речи», писал: «Если вы серьезно собираетесь стать оратором, приучайте ухо улавливать высоту звучания». И тут же добавлял, что это не всегда легко сделать: «Речевые модуляции (то есть переход в новую тональность. — О.П.) благодаря их быстрой порою иллюзорны и обманчивы»¹.

Однако прежде чем начинающий оратор приступит к работе над задачей, сформулированной Полем Л. Сопером, он должен понять, в каком диапазоне может звучать его собственный голос. Здесь нет проблемы. Произнесите нараспев звук «а» в предельно возможной для вас высокой тональности. Затем произнесите этот звук в самой низкой тональности. Постарайтесь запомнить, как звучат эти звуки. Если не запомнили, повторите их еще раз. Воспроизводите их чаще. Они будут напоминать вам, в каких пределах может звучать ваш голос. Теперь надо определить наиболее привычный для вас или средний тон вашего голоса. Для этого медленно произнесите звук «а» в привычной для вас разговорной тональности.

После того как диапазон собственного голоса определен, оратор может приступать к отработке интонационной выразительности

¹ См.: Сопер Л. Указ соч. С. 181.

подготовленной речи. Интонационной выразительностью не следует пренебрегать. Как справедливо отмечает Н.Н. Ивакина, интонация может нести до 40% информации¹.

Термин «интонация» в бытовой речи употребляется без пояснений. В профессиональном употреблении он имеет, по крайней мере, три значения. В первом под «интонацией» имеется в виду совокупность таких элементов речи, как мелодичность, ритм, темп, интенсивность и другие. Во втором «интонация» понимается как эмоциональная окрашенность речи. В третьем — как организация единиц звучания (слов) со стороны мелодического ритмики и высоты звучания. Сказав о трех значениях термина, подчеркнем, что затронули сложную многоаспектную проблему, которая не может быть рассмотрена во всей полноте. Предметом рассмотрения станут лишь некоторые практические аспекты эмоциональной выразительности во время произнесения судебной речи.

Обычно интонированная речь противопоставляется речи монотонной. Самое простое представление о монотонности может быть связано со звучанием всей речи (или отрывка) в диапазоне привычного для оратора **среднего тона**. Чтобы избежать монотонности, Поля Л. Сопер предлагает действовать так. Вначале надо попробовать произнести какое-нибудь место из речи в привычной для оратора средней тональности. (Прежде чем начнете говорить, включите диктофон, чтобы записать этот отрывок.) Прослушивание записи наружит следующее: 1) речь звучит так, как задумано, то есть в диапазоне средней тональности голоса; 2) отрывок из речи прозвучал совсем не так, как хотел оратор.

Если реализовалась первая альтернатива, то задача оратора, по мнению Поля Л. Сопера, состоит в том, чтобы в зависимости от содержания текста повысить или понизить тональность звучания отдельных или наиболее значимых слов.

¹ Ивакина Н.Н. Культура судебной речи. Уч. пособие. М. 1995. С. 121.

Если отрывок прозвучал совсем не так, как хотелось, то в таком случае возможны только следующие варианты: (а) взят слишком высокий тон; (б) взят слишком низкий тон; (в) наиболее значимым словам недостает выразительности; (г) монотонность звучания возникает из-за повторения интонационных оборотов. Рассмотрим все возможные варианты ошибок в том порядке, в каком они перечислены.

(а) Взят слишком высокий тон. Если такова ваша манера говорить, то вы постоянно чувствуете слабость и неустойчивость собственного голоса. Быстро от такой ошибки не избавиться. Помочь может только длительная тренировка. Читайте вслух ежедневно, стараясь при этом расслабить мышцы гортани. Это поможет снизить высоту звучания¹.

(б) Взят слишком низкий тон. Слишком низкий тон свидетельствует о недостаточной увлеченности и энергии. Преодолейте свою внутреннюю пассивность хотя бы раз. Во второй раз эти действия снова потребуют энергичных усилий, но тут вы уже будете знать, что добьетесь поставленной цели. Удачно сломать свои стереотипы в первый раз — половина дела. Почувствуйте себя на мгновение известным энергичным и деятельным человеком. Поглядите вокруг глазами этого человека. Видите, аудитория вас поддерживает. Слушатели верят вам и ждут действенного призыва. Стоит только сказать нужные слова, и все будет сделано так, как вы предлагаете. Нужные слова есть. Прочтите их внимательно:

«Да, дурное дело, совершенное ими, сегодня им чуждо, как и нам. Их надо пощадить, насколько возможно.

Русские силы теперь гибнут массаами. Будем скупы на трату их, хотя бы в области правосудия. Оно еще требует жертв, алтари его, при способленные к человеческому жертвоприношению, не убраны...

¹ Ниже будут приведены и другие упражнения, позволяющие избавиться от названных здесь ошибок.

ко закон дал вам, гг. судьи, широкое право на сокращение кары, купость в расходовании человеческой крови и слез.

Поменьше их! Ведь за ними, за этими испуганными людьми, — тетки, живущие их трудами, будущие граждане страны. Не обез-те и этих и тех суровостью судейского слова и лишениями ни.

вспомните, что подсудимым негде было научиться правде. На-рот, чувство правды убивалось у них всеми средствами и заме-сь чувством тупого молчания».

Подчеркните в тексте слова, требующие особой выразительно-и будьте готовы произнести их. Теперь вообразите себя на ми-в роли Ф.Н. Плевако, которому предстоит защищать севских-тян, и произнесите весь отрывок так, будто призываете слу-елей совершить сейчас решительные и безотлагательные дей-я.

работайте таким образом и постепенно вы избавитесь от этой-бки.

а) Наиболее значимым словам не хватает выразительности. Вна-надо проверить, насколько соответствует смыслу текста звуча-наиболее выразительных слов: существительных и глаголов. За-надо выяснить, насколько быстро должны звучать остальныеа, имеющие меньшую смысловую нагрузку. Выполняя эту рабо-надо помнить о правиле: если слово не имеет интонационной на-ки, то надо думать и над тем, не следует ли его вообще исклю-из текста. (Следует поработать над отрывком из речи Плевако, чтобы придать наибольшую выразительность значи-словам, и несколько быстрее произносить менее значимые.)

б) Повторные интонационные обороты. Ошибка возникает из-заежности. Выбрав подходящий мелодический оборот в одной-фразах, оратор затем повторяет его и в других фразах, не об-ая внимания на их смысл. Столь «легкое отношение» к текстует речь невыразительной. Работать надо над каждой фразой,

находя в ней слова, имеющие большую, по сравнению с другими, смысловую нагрузку. Они произносятся медленнее и более выразительно. Слова, имеющие меньшую смысловую и эмоциональную нагрузку, произносятся быстрее. Если каждая фраза в речи не является бессодержательной и произносится в соответствии с ее смыслом, то повторных интонационных оборотов не будет.

Причиной интонационного однообразия может стать и неопытность: каждую новую фразу такой оратор начинает с высокого и сильного звучания, а к концу предложения его голос теряет тон и силу. Поскольку в судебной речи завершающие слова, как правило, передают отношение говорящего к высказанной мысли, такой недостаток очень сильно вредит оратору.

Изложенная система работы над интонационной выразительностью голоса поможет оратору, но у нее есть недостаток: она не учитывает различия между речевым и певческим регистрами голоса. В речи в основном пользуются смешанным регистром, который специалисты называют микст. Этот регистр имеет особенность звучания, проявляющиеся в том, что резонанция усиливается в направлении, обратном высоте тона.

Оратор всегда должен стремиться увеличить богатство звучания своего голоса. Первым этапом здесь является активизация дыхания. Вторым, говорящем о росте мастерства, должно стать умелое включение в работу резонаторов. Ими в нашем теле являются полости, расположенные над голосовыми связками (глотка, лицевая пазуха, купол твердого неба, черепная коробка) — это так называемая верхняя резонаторная система. Нижняя система резонаторов расположена под голосовыми связками. В первую очередь это грудная полость.

Верхняя резонаторная система обеспечивает звучание верхнего регистра и придает нашему голосу полетность¹ и звонкость. По

¹ Полетность звука — это его способность выделяться на фоне других звуков и шумов, не смешиваясь с ними и не теряясь среди них.

направлении звука в нижние резонаторы включается грудной регистр, от которого зависит сила и выразительность звука. При включении этой системы ощущается сильная вибрация грудной клетки. Активное и ровное звучание голоса во всем возможном диапазоне может быть обеспечено, если при низких тонах оратор будет использовать и верхние голосовые резонаторы, а при высоких — нижнюю систему резонаторов.

Следующие упражнения¹ помогут выработать интонационную выразительность, обусловленную работой резонаторов.

«Колокола». Попробуйте изобразить голосом звучание большого колокола: бом-м-м... бом-м-м... бом-м-м...

Короткий удар гласной «о» на удобной для вас низкой ноте и долгое гудение на звуке «м». Следите за тем, чтобы оба звука не «заваливались», а звучали в передней позиции, на кончиках губ.

Затем «перебросьте» звук в верхний регистр — зазвонили малые колокола, образуя веселый перезвон: бим-бимм-биммм... бим-бимм-биммм... бим-бимм-биммм...

Звук свободно рождается на кончиках губ без мышечного напряжения, на удобной для вас высокой ноте.

Объедините звучание колоколов в среднем регистре: бамм... баммм... баммм... баммм... баммм...

Положите одну руку на грудь, а другую — на темя и контролируйте по ощущению вибрации работу обоих резонаторов, которые должны звучать одновременно. При верхней позиции звука возникает ощущение вибрации и в груди и в голове, особенно явно должна ощущаться сильная вибрация в области «маски» — носовых пазух, зубов, губ.

¹ Эти и следующие упражнения позволяют оратору научиться максимально использовать возможности собственного голоса. Предложил их В. Чихачев. См Чихачев В. Техника речи пропагандиста. // Как наше слово отзовется. М. 1984 С. 331—335.

«Барабанщик». Барабанщик отбивает походный марш:

Пам-пара-па-пам-памм!..

Пам-пара-па-пам-памм!..

Пам-пара-па-пам-памм!..

Пам!

Памм!

Паммм!

Читайте текст ритмично, скандированно, имитируя барабанный бой.

Следите за добором дыхания. Помните, что сила звука зависит от активности дыхания, а не от физического напряжения гортани, вызывающего перенапряжение голосовых связок.

Упражнения для выработки звуковысотного диапазона голоса

Основным материалом выразительности звучания голоса служит его звуковысотный диапазон. Человеческий голос способен меняться по высоте в очень большом диапазоне. Для тренированного речевого голоса этот диапазон равен примерно двум октавам, однако в обыденной жизни чаще всего используется меньший диапазон, что нередко приводит к звуковому монотону. Диапазон звучания голоса можно развить. Ниже приводятся упражнения, с помощью которых это делается.

Упражнение «Книжки». Прочтите вслух отрывок из стихотворения С.Я. Маршака «Книжка про книжки»:

У Скворцова

Гришки

Жили-были

Книжки —

Грязные,

Лохматые,

Рваные,

Горбатые,

Без конца

И без начала,

Переплеты—

Как мочала,

На листах —

Каракули.

Книжки

Горько

Плакали.

Распределите звуковое нарастание в соответствии с нарастанием по смыслу. Повышайте звук от строчки к строчке постепенно, по полутонам, не стремясь непременно забраться на самые верха. Как только появится напряжение, отступите по тону назад и затем снова продолжайте равномерное повышение. Зато понижение в конце пусть будет активным, тремя резкими ступенями вниз:

Книжки

горько

плакали!

Упражнения для развития полетности звука

Для развития полетности звука голоса хорошо использовать тексты, в которых по смыслу требуется собрать, созвать слушателей, привлечь к себе их внимание.

Упражнение «Глашатай»¹

Слушайте-послушайте,

Государевы люди,

Государеву волю!

Идите в красные ворота

На красный царский двор!..

С красного двора в новые сени,

На частые ступени,

В дубовые двери,

В государевы палаты,

Суд судить, ряд рядить!

Созывайте народ этим кличем. Произносите текст громко, чуть нараспев, растягивая ударные гласные, на широком, активном, плавном дыхании, очень точно собрав звук как бы в рупор. Можете для начала даже поднести к губам сложенные рупором ладони, фокусируя в них звук голоса. Не забывайте добирать дыхание после каждой строчки. Выдох должен быть ровным, плавным, не только не ослабевающим, но даже усиливающимся в конце каждой строки, на последнем слове.

Упражнение «Былина». Отличным материалом для тренировки

¹ Текст упражнения взят из пьесы А.Н. Островского «Снегурочка».

голоса может служить народная былина. Читать ее следует речитативом, говорком, чуть напевно (но без пения!):

Ай тут старая казак да Илья Муромец
Стал добра коня он тут заседлывать.
На коня накладывает потничек, —
А на потничек накладывает войлочек —
Потничек он клал весь шелковенький,
А на потничек подкладывал подпотничек,
На подпотничек седелко клал черкасское...

Сразу после былины переходите на обычную речевую манеру, сохраняя при этом полноту и звучность гласных, активный посыл звука. Для этого можно использовать в качестве упражнений стихотворный текст, написанный в свободной разговорной манере, например стихотворение О. Берггольц «Разговор с соседкой». Стихотворная форма, ритмичность и звучность стиха помогут избежать излишне бытовой торопливой манеры и приблизят вашу речь к требованиям публичного выступления:

Дарья Власьева, соседка по квартире,
сядем, побеседуем вдвоем.
Знаешь, будем говорить о мире,
о желанном мире, о своем...
Дарья Власьева, — еще немного,
день придет — над нашей головой
пролетит последняя тревога
и последний прозвучит отбой...
Дарья Власьева, твоею силой
будет вся земля обновлена.
Этой силе имя есть — Россия.
Стой же и мужайся, как она!

Поскольку судебному оратору приходится говорить в разных по величине аудиториях, то для него важно научиться сохранять ровное активное звучание текста речи и на негромком звуке. Чаще всего, когда приходится говорить тихо, человек снимает звуковую активность и расслабляет дыхание. Это неверно. Тихое звучание предполагает активное дыхание. Уменьшаться должна лишь активность резонирования.

Итак, чтобы отработать интонацию, надо произносить речь и громко и тихо. Такая двойная работа предполагается в каждом из приведенных выше упражнений.

(4) Тембр

Каждый голос имеет свою звуковую окраску, то есть тембр. Тембр зависит от того, какие обертоны сопутствуют основному тону голоса и какова интенсивность каждого из них.

Вызывать те или иные чувства у людей может изменение звучности, темпа, интонации. Такой же результат может быть получен за счет большего богатства звучания наиболее значимых слов, то есть за счет тембра. **Понятие «хороший тембр» означает открытое, насыщенное, ясное звучание голоса, но оно также означает, что голос обладает способностью изменяться в зависимости от передаваемых мыслей и чувств.**

Все специалисты сходятся в том, что человек не может совершенно изменить свой голос, но способен многого достичь в этом направлении. Успеха можно добиться лишь благодаря систематической работе. Тембр голоса улучшается, если голосовые связки вибрируют легко и свободно, если оратор овладел искусством контролируемого дыхания, научился увеличивать полноту и звучность голоса за счет включения в работу верхнего и нижнего регистров резонаторной системы¹.

Как было отмечено, тембр голоса должен отражать чувства и ощущения, связанные с произносимыми словами и с сопровождающим их смысловым контекстом. Во время речи оратору некогда думать о тембре, следовательно, он должен работать над ним до начала речи. Для обогащения тембра надо тренироваться в про-

¹ См. упражнения, предложенные В. Чихачевым. Разделение упражнений по видам, каждый из которых улучшает только один из показателей голоса — методический прием, позволяющий поэтапно овладевать искусством публичного выступления. Работа над улучшением тембра предполагает дополнительную работу над всеми видами упражнений, назначение которых — улучшить голос.

знесении отрывков из художественных произведений и произносить наиболее значимые в смысловом или эмоциональном отношении части речей известных юристов. Если в момент художественного чтения оратор испытывает те самые чувства, которые необходимы по тексту (печаль, гнев, негодование и проч.), ему не о чем беспокоиться. Если же он не испытывает никаких чувств, то он должен постараться их представить и затем выразить с помощью голоса то, что представлялось его мысленному взору. Задача непростая, и для того, чтобы с ней справиться, необходима регулярная тренировка. Следует записывать звучание собственного голоса и проверять себя прежде всего по тому, какие оттенки чувств выражаются при произнесении наиболее значимых слов: существительных, глаголов, а также прилагательных и наречий.

Работу над отрывками из художественных произведений лучше использовать для передачи разнообразной палитры человеческих настроений и чувств. Отрывки из речей выдающихся судебных ораторов — для отработки более полного звучания правовых и моральных оценок.

Хороший тембр голоса — это всегда воздействие на чувства слушателей. Оратор, считающий своим долгом овладеть профессиональным мастерством в полном объеме, должен уметь это делать. Однако некоторые судебные ораторы, речь которых строится в основном только как обращение к суду и претендует лишь на последовательность и обоснованность изложения, склонны не обращать внимания на приемы, обогащающие тембр речи. Свою позицию они чаще всего оправдывают ссылками на то, что слушатели о тембре не имеют никакого понятия и потому могут лишь что-то смутно осознавать, но не способны указать, где и какие делаются ошибки. Однако у слушателей есть чутье, которое невозможно обмануть. Общая оценка речи оратора у них, как правило, безошибочна: серую речь они никогда не назовут яркой.

Но и излишняя выразительность судебной речи создает у слу-

шателей впечатление наигранной неискренности. Истина в том, что звуковая окрашенность должна соответствовать образу, чувствам и позиции оратора, отражать его подлинные чувства и не содержать фальшивых или неестественных преувеличений. Следует заранее тщательно продумать и прочувствовать смысл того, о чем пойдет речь на суде, проверить убедительность и достоверность звучания голоса. Для этого из подготовленной речи нужно выбрать наиболее значимые с точки зрения смысла и самые эмоциональные места, выделить в них слова, тембровое значение которых наиболее важно, поработать над их произнесением, учитывая работу верхней и нижней резонаторных систем.

РЕЗЮМЕ

Для оценки голоса оратора существенное значение имеют: 1) звучность; 2) темп речи; 3) диапазон и интонационная выразительность; 4) тембр.

(1) Звучность — это не только громкость, а усиление звука на значимых словах и слогах. Основой звучного голоса является умение оратора управлять своим дыханием. Чем больше масса воздуха за голосовыми связками, тем больше звучность.

(2) Понятие «темп речи» включает: (а) общее количество произносимых слов в минуту; (б) длительность звучания отдельных слов; (в) паузы и их продолжительность.

Вопрос о скорости произнесения речи всегда должен решаться в пользу темпа, соответствующего содержанию. Чем сложнее содержание, тем медленнее надо говорить. Чем менее информативным является содержание, тем быстрее надо произносить слова. Однако скорость речи (при отличной артикуляции и хорошей гибкости интонаций) не должна превышать 150 слов в минуту. Целесообразнее держаться в пределах средней скорости: 100—120 слов в минуту.

Единицей звучания является слог, но он не является еще и временной единицей звучания. Длительность звучания зависит от то-

го, является ли слог ударным или нет. Ударные слоги звучат дольше неударных. Второй фактор, влияющий на длительность звучания слога или слова, — их смысловая нагрузка. Слово, имеющее смысловую нагрузку (или слог, входящий в такое слово), звучит дольше. Смысловая нагрузка в предложении чаще всего падает на имена и глаголы. Третий фактор, влияющий на длительность звучания, — чувства и волнение, которые стремится передать оратор. Глубокие и сильные чувства предполагают более растянутое произнесение слов, выражающих эти чувства или переживания.

Влияют на темп речи и паузы. Принято различать паузы для оратора и паузы для слушателей. Паузы для оратора — это дыхательные паузы, во время которых оратор набирает воздух в легкие. Их принято делать через 10—15 слов. Ритм ораторской речи настраивают на логический смысл произносимого. В связи с этим говорят о смысловых, или логических, паузах. Это паузы, нужные слушателям. Некоторое представление о том, где надо сделать паузу, дают знаки препинания, но логический смысл высказывания может быть выражен с помощью ударения. В таком случае ударное слово подчеркивается либо более звучным произнесением, либо произносится более растянуто, либо смысловое выделение осуществляется при помощи паузы.

Кроме логических, или смысловых, пауз, оратор делает еще психологические. Последние возникают или от волнения говорящего, или делаются для того, чтобы выделить добавочные оттенки сообщения.

(3) «Диапазон» — пределы (от самого низкого до самого высокого тона), в которых звучит голос оратора.

В профессиональной литературе термин «интонация» употребляется по крайней мере в трех различных значениях.

Интонированная речь обычно противопоставляется речи монотонной, то есть звучащей в диапазоне привычного для оратора среднего тона. Чтобы избежать монотонности, следует проверить, насколько соответствует смыслу произносимого текста звучание наиболее выразительных слов: существительных и глаголов. Зат

надо выяснить, насколько быстро должны звучать остальные слова, имеющие меньшую смысловую нагрузку. При этом следует стараться оставить в тексте только необходимый минимум слов, не имеющих смысловой нагрузки.

Оратор должен постоянно работать над увеличением богатства звучания собственного голоса.

Ему помогут упражнения, приводимые в тексте параграфа.

(4) Голос каждого человека имеет свою звуковую окраску. Это и называется тембром. Тембр зависит от того, какие обертоны сопутствуют основному тону голоса и какова интенсивность каждого из них.

Вызывать те или иные чувства у людей может изменение звучности, темпа, интонации. Такой же результат может быть получен за счет большего богатства звучания наиболее значимых слов, то есть за счет тембра. Понятие «хороший тембр» означает открытое, насыщенное, ясное звучание голоса, но также используется для того, чтобы сказать: голос обладает способностью изменяться в зависимости от передаваемых мыслей и чувств.

Каждый человек может значительно улучшить тембр своего голоса, но достичь успеха можно только благодаря длительной систематической работе. Тембр голоса улучшается, если овладеть искусством контролируемого дыхания, научиться увеличивать полноту и звучность голоса за счет включения в работу верхнего и нижнего регистров резонаторной системы.

ТЕРМИНЫ

Звучность

Ударение

Контролируемое дыхание

Темп

Единица звучания

Длительность звучания слогов и слов

Паузы для оратора или дыхательные паузы

Паузы для слушателей
Смысловые, или логические, паузы
Психологические паузы
Ключевые слова
Диапазон
Интонация
Полетность звука
Монотонная речь
Смешанный регистр звучания (микст)
Верхняя резонаторная система
Нижняя резонаторная система
Тембр
Хороший тембр

УЧЕБНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Выполните все упражнения, которые даны в тексте параграфа
2. Повторяйте слово «хорошо» с выражением радости, восторга, восхищения, нерешительности, угрозы, гнева и т.п.
3. Повторяйте фразы: «Суд удаляется на совещание»; «Суд был освобожден из-под стражи в зале суда», — придавая им разные значения. Пусть вначале эти фразы звучат лишь как фактическая справка, потом выражают любопытство, отвращение, гнев, умиротворенность, утомление, утешение, тревогу, угрозу и т.д. Чем больше разнообразных чувств и их оттенков вы сможете выразить, тем лучше.
4. Выберите несколько отрывков из небольшого художественного произведения, например из рассказа А.П. Чехова «Сказ», и постарайтесь, меняя тембр голоса, передать чувства переживания действующих лиц. Просите знакомых оценить и прокомментировать ваше собственное прочтение текста.

§ 3. Дикция и орфоэпия¹

В публичном выступлении слова надо выговаривать более четко, чем в обычном разговоре, поэтому профессионал, выступающий в суде, обязан уделять внимание дикции. Термин «дикция» — от латинского *dictio* — означает произнесение. Под дикцией понимают **четкое** произнесение звуков речи, соответствующее орфоэпической норме данного языка.

Термин «дикция» иногда заменяется термином «артикуляция». Это происходит от того, что слово «артикуляция» (от латинского *articulo* — расчленяю) наиболее часто употребляется в значениях: 1) работа органов речи, совершаемая при произнесении того или иного звука; 2) степень отчетливости произнесения. В данной работе под «артикуляцией» понимается работа органов речи при произнесении того или иного звука. Скажем, человек шепелявит, картавит, сюсюкает или имеет какие-нибудь другие дефекты речи: он знает, как надо говорить, но не может этого сделать. В таком случае ему следует заниматься артикуляцией, то есть исправлять работу органов речи. Если кто-то не знает, как правильно произнести то или иное слово или словосочетание и произносит его неправильно, то исправление ошибок требует работы над дикцией.

Прежде чем приступить к тренировке дикции, надо вспомнить, какие органы речи принимают участие в произнесении тех или иных звуков. Такие сведения можно найти в любом учебнике русского языка (раздел «Фонетика»). Отработку дикции всегда следует начинать с «артикуляционной гимнастики», которая состоит в установливании артикуляторов (языка, губ, нёба, нижней челюсти и т.п.) в положения, необходимые для правильного и четкого произнесения звуков.

Тренировка в произношении гласных звуков

Гласные образуются звуком голоса; при их произнесении воздух

¹ Совокупность норм устной речи, в которых реализуется произношение, ударение и образование грамматических форм слов, принято называть орфоэпией.

свободно проходит через полость рта. При произнесении гласных следует обращать внимание на правильную позицию артикуляционных органов¹. Надо следить также за тем, чтобы звучание было на кончиках губ. Для этого губы должны быть собраны.

¹ Разное звучание гласных обусловлено движением прежде всего языка и губ. С учетом положения губ **О** и **У** противопоставляются **Э, И, А, Ы**; при произнесении первых двух гласных губы сближаются, поэтому их называют **губными**; при произнесении последних четырех губы не играют особой роли, эти гласные называются **негубными**.

С учетом положения языка гласные **Э, И** противопоставляются гласным **О, У, Ы**. Первые являются гласными **передними**, так как при их произнесении спинка языка продвинута вперед и кверху, а его кончик лежит внизу у передних зубов. Вторые являются гласными **задними**, потому что в момент их произнесения спинка языка хотя и поднята кверху, но отодвинута назад.

Самым открытым гласным является **А**. При его произнесении рот открывается шире всего, а язык лежит на дне полости рта, не подвигаясь ни вперед, ни назад.

Гласные **И, У, Ы** называются **узкими**, или **закрытыми**; **А, О** называют **широкими** и более **открытыми**. В первой группе в момент произнесения язык поднимается выше к нёбу (при губном **У** губы сужаются сильнее). Во второй группе гласных язык лежит ниже и губы не так закрыты. Гласный **У** по положению языка противоположен гласному **Ы**. Когда произносится **У**, кончик языка направлен вниз, при произнесении **Ы** он более направлен вперед. Все сказанное о гласных можно представить в форме таблицы:

	Передние	Задние	
	Негубные	Негубные	Губные
Закрытые	И	Ы	У
Открытые	Э		О
Самый открытый	← А →		

Что касается букв **Е, Ё, Ю, Я**, то в одних случаях они обозначают сочетания **Й** с последующими гласными, либо соответствующий гласный и мягкость предшествующего согласного. Приведем примеры для первого случая. Слова **ель, ёлка, юла, яма** можно было бы писать как **йэль, йолка, йула, йама**. Для иллюстрации второго случая возьмем слова **все, всё, всю, вся**. Их можно было бы записать как **вс^Ьэ, вс^Ьо, вс^Ьу, вс^Ьа**, где сочетание **с^Ь** обозначает мягкое **с**.

Тренировка произнесения согласных звуков

При делении согласных на группы, специалисты обращают внимание на два момента. Первый: какие органы речи создают данный звук? Второй — способ образования звука.

Так, при образовании щелевых звуков (ф, в, с, з, ш, ж, х) органы речи сближаются, образуя узкую щель. Трение струи выдыхаемого воздуха о края этой щели образует шум, вот почему эти звуки относятся к группе шумных.

Смычковые звуки образуются при плотном смыкании органов речи (прежде всего губ). Воздух вынужден преодолевать преграду. Звуки данной группы классифицируются по способу преодоления преграды. Например, если сжатые губы размыкаются струей выдыхаемого воздуха, образуется взрывной шумный звук «п». Если преграда преодолевается с участием голоса, образуется парный звонкий «б». К шумным взрывным смычковым звукам относятся также «т», «д», «к», «г». Звуки «м» и «н» — смычковые носовые, «л» — боковой. Здесь струя воздуха, встретив преграду, не взрывает, а обходит ее через нос или сбоку. Так как эти звуки создаются с участием голоса, их называют еще сонорными (звучными). К ним относят вибрант «р», образующийся вибрацией кончика языка у верхних зубов, и группу **аффрикат**. Последние называют еще притершимися, это «ч», «ц», «щ». Здесь два звука как бы слившись друг с другом, создали новый звук: тс — ц, тш — ч, шышь — щ.

Для отработки правильного и четкого произношения согласных звуков необходимо тренироваться, выполняя соответствующие упражнения.

Тренировка взрывных звуков «п» — «б»

Эти звуки требуют особо плотной смычки губ и активного преодоления этого препятствия — «взрыв сильной струей выдыхаемого воздуха».

Упражнение «Пробка»¹. Плотно сожмите губы, даже чуть натяните их края на зубы, чуть прикусив их. Воздухом, находящимся в полости рта (не делая выдоха!), резко прорвите смычку, как будто выстреливаете пробку, зажатую губами. Не расслабляйте губ, пусть их смычку разорвет воздушная струя.

Упражнение «Взрыв». Выстрелите «пробку» теперь уже активным выдохом — ппп!

Не напрягайтесь, плотно сжаты лишь губы. Не стремитесь набрать больше воздуха. Дело решает не количество, а энергичность толчка (резкое сокращение диафрагмы, обеспечивающее воздушный удар) и точная фокусировка выдыхаемой струи на кончиках губ. Не допускайте в конце придыхания, а тем более гласного звука, у вас не должно получаться «пх» или «пппы»... Если вместо взрыва слышится чмоканье, значит, вы втянули в себя воздух, вместо того чтобы вытолкнуть его наружу.

Добившись четкого взрыва на звуке «п» (не удивляйтесь, если это не получится сразу, нужна ежедневная упорная тренировка, в том числе и гимнастика губных мышц), включайте вместе с выдохом звук голоса — ббб!

Тренируйте обе согласные в паре, сохраняя при этом четкую дифференциацию по звучности: п — б, п — б, п — б. Не допускайте в конце призвука гласного звука: пы — бы!

Упражнение «Настольный теннис». Представьте себе, что кисть вашей правой руки — ракетка для игры в настольный теннис. Тренируйте удар ракеткой по воображаемому шарiku, отбивая его тыльной стороной свободно висящей кисти: ппа!.. ппэ!.. ппо! ппу!.. ппы! ппи!

Пусть каждый звук, как мячик, звонким взрывом летит вверх — вверх. Следите за тем, чтобы гласные «взрывались» на губах продолжая взрывную согласную. Посылайте звук в разные точки комнаты: вверх, направо, налево, вниз...

¹ Здесь и далее используются упражнения, предложенные В. Чихачевым.

Отработав эти сочетания, подключайте звук голоса в начале выдоха: бба!.. ббэ!.. ббо!.. ббу!.. ббы!.. бби!

Соедините глухой и звонкий звуки в пару: па́бба! па́ббэ! па́ббо! па́ббу! па́ббы! па́бби!

Удваивайте звонкую согласную, ставьте в слове ударение на первом слоге. Подбрасывайте мячики-звуки легко, свободно, без мышечных усилий.

Тренировка свистящих и шипящих звуков

«с» — «з» и «ш» — «ж»

Упражнение «Прокол». Проверьте на слух, нет ли в надутой камере волейбольного мяча прокола, сжимая его возле уха... Так и есть! Слышен ровный напряженный свист выходящего воздуха: ссссссссс!.. Произносите звук «с», точно соблюдая установку артикуляционного аппарата, помните, что при этом звуке кончик языка опущен и прижат к передним нижним зубам, а тело языка

напряжено, образуя горку-лоток (с чуть приподнятыми краями), по ней-то и скатывается выдыхаемый воздух.

Время от времени прижимайте мяч сильнее, звук усиливается.

Упражнение «Паровоз». Паровоз медленно разводит пары: шшшш... шшшш... шшшш... Вот он сдвинулся с места: ш-шшш-шшшш... ш-шшш-шшшш... Пошел быстрее: шшшш-шшшш... шшшш-шшшш-ш... шшшш-шшшш-ш...

Выдыхайте воздух энергичным толчком диафрагмы. Следите за правильной артикуляцией звука. Помните, что кончик языка поднят кверху, образуя в куполе твердого нёба ковшик, в который и ударяется выдыхаемый воздух.

Упражнение «Косарь». Представьте, что точите косу. Брусок скользит то с одной, то с другой стороны лезвия. Подражайте звукам, издаваемым косой: ссс-ззз... ссс-ззз... ссс-ззз...

Коса наточена, можно приниматься за косьбу. Взмах косы, и она звучно режет траву: жжж... жжж... жжж...

Тренировка звуков «л» и «р»

Упражнение «Телеграмма». Выстукивайте телеграфным ключом текст телеграммы: ла — ла — лал! лэ — лэ — лэл! ло — ло — лол! лу — лу — лул! лы — лы — лыл! ли — ли — лил!

Держите телеграфный ритм. Ударение пусть падает на последний слог.

Упражнение «Капризный мотор». Попробуйте завести мотор игрушечного автомобиля... Выдыхаемым воздухом (без звука голоса) вызовите вибрацию кончика языка, поднятого к верхним зубам: тррр... тррр... тррррр... тр... тррр... тр... тррррр... тррррр...

Включите звук голоса (мотор завелся!): дrrrrrr... дrrrrrr...

Сочетание взрывных согласных

Соединим вместе три взрывных глухих согласных звука, взяв их во всех возможных сочетаниях: птк, пкт, ктп, кпт, тkp, тпк. Будем отрабатывать каждое из них отдельно (без гласных), следя за тем, чтобы каждый очередной взрыв был четко слышен: п! т! к! Затем станем сближать их между собою: п - т - к! Наконец, объединим в целое сочетание: птк! Следите за тем, чтобы между согласными не проскальзывал шум выдыхаемого воздуха, а тем более звук голоса, не получилось бы: п(х) — т(х) — к(х) или п(ы) — т(ы) — к(ы).

Отработав каждое из сочетаний, соедините их с основным рядом гласных и произносите как одну фразу: пткá - пткб́ - пткб́о - пткú - пткý - пткí!

Отработав подобным образом все сочетания, создавайте варианты целых «фраз», а затем и диалоги из них:

«Птка - пткэ - птко?» - «Тпка - тпкэ - тпко!»

Отработка окончаний слов. Впечатление небрежной, неряшливой речи создает нечеткое произнесение конечных согласных. Для тренировки вначале лучше использовать поэтические произведения, выбирая стихи разных поэтов, чтобы разнообразить ритм речи. Для данной цели у А.С. Пушкина, например, можно использовать такие строки:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.

(«Полтава»)

От чисто стихотворного надо двигаться к разговорному ритму и интонациям. Ступенью на пути к цели могут быть такие стихи:

Как гурия в магометанском
Эдеме, розах и шелку,
Так вы в лейб-гвардии уланском
Ее величества полку.

(Н. Гумилев. «Мадригал полковой даме»)

При чтении вслух нужно помнить, что звонкие согласные в конце слова произносятся как глухие, то есть оглушаются: «гоТ» («год»), «нароТ» («народ») и т.д.

Произнесение удвоенных согласных. Неряшливости, нечеткости речи способствует привычка опускать согласные в середине слова, особенно если там имеется сочетание нескольких согласных или их удвоение: нередко произносят «воеНый» вместо «воеННый», «обыкновеНо» вместо «обыкновеННо» и т.п. Необходимо добиваться, чтобы удвоенная согласная звучала дольше обычной.

Небрежность, из-за которой выпадает одна из двух одинаковых согласных на стыке произносимых слитно слов или слова и предлога, может привести даже к изменению смысла сказанного: так бывает, когда вместо «из здания» мы услышим — «издание». Произношение таких слов можно тренировать, подбирая пары с одним и удвоенными согласными звуками, чтобы явно ощущалась разница в произношении «поДать» — «оТ-Дать» (произносится «ОДДать»), «не то, товарищи» — «не тоТ, Товарищи», «раЗделать» — еще раЗ Зделать» (сочетание *сд* произносится как *зд*).

Чистоговорки

Для отработки отдельных звуков речи и их сочетаний служат

специально составленные фразы — чистоговорки. В них неоднократно повторяется тренируемый звук или сочетание звуков. Используйте для упражнений следующие предложения.

Бык тупогуб, тупогубенький бычок; у быка белá губа была тупá.

Редька редко росла на грядке, грядка редко была в порядке.

Пришел Прокоп — кипел укроп, ушел Прокоп — кипел укроп.

Как при Прокопе кипел укроп, так и без Прокопа кипел укроп.

Рыла свинья тупорыла-белорыла, полдвора рылом изрыла, вырыла да подрыла.

Была у Фролá — Фролу на Лávра навралá, к Лавру пойдет — Лавру на Фролá наврет.

Везет Сенька Саньку с Сонькой на санках. Санки — скок, Соньку — с ног, Саньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб!

Кукушка кукушонку сшила капюшон. Надел кукушонок капюшон: как в капюшоне он смешон!

Цапля мокла, цапля сохла, цапля чхла, цапля сдохла.

Щетинка у чушки, чешуйка у щучки.

В Чите течет Читинка.

Не тот глуп, кто на слова скуп, а тот глуп, кто на делó туп.

Повар Петр, повар Павел. Петр плавал, Павел плавал.

Работайте над чистоговорками не торопясь, тщательно отрабатывая правильное звучание каждого звука.

Упражнения с чистоговорками можно записать на диктофон (или магнитофон), что позволит услышать себя со стороны и быстрее исправить недостатки речи.

Скороговорки

Очень часто в повседневной житейской практике наблюдается стремление подстроить темп речи под убыстряющийся ритм жизни. Но при отсутствии ясной дикции, ускорение темпа ведет к снижению уровня восприятия у слушателей. Для выработки четкого произношения, при повышенном темпе речи, служат специальные фразы — скороговорки. Они построены на сочетании слов, включающих в себя звуки, требующие от органов речи быстрой смены артикуляционных позиций.

Отработка быстрого темпа речи при сохранении дикционной четкости предполагает особую методику тренировки. Начинать ее следует с установки артикуляционной позиции всех звуков, входящих в состав скороговорки. Затем четкое произношение отрабатывается в *замедленном темпе*. Когда отдельные звуки и их сочетания будут хорошо отработаны, переходите к упражнению «диктовка». Медленно, отчетливо выговаривая каждый звук (так, как произносится, а не пишется!) продиктуйте текст скороговорки. Не торопитесь, делайте паузы. Хорошо записать сказанное на магнитофон (диктофон), а затем прослушать и откорректировать. Когда убедитесь, что звуки произносятся четко, убыстрьте темп. Диктуйте так же, как и раньше, но не скандируйте слова, а произнесите их теперь в разговорной манере.

Когда отчетливость фразы достигнута, можно увеличивать скорость произнесения. Такой метод отработки применяйте к каждой скороговорке.

Для тренировки предлагаются следующие предложения:

Рапортовáл, да недорáпортовáл, стал дорáпортовывать — зарáпортовáлся.

Малáнья-болту́нья молоко болтáла, выбалтывáла, да не выболтáла.

Всех скороговóрок не перескороговóришь, не перевыскороговóришь.

Не тот, товарищи, товарищу товарищ, кто при товарищах товарищу товарищ, а тот, товарищи, товарищу товарищ, кто без товарищей товарищу товарищ!

Тридцáть три корабля лави́ровали-лави́ровали, лави́ровали-лави́ровали, лави́ровали-лави́ровали, да не вылави́ровали.

Спит колпáк не по-колпáковски, вылит ко́локол не по-колоко́ловски, надо колпáк переколпáковáть-перевыколпáковáть, надо ко́локол переколоко́ловáть-перевыколоко́ловáть.

На дворе — трава, на траве — дрова: дрова вдоль двора, дрова вширь двора, не вместит двор дров, надо дрова выдворить на дровяной двор обратно.

Завершив работу над чистоговорками и скороговорками, закрепите навыки четкого произношения. Для этого следует выбрать отрывок из речи известного оратора и произнести его, внимательно наблюдая за чистотой звучания каждого звука.

При восприятии устной речи обычно главное внимание обращается на содержание. Однако любое отклонение от норм произношения — акцент, неправильное ударение, диалект — переключают внимание на себя и отвлекают от восприятия смысла.

Нормы произношения, применительно к отчетливой, литературно обработанной публичной речи, устанавливает **орфоэпия**. Если говорящий соблюдает литературные нормы произношения, внимание слушателей не отвлекается от содержания речи. Поэтому следование правилам орфоэпии, позволяющее удерживать внимание аудитории, — обязательное условие, без которого недостижимы ясность и доходчивость.

Орфоэпия включает в себя два основных раздела: правила литературного произношения и правила литературного ударения.

Правила произношения содержат два подраздела: произношение гласных и произношение согласных.

Важным правилом орфоэпии в подразделе «*произношение гласных*» является так называемое **правило редукции** безударных гласных. В русском языке только ударные произносятся в полном соответствии с фонетической установкой. Безударные гласные произносятся менее четко и не так долго, как ударные; а иногда они даже заменяются другими гласными.

Отсутствие редукции безударных гласных воспринимается как диалект. Например, нередуцированное произнесение слова «мОлО-кО» будет восприниматься как окающий говор, а замена безударных гласных на «а» без их редукции — «мАлАкО» — как акающий говор.

Звуки «а» и «о» в безударном положении произносятся как краткое редуцированное [а]. Степень ослабления зависит от положения этих гласных по отношению к ударному слогу. Если они на-

ходятся в первом слоге перед ударением, то произносятся как краткое ослабленное «а». Вода, например, произносится [вада́], гроза — [гразá]. Так же произносятся эти звуки в открытых слогах, то есть начинающихся или заканчивающихся гласным звуком. Например: оборот произносится [абаро́т], огурчик — [агу́рчик]¹. Если эти звуки расположены во втором и далее, считая от ударения, предударном или заударном слоге, они произносятся как полугласный звук [ъ]: «колоко́ла» [кълъко́ла], но «ко́локол» [ко́лъкъл].

Безударный звук «а» после аффрикат «ч» и «щ» произносится как звук, близкий к и [и^е]: часы [чи^есы], щавель [щи^евел^ь].

Под ударением «а» и «о» после «ч» и «щ» произносятся как [я] или [ё]: ча́й [чя́й]², поща́да [пощя́дь], крючо́к [крячо́к] и т.п.

Звуки «е» и «я» в безударном положении произносятся как звук, средний между «е» и «и» (i): «ли́гушка» («лягушка»), «ма́стир» («мастер»). В начале слова звук «я» произносится как j (йи): «jзык» («язык»), Jпония» («Япония»). Так же произносится «я» после гласных: «за́явление» («заявление»).

Произношение согласных. Основными правилами в этом разделе орфоэпии являются *правило оглушения* и *правило уподобления*.

Правило оглушения. В русской речи происходит обязательное оглушение звонких согласных в конце слова: произносятся «хлеП» вместо «хлеб», «саТ» вместо «сад» «любофь» вместо «любовь» и т.д. Такое оглушение является одним из характерных признаков русской

¹ В произносительных пометах используются буквы русского алфавита с применением дополнительных знаков. Так, маленький мягкий знак сверху от буквы обозначает мягкость соответствующего согласного звука, например, с^ь — мягкий звук с и т.д. Маленькая буква справа (слева), поставленная выше основной буквы, обозначает, что в звуке сохраняется элемент или призвук другого звука. Например: городской [ц^с] или жалеть [ж^ьлэ]. Знаками ы^з, и^е обозначаются в необходимых случаях гласные, которые произносятся в безударных слогах на месте букв а, е и др.

² Возможна и другая транскрипция: [чай].

литературной речи. Его отсутствие сразу же характеризует выступающего как человека, не знакомого с нормами произношения.

Согласный «г» в конце слова оглушается; произносится глухой звук «к»: «лѐК» («лѐг»), «пороК» («порог»). Произнесение в этом случае звука «х» («лѐХ», «пороХ») недопустимо как диалектное. Также недопустимо произнесение фрикативного (придыхательного) «г» — «ɦ»: «моɦу» («могу»), «коɦда» («когда»). В русском языке звук «г» всегда взрывной. Фрикативный (придыхательный) «ɦ» в русском языке употребляется только в междометиях («аɦа», «оɦо», «уɦу» и т.п.).

Звук «х» на месте «г» произносится лишь в определенных словах: «лѐХкий» («лѐгкий») — «лѐХче» («легче»), «мѐХкий» («мягкий») — «мѐХче» («мягче»).

Правило уподобления. В сочетаниях звонкого и глухого согласных (так же как глухого и звонкого) первый из них непременно уподобляется второму. Так, если первый из них звонкий, а второй — глухой, произойдет оглушение первого: слово «ложка» произносится как «лоШКа», «пробка» как проПКа и т.д. Если первый глухой, второй — звонкий, произойдет озвончение первого, слово «сдоба» произносится «ЗДоба», а «сгубить» как «ЗГубить» и т.д.

Уподобление происходит и при сочетаниях «зж» («сш») на стыке приставки и корня или предлога и слова: «с жаром» произносится как «ЖЖаром», «с пашкой» как «ШШашкой», «разжечь» — «раЖЖечь», «расшумелся» — «раШШумелся» и т.д.

Произношение некоторых согласных звуков и их сочетаний¹.

Сочетания «сч» («зч») произносятся как (щ): «счастье» («Щастье», «подписчик» («подпиЩик»). Сочетания «тч» («дч») произносятся: двойное «ч» (чч): «летчик» («лѐЧЧик»), «докладчик» («доклаЧЧик»)

¹ Подробнее с законами звучания русской речи можно познакомиться в специальной литературе. См., например: Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М. 1972.

Сочетания «тс» («дс») произносятся как двойное «Ц»: «бриться» («бриЦЦь»), «бояться» («бояЦЦь»), «несутся» («несуЦЦь») и т.д. После этих сочетаний гласная «а» сильно редуцируется и звучит как очень краткое «а»= «ъ».

«ТС» («дс») в сочетаниях «тск», «дск», «тств», «дств» звучит как (ц^с): детский, заводской, богатство, наследство.

В сочетаниях «стн» («зди»), «стл», «стск», «стц» («зди»). «итц» («иди») согласные «т» («д»), как правило, не произносятся: «участник» («учасНик»), «праздник» («праЗНик»), «счастливый» («щи^сСливый»), «туристский». («туриСКъй»), «ирландцы» («ирлаНЦы»).

Согласные «чн» произносятся как (шн), а «чт» как (шт): «конечно» («конеШНь»), «скучный» («скуШНый»), «что» («што»).

На месте звука «г» в окончаниях -ого, -его прилагательных, причастий и др. произносится звук «в»: «большого» («большоВа»), «старого» («старьВа»), «этого» («этьВа»). Слова «всего», «того», «кого», «его» также произносятся со звуком в: («ФСИВо»), («та-Во»), («каВо»). («ИВó»).

Окончания -тся, -ться произносятся с удвоенным «ц» и сильно редуцированной гласной на конце: «остаётся» («астаёЦЦь»), «остаться» («астаЦЦь»); окончания -стся, -стсья — как «СЦь»: «удастся» («удаСЦь»). «красться» («краСЦь»), «клясться» («кляСЦь»).

Правила литературного ударения

Ударение в русском языке свободно, что выражается с помощью таких характеристик, как **разноместность** и **подвижность**. Разноместность означает: ударение может быть поставлено на любом по счету слоге. Например: сОлнце, планЕта, луНА, космонАвтика, орбитАльный и т.д. Под подвижностью имеется в виду способность ударения перемещаться в разных грамматических формах одного и того же слова. Например: дАл, зАдал, задалА, зАдали и т.д. Слов с подвижным ударением относительно немного, но именно они являются в нашей речи наиболее употребительными.

Большинство говорящих плохо знают строгие акцентологические правила¹, поэтому ставят слоговое ударение произвольно.

Оратору, желающему не допускать ошибок в ударении, надо пользоваться специальными словарями². Например, Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы. (Борунова С.Н., Воронцова В.Л., Еськова Н.А./ Под ред. Р.И. Аванесова. М.: Рус. яз., 1989.; Агеенко Ф.Л., Зарва М.В. Словарь ударений для работников радио и телевидения / Под ред. Д.Э. Розенталя. М. 1985.

Чтобы правильно ставить ударения, надо точно представлять себе не только норму, но и типы вариантов, а также условия, при которых может быть использован каждый из них. В словарях, имеющих вариантное ударение, ставится помета, указывающая на сферу употребления данного варианта. Рассмотрим наиболее важные из них:

1. Равноправные варианты. Они соединяются союзом и. Этому случаю соответствует отсутствие нормативной пометы (своего рода «нулевая» нормативная помета); примеры: Искристый и искрИстый, волнАм и волнам.

2. Варианты нормы, из которых один признается основным.

1) Помета «допустимо» (доп.). Ею оценивается менее желательный вариант нормы, который тем не менее находится в пределах правильного. Этот вариант следует после основного. Примерь творОг и доп. твОрог, Отдал и доп. отдал.

2) Помета «допустимо устаревающее» (доп. устар.). К ней относится сказанное о предыдущей помете, но она дополнительно сообщает, что оцениваемый ею вариант постепенно утрачивается. Этой пометой снабжаются такие варианты, о которых известно, что в прошлом они и были основными. Примеры: индустриЯ и доп. устар. индУстрия, рЕкам и доп. устар. рекАм.

¹ Акцентология — часть науки о языке, изучающая закономерности постановки слогового ударения; пока еще не входит в школьные курсы русского языка.

² В первую очередь нужно проверить звучание «ключевых слов» будущей речи

3) Профессиональный вариант. Целый ряд вариантов ударения связан с явлениями профессионального жаргона. Например:

аммиАка // у химиков аммиаА.

шприИц, -а; мн. -ы, -ев // у медиков ед. шприцА, мн. -Ы, -Ов.

маяК, маякА // у моряков маяЯк.

Стилистическая помета означает, что данное ударение принято только в узкопрофессиональной речи и в любой другой обстановке будет восприниматься как ошибка.

Словари включают довольно большое количество вариантов, находящихся за пределами литературной нормы (варианты с так называемыми запретительными пометами). Сюда относятся пометы: «не рекомендуется» (**не рек.**), «неправильно» (**неправ.**), «грубо неправильно» (**грубо неправ.**). Пометы **не рек.** и **неправ.** должны восприниматься просто как «менее неправильно» и «более неправильно». Иначе говоря, варианты, оцениваемые первое пометой, меньше компрометируют говорящего, хотя, если он хочет, чтобы его речь считалась образцовой, он должен их избегать. Приведем примеры:

алфавИт, -а! **не рек.** алфАвит;

диалОг, -а! **не рек.** устар. диАлог;

атлЕт, -а! **неправ.** атлЁт; **неправ.** Атлет;

докумЕнт, -а! **грубо неправ.** докУмент.

Подчеркнем. Оценка той или иной формы как употребительной или неупотребительной делается в словарях с позиций литературной нормы.

Если язык является для говорящего родным, то избежать ошибок в произнесении нетрудно, надо только постоянно работать над своей устной и письменной речью.

Как отмечал П.С. Пороховщиков: «Неправильное ударение так же оскорбительно для слуха, как неупотребительное или искаженное слово». Заканчивал эту мысль он грустной констатацией факта: «Не буду повторять сказанного вначале о грамматических ошиб-

ках; скажу только, что на суде они встречаются чаще, чем в литературе и в разговорном языке»¹.

Справедливая горечь этих слов не потеряла актуальности и в настоящее время.

РЕЗЮМЕ

В публичных выступлениях слова надо выговаривать тщательнее, чем в обычном разговоре, поэтому человек, профессионально говорящий в суде, обязан уделять внимание дикции. Под «дикцией» понимается четкое произнесение звуков, в соответствии с фонетической нормой языка. Прежде чем приступить к тренировке дикции, полезно вспомнить, какие органы речи принимают участие в произнесении тех или иных звуков.

Работа органов речи в соответствии с фонетическими нормами языка называется артикуляцией. Работу над дикцией всегда надо начинать с артикуляционной гимнастики, состоящей в том, что органы речи устанавливаются в позиции, обеспечивающие правильное произнесение звуков (см. об этом учебники русского языка, раздел «Фонетика»).

Тренировать надо как произнесение гласных, так и согласных звуков. При работе над согласными уделять особое внимание произнесению свистящих и шипящих звуков, сочетаниям взрывных согласных и отработке четкого произнесения окончаний слов, заканчивающихся согласным звуком. Работа над скороговорками и чистоговорками не только может улучшить дикцию, но и существенно увеличить скорость произнесения слов.

Нормы произношения применительно к литературно обработанной публичной речи устанавливает орфоэпия. Если говорящий соблюдает литературные нормы произношения, внимание слушателей не отвлекается от содержания речи. Поэтому следова-

¹ Сергеев П. Искусство речи на суде. М. 1988. С. 21.

ние правилам орфоэпии, позволяющее удерживать внимание аудитории, — обязательное условие, без которого недостижимы ясность и доходчивость. Орфоэпия включает в себя два основных раздела: правила литературного произношения и правила литературного ударения.

Правила произношения содержат два подраздела: произношение гласных и произношение согласных. Важным правилом в подразделе «произношение гласных» является так называемое **правило редукции безударных гласных**. В соответствии с этим правилом безударные гласные произносятся менее четко и не так долго, как ударные.

Основными правилами в разделе «Произношение согласных» являются **правило оглушения** и **правило уподобления**.

В соответствии с первым правилом в русской речи в конце слова происходит оглушение звонких согласных.

В соответствии со вторым правилом в сочетаниях звонкого и глухого согласных (так же как глухого и звонкого) *первый из них непременно уподобляется второму*. Так, если первый из них звонкий, а второй — глухой, происходит *оглушение* первого.

Если первый — глухой, а второй — звонкий, произойдет *озвончение* первого. Уподобление происходит также на стыке приставки и корня или предлога и слова.

Второй раздел орфоэпии — это учение о правилах литературного ударения. Ударение в русском языке свободно, что выражается с помощью таких характеристик, как *разноместность* и *подвижность*. *Разноместность* означает, что ударение может быть поставлено на любом по счету слоге. Под *подвижностью* имеется в виду способность ударения перемещаться в разных грамматических формах одного и того же слова.

Ошибки в ударении отвлекают слушателей от восприятия содержательной части речи. Поэтому оратор должен стремиться не допускать ошибок в произнесении слов. Если русский язык для него является родным, то избежать ошибок в произнесении нетрудно.

Надо только работать над устной и письменной речью. Прежде всего надо постоянно пользоваться специальными словарями и с их помощью проверять звучание «ключевых» слов речи.

ТЕРМИНЫ

Дикция
Артикуляция
Гласные
Согласные
Глухие
Звонкие
Сонорные
Свистящие согласные
Шипящие согласные
Сочетания взрывных согласных
Удвоенные согласные
Чистоговорки
Скороговорки
Орфоэпия
Правило редукции безударных гласных
Правило оглушения согласных
Правило уподобления согласных
Разноместность ударения
Подвижность ударения

УЧЕБНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Тщательно выполняйте все упражнения, которые даются в тексте параграфа.

2. Поставьте ударение в словах и прочитайте их вслух:

Валовой, газопровод, договор, диспансер, диалог, одновременно, мышление, комбайнер, столяр, запломбировать, километр, каталог, кремьнь, кулинария, гастрономия, легкоатлет, средства, осужденный, приговор.

алиби, созыв, договорные, сосредоточение, статут, упрочение, феномен, ходатайствовать, цемент, эксперт, хронометр, некролог, минералог, индустрия, симметрия, металлургия, нефтепровод, водопровод, электропровод, заговор, обеспечение, призыв, звонишь, манит, петля, искра, родился, языковая, агентство, квартал, мастерски, ходатайство, языки, красивее, свободнее, облегчить, инструмент, портфель, партер, магазин, документ, мастерские, одновременные, нормированный, намерение, характерный, усугубиться, усугублось, украинский, стенография, шасси, танцовщица, баловать.

3. Прочитайте приведенные ниже тексты. Выделите трудные для произнесения слова и словосочетания. Найдите основную мысль каждого отрывка, а затем передайте его содержание в собственной интерпретации.

а) «Господа судьи, господа присяжные заседатели! Настоящее дело, как вам известно, в сильнейшей степени возбудило внимание здешнего общества, как по свойству преступления, так и по своей процессуальной стороне, выходящей из ряда обыкновенных. Одно из преступлений, в котором обвиняются подсудимые, а именно — произведение выкидыша, принадлежит к числу таких преступных деяний, обнаружение коих в высшей степени затруднительно. Здесь нет потерпевшего лица, которое своими рассказами помогло бы правительству открыть виновных: от преступления потерпело такое существо, которое неспособно заявить о своих правах и, следовательно, неспособно и принять меры к ограждению этих прав. Свидетелей обыкновенно не бывает, и пока лицу, совершившему это преступление, угодно молчать, до тех пор нет возможности открыть истину; остается, таким образом, ожидать собственного сознания, представляющегося единственным к тому способом, что мы видим и в настоящем деле, которое обнаружилось только вследствие искреннего, чистосердечного сознания подсудимой Дмитриевой».

(Обвинительная речь товарища прокурора В.И. Петрова. Дело Дмитриевой и Кострубо-Карицкого. // Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века. С. 25).

б) «Обвинитель-прокурор и обвинитель — защитник Дмитриевой чувствуют слабую почву под ногами; поэтому они дают обширное место в своих речах соображениям неуместным в судебных прениях. Вспомните, что вы слышали. Вам говорили об особой важности дела, о высоком положении подсудимых, о друзьях и недругах их, готовых показать за и против обвиняемых. Говорили вам о том, что это дело решает вопрос о силе судебной реформы, решает болезненное недомогание общества, может ли новый суд справиться с высокопоставленными. Обвинитель не щадил похвал положению и известности защитников, связывал с этим возможность их влияния на общественное мнение и рядом указывал на свою малоизвестность. Унижение паче гордости, подумали мы. Говорили вам о слухах, ходящих в городе, что влияние сильнейших коснулось даже вас.

Но венцом всего, последним словом обвинения были, конечно, знаменитые слова, сказанные вам вчера Урусовым. Вам говорилось о том, что великая идея равенства и братства все шире и шире распространяется в обществе, и во имя этой идеи как-то сумели просить вас осудить Карицкого, если даже нет в деле достаточных улик, если не все доказательства ясны и полны. Со дня, когда на земле возвестили учение о равенстве и братстве, конечно, никому не удавалось сделать из него такого прекрасного, скажем прямее, такого извращенного применения».

(Речь присяжного поверенного Ф.Н. Плевако в защиту Кострубо-Карицкого. Там же. С. 61)

в) «Сенсацию обкатывали газеты и телевидение. Она обростала подробностями и слухами: особенно после того, как перед депутатами Верховного Совета выступил еще и заместитель генерального прокурора Н. Макаров. Речь шла все о том же: разбазаривание государственных средств, коррупция, воровство и т.д. Факты сыпались на депутатскую аудиторию один круче другого.

...Распоряжением главы администрации Московской области Тяжлова в марте 92-го года было создано внешнеэкономическое объединение (ВАМО). Оно заключило контракт со швейцарской

фирмой «ТЕЛАМОНД Лтд» на поставку детского питания. Шумейко, будучи в то время заместителем председателя Верховного Совета, дал письменное указание генеральному директору РОСАГРО-ХИМА Ольшанскому оплатить этот контракт. Четырнадцать с половиной миллионов долларов были перечислены на счет швейцарской фирмы. За период более года детское питание было закуплено лишь на 1,7 миллиона долларов. Остальная валюта, выдернутая из российского бюджета, уплыла неизвестно куда. Документации, подтверждающей ее расходование, не обнаружено».

(Освободить из-под стражи в зале суда. Судебные дела адвокатского бюро «Борис Кузнецов и партнеры». М.: Издат. дом «Парус». 1997. С. 74).

§ 4. Проблема запоминания

Учителя риторики называют память не иначе как «сокровищница красноречия». Она считалась необходимой (пятой) частью искусства оратора. Еще Квинтилиан в своих «Наставлениях» утверждал, что красноречие не будет иметь настоящей силы, если обучающийся не разовьет свою память.

Проблема запоминания для современного судебного оратора имеет несколько аспектов. Во-первых, приступая к изучению материалов дела, он должен запомнить имена и фамилии всех участников судебного разбирательства, место, где происходили события, время, когда произошло каждое из них, и т.п.; надо запомнить не только документы, говорящие о судебной драме, но и их особенности. Во-вторых, следует запомнить риторические правила. Помнить их надо так, чтобы быть готовым в подходящий момент применить любое из них. Как говорил Цицерон: «Поэтами рождаются, ораторами делаются». Работа эта требует немалых усилий и хорошей памяти. Раньше, чтобы «сделаться» оратором, надо было изучать (и помнить) речи своих предшественников. Творчески перерабатывая произведения известных авторов, оратор должен был не только пытаться им подражать, но и периодически *мысленно* возвращаться к текстам их произведений с тем, чтобы внести в собственные речи

поправки или исправления. Такая мысленная ревизия подготовленной речи считалась самой полезной частью обучения. В-третьих, оратор должен уметь быстро заучивать текст собственной речи и произносить его так, будто говорит, не готовясь.

Обсудим вначале вопрос о том, как оратор готовит речь, и можно ли подготовить ее, не заучивая текст наизусть.

Вопрос о запоминании речи всегда самым тесным образом связывался с тем, как ее готовить. Если говорить о чисто теоретической классификации, то судебный оратор может подготовить выступление только четырьмя способами. Речь может быть: 1) полностью написана и заучена наизусть; 2) написана полностью и прочитана по рукописи; 3) сказана экспромтом; 4) основные положения речи прорабатываются, но речь произносится без записей и заучивания.

Рассмотрим каждый из способов более подробно, имея в виду указать на преимущества и недостатки каждого из них.

Первый способ подготовки к выступлению кажется наиболее трудоемким, но именно им пользовались участники судебного разбирательства в античном афинском суде. Готовили и писали такие речи знатоки права (логографы), а их клиенты, люди, дело которых разбирал суд, выучивали текст наизусть и произносили его на судебном заседании.

Время произнесения такой речи может быть точно рассчитано, но, заучивая текст наизусть, оратор заранее игнорирует любые неожиданности, которые могут возникнуть во время судебного разбирательства.

В афинском суде речи сторон заменяли современное судебное следствие, поэтому, если факты, разъясняющие дело, были соответствующим образом сгруппированы и освещены, то возможность появления чего-то непредвиденного была невелика.

Заученная речь позволяет хорошо отработать все тонкости, связанные с ее произнесением. Но запоминание не всегда бывает безупречным, поэтому опасность что-то забыть и «упустить» здесь намного больше, чем в речах подготовленных, но не заученных. Поскольку дословно воспроизвести текст трудно, то, вспоминая за-

ученное, оратор скорее может потерять контакт с аудиторией. Потеря контакта всегда приводит к нехорошим последствиям, самыми неприятными из которых, пожалуй, можно считать следующие: 1) оратора перестают слушать; 2) оратору перестают верить; 3) над ним начинают смеяться.

Преимущество речи по записи перед заученной лишь в том, что она освобождает от напряжения память говорящего. Недостаток — она не звучит как живое естественное слово, и поэтому непосредственное общение оратора с аудиторией затруднено. Впрочем, судебный оратор в некоторых случаях бывает вынужден зачитывать статьи закона, выдержки из документов и кодексов. Речь по записи может быть использована также как упражнение для постановки голоса и отработки дикции оратора.

Речь, сказанная экспромтом, или импровизация, по мнению Квинтилиана, — высший результат обучения, и является самой лучшей наградой оратору за долгий труд. Но это в теории. На практике очень часто к импровизации прибегают бойкие и самоуверенные люди, стремящиеся тщательную работу заменить блудом, приготовленным на скорую руку. Главная опасность подобных импровизаций в том, что, поддавшись настроению минуты, оратор может пропустить важную мысль или сформулировать ее недостаточно четко. Достоинство импровизации не менее значительно: она приучает самостоятельно мыслить и вырабатывает у оратора уверенность в себе.

Четвертый способ. Речь предварительно тщательно готовится, но без полной записи и заучивания текста, а затем воспроизводится. Предварительная работа предполагает написание детального конспекта. Конспект кодируется, а код переносится на карточки¹. Незаметно перебирая карточки и мельком взглянув на каждую из них, оратор произносит речь. Подготовка речей таким спо-

¹ Самый простой способ кодирования — выписать на карточки основные слова и фразы. Писать надо крупно. Прежде чем выступать с такой речью перед публикой, ее надо несколько раз проговорить. Речь подобного типа допускает изменения, в зависимости от условий.

собом приучает: 1) самостоятельно мыслить; 2) говорить с непри-
нужденной непосредственностью, присущей разговорной манере;
3) учитывать реакцию слушателей. Если речь готовится таким об-
разом, то есть текст не заучивается, то оратор, при необходимости,
сделает в ней нужные изменения, чтобы учесть неожиданности,
обнаружившиеся во время судебного следствия.

Мы говорили о чисто теоретическом делении видов речей. В
практической работе оратору обязательно приходится что-то вы-
учивать дословно, часть речи зачитывается (как правило, — это
ссылки на документы, статьи законов, процессуальные нормы и
т.д.). Если в процессе судебного разбирательства обнаруживаются
новые факты, то оратору приходится импровизировать. А когда у
него не будет хватать времени на написание всей речи, он окажется
перед необходимостью подготовить конспект или как-то
закодировать ту часть речи, которую он не успевает записать.

Итак, может оказаться, что даже в одной речи судебному оратору
придется использовать все четыре вида речей, однако вопрос о
том, как надо готовиться к выступлению, остается вопросом, кото-
рый активно обсуждается.

Вот, например, как понимал и что писал об этом С.А. Андреевский, один из известнейших адвокатов XIX столетия: «Что касается предварительной работы, то у нас все знаменитые защитники писали свои речи заранее или целиком, как Спасович, или в виде конспектов, или «оазисами», как говорил о себе Плевако, который, впрочем, в последнее время стал их писать целиком, ибо тотчас после прений передает полную рукопись в газеты»¹.

Возникает естественный вопрос: А можно ли написать речь так, чтобы никакие неожиданности не могли заставить оратора ничего в ней поменять? Андреевский считает, что можно. Надо только глубоко продумать главную идею защиты и строить речь таким образом,

¹ Андреевский С.А. Вместо предисловия. // Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века. С. 14.

чтобы, обобщив картину дела, оратор смог затронуть все важные и спорные места и дать ответы на все «самые щекотливые и тревожные вопросы»¹.

А вот мнение другого столь же авторитетного знатока судебного красноречия, который, в данном случае, говорит не только от своего имени, но ссылаясь на опыт и авторитет классиков: «Остерегайтесь импровизации. Отдавшись вдохновению, вы можете упустить существенное и даже важнейшее. Можете выставить неверное положение и дать козырь противнику. У вас не будет надлежащей уверенности в себе. Лучшего не будет в вашей речи. Импровизаторы, говорит Квинтилиан, хотят казаться умными перед дураками, но вместо того оказываются дураками перед умными людьми»².

«Люди знающие и требовательные и в древности и теперь утверждают, что речь судебного оратора должна быть написана от начала до конца. Спасович, Пассовер, Андреевский — это внушительные голоса, не говоря уже о Цицероне.

Но если это не всегда бывает возможно, то во всяком случае речь должна быть написана в виде подробного логического рассуждения; каждая отдельная часть этого рассуждения должна быть изложена в виде самостоятельного логического целого, и эти части соединены между собой в общее **неуязвимое** целое. Вы должны достигнуть этой неуязвимости, иначе вы не исполните своего долга»³.

Вопрос о том, могут ли неожиданности судебного следствия заставить оратора что-то изменить в речи, П. Сергеич рассматривал очень подробно. Вначале он высказывает мысль, являющуюся выражением его убеждений. С его точки зрения, внимательного и работающего оратора никакие неожиданности не могут застать врасплох. Такой оратор, если выступает как обвинитель, всегда продумает все возможные доводы защиты, а если является защитником, то хорошо

¹ Андреевский С.А. Указ. соч. С. 14.

² Сергеич П. Искусство речи на суде. С. 291.

³ Там же. С. 290.

представляет возможные аргументы обвинения. Предусмотрительный судебный оратор знает, что изменение показаний на суде — дело обычное, и потому готовит речь так, чтобы возможное или только вероятное изменение показаний не смогло поколебать его позиций.

Тем не менее П. Сергеич готов теоретически рассмотреть любые, даже самые невероятные неожиданности и выбирает для этого наиболее значимое для юриста дело, дело об убийстве. Как справедливо отмечает П. Сергеич, все неожиданности возникают во время судебного следствия. Неожиданности не выходят за рамки альтернатив: (1) предъявляются новые доказательства; (2) представляются недопрошенные свидетели; (3) свидетели или подсудимый изменяют показания, данные на предварительном следствии.

Для трудолюбивого оратора, полагает П. Сергеич, не может быть новых доказательств, которые базировались бы на известном ему материале. Оратор должен был все эти доказательства заранее обдумать, поскольку, готовясь к процессу, он думает не только за себя, но и за своего противника. Изменение или отказ от показаний, данных на предварительном следствии, как мы уже говорили, также можно заранее предвидеть. Остаются показания недопрошенных свидетелей. Эти показания могут свести на нет как работу прокурора, так и работу защитника.

Вначале скажем о неожиданностях, с которыми может столкнуться обвинение, а потом укажем на неожиданности, с которыми может столкнуться защита.

Самая большая из возможных неожиданность для прокурора — это явка на суд свидетеля, который заявит, что убил он, а не подсудимый. В этом случае, конечно, речь прокурора никому не будет нужна и пропадет. Но прокурору не придется ее говорить, так как дело будет отправлено на следствие. Труд прокурора пропадет, но честь его останется незапятнанной. Трудолюбивый и честный человек не будет думать, что в данном случае ему был нанесен действительный ущерб.

Обсуждаемая неожиданность может иметь варианты. Например, новый и, по-видимому, добросовестный свидетель подтверждает алиби подсудимого. В таком случае прокурор, если он верит свиде-

телю, должен отказаться от обвинения. Если не верит, он обязан самым тщательным образом разобрать все сказанное свидетелем. Однако эти показания могут не оказать никакого влияния на его речь. «Если будут сильные улики и будет с надлежащей силой сказана заготовленная речь, присяжные обойдут нового свидетеля в предположении, что он ошибался или лгал¹»,—пишет П. Сергеич.

Теперь о неожиданностях, подстерегающих защитника. В качестве отправной точки снова берется самое ответственное из всех возможных, дело об убийстве. Автор выразился коротко и убедительно: «Если человек, обвиняемый в убийстве, при слабых уликах, неожиданно сделает признание на суде, его защитнику придется забыть свою речь и только сказать присяжным, что такое признание есть доказательство нравственного просветления преступника, обязывающее их оказать ему снисхождение. Речь пропадет, но защита будет выполнена, как должно»².

Мы пересказали мнения двух влиятельнейших представителей русского судебного красноречия. Оба они, ссылаясь на авторитет и вековые традиции, утверждают одно и то же: речи надо писать от начала и до конца. Однако вопрос о том, **что надо записывать**, также имеет нюансы. Например, тот же П. Сергеич, не отказываясь от своих взглядов на данный предмет, признает за оратором право работать иначе, чем он сам. В качестве альтернативного метода он рассматривает систему подготовки к выступлению, предлагаемую известнейшим французским специалистом де Бетсом. По мнению последнего, письменная подготовка необходима, но писать надо не речь. Записать следует «строгий аналитический разбор дела». Де Бетс предполагал, что письменная работа поможет оратору собрать и закрепить в памяти все доводы, имеющие объективное значение, то есть доводы, вытекающие из документов, собранных в деле. Сама же речь на суде, по мнению де Бетса, должна стать импровиза-

¹ Сергеич П. Искусство речи на суде. С. 291.

² Там же. С. 290.

цией, в которой оратор учтет все неожиданности и изменения, обусловленные тем, что произошло на судебном следствии.

После того как оратор выбрал для себя манеру подготовки речи, он должен выяснить: что же необходимо ему запомнить.

На начальной стадии знакомства с материалами дела оратору надо запомнить действующих лиц, место, где развивались события; наиболее важные моменты, связанные с различной трактовкой случившегося; документы, подтверждающие, как все происходило, и документы, фиксирующие последствия случившегося. Уяснить себе и твердо запомнить надо все обстоятельства дела, не упуская ничего, ибо заранее нельзя сказать, что окажется важным, а что — не имеющим значения. Итак, здесь оратору необходима хорошая механическая память; и чем больше он сможет запомнить, тем лучше.

По мере того как оратор будет осваиваться с делом, которое станет предметом судебного разбирательства, события и их трактовка будут соединяться между собой не механически, а на основе каких-то последовательностей. Если события каким-то образом осмысливаются и соединяются между собой, то говорят о последовательной либо ассоциативной памяти, о памяти, увязывающей события с личными чувствами, и т.п.

Итак, принято различать два вида памяти: а) механическую и б) последовательную, или ассоциативную.

Специалисты полагают, что принципиально улучшить механическую память человек не может, но для того, чтобы она не слабела, ее следует постоянно тренировать. Улучшить можно лишь ассоциативную или последовательную память.

Готовясь выступить по делу, оратор никогда не использует только механическую память. Изучая материалы дела, он всегда ищет связи и стремится выявить отношения между фактами, даже если последние кажутся существующими сами по себе. Оратор может рассматривать, например, все, что ему известно, как «факты за себя», «факты за процессуального противника» и «нейтральные факты». Можно группировать сведения с точки зрения их важности

для понимания существа дела, силы выводимых из них доводов, композиционного места в собственной речи или в речи противника. Оратор должен уметь оценивать материалы дела и с точки зрения предполагаемой позиции суда. При этом, конечно, следует поискать те данные и факты, опираясь на которые можно сформулировать аргументы, способные позицию суда изменить.

Действуя так, оратор запоминает все уже не механически, а опираясь на те или иные последовательности. Практически все приемы подготовки речи, о которых говорилось в предыдущих разделах данной книги, позволяют выстроить самые разные виды таких последовательностей. Говоря иначе, добросовестно работая над речью, оратор запоминает все то, что ему нужно запомнить. В связи с этим некоторые специалисты по искусству красноречия не считали нужным говорить о запоминании специально. Так, например, М.В. Ломоносов, обладавший прекрасной памятью, в «Кратком руководстве по красноречию» об искусстве запоминания не упоминает. Не уделяли специального внимания вопросам запоминания и выдающиеся русские юристы конца XIX — начала XX века.

Тем не менее искусство запоминания возникает и совершенствуется вместе с развитием риторики. Это искусство, называемое **мнемоникой** или **мнемотехникой**, использует ассоциативную память.

Размеры пособия не позволяют рассмотреть вопрос о технике запоминания более подробно. Выскажем лишь то, что имеет первостепенное практическое значение. При подготовке речи надо придерживаться определенной последовательности в действиях. Начать следует с предварительной группировки документов и фактов, имеющихся в материалах дела. Отберите то, на что, по вашему мнению, станет опираться ваш процессуальный противник. Затем отбирайте документы и факты, подкрепляющие вашу точку зрения. Оцените (лучше письменно) значимость того, чем вы располагаете для доказательства собственного главного тезиса.

Теперь напишите, с чего начинаются разногласия, разъединяющие позиции процессуальных противников. Ищите и записывайте доводы, которые вы можете использовать для опровержения противника и для

доказательства собственного тезиса. Собрав доводы, необходимые для доказательства, пишите подробный конспект речи. Наиболее важные места его кодируются. Способ кодировки — выписывание на карточки основных (ключевых) слов и фраз.

Прежде чем выступать перед публикой, оратор несколько раз проговаривает наиболее сложные места речи перед зеркалом. При подготовке текста оратор обдумывает, отрабатывает и проверяет также собственную мимику и жестикуляцию.

РЕЗЮМЕ

Проблема запоминания для современного судебного оратора — это три важные задачи. Первая — надо быстро запомнить фактические данные и документы, связанные с разбираемым в суде делом. Вторая — надо хорошо помнить все риторические правила. Третья — необходимо подготовить и запомнить текст собственной речи. Добросовестно работая, оратор может решить все три задачи, не прибегая к специальным приемам запоминания. При этом речь может быть: 1) полностью написана и заучена наизусть; 2) написана полностью и прочитана по рукописи; 3) сказана экспромтом; 4) основные положения речи прорабатываются, но текст произносится без предварительной записи и заучивания. В практической работе (даже в речи по одному делу) возможно сочетание всех названных способов произнесения.

ТЕРМИНЫ

Механическая память

Ассоциативная память

УЧЕБНОЕ ЗАДАНИЕ

1. В § 1 главы IV излагалась стратегия подготовки речи в защиту О. Кадуева. Подготовьте самостоятельный конспект обвинительной речи по данному делу от лица прокурора. Закодируйте, а затем произнесите речь.

Список дополнительной литературы

1. Лисий. Защитительная речь по делу об убийстве Эратосфена. // Лисий. Речи. — М.: Ладомир, 1994. С. 47—54.
2. Цицерон М.Т. Речь в защиту поэта Авла Лициния Архия. // Марк Туллий Цицерон. Речи. В 2 т. Т. II. — М.: Наука, 1993. С. 33—42.
3. Андриевский С.А. Речь по делу Андреева. // Судебные речи знаменитых русских адвокатов. — М.: Гардарики, 1997.
4. Кони А.Ф. Речь по делу об убийстве иеромонаха Иллариона. // Ивакина Н.Н. Культура судебной речи. — М.: БЕК, 1995. С. 179—188.
5. Кони А.Ф. Речь по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем. // Ивакина Н.Н. Культура судебной речи. С. 188—202.
6. Плевако Ф.Н. Речь в защиту Кострубо-Карицкого. // Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века. — Тула: Автограф, 1997. С. 59—75.
7. Дроздов П.А. Речь в защиту Кадуева. // Ивакина Н.Н. Культура судебной речи. С. 228—237.
8. Кан Н.П. Речь в защиту Далмацкого. // Ивакина Н.Н. Культура судебной речи. С. 237—249.
9. Кисенишский И.М. Дело Давитая. (Недостоверность версии об умышленном убийстве.) // Кисенишский И.М. Судебные речи по уголовным делам (процессы, защита, законность) — М.: Творческое объединение «Подмосковье», 1991. С. 73—85.
10. Кисенишский И.М. Дело Г.Р. Гаджиевой (Жемчужное ожерелье). // Там же. С. 86—94.
11. Царев В.И. Обвинительная речь по делу братьев Кондраковых. // Ивакина Н.Н. Культура судебной речи. С. 277—291.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА I. УЧЕНИЕ О ПЕРИОДЕ	7
§ 1. Простой период	7
§ 2. Сложный период	22
§ 3. Хрия	64
ГЛАВА II. УКРАШЕНИЕ РЕЧИ	92
§ 1. Тропы	93
§ 2. Фигуры мысли	110
§ 3. Фигуры последовательностей	152
ГЛАВА III. ИЗОБРЕТЕНИЕ	163
§ 1. Работа над содержанием обычной речи.	169
§ 2. Композиция судебной речи	177
§ 3. Назначение композиционных частей судебной речи	186
ГЛАВА IV. РАСПОЛОЖЕНИЕ	270
§ 1. Принципы расположения	270
§ 2. Логические схемы	281
§ 3. Переходы	325
ГЛАВА V. ПРОИЗНЕСЕНИЕ И ЗАПОМИНАНИЕ	350
§ 1. Облик оратора	352
§ 2. Голос	368
§ 3. Дикция и орфоэпия	392
§ 4. Проблема запоминания	412
Список дополнительной литературы	422

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ПРАВУ

КОДЕКСЫ

СБОРНИКИ

СБОРНИКИ

• ПРОСПЕКТ •

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИИ
ФИНАНСЫ

ОТЧЕТНОСТЬ

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ПРАВУ

ФИЛОСОФИЯ

ОТЧЕТНОСТЬ

КОММЕНТАРИИ

ЗАКОНЫ

• ПРОСПЕКТ •

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ПРАВУ

СБОРНИКИ

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ПРАВУ

ИСТОРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ

ПСИХОЛОГИЯ

ЭКОНОМИКА
ФИНАНСЫ

КОММЕНТАРИИ

КОММЕНТАРИИ

ЗАКОНЫ

КОДЕКСЫ ЗАКОНЫ

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ПРАВУ

ОТЧЕТНОСТЬ

БУХГАЛТЕРСКИЙ

• ПРОСПЕКТ •

ИСТОРИЯ

КОДЕКСЫ

УЧЕТ

ЭКОНОМИКА ФИНАНСЫ

• ПРОСПЕКТ •

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ПРАВУ

КОММЕНТАРИИ

ФИЛОСОФИЯ
ПСИХОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСПЕКТ»
111020, Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4
(095) 967-1572
e-mail: mail@prospekt.org
www.prospekt.org

• ПРОСПЕКТ •

РИТОРИКА

УЧЕБНИК

Эта книга — учебник, но для тех, кто хочет чего-то добиться в жизни, она — увлекательный самоучитель. С ее помощью, без лишних усилий, каждый может овладеть искусством говорить просто, ясно и убедительно.

Назначение книги — научить осознанно использовать риторические приемы в различных ситуациях. Здесь рассмотрены все традиционные разделы ораторского искусства и все аспекты подготовки к выступлению. Части курса риторики изложены в доступной форме и иллюстрированы примерами. Каждый параграф учебника завершает резюме. Тут же даны практические задания, позволяющие творчески усваивать материал.

Для студентов юридических учебных заведений, юристов-практиков, а также желающих научиться говорить просто и убедительно.

• ПРОСПЕКТ •

Издательство «ПРОСПЕКТ»
111020, Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4
(095) 967-1572
e-mail: mail@prospekt.org
www.prospekt.org

